

**Жизнеописание в Бозе почившего
оптинского старца иеросхимонаха
Амвросия
схиархимандрит Агапит (Беловидов)**

Часть первая

О том, что мы видели и слышали, возвещаем вам. (1Ин.1:3)
Не в премудрости слова... (1Кор.1:17)

Предисловие

Первой и главной побудительной причиной к составлению предлагаемого жизнеописания Оптинского старца, батюшки иеросхимонаха Амвросия, послужил священный долг Оптинской обители сохранить благодарную память о своем родном дорогом старце и великом благодетеле, изливавшем милости свои не только на сожительствовавших с ним отцов и братьев, но и на других очень многих лиц, вдали от него живших. Во-вторых, желалось составить жизнеописание старца возможно полное, собрав разные о нём сведения, появлявшиеся в печати в разное время и в разных духовных журналах, а также и в рукописях, и устные о нём рассказы близких к нему лиц. Наконец, в третьих, хотелось представить сведения о жизни старца, тщательно проверенные, так как во всех, доселе вышедших жизнеописаниях его замечаются погрешности.

Источники к составлению жизнеописания старца Амвросия следующие:

1. Устные и письменные рассказы оптинских монахов, живших близко к старцу Амвросию, а также монахинь Шамординской общины и других женских монастырей и некоторых мирских лиц, всю душою ему преданных.

2. Скитская летопись в рукописи, хранящаяся в скитской библиотеке.

3. Некоторые сведения о старце Амвросии, извлеченные из архивов Оптинского монастыря и Тамбовской и Калужской духовных консисторий.

4. Письма Оптинского старца иеросхимонаха о. Амвросия, помещаемые в журнале «Душеполезное Чтение».

5. Сказание о жизни Оптинского старца, отца иеросхимонаха Амвросия, напечатанное в «Душеполезном Чтении» 1892 – 1894 г. архимандрита Григория (Борисоглебского).

6. *Поселянин Е.* Отец Амвросий // «Душеполезное Чтение», 1892 г.

7. Краткое сказание о жизни Оптинского старца иеросхимонаха о. Амвросия с приложением избранных его поучений. Брошюра. Издание Оптиной пустыни. Москва. 1893 г.

8. Иеросхимонах Амвросий, старец Оптиной пустыни. Издание Шамординской Казанской женской общины. Москва. 1892.

9. Тяжелая утрата. (Оптинский старец Амвросий). Ф.П. Ч-на. Брошюра, изданная в пользу Шамординской женской общины. Москва. 1892.

10. Мелкие статьи об Оптином старце Амвросии, печатавшиеся в разное время и в разных журналах.

Вследствие неточности некоторых сведений о старце Амвросии в поименованных его жезнеописаниях пришлось пользоваться ими при составлении предлагаемого жизнеописания с большой осторожностью.

Издаваемая теперь книга содержит в себе две части. В первой хотелось, так сказать, нарисовать портрет старца Амвросия, т.е. показать, как он, мало-помалу восходя от силы в силу в жизни духовной, достиг наконец *в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова*(Еф.4:13). Во второй же части – по возможности раскрыть его особенную заслугу, соделавшую его столь славным в наше слабое, маловерное, если не сказать более, время, т.е. его «старчествование», или руководство ко спасению душ, ищущих спасения, закончив последними его днями.

В сём нелегком для малоспособности автора порученном ему труде призывает он в помощь молитвы почившего о Господе описываемого старца Амвросия, а вместе – по его молитвам и благословение Божие.

Архимандрит Агапит

I. Рождение и воспитание Александра Михайловича Гренкова, впоследствии старца иеросхимонаха Амвросия

Мал бех в братии моей, и... Сам Господь... помаза мя елеем помазания Своего.

(Пс.151:1,4)

Старец иеросхимонах Амвросий родился 23-го ноября¹ 1812 года, в с. Большой Липовице Тамбовской губернии и того же уезда от пономаря Михаила Федоровича и жены его Марфы Николаевны Гренковых. Новорожденного назвали во святом крещении Александром, в честь благоверного великого князя Александра Невского, память которого прилась в самый день рождения младенца. И так как святой князь Александр Невский был тезоименитным духовным покровителем государя императора Александра Павловича², а незадолго пред тем был выгнан из русских пределов гордый Наполеон с своими безумно-разрушительными полчищами, то есть основание думать, что освободившаяся от оков своих Русь многострадальная праздновала теперь день святого, тезоименитного своему царю благословенному, с особенным торжеством. Этим только, кажется, и можно объяснить, что в день рождения младенца Александра, как рассказывал сам старец, среди крестьян с. Липовицы замечалось, как сейчас увидим, какое-то особенное праздничное движение.

Был в старину среди духовенства такой обычай: во многих приходах все члены причта церковного, или почти все, были ближайшие родственники. Так было в свое время и в Большой Липовице. Дед Александра Михайловича о. Феодор Гренков был священником, проходя вместе с тем и должность благочинного; а сын его Михаил причетником и со всем своим семейством жил в доме отца. Пред рождением Александра Михайловича, по случаю вышеупомянутого празднества, к священнику о. Феодору съехалось очень много гостей. Потому готовившейся быть матерью младенца неудобно было оставаться в доме, и она переведена была в баню, где и

разрешилась от бремени³. И так как, по случаю многолюдства, 23 ноября в доме о. Феодора была большая суматоха – и в доме был народ, и перед домом толпился народ, то мать даже запомнила, в какой день родился ее сын. Впоследствии, будучи уже в Оптиной иеросхимонахом, вспоминая об этом обстоятельстве своего рождения, старец⁴ шутливо приговаривал: «Как на людях я родился, так всё на людях и живу».

У причетника Михаила Феодоровича всех детей было восемь человек, четыре сына и четыре дочери. По времени рождения Александр Михайлович был шестой⁵.

В детстве Александр был очень бойкий, веселый и смелый мальчик. Он предан был детским забавам, так сказать, всем своим существом. Ими постоянно наполнялось его живое детское воображение, и потому в доме ему не сиделось. Поручала ему иногда мать покачать колыбель одного из младших детей своих. Мальчик обыкновенно садился за скучную для него работу, но лишь до тех пор, пока мать, занятая домашними делами, не упускала его из виду. Тогда осторожно пробирался он к окну, также осторожно открывал его, и мгновенно исчезал из виду недовольной матери, чтобы порезвиться с своими сверстниками. Рассказывал старец и еще о некоторых своих детских проказах: как он однажды полез было под крышу за голубями, но упал и ободрал себе спину; между тем никому из домашних не посмел сказать о сём, боясь еще и наказания за шалость. А в другой раз, несмотря на замечание матери, не переставал стегать у себя на дворе одну смиренную лошадку, которая, вышедши из терпения, поранила его в голову. Понятно, что за подобные поступки Александр не любим был в семье. К нему не имели особенного расположения ни дед, ни бабка, ни даже родная мать, которая более любила старшего своего сына Николая и младшего Петра.

Смелый Саша очень хорошо понимал свое неловкое положение среди не любившей его родной семьи, хотя, может быть, и не знал тому причины, а может быть, отчасти и знал, да не мог и не умел вести себя так, чтобы заслужить любовь старших членов семьи. Тем не менее по временам ему досадно

было, что его младший братишка пользуется, сравнительно с ним, особенною все семейной любовью. «Однажды, – так впоследствии передавал сам старец Амвросий, – очень раздосадованный этим, я решился отомстить брату. Зная, что дед мой не любит шума, и что если мы, дети, бывало расшумимся, то он всех нас без разбора, и правого и виноватого, отдерет за чуб, я, чтобы подвести своего братишку под тяжелую руку деда, раздражил его. Тот закричал, и выведенный из терпения дед отодрал и меня и его. А последнее-то мне и нужно было. Впрочем, мне и помимо деда, досталось за это порядком и от матери, и от бабки». Вообще за излишнюю резвость часто журили Александра и дед, и бабка, и мать.

Заметить нужно, что, передавая некоторым из посетителей обстоятельства своей детской жизни, смиренный старец приносил в то же время как бы всенародную исповедь в своих погрешностях, укоряя и осуждая себя перед слушателями, поэтому и начинал иногда свои рассказы так: «Покаюсь пред вами: делал я то и то», дескать – вот какой я великий грешник!

Но если посерьезнее взглянуть на дело, то окажется, что все детские забавы и проказы Александра Михайловича не имели для него особенно укоризненного значения. Это были просто порывы живого, слишком подвижного нрава ребенка, которому, как говорят, просто не сиделось на одном месте. Рожденный и воспитанный в строго благочестивой семье, где на все детские, даже невинные резвости Александра смотрели как на весьма значительные преступления и часто даже журили его за них, мальчик очень далек был от всего, растлевающего нравственность. Напротив, он воспитывался в строго религиозном направлении. Например: чтению его первоначально обучали в доме по славянскому букварю, Часослову и Псалтыри, так что в основание научного его воспитания полагались только одни святыя молитвы и Духом Божиим изреченные псалмы святого царепророка. Каждый праздник отец брал его с собою в церковь, где он вместе с родителем на клиросе читал и пел. А дома у него всегда были пред глазами эти скромные, иногда благоговейные, или по

крайней мере серьезные лица близких родных, от которых он никогда ничего худого не мог не только видеть, но даже и слышать, кроме, конечно, одних выговоров за его по видимому нескромность. О матери своей старец даже всегда говорил, что она была святой жизни. Самые забавы мальчика Александра с такими же простодушными детьми, как и он сам был, приносили ему не вред, а пользу, потому что избавляли его от уныния, от мрачной замкнутости в себе, которая могла привиться к нему вследствие постоянного пребывания среди тихо-серьезной семьи. О мести же Александра своему брату почти и не стоило бы упоминать, как о единственном случае его детской несдержанности. Кто без греха?

Время текло своей обычной неудержимой чредой, и уже давно настала пора родителям Александра позаботиться о его школьном образовании, которое почему-то несколько оттянулось. Мальчику минуло уже лет 12, когда родитель его включил в первый класс Тамбовского духовного училища. Бедность и неприглядность старой духовной школы, равно как и недостаточность в приемах преподавателей и в преподаваемых науках, не мешали даровитому мальчику хорошо заниматься своим делом⁶. По-прежнему он всегда был весел и любил детские игры, без упущения, впрочем, заданных ему уроков. Последнее еще объясняется и тем, что в те былые времена наставники духовных училищ обращались с воспитанниками очень строго.

Из училищной жизни Александра ничего особенно замечательного не известно. Передавал только старец по временам один рассказ о каком-то училищном портном, делавшем для мальчиков платье, что ласковое обращение последнего очень было ему по сердцу. «Когда я был мальчиком, – так говорил он, – был у нас общий портной. Я был высоконыйкий, и он меня всё Сашей звал; других же моих товарищей так ласково не называл. Признаюсь, меня это очень затрагивало». Случай в сущности, почти не имеющий значения, но для Саши, проведенного всё время юности среди не очень расположенной к нему семьи, и эта ласка портного была очень приятна. Не по этому ли отчасти поводу у покойного старца

сложилось что-то в роде поговорки: «От ласки у людей бывают совсем иные глазки».

В июле 1830 года Александр Гренков, как один из лучших учеников, назначен был к поступлению в Тамбовскую духовную семинарию. В семинарии, как и в училище, благодаря своим богатым способностям, он учился очень хорошо. Наука давалась ему легко. Сказывал его товарищ по семинарии⁷: «Тут, бывало, на последние копейки купишь свечку, твердишь, твердишь заданные уроки; он же (Гренков) и мало занимается, а придет в класс, станет наставнику отвечать – точно как по писанному, лучше всех.» Имея посему в своем распоряжении много свободного времени и обладая от природы веселым и живым нравом, он и в семинарии склонен был к увеселениям. Любимым развлечением Александра Михайловича было поговорить с товарищами, пошутить, посмеяться, так что он всегда был, так сказать, душою веселого общества молодых людей.

Трудно при этом себе представить, чтобы стремление молодого юноши к увеселениям, как и всей вообще семинарской молодежи, сдерживалось в пределах умеренности, если бы не было обуздываемо строгостью тогдашнего семинарского начальства. Покойный старец вспоминал о бывшем в его время семинарском ректоре, молодом архимандрите Иоанне, который и скончался в молодых летах в Тамбове, кажется от холеры. Человек был очень умный, дальновидный, благоразумно строгий и весьма искусный в обращении с наставниками и воспитанниками. Бывало, если узнает, что кто-либо из наставников опаздывает к классным занятиям, заранее придет в класс сам. «Где-же, – спросит, – наставник?» На ответ учеников: «Еще не приходил», – скажет: «Послать!» А сам ходит по классу. Придет наставник, как водится, несколько смущенный. Ректор, как будто нисколько не замечая его смущения, встретит его очень вежливо, также и скажет ему что-либо очень вежливое и приветливое и тотчас удалится из класса, давая наставнику разуместь, что час занятия настал.

С воспитанниками обращался он также тихо, не гневался, ни на кого не шумел и никому из них не делал худых отметок по поведению, а только придет, бывало, в класс и проговорит им такую, например, внушительную речь (говорил он несколько в нос): «Я знаю всех вас очень хорошо; знаю все ваши способности и все ваши наклонности. Я уже не буду обличать хороших учеников, а вот вам для примера из низших». Называет фамилию: такой-то! Тот встает. Ректор при всех начинает говорить: ты склонен к тому-то и к тому-то. Подымает другого ученика и ему говорит в обличение: а ты имеешь наклонность вот к чему и вот к чему. Потом прибавит: «Они товарищески сознаются вам». Действительно, обличаемые признавались, что ректор сказал сущую правду. После сего если какой воспитанник начнет лениться, или уроки перестанет готовить, или в класс не ходит, скажет ему только ректор: «Смотри! Обличу при всех!» – так откуда только прилежание бралось! Вообще этого о. ректора, по словам старца Амвросия, трепетали все, и наставники и ученики, а в числе последних, конечно, и молодой Гренков.

Уроки богословских наук Александр Михайлович слушал уже у другого ректора, архимандрита Адриана. Малый ростом, непредставительный собою, несколько даже прихрамывавший на одну ногу, этот о. ректор не имел той строгости и дальновидности, какими обладал его предместник. Зато молодой тамбовский владыка Арсений (впоследствии Киевский Митрополит) относился к воспитанникам семинарии очень строго. Сам ездил на экзамены и весьма внимательно испытывал их в знании преподаваемых наук. Случалось даже, что плохо отвечавших тут же без церемоний чем-нибудь и наказывал. Так, приехал он однажды на экзамен и начал, по обычаю, задавать вопросы по какому-то предмету ученикам, но, к великому его удивлению, ученики не отвечали. Расстроенный преосвященный начал было ставить их на колена. Между прочим, оказалось, что воспитанники тут вовсе были не виноваты. На вопрос преосвященного, почему ученики не отвечают, отец ректор стал извиняться, что они не успели повторить то, о чём спрашивал их владыка. «Так зачем же ты

выставил это в конспекте?» – грозно и бесцеремонно обратился преосвященный к бедному о. ректору и задал ему строгий выговор.

Можно из сказанного видеть, что всё время молодости, и дома, и в школе, Александром Михайловичем проведено было под строгостью, и даже можно сказать, под строгостью не простою, а весьма ощутимую. Но эта строгость была одной, может быть, из главных причин того, что Александр Михайлович Гренков в июле 1836 года счастливо окончил курс семинарских наук, со степенью студента, под № 7, при очень добром поведении, как значилось в его семинарском аттестате⁸.

Желательно теперь знать, к каким наукам, преподаваемым в его время в семинарии, Александр Михайлович имел особенное влечение. Основываясь на похвальных отметках по некоторым предметам в его аттестате, можно с достоверностью сказать, что любимым его занятием было изучение Святого Писания, богословских, исторических и словесных наук. Если же принять во внимание то начало, которое полагалось в основание его научного образования в детстве, то можно отчасти видеть из сего и причину, почему означенные науки были ближе других его сердцу.

Возымел было Александр Михайлович некогда еще охоту писать стихи. Так о сём рассказывал некогда сам старец окружавшим его слушателям: «Признаюсь вам: пробовал я раз писать стихи, полагая, что это легко. Выбрал хорошее местечко, где были долины и горы, и расположился там писать. Долго-долго сидел я и думал, что и как писать, да так ничего и не написал». Из сего каждый ясно может видеть, что Александр Михайлович совсем не знаком был с даром творчества, даже не был простым, заурядным стихотворцем. Имел только он обыкновение, будучи старцем, по временам в шутливом тоне говорить свои наставления слушателям в рифму, дабы, может быть по пословице⁹, грубая правда, в устах его, не казалась очень груба для чувствительных сердец. Но если он и не имел поэтического дара, то это нисколько не унижало и не унижает его достоинства, ибо не всякий умный человек непременно бывает и поэт. Не следует еще при сём упускать из внимания

того, что если старец, как выше было замечено, высказывал иногда слушателям свои недостатки и неисправности, то всё это было, во-первых, выражением его самоукорения и самоосуждения пред людьми, в особенности смотревшими на него как на человека святого. Для того он иногда и сравнивал себя в этом случае с каким-то бездарным Исихием, монахом Киево-Печерской лавры, о котором передается такой рассказ. Почувствовав влечение писать стихи, он вышел однажды, в тихую летнюю погоду, на берег Днепра и сразу же написал один стих: «Тече, тече Днепер тихий». Но после сего он долго-долго сидел и уже ничего не мог прибавить к написанному стиху, а только подписал: «Сии стихи писал отец Исихий».

Смиренный старец поневоле должен был пред своими почитателями как-нибудь укрываться, ибо одарен был в свое время от Всещедрого Господа такими высокими духовными дарованиями, пред которыми всякая мирская поэзия меркнет, как звездный ночной свет пред яркими лучами во всей красе блистающего и всеоживляющего солнца.

II. Причины, побудившие Александра Михайловича поступить в монастырь

Судьбы Твоя бездна многа.

(Пс.35:7)

Непререкаемая истина, что *начало мудрости – страх Господень* (Притч.1:7). Но нельзя не согласиться и с тем, что началом страха Божия бывает страх человеческий. Ибо если мы не наведем прежде бояться людей, которых видим, то как наведем бояться Бога, Которого не видим? Прилагая же эту истину к жизни описываемого Александра Михайловича, по необходимости должно прийти к такому заключению. Так как он всё время юности своей был под строгостью, направленной к его религиозно-нравственному воспитанию, или под страхом человеческим, то в сердце его, незаметно для него самого, печатлелись начатки страха Божия, который впоследствии давал направление всей его жизни.

Александру Михайловичу, как молодому общительному весельчаку, никогда и в голову не приходила мысль о монастыре. Так передавал о сём сам старец: «В монастырь я не думал никогда идти; впрочем другие – я и не знаю почему – предрекали мне, что я буду в монастыре». Почему же другие предрекали ему это? Не иначе как потому, что страх Божий, всаженный в его сердце, давал такое направление всем его поступкам, что всё его поведение, несмотря на веселый его характер, вовсе не похоже было на поведение других молодых людей, склонных к миролюбию. Не имеется в намерении делать по этому поводу разные предположения и догадки. За это ручается, прежде всего, прилежное, сравнительно с другими светскими науками, изучение Александром Михайловичем слова Божия, которое и само, *будучи живым и действенным* (Евр.4:12), еще более внедряло и укрепляло в сердце его страх Божий.

Продолжая повествование о себе, старец говорил: «Но вот раз я сделался сильно болен. Надежды на выздоровление было очень мало. Почти все отчаялись в моем выздоровлении; мало

надеялся на него и сам я. Послали за духовником. Он долго не ехал. Я сказал: прощай Божий свет! И тут же дал обещание Господу, что если Он меня воздвигнет здоровым от одра болезни, то я непременно пойду в монастырь». Но что за причина такого обета молодого человека, которому прежде в голову и мысль о монастыре не приходила? Страшно было проведенному время в беспечной веселости, по смерти, являться на суд Божий, определяющий грешников на вечное мучение. Следовательно, причина обета его идти в монастырь опять был страх Божий. Затем исполнение обета, т.е. поступление в монастырь, и вся последующая подвижническая жизнь что имела своей главной причиной? Страх Божий, который, в свою очередь, имел своим основным началом страх человеческий, т.е. до известного времени жизнь под строгостью.

За четыре года до поступления в монастырь, по словам самого старца, постигла его, как выше сказано, тяжкая болезнь, промыслительно направившая жизнь его к доброй цели. Следовательно, это было за год до окончания им семинарского курса; так как от окончания им курса до поступления в монастырь (от 1836 г. до 1839 г.) прошло только три года. Самое дело показывает, что Александр Михайлович, тотчас по выздоровлении, не имел возможности исполнить свой обет. Ему нужно было год доучиться до окончания курса. Иначе если бы он вздумал, для исполнения своего обета, уволиться из богословского класса, ему не дозволили бы сделать это ни его родители, ни семинарское начальство. Между тем целый год семинарской жизни, проведенный им в кругу веселого общества молодых товарищей, не мог не ослабить его ревности к монашеству; так что и по окончании семинарского курса он не сразу решился поступить в монастырь.

Теперь настало для Александра Михайловича время борьбы с самим собой – тяжелая борьба! Чувствовал он, что связал себя обетом пред Господом посвятить всю свою жизнь на служение Ему в чине иноческом; но заманчивая жизнь мирская, исполненная разнообразных чувственных удовольствий, тянула душу его к себе, как магнит железо. Известно, что борьба человека с самим собою длится и во всю

его жизнь. Но в подобных случаях, при перемене грехолюбивой мирской жизни на жизнь духовную, монашескую, исполненную многоразличных лишений и искушений, состоящую в распятии себя миру и сораспятии Христу, борьба эта есть, так сказать, генеральная битва, из которой человек выходит или победителем, или побежденным. Потому старец Амвросий, сообразуясь с наставлением преподобного Иоанна Лествичника¹⁰, всем, кто только чувствовал в сердце своем искреннее желание работать Господу в чине иноческом, или, что то же, ощущал в себе звание Божие к монашеству, советовал в миру не медлить – конечно, смотря по обстоятельствам.

Перед Александром Михайловичем, молодым студентом, только что вышедшим из семинарии, открыты и двери высшей духовной школы-академии; мог бы он отдаться и пастырской деятельности в должности приходского священника; но, связанный обетом, он уже не мог теперь вязать себя чем-либо иным. За лучшее он решился избрать для себя такое место, которое не могло бы стеснять его в случае его полной решимости оставить мирскую жизнь. Потому прежде всего он, по окончании курса семинарских наук, поступил в дом к одному помещику домашним учителем его детей. При воспоминании об этом старец между прочим высказывался, с какою благоразумною осторожностью относился он к своим хозяевам. «Бывало, – говорил он, – размолвят муж с женой и оба обращаются ко мне с жалобами друг на друга. Думаю себе – как тут быть? Они хоть и поразмолвили, а через час или два опять помирятся. А мне если хоть раз принять одну чью-либо сторону, нужно чрез это вооружить против себя другую. Так, бывало, слушаю только их жалобы, а сам посматриваю на них да молча улыбаюсь. Вскорости, конечно, хозяева мои примирились, и я был с ними в хороших отношениях». Временами Александр Михайлович был еще здесь свидетелем взаимных отношений гостей-разночинцев. Это, впрочем, не касалось его личности; однако имело для него значение в том отношении, что знакомило его с обществом людей, быт которых ему вовсе еще не был известен. Прибавлял к сему покойный старец, что в молодости, где бы он ни жил, всегда все, находившиеся в

ссорах, искали его совета и просили быть их примирителем. А это уже одно показывает, что, и при веселом своем характере, он имел в себе задатки жизни духовной.

Полтора года пробыл Александр Михайлович преподавателем частных уроков в означенном помещичьем доме. Но вот открылось свободное место наставника духовного училища в г. Липецке, и он, без сомнения вследствие предварительной просьбы, по определению семинарского начальства от 7 марта 1838 года, утвержден был в должности учителя первого класса училища и вскоре явился к месту своего назначения. Затем, вследствие выбывших один за другим двух наставников, переведен был во второй, и наконец – в низший класс¹¹ преподавателем греческого языка, вместе с соединенными с ним предметами¹².

К приезду Александра Михайловича в Липецк учителя духовного училища имели казенные квартиры. Для сего на училищном дворе¹³ было два деревянных корпуса – один, окрашенный в желтый цвет, стоял на дворянской улице, а другой – голубого цвета, был сзади училищного двора. В первом, по преданию, вместе с другими жил и Александр Михайлович. Примем еще к сведению, что одновременно с ним были наставниками в Липецком училище два товарища его по семинарии, студенты – вышеупомянутый Василий Федорович Светозаров и Павел Степанович Покровский. О последнем, впрочем, достоверно известно, что он в семинарии шел курсом вперед Александра Михайловича.

Имея от природы живой и веселый характер, Александр Михайлович очень увлекался мирскими увеселениями: любил пение и музыку и даже некоторое время, как впоследствии признавался, имел мысль поступить в военную службу. Впрочем, теперешняя жизнь Александра Михайловича, среди товарищей, других наставников, представляет его уже совсем в ином свете сравнительно с тем, каков он был в школе, когда юношеская жизнь его носила на себе отпечаток беспечной веселости. Сам старец, в откровенных разговорах с приближенными, давал понимать, как шло теперь его житье-бытье. По своей врожденной способности любил он и теперь

говорить и пошутить. Но так как шутливость эта нередко переходила границы; то, при вспоминании о данном им обете идти в монастырь, он всегда чувствовал угрызения совести, которые не давали ему покоя. А шутить и говорить приходилось часто и с товарищами наставниками, и в домах знакомых людей, приглашавших наставников в гости.

Говорят духовно опытные мужи, что поползновения людей, ищущих спасения, разжигают в них более и более ревность к богоугождению. Подобное было с Александром Михайловичем. В его жизни, теперь еще не окрепшей, не остановившейся на пути благочестия, поползновения следовали за поползновениями, раскаяния за раскаяниями, обещания исправиться за обещаниями. Между тем укоры совести время от времени давали себя чувствовать всё сильнее и сильнее. Так рисует сам старец свое тогдашнее положение: «После выздоровления я целых четыре года всё жался, не решался сразу покончить с миром, а продолжал по-прежнему посещать знакомых и не оставлял своей словоохотливости. Бывало, думаешь про себя: ну вот отныне буду молчать, не буду рассеиваться. А тут, глядишь, зазовет кто-нибудь к себе; ну, разумеется не выдержу и увлекусь разговорами. Но придешь домой – на душе непокойно; и подумаешь: ну теперь уже всё кончено навсегда – совсем перестану болтать. Смотришь, опять позвали в гости, и опять наболтаешь. И так вот я мучился целых четыре года».

Для облегчения этого мучения, происходившего от упреков совести, для успокоения этого неумолимого судии Александр Михайлович стал прибегать к усердной молитве. В ночное время, когда товарищи его наставники покоились уже на ложах своих, он становился пред иконою Царицы Небесной, именуемой «Тамбовской», – его родительским благословением, и долго-долго – незримо и неслышимо для людей – молитвенные вопли его сокрушенного сердца возносились к Пречистой и Преблагословенной Утешительнице скорбящих. Но исконный враг рода человеческого не дремал. Молитвенный подвиг Александра Михайловича не мог надолго оставаться незамеченным молодыми его товарищами. И вот, как всегда

бывает под влиянием вражим, молодежь, и вовремя и не вовремя, и у места и не у места, стала осыпать его разными колкими насмешками. В особенности донимал его один из них – Н. Принимая вид как будто самого близкого сердечного участия в Александре Михайловиче, он в присутствии посторонних людей, с серьезным, даже несколько слезливым выражением лица, со вздохом начнет, бывало говорить: «Ах, какое у нас горе большое!» Что такое, спросят. – «Да вот, Александр Михайлович очень умный человек, а сошел с ума. Да-да, с ума сошел, с ума сошел. Так жалко, так жалко бедного»... А сам всё вздыхает и чуть-чуть не плачет, так что посторонний незнакомый слушатель вполне мог принимать эту язвительную насмешку за сущую правду. Терпеть подобные колкости Александру Михайловичу почти было невмочь; однако поневоле нужно было терпеть. Чтобы избежать насмешек своих товарищей наставников, он стал для молитвы уходить на чердак, но и об этом узнали. Тогда ему нужно было изыскивать для сего более удобные места и время, но теперь укрыться где-либо уже было трудно¹⁴.

Вблизи г. Липецка, по ту сторону реки Воронежа, виднеется и теперь огромный, наподобие оптипского, казенный лес. Туда нередко, в свободное от занятия время, любил Александр Михайлович уходить для уединенной прогулки и, вероятно, для богомыслия. Раз в такую прогулку он случайно подошел к протекавшему ручейку и стал прислушиваться к его журчанию. «Хвалите Бога! Храните Бога!» – ясно слышались ему слова как будто выговаривающего ручейка. «Долго стоял я, – говорил при воспоминании о сём старец Амвросий, – слушал этот таинственный голос природы и очень удивлялся сему».

Так проводил Александр Михайлович свою жизнь в Липецке, живя вместе с другими наставниками. Отношения же его к детям-школьникам не представляют ничего особенного. По рассказам жившего с ним в то время товарища, Павла Степановича Покровского, он как сам всю свою молодость провел под строгостью, так и с детьми обращался строго и не любил потакать ленивым и шалунам.

Самые обстоятельства, в которые теперь поставлен был Александр Михайлович, показывают, что развязка его с миром не могла быть отсрочена им на долгое время. Если бы он был от мира, мир бы свое любил, по слову Спасителя, но так как он, по своим понятиям и поступкам, уже отрешался от мира, то и мир стал теперь ненавидеть его и своими колкими насмешками, так сказать, гнать его от себя вон.

Проходило лето 1839 года. Вот уже половина июля. Экзамены в духовном училище кончились, и школьники мальчики разбрелись по своим родительским домам для летнего отдыха, который в прежние времена продолжался полтора месяца. Два молодых наставника, Александр Михайлович и Павел Степанович, как свободные от обязанности училищной службы, согласились проехаться в это время в село Сланское Лебедянского уезда, к родителям последнего. Цель их была та, чтобы из Сланского побывать у Троекуровского затворника о. Илариона – испросить у него совета и благословения на дальнейшее свое жительство, так как Троекурово от Сланского находится всего в 30 верстах. Приехали. Добрейший и любвеобильнейший родитель Павла Степановича, священник о. Стефан Федотович, принял Александра Михайловича с той же родительской любовью и радостью, как и родного своего сына Павла Степановича. Здесь, отдохнувши немного, молодые люди решились совершить прогулку в Троекурово пешком, тем паче что пора была рабочая, и потому очень трудно было достать где-либо лошадь с кучером. Путь их пролегал чрез село Сезеново (в 7 верстах от Сланского), где в то время подвизался в затворе другой угодник Божий Иван Иванович Сезеновский¹⁵. Прибывши в это село, наши путешественники пожелали было увидеть сего затворника и с этою целью подошли к его уединенной келье. То был небольшой двухэтажный каменный домик в виде столба, кругом обсаженный деревьями, которые посадил боголюбец сей своими руками, при помощи некоторых преданных ему людей, вблизи храма Божия. Прошедши семь верст под знойными лучами летнего солнца, непривычные к далеким переходам, молодые люди ощутили некоторую усталость. Павел

Степанович искал даже глазами местечка, где бы приотдохнуть. По счастью, к келье затворника примыкала длинная лавка, на одном конце которой уже сидела какая-то старушка, опершись палкою о землю. Как после оказалось, это была послушница затворника Дарья Дмитриевна Кутукова, впоследствии мудрая старица, храмостроительница и основательница Сезеновского женского монастыря. Не долго думая, Павел Степанович присел на другом конце лавки. Дотоле спокойно сидевшая женщина, придерживавшаяся в свое время несколько юродства, как вскочит; подбежала к нему, затопала ногами и грозно зашумела на него своим громким голосом: «Как ты смел сесть рядом с женой?» А сама палкой так и тычет ему в глаза – чуть-чуть не заденет по лицу. Сильно оскорбился Павел Степанович на эту женщину и говорит своему спутнику: «Пойдем отсюда, Александр Михайлович; какие тут живут святые»!..¹⁶ Но Александр Михайлович, как уже ощущавший в сердце своем звание Божие к иной лучшей жизни в святой обители иноков, смиренно стоял перед ними, и товарища своего упрасивал подождать, и послушницу умолял доложить о них затворнику. Однако им не удалось видеть сего святого мужа. С уверенностью можно полагать, что он прозревал духом их главную цель – идти собственно к Троекуровскому затворнику о. Илариону, к которому и сам он в свое время относился как к старцу за духовными советами, а потому и не принял их.

Продолжая путь чрез город Лебедянь, Александр Михайлович с Павлом Степановичем добрались наконец и до Троекурова. Здесь оба они отечески приняты были о. Иларионом, который после обычных для него вместе с посетителями трех великих поклонов пред святыми иконами тихо обратился к ним с кроткой улыбкой, желая узнать о цели их посещения. Когда же путники объяснили, старец ответил каждому из них, сообразуясь с их сердечным расположением. Александру Михайловичу положительно сказал: «Иди в Оптину», – прибавив к сему знаменательные слова: «Ты там нужен»¹⁷. А Павел Степанович, как еще не имевший особенного предрасположения идти в монастырь, сам высказался пред старцем: «А мне бы еще не хотелось, батюшка, идти в

монастырь». Отец Иларион отечески снисходительно ответил ему: «Ну что ж, Павел, ну поживи еще в миру», давая сим разуместь, что Всеблагий Промысл Божий и ему указывает тот же путь иноческой жизни, как и Александру Михайловичу, только не в одно с ним время.

Тут же Александру Михайловичу, скажем к случаю, неожиданно пришлось увидеться со своим бывшим товарищем по семинарии, священником села Губина, о. Никандром Андреевым, имевшим особенную любовь и почтение к старцу Илариону и потому часто посещавшим его. Рассказывал про это сам о. Никандр, что, выходя однажды от старца, он увидел невдалеке от его кельи двух молодых людей, сидевших на бревнах. Подойдя ближе, он в одном из них узнал Александра Михайловича. После взаимных приветствий и расспросов Александр Михайлович объяснил о. Никандру и причину своего прихода к о. Илариону, и его старческий совет поступить в монашество в Оптину пустынь. Но это неожиданное приятное свидание бывших товарищей тем и закончилось.

Исполнив таким образом свое заветное сердечное желание – побывать у старца Илариона, наши путешественники вернулись в Сланское; и так как времени до первого учебного месяца сентября было еще много, то они вздумали проехаться в Троице-Сергиеву Лавру, для поклонения мощам преподобного Сергия Радонежского чудотворца. Начались сборы. Александр Михайлович преимущественно заботился об удобствах помещения. Он своими руками гнул из молодых деревьев дуги, прикреплял их к задней части простой деревенской телеги и укрывал их войлоком и рогожами, чтобы иметь надежную защиту от дождя и солнечного зноя. Выйдет, бывало, к нему Павел Степанович, посмотрит на его работу и скажет: «Что ты делаешь, Александр Михайлович?!» А он ему только ответит: «Э, не мешай, брат, пожалуйста, не твое дело». Таким образом, в недолгое время из рук Александра Михайловича вышла покойная русская кибитка. Несмотря на рабочую пору, на самый, так сказать, разгар полевой работы, когда лошади до чрезвычайности хозяевам бывают нужны, Степан Федотович, сам занимавшийся хлебопашеством, не только не стал

удерживать от сего душеполезного путешествия молодых людей, но с любовью дал им собственную лошадь. А обязанность кучера принял на себя крестьянин села Сланского, Иван Иванович Сорокин, живший некоторое время при Липецком духовном училище в качестве прислуги и теперь бывший человеком свободным. Настал час отъезда. Помолившись Богу, молодые люди сели в кибитку и тронулись в дорогу, напутствуемые благословением и молитвою добрейшего Степана Федотовича.

Так как путникам нашим нужно было проехать до Троице-Сергиевой лавры верст триста с лишком, то на одной лошадке им в один только конец пришлось пропутешествовать с неделю. Но вот, слава Богу, добрались. Здесь, в обители великого угодника Божия преподобного Сергия, при воспоминании о высоте его великих подвигов и трудов, при виде его нетленных благоухающих мощей, как знамения особенного присутствия в них благодати Божией, сердце Александра Михайловича, возгораемое тою же благодатию Святого Духа, и само располагалось последовать примеру угодника Божия в трудах и подвигах пустынного жительства. Александр Михайлович сразу стал не в меру даже щедр: все почти свои деньжонки, необходимые для обратного пути, пораздал бедным; а бедняки, почуяв его щедрость, наперерыв лезли к нему, прося подать Христа ради. Не имея же, чем их удовлетворить, он стал просить у Покровского денег взаймы, обещая отдать ему при первой возможности. А откуда могла взяться эта возможность? Жалованье наставническое было в то время скудное, так что могло удовлетворять потребности разве только тех одних, кто с большой аккуратностью вел свои расходы. Потому Павел Степанович и его уговаривал не быть чересчур щедрым и в просьбе наотрез отказал ему, сказав, что у самого денег нет. Благодаря этой расчетливости Павла Степановича лаврские богомольцы без нужды и благополучно возвратились в Сланское, а оттуда вскорости и в Липецк к своей наставнической обязанности.

Принимая во внимание теперешние обстоятельства Александра Михайловича и его душевное благонастроение,

можно бы, казалось, с уверенностью сказать, что уже настало для него теперь время благоприятное развязаться с миром. Однако нет. Александр Михайлович, по собственному его выражению, всё еще жался и с миром не расставался. Какая же сему была причина? Отчасти отговаривал его товарищ Покровский, как и сам остававшийся в миру на неопределенное время, отчасти же, без сомнения, и собственные Александра Михайловича помыслы, под влиянием духа-искусителя, служили для него препинанием: «Еще молод, в монастырь всегда можно поступить; и в миру люди живут благочестиво, болтать теперь уже отнюдь не буду», и подобное. Неизвестно, доколе могла бы продлиться такая нерешительность Александра Михайловича, если бы не постигло его, по козням вражиим, обычное искушение, которое Господь Своим дивным Промыслом обратил к его душевной пользе – к конечной развязке с миром. Дело было так. В конце сентября кто-то из близких к Александру Михайловичу знакомых граждан г. Липецка пригласил его с другими наставниками училища на вечер. Пришли. За скромным угощением начались, по обычаю, разговоры. Александр Михайлович увлекся. Он так был весел и так смешил всех, и гостей и хозяев, как едва ли когда-либо прежде. Это просто было искушение, попущенное ему Богом для того, чтобы он воочию увидел и осязательно уразумел, что нельзя, никоим образом невозможно в одно и то же время работать двум господам – Богу и мамоне, что для жаждущей спасения души необходимо всем сердцем возлюбить единого Бога, а мир¹⁸ возненавидеть; не просто только отклоняться от мира, отстраняться, а возненавидеть совершенную ненавистью. Вечер между тем кончился. Все были веселы и довольны. Гости, распростившись с хозяевами, ушли восвояси на покой. Неизвестно, как провел эту ночь Александр Михайлович. По соображению только можно заключать, что ночь эта была для него тревожная. Если и прежде в подобных случаях он чувствовал укоры совести, то что же было теперь? Всё бывшее, без сомнения, живо представилось его воображению: и обет, данный Богу идти в монахи, и определение Божие, переданное ему чрез старца Илариона, и его частые и долгие молитвы,

сердечные вздыхания и слезы, и недавнее лаврское богомоление, и это трепетное горение духа его на месте вышеестественных подвигов великого Сергия; и после всего этого такое неожиданное и весьма нежелательное поползновение – измена Богу... Горько! Так, по замечанию глубокого жизневеда, затворника епископа Феофана, добрые расположения в начале только что предпринятого доброго жития бывают ненадежны, шатки, изменчивы¹⁹.

На другой же день, при первом свидании с Покровским Александр Михайлович в секретном с ним разговоре сказал: «Уеду в Оптину». Тот стал было его уговаривать: как же ты поедешь? Ведь только начались уроки – не отпустят. «Ну, что делать? – продолжал Александр Михайлович. – Не могу больше жить в миру; уеду тайно, только ты об этом никому не говори». И вот в скорости в Липецком духовном училище случилось весьма странное событие, наделавшее в свое время много шума: наставник Гренков пропал. Смотрителем училища в то время был священник соборной церкви (впоследствии протоиерей) Филипп Евфимович Кастальский, весьма добрый человек с академическим образованием, товарищ по академии бывшему в то время епископу Тамбовскому, преосвященному Арсению. Этим неожиданным случаем он поставлен был в весьма неловкое положение. Нужно было донести о сём семинарскому начальству, но и жалко было Александра Михайловича, и за себя опасался, как бы не получить от начальства неприятности за то, что слабо управляет подчиненными. Так он и решился молчать, пока разъяснится дело. Между тем Александр Михайлович, вырвавшись из тенет мирских, с верою в Господа Спасителя, призывающего всех скорбящих и обремененных к небесному вечному покою, без паспорта, с одним семинарским аттестатом, смиренно, на простой деревенской тележке, с прежним кучером Сорокиным²⁰, поспешал к тихому пристанищу, к богоспасаемой Козельской Введенской Оптиной пустыни в Калужской епархии²¹. Таким образом на нём исполнились слова духоносного Певца Давида: *Егда падет, не разбьется, яко Господь подкрепляет руку его* (Пс.36, 24).

III. Оптиная пустынь к приезду Александра Михайловича, его приезд и определение в монастыре в число братства

Се удалихся бегая, и водворихся в пустыни.
(Пс.54, 8)

Прежде чем продолжать повествование о дальнейшей участи нашего счастливого странника, так быстро и решительно, при помощи Божией, покончившего с миром, бросим беглый взгляд на состояние Оптиной пустыни, в котором она находилась к его приезду. Впрочем, здесь нет намерения касаться ее внешнего благосостояния; так как и Александр Михайлович, поступая в монастырь, гнался не за внешним блеском. Итак, что же это за Оптиная пустынь была? Что за место, на которое указал ему, Духом Божиим вразумленный, старец затворник о. Иларион Троекуровский? Это место в то время было обиталищем таких великих подвижников, при виде которых в душах благочестивых посетителей воскресала память о древнейших временах монашества. И поистине время то для Оптиной пустыни можно назвать самым блестящим периодом развития в ее насельниках жизни духовной. Вот краткие сведения о некоторых из них.

Настоятель, игумен Моисей (Путилов), был мудрый правитель обители, образец смирения и терпения в молитвах и трудах иноческих для всей братии. Вместе с тем он был крайне нищелюбив и щедролюбив. Бедным, обращавшимся к нему за помощью, у него отказа не бывало. С рабочими людьми никогда о цене не торговался, хотя бы они и не всегда добросовестно работали: «Ведь подаем же, – скажет, – милостыню; так это та же милостыня». Нестяжательность его была изумительная. Он, так сказать, сорил деньгами, так что иногда у него буквально не оставалось ни копейки. Так и звали его все: «гонитель денег». Случалось иногда так: придут к нему рабочие за расчетом, а он, не имея денег, вынесет свою сумку и, потрясая перед ними верху дном, скажет: ну вот смотрите, нет ничего. И все безусловно ему верили и безропотно ждали, когда будут деньги.

Иеросхимонах Лев (Леонид) – первый и главный насадитель старчества²² в Оптиной пустыни, по распоряжению епархиального начальства переведенный в 1836 году из скита в монастырь и живший там до самой блаженной своей кончины, последовавшей 11 октября 1841 года²³. Старец-наставник, высокой опытности духовной, муж святой жизни, прозорливец. Имел особенный дар от Господа напоминать грехи забвения людям, имевшим к нему духовное отношение, как сказывал впоследствии старец иеросхимонах Амвросий.

Доживавший последние годы жизни, замечательный старец архимандрит Мельхиседек, достаивавшийся в свое время беседы с святым угодником Божиим, святителем Тихоном Задонским, променявший свое видное положение на смиренную пустынную келью и за свою богоугодную жизнь удостоившийся блаженной кончины (в 1841 году).

Флотский иеромонах Геннадий, своим благороднейшим поведением, ревностным и благоговейным исполнением своей должности заслуживший искреннее почтение военных чинов, удостоившийся быть дважды в качестве духовника императора Александра Благословенного, отличавшийся особенным добродушием ко всем и ласковостью, чрез что заслуживший общую любовь всего братства.

Иеромонах Мефодий, терпеливый страдалец, вследствие паралича лишившийся употребления языка и более 20 лет лежавший в одре в расслаблении, с великим смирением и благодарением Господу несший тяжелый крест сей; имел дар прозорливости.

Иеродиакон Палладий, нестяжатель, строгий блюститель подвижнических правил, образцовый знаток церковного чиноположения, созерцатель, на все в природе видимой смотревший с духовной стороны.

Начальник скита иеромонах Антоний²⁴, родной брат игумена Моисея, отличавшийся особенной кротостью и смирением, беспрекословным послушанием и беззаветной преданностью своему духовному отцу и брату по плоти, игумену Моисею; великий труженик и молитвенник и терпеливый страдалец, имевший на ногах более 30 лет ужасные раны и при всём том

не оставлявший тяжелых трудов телесных и служб церковных до последней возможности; прозорливец.

Иеросхимонах Макарий (Иванов), старец-наставник высокой опытности духовной, сподвижник и собеседник старца иеросхимонаха Льва (Леонида), а по глубокому смирению считавший себя его учеником, ангел во плоти, поистине святой человек. Сам старец Леонид имел обыкновение иногда говорить так; «Моисей (настоятель) и Антоний великие люди, а Макарий СВЯТ».

Бывший Валаамский игумен Варлаам, уединенник, молитвенник, изливавший обильные слезы, что доказывали веки его глаз, опухшие и лишенные ресниц; крайний нестяжатель. У него в келье положительно ничего не было кроме щепок, и дверь кельи никогда не запиралась. Раз в корпус, где была его келья, во время утрени забрались воры и кое-что унесли у его соседей. «А вас, батюшка, – спросил брат сосед, – воры обокрали?» «Чего же красть-то? Щепки, что ли? – отвечал старец, улыбаясь. – Так я еще натаascaю».

Иеросхимонах Иоанн – из раскольников, по собственному убеждению обратившийся к Православию вследствие прилежного чтения Святого Писания и усердной молитвы, отличавшийся нестяжательностью, детской простотой, совершенным незлобием и искренним сочувствием к просившим у него советов братьям, чрез что заслуживший всеобщую любовь братий.

Иеромонах Иннокентий (в схиме Иов), духовный отец великого старца иеросхимонаха Макария, труженик, любитель безмолвия, в продолжение 18-летнего пребывания своего в скиту никогда ни с кем не вступавший в праздные разговоры и вообще устранявшийся бесед и только пред самой кончиной своей отворивший дверь своей кельи для всех желавших получить от него назидание.

Схимник Вассиан, нестяжатель, неутомимый труженик, молитвенник и изумительный постник. При всегдашнем крайнем воздержании в употреблении суровой пищи, он в первую и Страстную седмицы каждой святой Четыредесятницы ничего не вкушал; а в 1818 году поревновал провести два поста –

Рождественский и Великий – строжайше, по 40 дней не принимая никакой пищи²⁵.

А сколько еще было в монастыре и скиту ревнителей иноческих подвигов! Да и все вообще братия Оптиной пустыни, руководимые такими опытными духовными вождями, как старцы Леонид и Макарий, носили на себе отпечаток евангельских добродетелей, которые внушались им старцами и словом и примером. Все от старцев до послушников связаны были союзом взаимной любви – искренней, святой. – Простота²⁶ (нелукавство), кротость и смирение были по преимуществу отличительными признаками оптинского братства. Сами Оптинские старцы смиренные главнейшим образом старались насаждать и укоренять в душах новоначальных иноков эту боголюбезную добродетель, без которой спасение невозможно; как сказал о сём великий светильник Церкви святой Златоуст: «Без смиренномудрия невозможно, совершенно невозможно спастись. Хотя бы ты постился, хотя бы молился, хотя бы творил милостыню, всё это без смиренномудрия будет богопротивно; тогда как, напротив, всё сие вожделенно, всё любезно, всё спасительно, если будет притом смиренномудрие»²⁷. Наставляемые старцами, младшие братия всевозможно старались смиряться не только пред старшими, но и пред равными, боясь даже взглядом оскорбить один другого и при малейшем оскорблении немедленно испрашивая друг у друга прощение.

По внешности же Оптина пустынь не отличалась богатством, особенно в описываемое время. Отличалась она только своим безмолвным местоположением среди огромного густого бора, удаленным от мирского шума.

Итак, вот в какой вертоград духовный поспешал наставляемый Промыслом Божиим Александр Михайлович. Здесь, среди давно уже цветущих во всём великолепии кринов духовных, должна была быть насаждена и юная леторасль – новая душа, ищущая спасения, дабы при исходищах вод благодатных, в обилии истекавших из уст богомудрых старцев, возрастать и укрепляться в жизни духовной и дать плод сторичный во время свое.

8 Октября 1839 года. День воскресный. В Оптиной пустыни отправлялась поздняя Божественная Литургия. По Белевской песчаной дороге, пролегающей среди вековых сосен и елей, далеко раскинувших свои могучие зеленые ветви, медленно подвигалась, по направлению к Оптиной пустыни, знакомая нам тележка с Александром Михайловичем во главе. Густой бор долго заслонял от очей его предмет сердечных его желаний и исканий, так что, только уже подъехавши к самому монастырю, он мог увидеть его. Но вот он уже въехал на гостинный двор и остановился в гостинице.

Когда старец Иларион благословлял Александра Михайловича поступить в Оптину пустынь, то советовал ему предварительно сходить или съездить туда, чтобы ознакомиться с этою обителью, и потому Александр Михайлович имел в мысли съездить туда дня на два. «Но, приехавши, – так впоследствии рассказывал старец Амвросий, – я ничего не мог в два дня узнать и понять. Пришел к старцу Льву. Вижу, сидит он на кровати, сам тучный, и всё шутит и смеется с окружающим его народом. Мне это на первый раз не понравилось. Потом пошел я к отцу игумену Моисею. Он спросил меня, понравился ли мне старец. Я сказал, что народу около него много, а что старец не понравился – это скрыл. В другой раз, вижу я, идет к старцу Льву скитский иеросхимонах отец Иоанн в схиме. Его только что постригли в схиму. Лицо у него ангелоподобное. Он очень мне понравился, и я пошел за ним. Пришедши к старцу, схимник поклонился ему в ноги. Я смотрю. Отец Иоанн начал говорить: «Вот, батюшка, я сшил себе новый подрясник, благословите его носить?» Старец Лев отвечал: «Разве так делают? Прежде благословляются сшить, а потом носить. Теперь же, когда сшил, так уж и носи, не рубить же его.» Тут я понял, – продолжал старец Амвросий, – в чём дело, (т.е. что монашество состоит главным образом в отсечении своей воли). С тех пор я полюбил старца Льва»²⁸. Объяснив ему обстоятельства своей жизни и теперешнее свое положение, Александр Михайлович изъявил ему и желание вступить в число братства Оптиной пустыни. С истинно христианскою любовью принял старец Лев нового пришельца, одобряя и

благословляя его доброе намерение служить Господу в лике иноков и ободряя дух его надеждою на помощь и милосердие Божие в деле сём. По его благословению Александр Михайлович отпустил своего кучера в обратный путь и остался навсегда в Оптиной. Но предварительно ему благословлено было, пока устроятся его обстоятельства, погостить на монастырском гостинном дворе. Для сего он занял небольшой номерок во втором этаже одной из монастырских гостиниц. Корпус на север от монастыря, при въезде в ворота, с левой стороны по счету второй, а в то время был первый и двухэтажный²⁹.

Расположившись в этом, более чем скромном помещении, Александр Михайлович ходил к службам Божиим, ежедневно посещал старца Льва, по его благословению, для откровения помыслов, и присматривался к монастырской жизни. А для келейного занятия, чтобы не было скучно, ему поручено было переписывать рукопись под названием: «Грешных спасение» – перевод с новогреческого. Общее содержание ее о борьбе со страстями³⁰. Переписывание этой рукописи, служа для него трудом телесным и развлечением, не могло в то же время не доставлять ему и пользы душевной, ибо знакомило его с превосходной наукой духовной жизни, по выражению святого Симеона Нового Богослова, с наукой наук и искусством искусств.

Между тем о местопребывании Александра Михайловича узнал по слуху (вероятнее всего от наставника Покровского) смотритель Липецкого училища Ефимович, который, прождав целый месяц и не получая ни от кого и ниоткуда верного известия об отсутствующем наставнике, решился в начале ноября послать оптинскому отцу настоятелю формальное отношение, в котором просил уведомить его, если наставник Липецкого училища Александр Гренков действительно проживает в Оптиной пустыни³¹.

Узнавши о сём от настоятеля отца Моисея, Александр Михайлович спросил старца Льва и вместе старца Макария, который ежедневно приходил в монастырь к отцу Льву, ехать ли ему на родину для получения отставки и окончания своих дел.

Оба старца решительно отсоветовали ему эту поездку, сказав, что дело это они берут на себя³². А вместо сего, без сомнения по благословению тех же старцев, Александр Михайлович послал лично от себя Филиппу Ефимовичу письмо, в котором подтверждал дошедший до него слух о своем теперешнем местопребывании, просил у него прощения в том, что тайно уехал из Липецка, чем доставил ему беспокойство, и в заключение просил его, не сомневаясь, донести семинарскому начальству о самовольной своей отлучке в чужую епархию³³. Получивши от Александра Михайловича письмо такого содержания, смотритель очень был обрадован открытием тайны неожиданного его исчезновения из Липецка, а еще и тем, что исход этого неприятного для начальника дела принял для последнего благоприятный оборот. Теперь ждать долее было нечего, и Филипп Ефимович донес о самовольной отлучке наставника Гренкова семинарскому начальству.

Одновременно с письмом к смотрителю училища послано было Александром Михайловичем прошение к преосвященному Тамбовскому, епископу Арсению. Проситель писал, что в сентябре 1839 года якобы возродилось в нём желание поклониться мощам преподобного Сергия, в надежде в скором времени возвратиться к своей обязанности. Потому и отправился он в путь без дозволения начальства с одним семинарским аттестатом. Заехав же предварительно в Оптину пустынь, заболел, так что не в состоянии был ни продолжать путь далее, ни возвратиться в Липецк, а потому просил дозволения у оптинского отца игумена Моисея пребыть в сей обители до выздоровления. Не зная о занимаемой им должности, отец игумен дозволил. По усилившейся же болезни теперь он, Гренков, чувствует себя совсем неспособным к учительской должности и уже намерен поступить в монашество. А потому просит владыку простить ему его проступок и, уволив от учительской должности, выдать ему билет на шесть месяцев, с коим, при слабом здоровье, он мог бы себя испытать в иноческой жизни.

Прошение это, в котором Александр Михайлович сознавался в самовольной отлучке из училища, произвело на

преосвященного, именно вследствие его самоволия, неприятное впечатление. И вот вместо высылки ему шестимесячного билета последовала по этому делу такая резолюция тамбовского владыки: «Отнестись в Калужскую духовную консисторию и, объявив, что Тамбовское епархиальное начальство не находит с своей стороны препятствия к увольнению учителя низшего класса Липецкого духовного училища Александра Гренкова в Калужскую епархию, для поступления в Оптину пустынь, по его желанию, просить уведомления, согласно ли Калужское епархиальное начальство на принятие его в свою епархию. Для чего препроводить в Калужскую консисторию послужной список его»³⁴.

Между тем Александр Михайлович, поживши еще несколько времени на гостинице, по благословению старца Льва перешел в монастырь, не одеваясь в монашеское платье. Это было в первых числах января 1840 года³⁵.

Вследствие же означенного распоряжения владыки Арсения и сношения Тамбовской консистории с Калужской получен был из последней в Оптиной пустыни указ от 7 марта 1840 года с требованием от настоятеля оной, игумена Моисея, согласия на принятие в обитель учителя Гренкова³⁶. Тогда отец игумен, пригласив к себе Александра Михайловича, спросил: «Намерены ли вы у нас остаться совсем и быть приуказанным?» Когда же последний возразил, что желал бы пожить так – без приуказки, поиспытать себя в жизни монашеской, настоятель сказал: «Ну, уж теперь некогда себя испытывать; говорите что-нибудь прямо – да или нет, оставаться или возвращаться назад». Объяснил ему и причину такого скорого требования, передав содержание указа Калужской духовной консистории с запросом о нём. Понятно, что после этого Александр Михайлович изъявил полное согласие приуказаться. Почему немедленно и послан был отцом игуменом в Калужскую консисторию рапорт о согласии принять учителя Гренкова в число братства Оптиной пустыни. И таким образом Александр Михайлович был в Оптиной приуказан. В то же время о приуказке в монашество Гренкова дано было знать через Тамбовскую духовную консисторию и преосвященному

Тамбовскому Арсению, которым, вследствие этого неприятного для него дела, послано было в семинарское правление такое распоряжение: «Окончившим курс студентам аттестатов в руки не давать». Но уже было поздно³⁷.

Переписка эта об Александре Михайловиче тянулась долго. От прибытия его в Оптину до окончательной развязки дела прошло, без нескольких дней, полгода, и только 2 апреля 1840 года последовал указ Калужской духовной консистории об определении его в число братства и застал его еще не одетым в монашеский подрясник.

IV. Переход Александра Михайловича из монастыря в скит и начало его подвижнической жизни в скиту

Сын мой! Если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению.

(Сир.2:1)

По получении указа из Калужской духовной консистории об определении Александра Михайловича Гренкова в число братства Оптиной пустыни он вскоре затем одет был в монашеское платье.

Сам старец Амвросий, как видно из записок настоятельницы Шамординской общины монахини Евфросинии, лично передавал ей, что в монастыре он был некоторое время келейником старца Льва и чтецом (т.е. вычитывал в положенное время для старца молитвенные правила, так как старец, по слабости сил телесных, не мог ходить в храм Божий); затем он был в хлебне, варил хмелины (дрожжи), пёк булки³⁸ и был здоров.

Отношения его к старцу Льву было самое искреннее. Почему и старец со своей стороны относился к Александру Михайловичу с особенной нежно-отеческой любовью, называя его Сашей³⁹. Так проводил поначалу Александр Михайлович в Оптиной пустыни дни свои.

Недолго, впрочем, пришлось ему пожить в монастыре. В скитской летописи сказано, что послушник Александр Гренков в ноябре 1840 года переведен из монастыря в скит⁴⁰. Без сомнения, это сделано было по благословению старцев Льва и Макария, которые, вероятно, находили, что ему полезнее было жить в более безмолвном месте, и притом под ближайшим руководством старца Макария, тем паче что старец Лев в это время уже оканчивал свое земное странствие. Но и после перехода в скит новоначальный послушник Александр не переставал ходить к старцу Льву в монастырь для пользования душевного.

Первое послушание⁴¹ в скиту, назначенное старцами Александру Михайловичу, было трудиться в кухне помощником

повара. И молодой послушник, уже понявший цену беспрекословного послушания богومудрым старцам, не стал рассуждать, что послушание не по нём, не по его силам, и прочее. Ничего такого он не сказал, а принял это назначение старцев со смирением, как из уст Самого Господа.

Послушание! «Что такое послушание?» – спросили однажды на покосе оптинские монахи одного простого старца, умудренного опытом жизни духовной, которого, вследствие его старости и из уважения к нему, не приглашали на труды монастырские, или на послушания, но который, обладая крепостью сил телесных, сам, до кончины своей, любил трудиться и с удовольствием ходил вместе с братьями на покос. «Что такое послушание?» На этот вопрос простой старец дал и ответ простой. «Послушание?» – так начал он. – А это вот что значит: вот я, например, хожу на покос по своей воле – я хожу с охотой и тружусь с удовольствием. А скажи мне настоятель: старик! иди на покос на послушание; я ему скажу; не могу, не пойду»⁴². Почтенный старец в подобном случае, без сомнения, и не сказал бы таких грубых слов настоятелю. Этим он хотел только показать, как трудно жить в послушании, с отсечением своей воли⁴³. Между тем как послушание есть краеугольный камень, на котором зиждется спасение монаха, ибо без искреннего послушания нельзя приобрести смирение, а без смирения, как выше было сказано, никаким образом невозможно спасение. Каждый поэтому ясно может видеть, что новоначальный послушник, брат Александр, оказывая старцам такое беспрекословное послушание, начинал созидать свое спасение на твердом основании, а не на песке суемудрия, своемыслия и своеволия, от которых для монаха, кроме вреда душевного, ничего не бывает и быть не может.

Поваром главным в скиту был в то время простодушный молодой послушник из крестьян Тверской губернии Герасим⁴⁴Иванович Туманов, который по летам был на год моложе Александра Михайловича, а поступлением в скит годом старше его. Оба они характера были веселого и любили поговорить. Только по началу Александр Михайлович воздерживался от разговоров, как сам о себе сказывал: «В

кухне я больше всё прималчивал; с людьми боялся близко сходитья. Спросят если, что у меня бывало, скажу, а сам не заговорю первый». Прималчивание это, или воздержание от излишних разговоров молодого послушника, отчасти понятно будет, если вспомним, среди каких старцев-подвижников он жил. От одного взирания на них, думается, сами собою смыкались уста. И вообще Александр Михайлович старался в то время, по наставлению старцев, более внимать себе: избегал близких сношений с кем бы то ни было, исходя из кельи в церковь, на молитвенные правила, на послушания да к старцам. По окончании же трапезы, когда все братия расходились по своим кельям и повар с помощником оставались наедине, они давали свободу своей откровенной речи. Простодушного брата Герасима Александр Михайлович уже не стеснялся. Заведет сам о чём-нибудь разговор, а повар тому и очень рад. Нужно мыть посуду, а он подойдет к своему помощнику, любезно и с улыбающимся лицом, потрепав его по плечу (привычка эта осталась у него на всю жизнь), скажет (говорил на «о»): «Ну вот что: пока вода-то горяча, давай-ко сядем да поговорим». Молодые послушники садились обыкновенно на прилавок, и дружеская, непринужденная речь лилась из уст обоих, как быстро бегущая вода журчащего ручейка. Тут нередко вспоминались случаи из прожитой жизни, каковых у собеседников было немало. Впрочем, все эти воспоминания сводились всегда у них к одному заключению: «Слава и благодарение Премилосердому Господу, Своим дивным Промыслом избавившему нас от всей этой мирской суеты и пустоты и направившему ноги наши на путь мирен в тихой обители тружеников Божиих!» Так, бывало, время незаметно и протечет. «Однако, – скажет повар, – пора и посуду мыть». Попробует воду, а она уже давно холодная. Начнут очаг разводить, снова-здорово воду подогревать.хлопот сколько! Но уже среди удовольствия, получавшегося от обоюдных толков молодыми послушниками, и труды забывались. И жили, таким образом, скитские повара во взаимной любви о Господе. В свое время они вместе с братьями молились, в свое время на кухне трудились, и в досужее короткое время наслаждались

дружеской беседой, что было для них некоторого рода развлечением среди уединенной, однообразной, трудовой жизни.

Но вот случилось препинание. В начале 1841 года (может быть, в феврале или марте) Герасиму нужно было отлучиться на родину в свой губернский город Тверь, дабы получить из казенной палаты засвидетельствованный увольнительный свой приговор от общества, который почему-то очень долго задержан был в палате. Исполнивши свое дело, он возвратился в скит. В отсутствие его главенствовал в поварне уже Александр Михайлович. И вот возвратившемуся с родины бывшему главному повару Герасиму, сверх его чаяния и ожидания, благословлено было старцами быть у него помощником. Заговорило самолюбие Герасима. Проходит день-другой, Герасим хмурится: придет на кухню, сядет на прилавке, болтает ногами и ничего не делает.

«Что ж ты ничего не делаешь?» – спрашивает Александр Михайлович. «Я немирён», – отвечает смущенный Герасим.

Нужно при сём заметить, что доколе страсть жива в человеке, она требует себе пищи; и если нет обстоятельств важных, она по необходимости обнаруживается в вещах маловажных или даже и совсем ничтожных. Тем не менее она сильно, властно, с тиранством борет человека, не приобретшего навыка отражать страсть взаимным противоборством. Дотоле веселый, общительный, покорный человек, по принятии лукавого помысла и по согласии с ним, становится скучным, задумчивым, унылым, непокорным, ничем не довольным, раздражительным. Вот в таких-то случаях, от которых не избавлен ни один человек в грешном мире сём, опытный в жизни духовной старец бывает для искушаемого неоценённым и незаменимым сокровищем. Приди только искушаемый брат к старцу с полной верой и со смирением, раскрой пред ним свою душу, скажи сущую правду – от каких именно помыслов смущается душа, старец отечески снисходительно выслушает, посочувствует, поболит об искушаемом, разъяснит – что требует разъяснения, научит – как бороться со страстью, как прогонять смущающие помыслы, кому и как молиться на них, и сам

вознесет горячую молитву ко Господу Спасителю об искушаемом. Не говорим уже о том, что самое откровение смущающих помыслов, по замечанию опытных в жизни духовной людей, служит против них надежнейшим врачевством. И тотчас после сего духовного врачевания опять в душу брата возвращается прежний мир и спокойствие.

Так было и с Герасимом. Объяснил он свое смущение старцу отцу Макарию, бывшему в то время скитона начальником и братским духовником, и вскоре по-прежнему стал весел, покоен, доволен своею должностью помощника повара и покорен новому повару, бывшему его помощником.

На кухонном послушании в скиту Александр Михайлович провел целый год. Наделенный от Господа богатыми умственными способностями, как мы видели выше, он в тоже время был человек дела (практик). Изучая собственным опытом науку жизни духовной, он не упускал из виду и дел внешних, так что то и другое у него было в полном согласии. Поставив себе задачей жить по заповедям Христовым, в полном подчинении своему внутреннему судии – совести, по указанию мудрых старцев, он не различал поручаемых ему дел – какие черные, какие белые, а в каждое дело старался вникать и исполнять его со всевозможным тщанием и усердием, как пред лицом Всевидящего Бога. Ибо то только у Господа дело и имеет цену, которое делается по совести. Потому во всяком деле Александр Михайлович был исправен; а по любознательности своей усвоил много и других знаний, которые усваивать не было для него необходимости. Будучи уже старцем и вспоминая свое прошлое, он обыкновенно говаривал: «Я прекрасно стряпал в кухне. Я тогда и хлеб и просфоры научился печь. Я, помню, учил просфорников, как узнавать, готовы ли агнии просфоры, а то у них всё сырые выходили. Надо воткнуть лучинку в просфору, и если к лучинке тесто не пристаёт, то, значит, просфоры готовы; а если пристаёт, то сыры.» Просфорником Александр Михайлович, может быть, и не был, однако так хорошо ознакомился с этим делом, что и других мог учить. Впоследствии он был хорошим знатоком строительного искусства; сам чертил планы для постройки келий, и

построенные по этим планам кельи оказывались самыми удобными для жилья. Узнал прекрасно печное мастерство, так что своим знанием и указаниями удивлял искусных печных мастеров.

Проходя поварское послушание, Александр Михайлович имел возможность очень часто посещать старца отца Макария, к которому теперь привязался он всей своей любящей душой. Всегда, даже и в последние годы своей жизни, он с особенной любовью вспоминал об этих посещениях, считая это великой милостью Божией к себе. «Как в то время, – высказывался он, – Господь ко мне был милостив! К старцу приходилось мне по послушанию ходить каждый день, да и в день-то побываешь не один раз: то сходишь (как к начальнику скита) благословиться насчет кушаний, то ударят к трапезе»⁴⁵. А при этих посещениях Александр Михайлович имел возможность говорить старцу и о своем душевном устройении, и получать от него мудрые советы, как поступать в искусительных случаях, подобных вышеописанному с братом Герасимом, чтобы не искушение побеждало человека, а человек при искушении выходил победителем и чтобы таким образом самое искушение доставляло пользу душе искушаемого, а не вред.

Случаев же искусительных в монастыре бывает многое множество. А в Оптиной пустыни, особенно в те былые времена, старцы духовные даже сами старались, по наставлению святого Иоанна Лествичника, изыскивать такие случаи для приобретения подвижающимися в деле спасения братьями венцов терпения⁴⁶. Истинных подвижников они, в присутствии посторонних лиц, подвергали иногда осмеянию. Сами, стяжавшие безгневие, временем казались гневающимися и осыпали их бранью. А всё это делалось для того, чтобы искушаемый брат, ощутивши в себе движение гнева, порождаемого гордостью, узнавал, во-первых, свою немощь, а во-вторых, заботился и об исцелении своих душевных язв чрез самоукорение и смирение пред Богом и людьми и искреннее исповедание и покаянную молитву и чтобы наконец время от времени он всё более и более укреплялся в добром душевном устройении и таким образом мало-помалу восходил от силы в

силу, пока не достигнет в меру полного возраста Христова (Еф.4:13).

Упомянуто было выше, что новоначальный послушник Александр, имея своим ближайшим наставником и руководителем духовным старца отца Макария, не переставал в то же время, при удобных случаях, ходить из скита в монастырь и к старцу отцу Льву, к которому также питал глубочайшую преданность и благоговел перед его святыней. Мудрый же старец, усматривая в преданном ему ученике искреннее желание спасения и его разумный взгляд на дело сие, не любил давать пищи его самолюбию и тщеславию; а напротив, своим, иногда даже суровым обращением старался смирять молодого послушника. Временем он даже не удостоивал его названия по имени, как сказывал о сём сам старец Амвросий, а называл Химерою⁴⁷. Или вспоминал покойный старец отец Амвросий такой случай: «Стояла раз у батюшки отца Льва какая-то севская монахиня, – имени ее не припомню, Ведь у него, – кстати пояснял рассказчик, – просто было: и мужчины и женщины, и монахи и миряне – все заодно бывали. Старец снял с ее головы шапку, да на меня и надел». Тоже молодому послушнику постоять среди народа в женской шапке не очень-то приятно. Может быть, кстати прозорливый старец указывал этим на дальнейшую деятельность Александра Михайловича. Известно, что, будучи впоследствии сам старцем, он, кажется, не о ком не имел столько забот и попечений, как о монахинях.

Но, проводя жизнь с такими прискорбностями, Александр Михайлович видел и вполне убежден был, что он обрел то, чего давно безотчетно жаждала душа его, что как он теперь живет во смирении, так и следует жить для усовершенствования в жизни духовной; а потому душа его всегда была в мире и покое, какое сокровище он не решился бы променять на все блага мира сего. Он неоднократно писал и к товарищам своим, учителям Липецкого духовного училища, Василию Феодоровичу Светозарову и Павлу Степановичу Покровскому, и говорил о том духовном счастье, которое ему открылось в святой Оптиной обители, приглашая их обоих в монастырь. Светозаров⁴⁸ скоро и

последовал призыву Александра Михайловича, но Покровский долго медлил.

Между тем, уступая просьбе бывшего своего товарища, Покровский, через два года по удалении Александра Михайловича из Липецка, именно в 1841 году, в свободное от учительских занятий время (в июле или августе) решился навестить его в скиту. Александр Михайлович в это время уже был пострижен в рясофор и занимал маленькую келейку на скитской пасеке, проходя в тоже время послушание повара. Войдя в эту келейку, Павел Степанович прежде всего был поражен ее крайней нищетой. В святом углу виднелась уже знакомая нам маленькая икона Богоматери – родительское благословение Александра Михайловича. На койке валялось что-то вроде истертого ветхого полушубка, который служил и подстилкой и изголовьем; а одевался он, вероятно, подрясником, который носил на себе; затем еще ветхая ряса с клобуком. Больше он ничего не заметил. «Припоминая прежнюю жизнь своего товарища, когда он был наставником училища, как он чисто одевался, и сравнивая с теперешнею его нищетой, – рассказывал Покровский, – мне так было горько, что я не мог удержаться от слез». Таков был миролюбивый взгляд Павла Степановича на бедную обстановку своего бывшего товарища. Сам же Александр Михайлович смотрел на это совсем другими глазами. В этом-то именно он, между прочим, и полагал свое духовное счастье, потому что обучался беспристрастию к вещам.

Вероятно, отец Александр надеялся, при содействии богомудрых старцев Льва и Макария, убедить Покровского полюбить монашескую жизнь с ее внешней нищетой и другими видимыми неудобствами, а потому вскорости и пригласил его пойти с ним в монастырь к отцу Льву. Болезненный престарелый старец, несмотря на свою строго подвижническую жизнь, был, как упомянуто выше, тучного телосложения, которое сразу бросилось в глаза не имевшему понятия о жизни духовной миролюбивому Покровскому и произвело на него неприятное впечатление. Старец понял его взгляд и тотчас же обличил его, выражаясь простонародным языком: «Что глядишь мне на пузо-

то? Смотри, как бы и у тебя со временем того же не было». Еще неприятное впечатление. Как на грех, тут и еще вышло искушение. В это самое время ударили в монастыре в колокол к вечерне. Старец, сидевший на койке, в самоуглублении, с великим благоговением произнес обычное иерейское славословие Господу: «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков». Выше сказано было, что болезненный старец, не имевший возможности ходить в храм Божий к службам церковным, выслушивал молитвенные правила у себя в келье, во время отправления церковных служб, а для сего назначаемы были им чтецы, в числе которых был некогда и отец Александр Гренков⁴⁹. И вот ему вообразилось, что старец сотворил обычное начало вечернего правила. – «Аминь, – зачитал Александр Михайлович, – Слава Тебе, Боже наш, Слава Тебе... Царю небесный...» и прочее. Вдруг старец останавливает его замечанием: «Кто тебя благословил читать?» Отец Александр, по оптинскому обычаю, становится пред старцем на колена, кланяется в ноги и просит прощения. Старец принимает вид гневающегося и продолжает: «Как ты смел это сделать?» Продолжаются со стороны виновного учащенные поклоны и мольбы: «Простите, ради Бога, батюшка, – простите!» Старец как будто выходит из себя. Принять здесь во внимание следует наружный вид старца Льва. При плотном, богатырском телосложении он имел круглое смугловатое, со строгим выражением лицо, обрамленное небольшой бородой. Его густые, волнистые, длинные седые волосы падали на плечи точно львиная грива. Голос, теноро-бас, громкий и при случае грозный. Принимая вид гневающегося человека, он, по собственным словам старца Амвросия, был настоящий лев, а долгие смиренные просьбы о. Александра он как будто вовсе не замечал, только стучал ногами, размахивал над его головою руками и грозно восклицал: «Ах ты, самочинник! Ах ты, самовольник! Да как ты это смел сделать без благословения?» Ужасно было видеть это и слышать со стороны. И между прочим, всё это делалось в присутствии его щепетильного товарища. Грозный выговор был окончен. Виновный получил от старца прощение, и посетители товарищи распростились со

старцем. Но отец Александр понимал благую цель грозного выговора старца и знал, что делал сам, а потому и оставался благодушным. Покровскому же это пришлось не по сердцу, и он скоро уехал из Оптиной.

Таким-то горьким опытом, такой-то дорогой кровавой ценой мало-помалу стяжал отец Александр боголюбезную добродетель смирения и, так сказать, закаливался в терпении скорбей, которые нередко приходилось ему переносить от искренно любившего его старца отца Льва. Но бывало и так, что в отсутствии отца Александра и, может быть, тотчас же по удалении его после строгого выговора из старцевой кельи отец Лев, обращаясь к присутствовавшим при сём случае посетителям и указывая вслед уходившему смиренному и терпеливому отцу Александру, тут же приговаривал: «Великий будет человек!»

На закате дней своей труднической богоугодной жизни старец отец Лев, прозревая в своем любимом молодом послушнике отце Александре будущего преемника по старчеству, поручил его особенному попечению своего сотрудника, собеседника и сотаинника старца отца Макария. Так вспоминал о сём сам о. Амвросий: «Покойный старец (отец Лев) тогда призвал к себе батюшку отца Макария и говорит ему: вот человек больно ютится к нам старцам. Я теперь уж очень стал слаб. Так вот, я и передаю тебе его из полы в полу, – владей им, как знаешь».

Говорят еще, чему можно верить без сомнения, что старец Лев, указывая некогда на Александра Михайловича, сказал отцу Макарию: «Он будет тебе полезен».

Но что сказать о посте и молитве молодого подвижника, без которых спасение не спееется? Ибо разумный пост телесный, по учению святых отцов подвижников, есть основание жизни духовной⁵⁰, а молитву святой Иоанн Лествичник называет источником добродетелей, причиной дарований и прочее⁵¹. По примеру своих отцов наставников, Льва и Макария, отец Александр не изнурял себя многодневным постом, но, употребляя общую с скитянами пищу, соблюдал строгую умеренность, не выказывая таким образом себя пред другими

постником и через употребление всякой пищи смиряя тщеславный помысел. Впрочем, умеренность эта по времени доходила до того, что, как увидим ниже, ее поистине можно назвать и строгим постом. Молитва – сокровенное делание. О ней, можно сказать, *никтоже весть, точию дух человека, живущий в нём* (1Кор.2:11). Не о внешней молитве говорится здесь, не о хождении на молитвенные правила и церковные богослужения, на которых бывал о. Александр обще со всеми скитскими братьями, а о внутреннем молитвенном настроении души его. О сём можно только гадать. Молитву, как видели мы выше, святой Лествичник назвал источником добродетелей, а добродетельная жизнь отца Александра была у всех на виду; следовательно, в нём уже было, хотя, может быть, в зародыше, и источное начало. Да и как не быть ему молитвенником, когда он полюбил молитву еще в миру? А теперь в тишине скитской жизни, среди иноков подвижников, под руководством великих старцов молитвенников, при собственном неудержимом стремлении к богоугождению, молитва должна была найти себе простор в его душе.

V. Отец Александр – монах и иеромонах под крестом болезней

Объяша мя болезни смертныя.

(Пс.114:3)

Можно видеть из предыдущей главы, в каких добродетелях упражнялся молодой подвижник отец Александр. Его всегдашнее смирение, выражавшееся в беспрекословном послушании не только старцам, но и молодым послушникам, как, например, брату Герасиму, и в безропотном терпении наносимых ему оскорблений, крайняя нищета, пост и молитва, при искреннем откровении всех помыслов, чувствований и пожеланий⁵² старцам наставникам, Льву и Макарию, так расположили к нему сердца их, что один другому поручил его особенному попечению, «передав его из полы в полу». Думается, что эти полы великих старцев-подвижников были для близкого к ним ученика подобием милоти Илииной, брошенной на Елисея. И если он, может быть, не был сподоблен от Господа сугубой благодати, изливаемой на его старцев, то, без сомнения, никто из знавших старца Амвросия не будет отрицать того, что какими дарованиями духовными украсил Всеблагий Господь старцев Льва и Макария, те же милости излил и на старца Амвросия. Но милости Господни даром не даются, по слову Самого же Господа: *терпением вашим спасайте души ваши* (Лк.21:19). Чем долее жил отец Александр в скиту и чем более совершенствовался в жизни духовной, тем тяжелее становился его крест. К его скорбям, невольным и произвольным, присоединились, как вскоре увидим, жестокие болезни телесные, которые, по замечанию его, уже бывшего старцем, гораздо тяжелее скорбей. Ибо в скорбях, прибавлял он, человек может находить утешение в молитве, а в тяжелой болезни телесной он и этого утешения лишен.

11 октября 1841 года преставился ко Господу положивший в Оптиной пустыни начало старчества великий старец отец Лев. В день его погребения все скитяне ушли в монастырь, чтобы отдать последний долг старцу наставнику: помолиться в

последний раз над его труженическим телом, о упокоении его чистой души в обителях небесных. Но отец Александр, занятый своим поварским послушанием и видя, что он остался при деле один, не имел возможности быть при его погребении, хотя и очень сего желал. О кончине старца скорбели все знавшие его почитатели, и монашествующие и миряне. Не без скорби о нём, конечно, оставался и отец Александр. Но эта общая скорбь была небезутешной, потому что после отца Льва оставался в Оптиной пустыни другой старец, с такими же, как и он, высокими дарованиями духовными, скитоначальник отец Макарий, к которому о. Александр давно уже привязан был всей душой и попечению которого он поручен был покойным старцем. Вскоре после кончины блаженной памяти старца отца Льва послушание отца Александра в поварне заменено было другим послушанием: он стал келейником старца отца Макария. Послушание это он, по собственным его словам, проходил четыре года (с осени 1841 года до 2 января 1846 года).

В следующем 1842 году в жизни отца Александра совершилось весьма важное событие. Он, по представлению своего начальства и согласно разрешению Святого Синода, 29 ноября был пострижен в мантию и наречен Амвросием во имя святого Амвросия, епископа Медиоланского, память которого 7 декабря. Заметить при сём должно, что сам он по смирению не желал монашеского пострижения, как и прежде сего пострига в рясофор, и был пострижен, повинувшись только воле старца своего, иеросхимонаха Макария, как сам о сём говорил. В это время новопостриженному было ровно 30 лет. Лета для пострижения, разумеется, не молодые, но для человека, пришедшего в Оптину пустынь только три года тому назад, пострижение в эти годы – очень раннее. Когда старец отец Амвросий рассказывал об этом окружавшим его слушателям, кто-то однажды заметил: «Как тогда это уж очень скоро делалось!» «Да нет, – возразил старец, – и тогда, бывало, лет по двенадцать жила послушниками до пострижения в мантию. А это, так уж меня...» И старец махнул рукой, давая этим понять, что я-де совсем нестоящий человек, чтобы мне всю жизнь оказывали предпочтение не по заслугам.

Между прочим, такое скорое пострижение в мантию отца Амвросия объясняется благоприятствовавшими тому обстоятельствами. Бывший в то время калужский архипастырь Николай всегда расположен был к скорейшему производству в мантию и последующие за тем степени священства людей, получивших полное школьное образование, и даже требовал от настоятелей монастырей, чтобы таковые ранее других были представляемы к постригу и рукоположению. Старец отец Макарий, хорошо знавший душу молодого подвижника отца Александра и его подготовленность к постригу в мантию, несмотря на краткий срок его испытания, с любовью благословлял его на принятие мантии. А смиренный настоятель обители, отец игумен Моисей, и сам хорошо понимавший отца Александра, вполне согласен был с волей старца. Послано было через духовную консисторию представление, потогдашнему – в Святой Синод, но и там дело не задержалось. В объяснение этого старец Амвросий говорил: «Тут всё дело в том, что тогда служил в Синоде один мой товарищ⁵³, который мной весьма интересовался, но всё еще не знал, где я нахожусь. А тут как раз представление к пострижению сделали; он узнал обо мне и сразу же ради меня выхлопотал немедленно разрешение на пострижение». Так что всегда, бывало, в Оптиной пустыни получалось из Святого Синода разрешение на постриг в мантию представляемых послушников к великому посту следующего года, а на этот раз оно пришло в том же году к октябрю месяцу. Сравнительно с прочими Оптиными монахами отец Амвросий, по сказанным выше причинам, скоро возведен был и на степень иеродиаконства и иеромонашества. Дела, таким образом, по-видимому, шли своим обычным порядком, но всё совершалось Премудрым Промыслом Божиим, направляющим все обстоятельства людей к благим целям. Так и почивший старец Амвросий имел обыкновение говорить: «Дела человеческие, а – суд Царев (Божий)». Если принять во внимание только одно то, что молодого инок Амвросия ожидал в недалеком будущем крест болезней, и потому, если бы замедлилось его производство в мантию и степени священства, не пришлось бы ему, пожалуй, быть и совсем иеромонахом, а

следовательно, и духовником, то и это было бы великим ущербом для ставших его духовными детьми.

Но что такое постриг в мантию? Мантия иначе называется малою схимою, а схимническое пострижение отцы подвижники называют вторым крещением⁵⁴. Первое крещение – водою, а второе – собственными слезами кающегося грешника. Потому пострижение имеет великое значение. Оно есть таинство⁵⁵, в котором искренно кающийся человек по содеянии им уже после крещения грехов вновь вступает в завет с Премилосердным Отцом небесным и таким образом опять возрождается в жизнь духовную. Искренно возлюбивший жизнь по Богу, брат приуготовляется к сему приблизительно в продолжении пяти дней постом и молитвою, при неопустительном хождении к службам церковным. Накануне пострига, по исповедании пред духовником всех, содеянных им от юности грехов, получает в них разрешение в Таинстве покаяния. Затем, в самое время пострига, при свидетельстве всей Церкви он дает обеты Богу жить так, как требует чин иноческий. Вследствие чего крестообразно постригаются власы его в знамение отрицания себя, мира и всего, что в мире, и в отрезание своей воли и всех похотей, во имя Отца и Сына и Святого Духа; причем ему, как начинающему новую жизнь, дается и новое имя; затем он облачается в монашеское одеяние, имеющее духовное значение. В заключение, в конце литургии, новопостриженный причащается Божественных и Пречистых и всё существо души и тела кающегося грешника освящающих и оживляющих Святейших Тела и Крови Христовых. Потому, по окончании сего таинственного духовного возрождения грешника, и поется умилительная стихира: «Познаим, братие, Таинства силу, от греха бо ко отеческому дому востекшаго блуднаго сына Преплагий Отец предустрет, лобзает» и прочее.⁵⁶ Многие присутствующие со слезами выслушивают это тайнодействие. О постригаемых уже и говорить нечего. Каждый из сего может заключить, какое действие на молодого подвижника отца Александра, всей душой стремившегося к богоугождению, произвело пострижение его в мантию.

По церковному Уставу, соблюдаемому в Оптиной пустыни, новопостриженные монахи пять дней проводят в храме Божиим безысходно. Там они и кушают, и спят, во всё время ни днем ни ночью не снимая с себя монашеской одежды и клобука с головы. На пятый день их опять причащают Животворящих Таин Христовых и отпускают по кельям. Возрожденные в жизнь новую, иноки испытывают в это время благодатные утешения, каковых, без сомнения, в сугубой мере сподоблена была боголюбивая душа молодого инока, подвижника отца Амвросия.

Вскоре после пострижения в мантию, по благословению старца отца Макария и к великому его утешению, любимый его ученик отец Амвросий, как достойный, представлен был к посвящению в иеродиакона. Воспитанный уже старцами в смиренном о себе мнении и считая себя недостойным предстоять престолу Господню в алтаре святом, он вместе с другим иноком, скитским иеродиаконом Пафнутием⁵⁷, представленным одновременно к иеромонашеству, пошел к старцу Макарию отказываться⁵⁸. «Входим к нему в келью, – рассказывал отец Амвросий, – а он и начинает нам говорить сам: «Ну, вас назначили, – назначили. Это хорошо, хорошо». А мы мнёмся и ничего не можем ему на это ответить. Но товарищ мой был посмелее и заговорил первый. «Вот об этом-то мы и пришли говорить с вами, батюшка. Ведь мы недостойны священного сана». «Так и думайте, так и думайте всегда, что вы недостойны», – перебил его старец. Ну а я после этого, разумеется, и рта не мог открыть», – прибавил рассказчик.

Так, успокоенный старцем, молодой инок и был рукоположен в иеродиакона 2 февраля 1843 г. Как смотрел вновь рукоположенный иеродиакон на свое служение? Положительно на это ответить ничего нельзя; можно только гадать и умозаключать. Будучи впоследствии старцем, одному немощному иеродиакону, тяготившемуся отправлением чреды священнослужения, он сказал: «Брат! Не понимаешь дела, ведь жизни причащаешься». Последние слова произнесены были им с особенной выразительностью. Таков, без сомнения, и был взгляд молодого иеродиакона отца Амвросия на служение свое. Проникнутый глубоким смирением, сознанием своей бедности и

греховного умерщвления, общего всем людям, он приступал к Чаше Жизни как к единственному всесильному врачевству, могущему оживлять омертвевшие души, и со вкушением Плоти и Крови Агнца Божия, за мир закланного, вкушал сладость духовную неизглаголанную. Вспоминая о сём времени, поступивший в 1844 году в Оптину пустынь старожил отец игумен Феодосий⁵⁹, очевидец, говорил, что в сане иеродиакона старец Амвросий служил всегда с великим благоговением.

По оптинскому чиноположению, в свое время он отправлял в монастыре чреду священнослужения. Раз, когда он служил таким образом в монастыре позднюю литургию, приехал в Оптину пустынь малоярославецкий отец игумен Антоний, бывший скитоначальник, хорошо известный молодому служащему иеродиакону. «Во время чтения часов, – рассказывал покойный старец Амвросий, – входит он в алтарь. По обычаю кланяюсь ему и подхожу под благословение. «Ну что, привыкаете ли?» – обращается ко мне смиренный отец игумен. «За вашими святыми молитвами, батюшка, слава Богу, привыкаю», – довольно развязно ответил я. Вдруг отец игумен переменяет тон и речь: «Ко смирению-то?» – Я и не знаю, что отвечать.» Так духовные Оптинские старцы даже свободную речь, как знак сокровенной горделивости ревнующих о спасении душ, старались врачевать приличным замечанием, не стесняясь ни местом, ни временем.

К этому времени, думается, относится и еще передававшийся старцем Амвросием рассказ о себе. В бытность преосвященного Калужского Николая в Оптиной пустыни сей последний обратил на молодого иеродиакона Амвросия особенное внимание. Главной же причиной сему, вероятно, было то, что когда старший брат отца Амвросия, Николай Михайлович, учился в Тамбовской семинарии, в это самое время преосвященный Николай был ректором в Тамбове и хорошо помнил его, как даровитого воспитанника, а вследствие сего относился теперь хорошо уже и к отцу Амвросию. «Шел владыка в этот раз по дорожке между скитом и монастырем, – так впоследствии вспоминал старец Амвросий. – Его, по обычаю, сопровождали отец игумен Моисей и батюшка

о. Макарий. И я тут же был. Помню, что владыка всё со мною разговаривал и хотел взять меня с собой, а мне тут было очень совестно и неловко»⁶⁰.

Пробывши почти три года иеродиаконом, отец Амвросий в конце 1845 года представлен был к посвящению в иеромонаха. С смиренным отцом Амвросием повторилась та же история, как и перед посвящением его в сан иеродиакона: то же сознание перед старцем своего недостойнства и подобный прежнему мудрый и властительный ответ старца. Нужно было посему иеродиакону Амвросию ехать в Калугу для посвящения. Ранним утром 7 декабря он вместе с другим ставленником монахом Гавриилом⁶¹, представленным к посвящению в сан иеродиакона, отправился в дорогу. Был сильный холод. Не привыкший к дальним зимним переездам, слабый здоровьем, отец Амвросий, довольно изнуривший себя постничеством, захватил в это время сильную простуду. «Помню я, – рассказывал сам старец, – что как еще только привезли меня на первую станцию, я почувствовал сильную боль в желудке». Это, должно быть, и было началом тех почти непрерывных тяжких болезней, которые сопровождали его всю жизнь до самого гроба, в продолжении почти полу столетия.

Приехавши в Калугу, он вместе с о. Гавриилом представился к преосвященному Николаю, который принял их очень ласково и милостиво. В разговорах с отцом Амвросием владыка вспомнил про старину, как он в свое время, будучи архимандритом, занимал должность ректора в Тамбовской духовной семинарии, именно в то самое время, когда учился в ней старший брат отца Амвросия Николай Михайлович Гренков, которого хорошо помнил. Так, поговоривши со ставленниками, преосвященный велел им готовиться к рукоположению, которое и совершено было 9 декабря. А 10-го к вечеру новопосвященные иеромонах Амвросий с иеродиаконом Гавриилом возвратились в Оптиную пустынь. Погода всё это время продолжалась холодная и бурная.

Нашлись в Оптиной из мало внимавших своему спасению монахи, которые позавидовали скорому рукоположению отца Амвросия в иеромонаха. «Когда узнала братия о нашем

посвящении, – так после вспоминал он, – кое-кто на меня покашивался». Но должно помнить, что монахи не ангелы, а только по возможности стремящиеся к ангелоподобной жизни, которая стяжается долговременным борением с своими греховными наклонностями.

Несмотря на слабость своего здоровья, молодой иеромонах Амвросий понуждался, наряду с прочими иеромонахами, хотя, может быть, и не всегда, отправлять в монастыре чреду священнослужения. Но он уже так был слаб, что, как сам после вспоминал, не мог долго держать потир одной рукой. «Однажды много было причастников, – рассказывал он. – преподавая Пречистые Тайны Христовы одной рукой, другой я держал потир. И вот почувствовал я, что рука моя стала слабеть и неметь. Чтобы несколько дать отдых руке, я пошел в алтарь, поставил на малое время на престол Святую Чашу; а вслед за мной слышу голос какой-то женщины, подходившей к причащению: «Знать, я, грешная, недостойна!..» Ах, Боже мой, – подумал я, – тесно мне отовсюду».

Кажется, к этому времени относится и еще случай, рассказанный самим старцем. Захотелось ему вместе с товарищем своим по келейной, рясофорным монахом отцом Иродионом, постриженным в монашество в 1849 году с именем Иларион, для очищения и исправления желудка полечиться сильным слабительным под названием Le Roi, которое в то время между оптинскими братьями было в большом ходу. «Как раз к этому времени, – говорил старец, – подошла моя черда священнослужения. Лечение это требовало питательной, укрепляющей пищи. Отец Иродион кушал поэтому хорошую уху с рыбкой, а мне, как служащему, нужно было в пище воздерживаться, да еще ежедневно оставаться совсем без ужина⁶². Поэтому вместо пользы, – прибавлял старец, – я почувствовал от лечения сего вред».

Вследствие болезненности, отчасти же и по сану, иеромонах Амвросий теперь уже должен был оставить послушание келейника у старца Макария, а потому 2 января 1846 года он переведен был в другую келью, которая находится в северо-западной части корпуса, от скитской церкви на север.

Сказывал иногда старец, что он в скиту пять келий переменил, «жил и в келье отца Игнатия, и в башне»⁶³. Эти перемещения из кельи в келью, по замечанию вышеупомянутого скитского схимника отца Геннадия, без сомнения, были вскоре по поступлении его в скит, когда он проходил послушание повара.

Здоровье иеромонаха Амвросия время от времени всё более и более ослабевало, но он всё еще был на ногах и не переставал, хотя, может быть, изредка, служить. В скитской летописи записан следующий случай. 19 августа 1846 года, в понедельник, в шесть часов пополудни, пожаловал в Оптину пустынь калужский преосвященный Николай, который, проведши два дня в занятии делами, 22-го числа служил в Козельске литургию, а 23-го в седьмом часу пополудни изволил посетить скит. Из монастыря шел он в сопровождении отца игумена Моисея. По назначению владыки в скитской церкви началось немедленно всенощное бдение святому Петру, митрополиту Московскому чудотворцу. Служил иеромонах Амвросий с иеродиаконом Гавриилом, а пономарил рясофорный монах Василий⁶⁴. Все трое, живущие в скиту, – окончившие курс наук в семинарии. На обоих клиросах пели скитские братия. Тут же в церкви стояли и певчие архиерейские. Бдение кончилось в десятом часу. По окончании оной, благословив братию и прочих богомольцев, владыка заметил своим певчим: «Вот так учитесь петь, как здесь пели монахи, тихо, скромно». Вся скитская братия провожала преосвященного до святых скитских ворот.

Чудная была ночь. Повсюду царила глубокая тишина, а с лазури небесной приветливо глядела полная луна, обливая тихим серебристым светом безмолвный скит и окружающий его гигантский лес. Архипастырь остановился и с отеческой любовью произнес к братиям следующие слова: «Спасайтесь, отцы и братия. Имейте мир и любовь между собою. Начальникам повинуйтесь». Обратившись же к стоявшему тут же иеромонаху Амвросию, он сказал: «А ты, отец Амвросий, помогай отцу Макарию в духовничестве. Он уже стар становится. Ведь это тоже наука, только не семинарская, а монашеская». Сказаны были преосвященным эти слова

иеромонаху Амвросию, потому что отец игумен Моисей и духовник иеромонах Макарий предварительно просили его о сём. Затем, осенив всех архипастырским благословением, владыка удалился из скита в монастырь, где на следующий день, отслужив литургию, отбыл в Калугу.

Иеромонаху Амвросию было всего только около 34 лет, когда, вследствие ходатайства отца игумена Моисея и старца Макария, он уже получил от своего архипастыря назначение помогать старцу Макарию в духовничестве. Явно посему, что, несмотря на столь молодые годы, отец игумен Моисей с отцом Макарием прочили его в старцы. Но Промыслу Божию угодно было вступающего в сию великую обязанность молодого иеромонаха предварительно подвергнуть жестокой и продолжительной болезни, дабы, очистившись, как злато в горниле, он был *сосудом в чести, освящённым и благопотребным Владыке, годным на всякое доброе дело* (2Тим.2:21).

Первую половину сентября иеромонах Амвросий был еще в силах. В скитской летописи сказано, что 16 сентября 1846 года он, по распоряжению монастырского начальства, отправлен был на станцию, по Белевской дороге, за 18 верст от Оптиной пустыни, просить посетить обитель проезжавшего в то время из Курска в С.-Петербург высокопреосвященного Илиодора, архиепископа Курского и Белградского, которого и дождался уже 18-го числа в полдень. В тот же день высокий гость и прибыл в Оптину. Вскоре затем иеромонах Амвросий серьезно заболел и слёг в постель, так что его, как пришедшего в крайнее изнеможение, 26 октября во время утрени особоровали и приобщили Святых Христовых Таин.

С тех пор болезнь его стала всё более и более усиливаться. Лечение не помогало. И потому он вынужден был в декабре 1847 года дать подписку в том, что желает быть оставленным в обители за штатом. В этой подписке он говорил так: «Давняя моя болезнь: расстройство желудка и всей внутренности и расслабление нервов, — будучи усилена припадками закрытого геморроя, с осени 1846 года довела тело мое до крайнего изнеможения, от коего и медицинские пособия,

в продолжение года употребляемые, меня восставить не могли и не подают никакой надежды к излечению. Почему я как ныне, так и впредь, исправлять чередного служения и никаких монастырских должностей нести не могу». Подписка эта представлена была преосвященному Николаю, при прошении настоятеля монастыря игумена Моисея со старшею братиею, в котором говорилось, что вследствие положения Святого Синода монашествующие, оставляемые за штатом, должны быть подвергнуты медицинскому освидетельствованию, но иеромонаха Амвросия, по причине совершенного расслабления, не имеется возможности представить в епархиальный город, а потому и испрашивалось разрешение освидетельствовать его на месте его пребывания и исключить из монашеского штата.

По указу Калужской духовной консистории, последовавшему 29 марта 1848 года в ответ на это прошение, приглашены были в скит козельский уездный врач Г. Субботин с присутствующим в Козельском духовном правлении вознесенским протоиереем отцом Андреем Виноградовым. По освидетельствовании больного врач так определил его болезнь: «Отец иеромонах Амвросий имеет болезненный желтый цвет лица, с болезненно блестящими глазами, всеобщую худобу тела; при высоком своем росте и узкой грудной клетке – сильный, больше сухой кашель, с болью при нём в груди, боль в подрёберных сторонах, преимущественно в правой; нытье под ложкой и давящую боль в стороне желудка; совершенное расстройство пищеварения, упорные постоянные запоры и частую рвоту не только слизями и желчью, но и принятой пищею; бессонницу и, наконец, повременный озноб, к вечеру сменяющийся легким жаром. Припадки эти означают медленную, изнурительную лихорадку, происшедшую вследствие затвердения брюшных внутренностей, преимущественно же желудка». Вследствие, по этому случаю монастырского рапорта, определено было епархиальным начальством иеромонаха Амвросия, как не способного ни к каким монастырским послушаниям, исключить из штата братии Оптиной пустыни и оставить его на пропитании и призрении оной пустыни⁶⁵.

Таким-то страдальческим путем Премилосердый и
Всепремудрый Отец Небесный вел Своего избранника к
назначенной ему высокой цели!

VI. Жительство иеромонаха Амвросия в скиту до кончины блаженной памяти старца Макария

Во время благоприятное Я услышал тебя.

(2Кор.6:2)

«Тогда Господь начинает являть Свою силу, – говаривал старец Амвросий, – когда увидит, что все человеческие средства к поданию помощи нуждающемуся в ней человеку истощены». Без сомнения, так говорил он по собственному опыту. В самом деле, кто бы мог подумать, что, испытывая такую тяжкую, не излечимую человеческими средствами и искусством болезнь, терпеливый страдалец останется жив? Наоборот, положительно можно было утверждать, что последний час жизни его уже пробил. Но дивны дела Господни! *Невозможное от человек соделалось возможным у Бога* (Ср.: Лк.18:27). К великому удивлению всех, знавших приговоренного уже к смерти иеромонаха Амвросия, здоровье его стало понемногу поправляться.

В летнюю пору, как можно, по всей вероятности, полагать, 1848 года⁶⁶, выздоравливающий начал выходить на воздух. «Помню, – сказывал сам старец, – в летний ясный, тихий день вышел я в первый раз из кельи и побрел, опираясь на палку, едва передвигая ноги, по дорожке за сажелкой. (Это самая уединенная дорожка внутри скита, вдоль восточной стены). Первый навстречу мне попался игумен Варлаам⁶⁷. «Ну что, – спрашивает, – поправляешься»? «Да вот, – отвечаю, – слава милосердному Господу – оставил на покаяние». Отец игумен остановился и, глядя на меня, начал говорить смиряющим тоном: «А что ж, ты думаешь – лучше, что ли, будешь? Нет, не будешь лучше: хуже, хуже будешь». – Так оптинские подвижники имели обыкновение при случае смирать друг друга. И сам старец Амвросий впоследствии, вспоминая о сём, приговаривал: «Вот теперь и сам вижу, что стал хуже».

Осенью 1849 года, чрез десять лет по прибытии отца Амвросия в Оптину Пустынь, приехал наконец и вышеупомянутый товарищ его, Павел Степанович Покровский.

Его, как в свое время и отца Амвросия, привел в монастырь данный им в болезни Богу обет. Давно троекуровский старец отец Иларион указывал Покровскому путь жизни в обители иноков, и, кажется, не раз это было, но он всё колебался, потому что очень привязан был к светской жизни. Как долго продолжалось бы это колебание мысли Покровского, неизвестно. Вероятнее всего, он стал бы отлагать поступление в монастырь до неопределенного времени. Но вот настал страшный 1848 год. Пришло лето, и в Липецк пожаловала непрошенная гостья – холера. Десятки гробов ежедневно сносились горожанами на кладбища. Заболел холерой и Павел Степанович, и так сильно заболел, что призванный на помощь городской врач нашел болезнь его в последней степени развития и тут же, при одре умирающего, в присутствии его товарищей, прочих наставников духовного училища, произнес свой решительный приговор: «Готовьте к завтраму гроб». С этими словами врач удалился, не предписав никакого лекарства, не подав даже никакого совета к облегчению отчаянного положения уже совсем умирающего. «Отчетливо слышал я этот страшный приговор врача и хорошо понимал, – рассказывал впоследствии сам Покровский. – Вижу, что надежды на выздоровление ждать мне уже неоткуда, а умирать ох как не хотелось. Думаю, что делать? С горячей молитвой обратился я к Единому Всесильному Врачу и мысленно дал такой обет: Господи! Если Ты избавишь меня теперь от смерти, то немедленно по выздоровлении уйду в монастырь». Молитва страдальца была услышана; он пережил ужасную ночь. Утром пришел вчерашний врач уже не как к больному, а чтобы только взглянуть на умершего. При входе в комнату он вопросительно обратился к товарищам Павла Степановича: «Ну что, покойник»? Нет, жив – отвечают ему. «Быть не может, покажите мне его». Посмотрев на приговоренного им к смерти больного, он только пожал плечами и сказал: «Ну, это чудо». Затем вскоре и удалился. Между тем Покровский, Бог дал, выздоровел и чрез год с небольшим явился в знакомый уже ему Оптинский скит. В продолжение целого десятилетия отец Амвросий не прерывал с ним переписки, склоняя его к монашеству. И раз как-то

попросил у него чаю, не потому, впрочем, что нуждался в нём, а только для поддержания братского общения. Покровский резко ответил: «Ты ведь монах: какой же тебе чай?»⁶⁸ Теперь, приехав в холодную погоду, он сильно перезяб и отправился прямо в скит к отцу Амвросию. Прежние друзья очень обрадовались друг другу. Приезжий попросил хозяина напоить его чаем. «Ведь монахи не должны пить чай», – кротко и с любовью заметил ему отец Амвросий и угостил его как друга. Новоприбывший Покровский сначала поступил послушником в монастырь, но через год, вероятно по собственному его желанию, переведен был в скит и помещен в одном корпусе с отцом Амвросием, только в другой половине.

Но возвратимся к старцу Амвросию. Почувствовав облегчение своей долговременной и тяжелой болезни, он возымел было желание поехать в Киев для поклонения святым мощам угодников Божиих и для свидания со старшим братом. «Пять лет, – так рассказывал сам старец, – собирался я ехать в Киев, с намерением, кстати, заехать и на родину для того, чтобы постричь мать свою старушку тайно в мантию, но никак не пришлось поехать».

Прибавим к сему, что старец Амвросий во всё время жительства своего в монастыре, по причине болезненности, и никуда далеко из него не ездил. Был только раз в Белеве (в 40 верстах от Оптиной), и то за послушание, по поручению старца Макария.

«Мать моя, – продолжал рассказывать старец, – всегда была слабая, больная. Помню, что она и летом сидела всё на печке, но прожила дольше отца, несмотря на то что он был крепкого здоровья. Отец скончался 60 лет, а мать 75. Она жила благочестиво, спасалась по-своему. Но если бы я ее постриг, то она могла бы спутаться и никуда бы не попала (ни в мирские, ни в монахини). И я благодарю Бога, что мне не удалось это сделать». Рассказывая кое-что о себе, старец еще говорил: «Три брата мои похожи на мать, а я на отца». Об отношениях же к своим братьям и прочим родным так передавал: «Брат мой Николай (директор Киевской гимназии) двадцать лет не переписывался со мной. Но вот дошел как-то до меня слух, что

он постов не соблюдает. Я написал ему письмо, чтобы соблюдал посты, а он на это мое письмо целый год не отвечал. Я спрашиваю Петра (меньшего брата, бывшего столоначальником Тамбовской казенной палаты), нет ли слуху про Николая. Он мне отвечает: «Пишу тебе буквально его слова: наш пустынник написал мне нравственное наставление, которое легче сказать, нежели исполнить на деле». Я был моложе брата Николая на шесть лет. Он меня в свое время учил грамоте и наказывал – за вихор драл. А когда я написал ему наставление, это ему не понравилось. После я писал ему, как бы с ним повидаться. А он мне отвечает: «Съедемся мы два старика, – о чём будем говорить? Мы разных убеждений». У меня все братья умные, – продолжал смиренный старец, – не такие, как я. Второй мой брат не доучился и поступил на место отца причетником. Он был добрый и гостеприимный. Когда, бывало, мы с младшим братом приедем к нему из семинарии, он запряжет тройку и катает нас. Но вот люди стали над ним смеяться: «Что ты их катаешь? Они у тебя господа, а ты их кучер». Ему стало обидно, и он заплакал». На вопрос: бедно он живет? – старец отвечал: «Ни бедно, ни богато, – братья помогают. Два брата у меня холостые, а этот причетник женат. У него было семь человек детей. Было у меня четыре сестры. Две померли, а одна 60 лет живет у брата точно игуменья. А племянница у меня – матушка попадья»⁶⁹.

Впоследствии эта матушка попадья, овдовевши в молодых летах, неоднократно посещала старца Амвросия в Оптиной пустыни и в первый раз приезжала вместе с своим родителем. За нею и другие родственники навещали старца, который всегда принимал их всех с родственною любовью и оказывал им возможную помощь. Две сестры его, оставшиеся в живых, как выше было замечено, даже и дни свои окончили при старце. А две его внучки помещены были им еще при жизни в Шамординской общине, где живут и доселе. Вообще отношения старца Амвросия к своим родственникам были самые искренние, любовные. И если он в свое время написал старшему брату наравоучение, то побуждением к сему опять-таки была родственная любовь.

С течением времени здоровье отца Амвросия хотя, как мы видели, несколько и поправилось, но совершенно не восстановилось, и разные его недуги более или менее давали себя чувствовать уже во всю последующую его жизнь до самой кончины. То усиливался у него катар желудка и кишок, открывалась рвота, то ощущалась нервная боль, то простуда с лихорадочным ознобом и просто жестокая лихорадка. К тому же еще стали появляться геморроидальные кровотечения, которые по временам до того измощдали страдальца, что он лежал в постели точно мертвый. Несмотря на это, он не только никогда не скорбел о своих болезнях, но даже считал их необходимыми для своего духовного преуспевания. Веруя вполне и уразумевая собственным опытом, что *если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется (2Кор.4:16)*, он никогда и не желал себе совершенного выздоровления. И другим потому всегда говаривал: «Монаху не следует серьезно лечиться, а только подлечиваться», для того, конечно, чтобы не лежать в постели и не быть в тягость другим. Так и сам он постоянно подлечивался. На столе у него потому всегда стояло много пузырьков с разными лекарствами. Доктор же приглашался только в крайних случаях, когда уже очень усиливалась болезнь. Зная же из учения отцов подвижников, что телесная болезнь выше и крепче поста и трудов и подвигов телесных, он в напоминание себе и в назидание и утешение своим ученикам недужным имел обыкновение говорить: «Бог не требует от больного подвигов телесных, а только терпения со смирением и благодарения».

Иметь терпение со смирением и благодарением среди тяжких и продолжительных болезней – подвиг великий. Поневоле и каждый страдалец терпит постигшую его болезнь, иной даже с ропотом. Но терпеть с сознанием, что болезнь есть должное возмездие человеку за грехи его, и потому смиренно благодарить Господа за сие, как очистительное средство против заразы греховной, это – удел немногих избранников Божиих, от них же один и был отец Амвросий. Выше мы видели, что после тяжелой и продолжительной болезни он довольно поздоровел. Каково же было теперь его жителство в период времени до

осени 1860 года, именно до кончины старца отца Макария, когда после него он сам сделался главным старцем? Те же добродетели, в которых упражнялся он прежде, видны в нём и теперь. Так, он был крайне нестяжателен. В келье его по прежнему царила полная нищета. Хаживал к нему в то время нередко из монастыря, по благословению старца Макария, вышеупомянутый молодой послушник Феодор (игумен Феодосий). При воспоминании о сём он говорит, что в келье батюшки отца Амвросия было весьма просто. В переднем углу стояло несколько икон. Около двери висели ряса и подрясник с мантией. Затем кровать с постланным на ней холщовым, набитым соломой тюфяком и такой же подушкой. Вот и всё было ее убранство. Заметил он еще под койкой у него плетушку, которая, вероятно, служила ему вместо комода или сундука, где хранились у него шерстяные чулки и фланелевые рубашки, в которых он имел крайнюю нужду. «Это плетушка-то для чего у вас, батюшка?» – полюбопытствовал Феодор. Желая скрыть от него свою крайнюю нестяжательность, смиренный отец Амвросий сказал, по своему обыкновению, в шутиливом тоне: «Да вот хочу гусыню на яйца сажать». Посмеялись, конечно, и гость и хозяин, но тем дело и кончилось.

В употреблении пищи отец Амвросий, как и прежде, соблюдал крайнее воздержание. Несмотря на болезненное состояние желудка, он продолжал, по временам, довольствоваться и трапезною пищею. Нужно при сём заметить, что в Оптиномском скиту хотя готовят довольно вкусно, но пища круглый год, исключая шесть сплошных седмиц, готовится с постным маслом, а в посты, в положенные Святой Церковью дни, даже и вовсе без масла. И для людей со здоровыми желудками бывает иногда ощутительна недостаточность питания такою пищею, для отца Амвросия же с испорченным болезненным желудком это было тем паче. Однако он не переставал, когда имел возможность, вместе с братьями ходить в трапезу. Итак как он еще, при болезненности желудка, не в старых летах лишился зубов в верхней челюсти, то и стеснительно было для него кушать с братьями из одного блюда. А потому, по благословению старца отца Макария, когда

братия садилась в трапезе за стол, отец Амвросий шел в кухню, куда вела дверь из трапезы, и там в особой маленькой комнатке, где хранилась скитская посуда и резался хлеб, в одно время с братьями садился кушать. Для смягчения же довольно грубой постной пищи он имел продырявленный, наподобие терки, ковш, сквозь который предварительно и протирали подаваемую в блюде пищу, например щи или горох. Иногда же по крайней нужде готовил у себя в келье картофельный суп⁷⁰. Чай пил каждый день. Впоследствии, будучи главным старцем, он нередко говаривал: «Счастлив тот монах, который может довольствоваться трапезною пищею». Это, конечно, потому, что у монаха, готовящего для себя отдельно пищу, по этому самому пропадает очень много времени, которое он мог бы употреблять с пользою для своей души.

Послушание его к своему старцу, батюшке о. Макарию, как и всегда, было беспрекословное. Вышеупомянутый отец игумен Марк, как увидим ниже, относившийся к иеромонаху Амвросию как к старцу и потому часто посещавший его, пишет: «Казалось, что у отца Амвросия не было своей воли в распоряжении даже келейными мелочными вещами, а во всём воля старца, и во всём давался им отчет старцу отцу Макарию; как он мне однажды лично выразился: в этой вещи, даваемой тебе, нужно дать отчет старцу». В отношении же общих скитских послушаний теперь старцем Макарием поручались иеромонаху Амвросию, сообразно с его саном и возрастом духовным, приличные занятия. Пребывая в отдельном от старца Макария корпусе, он ежедневно ходил к нему, когда позволяло здоровье, и здесь, во-первых, усердно помогал старцу в обширной переписке с искавшими от последнего пользы духовной; а во-вторых, вместе с другими⁷¹, занимался приготовлением к изданию святоотеческих и других душеполезных книг, каковых до кончины старца Макария было шестнадцать изданий. В особенности он деятельно помогал старцу в переложении Лествицы с древнеславянского, во многих местах темного наречия, на упрощенный, удобопонятный новославянский язык. И так как печатание славянской Лествицы зависит непосредственно от Святого Синода, то Оптинские старцы и

передали туда этот труд, не ища от сего издания собственных выгод, а единственно имея в виду духовную пользу любителей назидаться чтением книг отеческих⁷².

Нужно, впрочем, заметить, что отец Амвросий, как иеромонах, будучи главным деятелем среди скитского ученого люда, вовсе не имел приписываемого ему некоторыми хорошего знания древних языков. Это можно видеть из рассказа о нём товарища его отца Павла Покровского, которому, как хорошему латинисту, поручено было старцем Макарием перевести с латинского на русский язык поучения преподобного аввы Исаии. «В темных местах, – говорил он, – обращался я за помощью к отцу Амвросию, а он прямо отвечал мне: всё, брат, забыл». Но отец Амвросий имел то достоинство, что, перечитавши с особенным вниманием, под руководством мудрого старца Макария, все известные в то время творения отцов подвижников, мог правильно понимать смысл этих творений, имея в пособии к этому собственный опыт жизни⁷³. А кроме того, он прекрасно понимал славянский язык и очень любил его.

Можно думать, что эти книжные занятия имели для отца Амвросия и весьма важное воспитательное значение в жизни духовной. Один из участников этих занятий между прочим пишет: «Как щедро были награждены мы за малые труды наши! Кто из внимающих себе не отдал бы нескольких лет жизни, чтобы слышать то, что слышали уши наши: это объяснения старца Макария на такие места писаний отеческих, о которых, не будь этих занятий, никто из нас не посмел бы и спросить его; а если бы и дерзнул на сие, то, несомненно, получил бы смиренный ответ: «Я не знаю сего, это не моей меры; может быть, ты достиг ее, а я знаю лишь: даруй ми, Господи, зрети моя прегрешения! Очисти сердце, тогда и поймешь»⁷⁴.

А молитва? Что сказать о сей царице добродетелей? Что отец Амвросий проходил подвиг высокой умной молитвы – это несомненно. Будучи уже главным старцем, на вопрос одного любопытника: «Что это такое, батюшка, умная молитва?» – отец Амвросий, окинув его своим серьезным проницательным взглядом, ответил только: «Учитель молитвы – Сам Бог». А в

другой раз, в особенно веселом настроении духа, при разговоре о том же предмете невольно высказался: «Трудное это, брат, дело – всего разломит». И тут же стал подшучивать над одним подвижником, проходившим умную молитву: «Как он только что начнет свою молитву, а там, глядишь, то тот идет с делом, то другой, и перервут его молитвенный подвиг». Но когда отцу Амвросию удобнее было обучаться сему искусству искусств, как не в описываемый период времени? В оптинском кратком жизнеописании старца Амвросия сказано, что с самого начала самостоятельного старчества он «оставил затворнические правила». Эти правила, без сомнения, и составляли его келейные упражнения в усвоении непрестанной умной Иисусовой молитвы. Спросил однажды старец Макарий своего любимого ученика отца Амвросия: «Угадай, кто получил свое спасение без бед и скорбей?» Рассказывая о сём другим, смиренный отец Амвросий приписывал это бесскорбное спасение старцу Макарию. Но в жизнеописании старца Макария сказано, что «прохождение им умной молитвы, по степени тогдашнего духовного возраста его, было преждевременным и едва не повредило ему». Главной же причиной сего было то, что отец Макарий не имел при себе постоянного руководителя в этом высоком духовном делании. Отец Амвросий, имея в своем старце Макарии, уже восшедшем на высоту жизни духовной, опытнейшего духовного наставника, мог обучаться умной молитве действительно без бед, т.е. минуя козни врагии, вводящие подвижника в прелесть, и без скорбей, бывающих вследствие наших несмысленных худых, иногда по видимому благовидных, настойчивых желаний, считая в то же время скорби, приходящие отвне, душеполезными и спасительными. Да и вся, с самого начала, иноческая жизнь отца Амвросия под окормлением мудрых старцев шла ровно, без особых преткновений, направляемая к большему и большому совершенствованию духовному. А что стяжание, при помощи Божией, высокой умной молитвы есть, так сказать, венец, или завершение спасения, содеваемого на земле человеком, можно видеть из слов святого Иоанна Лествичника, который определил молитву «пребыванием и соединением человека с Богом»⁷⁵; ибо

кто соединился с Богом и пребывает в Нём, тот хотя еще находится в сём бренном теле, но уже спасен. Это, между прочим, указывает еще и на то, что в последние годы жизни старца Макария отец Амвросий достиг уже высокого совершенства в жизни духовной. Ибо как в свое время старец Лев называл отца Макария святым, так же теперь и старец Макарий относился к отцу Амвросию.

Избавившись от вышеупомянутой смертельной болезни, отец Амвросий, по слабости здоровья, более уже не отправлял церковных богослужений, но в храм Божий еще ходил, где и сообщался Пречистых Таин Христовых, вероятно по-схимнически – раз в месяц, как делал это и старец его отец Макарий. В это время отец Амвросий вследствие болезненности лето и зиму носил упомянутые выше фланелевые рубашки и шерстяные чулки и часто, по причине испарины, то и другое переменял. А потому он постоянно имел при себе мешок с рубашками и чулками, так что, когда и в церковь шел, мешок этот нес с собою. И так как скитский храм в то время имел расположение домово́й церкви – собственно переднюю часть занимала церковь, а в задней части были отделения наподобие комнат, – то в сём-то месте отец Амвросий по потребности и переменялся. Келийные же правила вычитывал для него ежедневно живший рядом с ним в особой келье брат, назначенный ему для послужения.

Несмотря, однако, на то, что теперь отец Амвросий взошел уже на высокую степень духовного совершенствования, старец Макарий подвергал его иногда весьма тяжким испытаниям и лишениям, воспитывая в нём строгого подвижника нищеты, смирения, терпения и других иноческих добродетелей, по слову Святого Писания: *Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его* (Притч.13:25). И: *Наказывай сына твоего, и он даст тебе покой* (Притч.29:17). Лишь только заметит, бывало, старец возлюбленного ученика своего без дела, может быть вследствие болезненности или крайнего переутомления, как тотчас же строго и зашумит на него: «Амвросий, Амвросий! что ничего не делаешь? что ничего не делаешь?» Принимая близкое участие в

своим другом и товарищем, Павел Степанович нарочно придет, бывало, к старцу и станет защищать его: «Батюшка! Ведь он человек больной». «А я разве хуже тебя знаю?» – скажет старец. – Но ведь выговоры и замечания монаху – это щеточки, которыми стирается греховная пыль с его души; а без сего монах заржавеет». Умел, говорят, старец Макарий при случае пробирать и подобно старцу Льву. Так однажды бесцеремонно выгнал отца Амвросия вон из кельи за одну немилосердную барыню, которую и сам долгое время не принимал.

А утешения вещественные каковы были у старца Макария? «Иду однажды по скиту, – рассказывал сам отец Амвросий, – вдруг мне навстречу батюшка, где-то он взял крошечную баночку варенья, вышиною не больше вершка, и, подавая мне ее, говорит: на-ко, на-ко тебе для услаждения гортани от горести, ею же сопротивник напои»⁷⁶. Подарок по видимому мало важный, если не сказать более, но как высоко ценились подобные дары всеми любимого и любвеобильного старца, который вместе с тем самым делом обучал своих учеников, чтобы они не были притязательны и за малые дары были благодарны своим благодетелям.

Так-то, взлелеянный особенною попечительностью и молитвами старца Макария, отец Амвросий, как выше было замечено, внимательно перечитавший все известные в то время творения отцов подвижников и под руководством своего старца хорошо усвоивший их учение, а также и собственным опытом проходивший науку духовной жизни вследствие вышеупомянутого назначения своего архипастыря епископа Николая, паче же изволением Верховного Архипастыря и Владыки мира, готовился уже теперь быть в Оптиной старцем и духовным руководителем душ к вечному спасению.

Рассказывал о себе иеромонах Оптиной пустыни отец Геронтий⁷⁷, что еще в 1848 году, тотчас по поступлении его в монастырь, старец Макарий благословил его относиться к отцу Амвросию, как к старцу, за духовными советами. «Придешь, бывало, к нему, – так говорил отец Геронтий, – скажешь что нужно, а он развернет книгу и заставит меня прочитать ответ на мое недоумение. В то время я возымел было ревность к

высоким иноческим подвигам, но отец Амвросий вразумил меня, что ревность моя была не по разуму, и заставлял меня прочитывать святого Исаака Сирского в Добротолюбии. Впрочем, замечу, что в продолжении пятилетнего срока, начиная с 1848 года, ходили на совет к отцу Амвросию только немногие из монастырских и скитских братий, и не иначе как по благословению старца Макария: отец Амвросий хотя и старчествовал, но как бы прикровенно».

Скитский схимонах отец Геннадий (бывший брат Герасим – повар) тоже говорил о себе, что «нередко навещал отца Амвросия, имея нужду спросить совет по какому-либо делу», и также присовокупляет, что его посещали монастырские и скитские братия для советов и откровения помыслов.

А в скитской летописи сказано, что 8 мая 1852 года, на праздник Вознесения Господня, старец Макарий, по случаю своего близкого отъезда в Москву (вследствие приглашения его Высокопреосвященным митрополитом Московским Филаретом, который коротко знал старца и любил искренно отеческой любовью), пригласил всех скитских братий к себе на чай, причем объявил, что в отсутствие свое поручает смотрение за порядком иеромонаху Пафнутию, а назидание духовное иеромонаху Амвросию.

Поступивший в 1854 году в Оптину пустынь вышеупомянутый достопочтеннейший отец игумен Марк (теперь живущий здесь на покое) также говорит, что старец Макарий в то время благословил ему обращаться с откровением помыслов к отцу Амвросию. Прекрасно рисует отец игумен Марк теперешнее положение своего старца иеромонаха Амвросия и свое к нему духовное отношение. «Сколько мог я заметить, – говорит он, – отец Амвросий жил в это время в полном безмолвии. Ходил я к нему почти ежедневно для откровения помыслов и всегда почти заставлял его за чтением святоотеческих книг; если же не заставлял его в келье, то это значило, что он находится у старца Макария, которому помогал в переписке с относившимися к старцу за духовными советами, или трудился над переводами святоотеческих книг. Иногда же я заставлял его лежащим на кровати и слезящим, но всегда

сдержанно и едва приметно. Мне казалось, что старец Амвросий всегда ходил пред Богом, или как бы ощущал присутствие Божие, по слову псалмопевца: *Предзрех Господа предо мною выну* (Пс.15:8); а потому всё, что ни делал, старался Господа ради и в угодность Господу творить. Через сие он всегда был сетованен, боясь, как бы чем не оскорбить Господа, что отражалось и на лице его. Видя такую сосредоточенность своего старца, я в присутствии его всегда был в трепетном благоговении. Да иначе мне и нельзя было быть. Ставшему мне, по обыкновению, пред ним на колена и получившему благословение, он, бывало, весьма тихо сделает вопрос: «Что скажешь, братец, хорошенького!» Озадаченный его сосредоточенностью и благоумием, я, бывало, скажу: «Простите Господа ради, батюшка, может быть, я не во время пришел». «Нет, – скажет старец, – говори нужное, но вкратце». И, выслушав меня со вниманием, преподает полезное наставление с благословением и отпустит с любовью. Наставления же он преподавал не от своего мудрования и рассуждения, хотя и богат был духовным разумом. Предлагал не свои советы, а непременно деятельное учение святых отцов. Для сего, бывало, раскроет книгу того или другого отца, найдет, сообразно с устроением пришедшего брата, главу Писания, велит прочесть и затем спросит, как брат понимает ее. Если кто не понимал прочитанного, то старец разъяснял содержание святоотеческого учения весьма толково. И всё это делалось с безграничною отеческою любовью и благопожеланием. Случалось же иногда и так, что, неистово воспламенившись гневом на ближнего за какое-либо личное оскорбление моего самолюбия, приду, бывало, к нему на откровение, еще не успокоившись, и стану высказывать свою безрассудную печаль и огорчение без самоукорения, вопреки учению святых отцов подвижников, а, напротив, с обвинением ближнего и даже по причине засевшего в душе неприязненного чувства с таким желанием, чтобы старец сейчас же строго вразумил огорчившего меня брата. Выслушав всё со свойственным ему невозмутимым спокойствием и сочувствием моему горю, болезненный старец, бывало, скажет плачевным тоном: «Брате,

брате! я человек умирающий»; или: «Я сегодня-завтра умру. Что я сделаю с этим братом? Ведь я не настоятель. Надобно укорять себя, смиряться пред братом, и успокоишься». Выслушав такой жалобно произносимый ответ, оцепенеешь. Вместе с тем, глубоко сознав свою виновность, смиренно падешь в ноги старцу, прося прощения, и, получив от него разрешение и благословение, пойдешь успокоенным и утешенным, как на крыльях полетишь. Случалось мне приходить к старцу весьма рано – часов в пять утра. Но обычной молитве, получив позволение войти в келью, я всегда находил его трезвенным и бодрым, как бы совершенно неспавшим, и отечески любезным сверх моего чаяния; неудовольствия же за ранние мои посещения у него почти не проявлялось. Кто был внимателен к себе и помнил его назидательные слова или наставления старца Макария, таковым братом отец Амвросий оставался всегда весьма доволен, оказывал ему внимание и даже приближал к себе. К согрешающим, но чистосердечно кающимся и исправляющимся был снисходителен и милостив паче меры. Он не различал богатого от убогого, достойного от недостойного, по примеру Господа, евшего и пившего с мытарями и блудницами, лишь бы заблуждших возвратить на путь истины и привлечь к страху Божию. Никогда не порицал он чужих согрешений и не терпел клеветы на ближнего, строго относясь к клеветникам, не разбирая лиц». Переданные здесь достопочтенными отцами сведения об отце Амвросии показывают теперь, между прочим, кроме вышеописанных добродетелей нового старца, особенную в нём сосредоточенность, или внимание к себе, соединенное со страхом Божиим или всегдашним хождением везде в присутствии Божиим, с проявлением даже духовных дарований, именно – дарования плача и разума духовного.

Поручая духовному окормлению отца Амвросия некоторых из братий, старец Макарий в то же время знакомил его с некоторыми боголюбивыми посетителями обители, искавшими духовного окормления. По его благословению и указанию иеромонах Амвросий часто вел душеполезные беседы и в хибарке, примыкавшей к келье старца совне ограды скитской,

где принимался женский пол, ибо вход в скит женщинам возбранен. Но так как отец Амвросий, несмотря на слабое свое здоровье, вследствие молодости обладал бодростью духа, имел особенную способность говорить с людьми, что в свое время служило для него даже некоторого рода удовольствием, притом же беседовал он, по указанию старца Макария, только с некоторыми посетителями, а всё бремя старчества лежало на приутружденном летами и болезнью старце Макарии, то беседы эти не были для него утомительны. Он с ревностью и любовью занимался этим назначенным ему от старца послушанием, имея в то же время возможность на всякое недоумение получить вскорости обстоятельный ответ из уст самого старца Макария. А потому старец Макарий, видя своего преданнейшего ученика и сына духовного, своего будущего заместителя по старчеству, без отягощения беседующим с посетителями на пользу душевную, проходя мимо, шутя погрозится на него, бывало, палкой и скажет: «Смотри, помянешь ты это времячко». Или иногда, указывая на него, окруженного толпой, шутливо промолвит: «Посмотрите-ка, посмотрите! Амвросий-то у меня хлеб отнимает, хлеб отнимает».

По поручению старца Макария, отец Амвросий ходил, как и сам старец Макарий, для беседы с посетителями и на гостиницу. Мешок с рубашками и чулками был обыкновенно неизменным его спутником. Как только нужно, бывало, на гостиницу идти, навалит себе его на плечо и пойдет.

В это время духовному окормлению отца Амвросия уже поручены были относившиеся к Оптиным старцам монахини Борисовской пустыни Курской губернии. И потому, когда они приезжали в Оптину, он по обязанности немедленно отправлялся к ним на гостинцу.

Ходил он, по благословению отца Макария, и к мирским посетителям.

Послал однажды старец отца Амвросия на гостиницу к какой-то приезжей богатой госпоже, которая готовилась к причащению Святых Таин. Наслышавшись об отце Амвросии много хорошего, она стала говорить ему о своих каких-то

неудачах, вызывавших в ней чувство огорчения, в надежде услышать от него сочувствие к себе. Но он, выслушав ее речь, спокойно сказал: «По делам вору и му́ка». Не понравились эти слова госпоже, и она прекратила с отцом Амвросием разговор, а он немедленно удалился в свою келью. На следующий день после обедни старец Макарий пошел в гостиницу поздравить оную госпожу с принятием Святых Таин, взяв с собою и отца Амвросия. Увидев его, она сказала: «Ну уж, батюшка, повозилась я с вашим словечком, чуть-чуть причастия не отложила, всю вечерню об этом продумала и утреню; пришла к обедне, а сама всё никак не успокоюсь; только уже во время Херувимской согласилась, что вы правду сказали». Прямое, правдивое слово возымело свое действие, и богатая, знатная госпожа хотя с трудом, но согласилась, что достойно терпит неудачи, и от простых слов отца Амвросия получила великую душевную пользу.

В пятидесятых годах приехало в Оптину богатое семейство господ Ключаревых – отец и мать с малолетним сыном и бабушка последнего. Цель их была та, чтобы поступить в монашество – отцу в Оптину пустынь, а матери с малюткой и старушкой жить или тут же при обители, или в Белевском женском монастыре. Но так как развязка таких лиц с миром была для них очень тяжела и потому преимущественно на первых порах требовали они особенного участия старца Макария, то вероятнее всего по этим причинам старец поручил их попечению отца Амвросия, как более человека свободного. Вследствие этого он и посещал их едва ли не каждый день на гостином дворе, где они занимали особый небольшой корпус. Господа Ключаревы, видя, с каким усердием посещает их добрый отец Амвросий и с какою заботливостью входит в их положение, и зная его слабенькое здоровье, для облегчения его стали посылать за ним лошадку. Запрягут, бывало, в барский экипаж одну лошаденочку и посылают в скит за отцом Амвросием. Понятно, одна лошадь не могла быстро везти такую тяжесть. И вот случалось иногда, пока отец Амвросий доедет до назначенного места, старец Макарий успеет прийти туда пешком. Увидит отца Амвросия и опять шутливо скажет:

«Амвросий, Амвросий! Хлеб у меня отнимает». А иногда среди разговора с близкими к случаю скажет: «Отец Амвросий вас не бросит».

Но вот об этой езде отца Амвросия на гостиницу в экипаже узнал смиренный настоятель подвижник, отец архимандрит Моисей. Не в монашеском духе показался ему этот поступок отца Амвросия. Нужно заметить, что мудрый настоятель имел обыкновение обличать отцов и братьев в чём-либо неблаговидном или монашески неприличном большей частью тонкими намеками. На этот раз в то самое время, как ехать отцу Амвросию на гостиницу, он вышел на ту самую дорогу, пролегающую среди леса, и стал в стороне спиной к дороге. Показался экипаж. Старец-настоятель так и оставался в этом положении, пока проезжал мимо него отец Амвросий, как будто ничего не видал, и всё что-то копался палочкой в кустах. Совесть подсказала отцу Амвросию, что настоятель находит поступок его неблагоприличным, и с тех пор он стал ходить на гостиницу по-прежнему пешком, с обычным своим мешком на плечах.

Из сказанного можно видеть, что отец Амвросий был уже теперь в полном смысле помощником по старчеству отцу Макарию и находился к нему в таком же отношении, в каком был в свое время и отец Макарий к старцу Льву. И всякому явно, что неслучайные обстоятельства поставили отца Амвросия в такое видное положение. Причиной того была его смиренная подвижническая жизнь, за которую, как должная дань, приносились ему теперь от всех, знавших его, уважение и любовь. Теперь уже и те монахи, которые, по немощи человеческой, некогда завидовали его быстрому производству в сан иеромонашеский, стали относиться к нему также с уважением. Сам старец Макарий, по словам схимника отца Геннадия, питал к нему особенную любовь. И все указывали на отца Амвросия, по замечанию того же отца Геннадия, как на прямого преемника старца Макария.

Так текло и протекло время жизни отца Амвросия до тех пор, когда Господу угодно было взять чистую душу старца Макария в блаженные обители горнего Иерусалима Небесного,

вместе со святыми Ангелами и душами праведных воспевать
Ему вечное «аллилуия».

VII. Первые годы самостоятельного старчества иеромонаха Амвросия до кончины скитона начальника иеросхимонаха Илариона⁷⁸

Не может укрыться город, стоящий на верху горы.

И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике...

(Мф.5:14–15)

Сильные духом люди промыслительно посещаемы бывают от Господа и сильными испытаниями. Тяжела была предсмертная болезнь великого Оптинского старца Макария; велико было и терпение его. Оно изумляло посещавших его врачей. Во всё время болезни он подкреплялся молитвою и частым причащением Пречистых Таин Христовых. Отец Амвросий, как ближайший и преданнейший ученик старца, почти не отходил от него и в удобное время, по его желанию, прочитывал для него некоторые статьи из писаний святых отцов. «Прочитал я однажды ему какую-то статью, – рассказывал после отец Амвросий, – а он, обратившись ко мне, сказал: вот как, брат, люди-то жили, а мы что с тобой? Живем, очертя голову»⁷⁹. Так старец и на смертном одре смирался и смирал. 7 сентября 1860 года последовала блаженная кончина старца Макария, но здоровье отца Амвросия настолько было изнурено болезнями, что на торжественные его похороны 10 сентября он не мог и в ризы облачиться.

Между тем, приближаясь к кончине, старец Макарий прямо не назначил себе преемника по старчеству. На вопрос учеников: «Как нам быть без вас, батюшка?» – он указал им в алфавитном патерике ответ аввы Исаака Скитского на точно такой же вопрос. Там написано: «Сказывали об авве Исааке: когда он был близок к преставлению, собрались к нему старцы и спросили: «Что мы будем делать без тебя, отче?» Он же сказал: «Вы видели, как я вел себя пред вами; если хотите подражать сему, сохраняйте и вы заповеди Божии, и Бог пошлет благодать Свою и сохранит место сие; если же не будете сохранять заповедей, не пребудете на месте сём. И мы также

скорбели, когда отходили от нас к Господу отцы наши: но, соблюдая заповеди Господни и заветы старцев, жили так, как будто они были с нами. Поступайте так и вы – и спасетесь!»⁸⁰

Сам святитель Московский митрополит Филарет, как выше было замечено, лично знавший Оптинского старца иеросхимонаха Макария и с любовью относившийся к нему за его высокие душевные качества, не знал о его преемнике. А потому, сочувствуя великой потере оптинских иноков, в лице почившего старца Макария, он так писал наместнику Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Антонию: «Оптинские лишились отца Макария. Думаю, остались от него добрые духовные наследники, но найдется ли, кто мог бы поддержать их в единстве духа и возглавить?»⁸¹

Тем не менее преемник иеросхимонаху Макарию по старчеству, как видно из предыдущей главы, давно уже был предназначен в лице смиренного иеромонаха Амвросия. И на предложенный старцу Макарию вопрос о преемнике можно было ответить каждому: «Приди и виждь». Но так как о. Амвросий по летам был молод, ему было только 48 лет, внутренняя же духовная жизнь его, кроме Бога и старца Макария да еще некоторых духовных мужей, никому не была вполне известна, а обнаружиться во внешних делах не было времени, то товарищи его – прочие ученики старца Макария, и тем паче старшие по летам и по поступлению в обитель иеромонахи, не иначе могли смотреть на него как на человека заурядного. Ибо, и по слову Спасителя, *не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и у сродников и в доме своем* (Мк.6:4). Поэтому, вероятно, и умирающий старец не мог прямо указать им на него как на своего преемника. И если старец – святой муж не мог прямо сказать преемника себе, тем паче не могли здесь иметь никакого значения человеческие выборы. Тут требовались дела, как сказал Сам Господь; *Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела* (Мф.5:16). И сам старец Амвросий впоследствии в подобных случаях восхвалять человека и прямо определять ему какое-либо назначение не имел обыкновения, а повторял

старинную русскую пословицу: «Толкач муку́ покажет». То есть время и обстоятельства покажут, каков человек и достоин ли он своего назначения.

Выше мы видели, что отец Амвросий, не в долгом времени по поступлении в монастырь, настолько преуспел в жизни духовной, что еще с 1848 года, по благословению своего духовного отца и наставника – старца Макария и богомудрого настоятеля отца архимандрита Моисея, начал уже старчествовать, успешно руководствуя своими духовными советами и наставлениями относившихся к нему в деле спасения. Теперь же, по прошествии двенадцати лет старчества его в зависимости от старца Макария, он уже настолько был подготовлен к сему великому служению, что вполне мог быть и заместителем своего предшественника, что и было на самом деле. И вот теперь исполнились слова троюровского старца отца Илариона, двадцать один год тому назад сказанные им молодому человеку Александру Михайловичу Гренкову: «Иди в Оптину, ты там нужен». Действительно, он теперь в Оптиной крайне был нужен, ибо никто, кроме него, из монашествующих во всей обители не мог занять место старца Макария, дабы проходить сие великое служение с такою честью и славой, и при том так продолжительно, как судил Господь болезненному старцу Амвросию.

По прошествии сорока дней поминовения новопреставленного старца Макария в скиту последовала передвижка старших братий. Скитоначальник иеромонах Пафнутий перешел из соборной кельи⁸² в келью почившего старца Макария, и в соборную перебрался иеромонах Иларион, бывший у старца Макария келейником. Равным образом и старец иеромонах Амвросий, будучи уже схимником⁸³, теперь оставил свои затворнические правила, а с ними и свою тесную келью, свидетельницу молитвенных его подвигов, и перешел в другой корпус. Вблизи скитской ограды, с правой стороны колокольни, и до отъезда своего в Шамординскую женскую общину, он почти целых тридцать лет бодренно стоял на божественной страже, всю свою любящей душой предавшись

служению ближним, входя во все человеческие скорби, печали и немощи, помогая словом, делом и дарованиями духовными. На западной стороне означенного корпуса, между ним и оградой, вскоре по указанию нового старца устроено было теплое помещение, называемое «хибаркой», для приема женского пола, как и при корпусе с левой стороны скитских ворот, где жил и скончался старец отец Макарий.

Между тем в начале своего старчества отец Амвросий, если смотреть по-человечески, очутился как будто среди не совсем благоприятных обстоятельств. Несмотря на то что маститый старец отец архимандрит Моисей, без сомнения, радовался духом, видя принятого им под свое крыло неоперенного птенца Александра Михайловича, сравнительно так скоро успевшего стать на степень старца, могущего руководить других к блаженству вечному путем так называемого «старчества», о введении и упрочении которого в Оптиной пустыни он и молился так горячо в свое время, однако по кончине своего духовного отца старца Макария, имевшего пребывание в скиту, отец архимандрит избрал себе духовником не старца Амвросия, а жившего в монастыре своего младшего родного брата, отца игумена Антония, которого и сам был доселе духовным отцом во всё время их совместного пребывания. Так что при этом необычном избрании отец игумен Антоний несколько поусомнился. Но отец архимандрит очень просто разрешил это сомнение брата, сказав: «Ведь апостол велит друг другу исповедать согрешения». Таким образом, с самого начала настоятель как будто несколько отклонился от молодого старца. Это раз. А второе то, что иеромонахи и иеродиаконы и прочие старшие братия как прежде исповедовались у братского духовника – скитоначальника иеромонаха Пафнутия. так и теперь продолжали исповедоваться у него же. Третье, наконец, и мирянам отец Амвросий был мало известен. Таким образом, на долю нового старца Амвросия оставались только некоторые из молодых братий да монахи, порученные ему старцем Макарием, и вновь поступающие послушники, и то не все. Из мирских же людей, хорошо знавших покойного старца Макария, некоторые стали

относиться к новому старцу Амвросию даже с неприязнью. Одной, например, барыне, которую кончина отца Макария повергла в глубокое горе, сказали, что в Оптиной новый старец, которого очень хвалят, и что его зовут Амвросий. «Как! – воскликнула она в негодовании. – Чтобы я после Макария пошла к этому монаху, который всё вертелся в батюшкиных кельях и расхаживал с мешочком! Это невозможно.» И только по времени, как-то случайно вступивши в беседу с отцом Амвросием, вышла уже от него в умилении, и как люди, по обыкновению, впадают в крайность, то прежде корила его, а теперь стала превозносить уже выше старца Макария. «Я знала обоих, – говорила она, – но чувствую, что отец Амвросий еще выше». Из сказанного, между прочим, видно, что как будто отец Амвросий поначалу промыслительно оставлен был на пробу, чтобы достоинство его по времени обнаружилось само собой на деле.

Но вот скоро обстоятельства монастырские изменились. Через два года, именно 16 июня 1862 года, скончался почтенный оптинский настоятель, после которого, по чиноположению общежительных монастырей, братия должна была избрать из среды своей нового настоятеля. Приехавший на погребение отца архимандрита Моисея калужский преосвященный Григорий II, предав тело покойного земле, благословил братии немедленно приступить к избранию нового настоятеля, под ведением благочинного калужских монастырей архимандрита Герасима, бывшего в то время ректором Калужской семинарии (впоследствии епископа Астраханского). Старцу Амвросию, конечно, давно уже было известно, что преемником отца архимандрита Моисея должен быть скитский иеромонах отец Исаакий Антимонов. Но сей последний, зная также о грозившей ему участи, со слезами на глазах умолял старца Амвросия избавить его от тяжелого креста, которым считал настоятельство, и потому старец счел за лучшее до времени помолчать о нём. А может быть, он еще думал, что так как устами покойного старца Макария изъявлена воля Божия о преемнике отца архимандрита Моисея, то обстоятельства, устрояемые Промыслом Божиим, сами собой

должны были сложиться в пользу избрания на настоятельство отца Исаакия. Но дела приняли другой оборот. Голоса братий на выборах разделились. Большая часть пожелала избрать старейшего иеромонаха отца Пафнутия, который был немалое время скитона начальником и братским духовником. Меньшая, состоявшая из более почетных и уважаемых по жизни и значению в обители лиц, высказались за отца Исаакия. Между этими последними первый подал за него голос один из самых близких к старцу Макарию учеников его – иеромонах Иларион, впоследствии скитона начальник и духовник всего оптинского братства, назначенный покойным старцем, совместно с иеросхимонахом Амвросием, проходить труд духовного окормления душ, ищущих спасения, или, короче сказать, старчествовать. Вместе с ним избирателями отца Исаакия были: иеромонах Леонид Кавелин, бывший после архимандритом, наместником Троицкой Сергиевой лавры, иеромонах Флавиан, впоследствии казначей Оптиной пустыни, иеромонах Гавриил и другие. Узнав о большинстве поданных в пользу отца Пафнутия голосов, старец Амвросий (как передавал бывший оптинский настоятель отец архимандрит Досифей) немедленно пошел в монастырь к владыке и между прочим встретившись ему на пути некоторым из братий прямо заявил: «Батюшка отец Макарий при жизни назначил отца Исаакия преемником отцу архимандриту Моисею, и потому я иду теперь к преосвященному объяснить это». Возражать старцу никто не стал и не смел. На вопрос владыки о причине его молчания старец Амвросий, по словам скитского схимонаха отца Геннадия, сослался на просьбу самого отца Исаакия не подавать за него голоса, но, зная завет отца Макария быть отцу Исаакию преемником отцу архимандрита Моисея, решился в таком случае вовсе не высказываться. Узнав же о воле покойного старца Макария, преосвященный, как значится в записках отца игумена Марка, когда доложили ему об избрании нового настоятеля, сказал: «Хотя и недостает числа голосов на стороне отца Исаакия, но по моему изволению и по избранию отца Макария да будет настоятелем обители отец Исаакий. Бог да благословит!» Обратившись затем к отцу Пафнутию,

владыка сказал: «А вас, отец Пафнутий, я не забуду; вы должное свое получите, и при том в скором времени». Преподав засим всей братии архипастырское благословение, владыка отбыл в Калугу. Так приведена была в исполнение воля покойного старца батюшки отца Макария, вернее же сказать – и изреченная сим старцем воля Божия. Иеромонах Исаакий, никогда не желавший настоятельской чести, с тугою сердечною и горькими слезами принял титул строителя Оптиной пустыни.

Вскоре засим скитоначальник отец Пафнутий определен был настоятелем Малоярославецкого Николаевского монастыря и должен был покинуть Оптинский скит. На место его назначен был новым строителем отцом Исаакием, с совета, конечно, старца Амвросия, упомянутый ближайший ученик старца Макария – иеромонах Иларион, бывший в свое время, как выше сказано, у покойного старца келейником вместе с отцом Амвросием. В то же время на место старого казначея, по желанию нового отца настоятеля, избран был новый казначей – скитский иеромонах отец Флавиан. И вот дела в обители были тогда в таком порядке: сам старец Амвросий имел своим духовным отцом смиренного подвижника, бывшего учеником старцев Леонида и Макария, монастырского иеромонаха Пимена⁸⁴, который исповедовался у скитоначальника отца Илариона, а отец Иларион – у старца Амвросия. Новый строитель отец Исаакий также имел своим духовным отцом старца Амвросия. Таким образом, между начальствующими лицами в Оптиной пустыни установилась тесная духовная связь, узлом которой, или центром, если можно так сказать, был старец Амвросий. За начальствующими лицами, вследствие отбытия из скита братского духовника Пафнутия, многие и из старших братий также стали относиться к старцу Амвросию. Монашествующие из разных женских обителей давно уже осаждали старца. Время от времени и число мирских посетителей стало увеличиваться. А всё это было потому, что и монашествующие, и мирские чувствовали и на деле испытывали великую пользу душевную от духовных советов и наставлений старца Амвросия. Так, скоро возжжённый, в лице

старца Амвросия, светильник Промыслом Божиим поставлен был на свещнице. И хотя формально настоятельствова в Оптиной пустыни строитель Исаакий, но духовно главенствовал над всеми и над самим настоятелем старец Амвросий, без воли и совета которого ничего важного в обители не предпринималось и тем паче не совершалось. И благо было смиренному настоятелю, добровольно предавшему себя в послушание мудрому старцу. Впоследствии, когда старец этот скончался, отец Исаакий, будучи уже в сане архимандрита, с сердечной скорбью говорил: «Двадцать девять лет провел я настоятелем при старце и скорбей не видал. Теперь же должно быть угодно Господу посетить меня, грешного, скорбями»⁸⁵. Не подумал бы кто, что старец, вмешиваясь в дела настоятеля, стеснял свободу его, – нет, нисколько, потому что взаимные отношения старца и настоятеля имели своим основанием христианскую любовь и смирение, вследствие которых и сам старец относился к настоятелю с глубоким уважением, смиренно испрашивая у него же благословение на более важные дела. Он только подавал настоятелю мудрые советы, что и привлекло сего последнего добровольно подчиниться воле старца. Такие истинно монашеские отношения между старцем и настоятелем имели неотразимо благотворное влияние и на всё оптинское братство. Повсюду между братьями царили любовь и согласие.

Поначалу, как только отец Амвросий сделался самостоятельным старцем, он имел при себе одного только келейника, послушника С.Д. из граждан Смоленской губернии, который иногда служил ему и за писаря⁸⁶. Но когда число посетителей и получаемых писем стало увеличиваться, тогда потребовались старцу и лишние помощники, каковых Господь и не преминул послать ему. В конце 1862 или в начале 1863 года⁸⁷ приехал в Оптину пустынь известный ученому миру некто Константин Карлович Зедергольм, впоследствии иеромонах Климент, окончивший курс в Московском университете, магистр греческой словесности, служивший некоторое время чиновником особых поручений при обер-прокуроре Священного Синода графе Александре Петровиче Толстом. Он прибыл сюда

с тою целью, чтобы остаться навсегда в числе скитского братства, и остался и с тех пор до самой своей кончины, последовавшей весною 1878 года, неотлучно был при старце о. Амвросии в качестве главного письмоводителя. О сём человеке до самой его кончины старец Амвросий имел особенное попечение. Нужно заметить, что иеромонах Климент, при всей доброте своего сердца и чистоте своих убеждений, намерений и стремлений, был очень вспыльчив и сильно расстраивался всякими мелочами. В таких случаях старец, если можно так выразиться, нянчился с ним, как matka с деткой. Долго-долго, бывало, сквозь запертые двери доносились звуки, с одной стороны тревожного плаксивого голоса отца Климента, а с другой – ободрительной и утешительной речи старца. Взамен одного келейника, не отличавшегося особенным здоровьем, явились в скит почти одновременно два молодых человека, с двух противоположных концов России: из Москвы – Максим, впоследствии иеромонах Михаил⁸⁸, и из Малороссии – Иоанн, теперь иеромонах Иосиф, скитский старец. И первый лет двадцать с лишком находился при старце, а второй оставался и до самого последнего отъезда его из Оптиной в Шамординскую общину. Указывая некогда на этого Ивана, в присутствии некоторых, старец сказал: «Этот Иван будет полезен и нам и вам». Этим старшим келейникам после в свое время помогали еще один или два молодых послушника. На всех дела доставало.

В 1862 году болезненного старца Амвросия постигла новая болезнь. В конце сего года в зимнее время он поехал из скита в монастырь, для того чтобы навестить новопостриженных монахов, которые им, как духовным отцом, приняты были от Евангелия. В числе постриженных в это время был и монах Анатолий, из окончивших курс Калужской духовной семинарии, впоследствии скитоначальник, старец. Во время этой поездки отец Амвросий какими-то судьбами вывалился из саней и получил вывих руки. При неудачном лечении он долго и сильно страдал. Здоровье его, и без того слабое, теперь еще более ослабело, так что с сего времени он уже не мог ходить в храм Божий на церковные богослужения, даже и сообщался Святых

Таин Христовых в келье и до самой кончины своей в зимнее время не мог выходить на воздух.

В 1865 году простился старец Амвросий с последним Оптиным великим духовным мужем отцом игуменом Антонием, бывшим (вместе с родным братом своим отцом архимандритом Моисеем) основателем и устройтелем Оптиного скита. Он скончался в том же году 7 августа. Обращавшиеся к нему за духовными советами монахи и миряне теперь также стали обращаться к старцу Амвросию. Таким образом, чем более старец Амвросий жил, тем более умножалось число его посетителей, а вместе и получаемых им писем. К нему шли и писали люди разных званий и состояний, пола и возраста. Слава о нём уже далеко теперь стала распространяться. Он стал известен и великому святителю Московскому митрополиту Филарету, который в том же 1865 году с одним бывшим в Москве оптинским монахом прислал старцу на благословение образок Спаса Нерукотворенного. Этим, думается, святитель выразил свое желание, дабы Всеблагий Господь помог новому старцу поддержать оптинское братство в единстве духа и возглавить, как прежде писал наместнику Сергиевой Лавры отцу архимандриту Антонию.

К концу описываемого периода жизни старца Амвросия он, как значится в скитской летописи, неоднократно подвергался обычной своей жестокой болезни – геморроидальному кровотечению. Так, он опасно заболел 28 августа 1868 года. Кровотечение продолжалось ежедневно целых пять недель. По случаю отсутствия из Козельска уездного врача, он девять дней оставался без медицинской помощи. И только 6 сентября приехал из Белева, по приглашению, врач Куявский, который и подал страдальцу некую помощь. Впрочем, упорная болезнь старца совершенно не прекращалась. Посему бывший в это самое время в Оптиной пустыни почитатель старца Амвросия и его духовный сын – граф Александр Петрович Толстой, вместе с другими духовными детьми уважаемого старца, предложили отцу игумену Исаакию послать монаха в с. Калуженку (верстах в 70 от Оптиной) с просьбою к тамошнему священнику привезти в монастырь известную святыню – чудотворную Калуженскую

икону Божией Матери, чтобы всем вместе духовным чадам старца Амвросия помолиться перед нею о его исцелении. Святую икону не замедлили привезти, и в кельях старца отслужен был молебен с акафистом Царице Небесной, а затем и келейное бдение. После сего хотя еще немалое время страдал старец, но уже то было хорошо, что среди оптинского братства оживилась надежда на милость и помощь Матери Божией, которая и не посрамила уповавших. Между тем 17 сентября старец был особорован, а 22-го числа того же месяца приехал из Калуги по приглашению доктор Бабушкин и облегчил болезнь старца.

Но едва только успел болезненный старец несколько оправиться от своей жестокой болезни, как 1 ноября, от несоблюдения осторожности, после принятия ванны простудился и снова заболел. Простуда перешла на правый глаз, в котором сделалось воспаление, так что старец месяца два не мог читать.

В летнее время и прежде старец Амвросий имел обыкновение ездить на несколько дней для отдыха на монастырскую дачу, где рыбная ловля. Теперь же в 1869 году, ослабленный тяжелой и продолжительной болезнью, он по преимуществу имел нужду в этом отдыхе. Означенная дача находится верстах в десяти от монастыря, на берегу реки Жиздры. Местоположение ее прекрасное. С одной стороны сосновый лес громадных размеров, а с прочих сторон место открытое, поемные луга монастырские, река, а за ней поля и крестьянское селение. Но может быть, именно такое-то местоположение и было не совсем по сердцу пустыннолюбивому старцу Амвросию. А потому когда в конце шестидесятых годов настоятелю отцу игумену Исаакию удалось в глубине леса купить у одной старушки помещицы принадлежавший ей участок рощи и устроить там новую небольшую дачу, известную в первое время под именем Аристарховой⁸⁹, старец начал ездить туда и отделил было там особую келейку для приема посетителей, которые теперь уже отыскивали его везде, куда бы он ни поехал. Но помещение это оказалось тесным и неудобным. А потому некоторые духовные

дети предложили батюшке построить для себя особую келейку, чтобы на будущее время летом он иногда мог уезжать туда для отдыха и жить там с большим удобством. Старец согласился. Глубже в лес – семь минут ходьбы от Аристарховой дачи – была небольшая поляна, окруженная со всех сторон на далекое пространство лиственным лесом. И здесь-то предположил старец устроить для себя особую келью. Того же года 2 сентября, когда совершается празднование в честь чудотворной Калуженской иконы Божией Матери, батюшка находился в лесной Аристарховой даче. Сюда по его благословению в тот же день прибыли из монастыря его письмоводитель монах Климент Зедергольм и недавно поступивший послушник Михаил Евгеньевич Струков⁹⁰, с маленьким своим сыном Евгением. Приведши их на место, назначенное для постройки кельи, старец сказал: «Благословите, братие, келью здесь построить». Все молчали. Тогда старец, взяв руку отрока Евгения, перекрестил ею назначенное место, заставив его повторять за собою слова: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Бог благословит на добро тут пожить». Так смиренный старец, привыкший всегда жить в отсечении своей воли, всё делать с благословения старших и не имея теперь при себе никого, кто бы благословил предполагаемое им дело, пожелал принять благословение от невинного отрока. Назидательный пример! Но вот вскоре засим, именно к празднику Рождества Пресвятой Богородицы, прибыл из Калуги преосвященный Григорий. Отслужив в этот день в монастыре Литургию, владыка посетил скит и старца Амвросия. В это время, среди беседы с владыкой, старец испросил у него архипастырское благословение на построение пустынной кельи. Того же 8 сентября выданы были и первые деньги на покупку для кельи леса полесовщику Николаю Александрову, хата которого находилась неподалеку от лесной монастырской дачи. Всей душой преданный старцу, полесовщик изъяснил полное усердие наблюдать за постройкой старцевой кельи, сказав: «Как мне не хлопотать, когда батюшка отец Амвросий хочет просветить нашу сторону».

Летом следующего 1870 года, по плану старца Амвросия, на указанном им месте построен был для него небольшой

корпус со всеми потребными приспособлениями и обнесен плетнёвой оградой. В одной стороне этой ограды вблизи корпуса поставлена была просторная хибарка для беседы с посетительницами, где между прочим они и могли бы посидеть в ожидании приема. Внутри ограды вырыта большая сажелка, а за оградой другая, и в обе пущена рыба. Усердные послушники старца тут же, недалеко от его корпуса, посадили ягод – малины, крыжовника, смородины, земляники. В другой стороне ограды посажено было и несколько гряд картофеля. И вот новая дача для батюшки была таким образом готова. Одна часть вновь построенного корпуса – большая, с высоким потолком, предназначена была старцем для собственного помещения, вместе с неизменным его спутником для послужания монахом Иосифом – теперешним Оптинским старцем. В другой части – меньшей – помещались небольшая кухня и чулан, а над кухней устроена была уютная низенькая келейка для письмоводителя и некоторых, навещавших впоследствии старца гостей. Ночь на 13 июля и самый день провел батюшка в лесной Аристарховой даче, а к вечеру перебрался во вновь построенную им лесную келью. Здесь первым делом старца было освятить новое место пребывания молитвою. Приехавший сюда к этому времени оптинский иеросхимонах Феодот с несколькими певчими в тот же вечер отслужил всенощное бдение Божией Матери, святому Иоанну Предтече (во имя коего основан Оптинский скит) и святому Амвросию Медиоланскому. По окончании бдения батюшка со всеми находившимися в это время при нём иноками в первый раз расположился в новой своей келье на ночлег. Утром 14-го числа тем же отцом Феодотом отслужен был молебен Спасителю, святому Николаю Чудотворцу, преподобному Макарию Египетскому и святому благоверному князю Александру Невскому⁹¹. Вслед за тем прибыли из монастыря отец казначей Флавиан и духовник старца Амвросия иеромонах Пимен. Новоприбывшие, вместе с отцом Феодотом, соборно отслужили еще молебен Божией Матери, святому Иоанну Предтече и святому Амвросию с водоосвящением. После чего отцом Пименом прочтена была молитва «егда кто имать внити в дом нов» и вместе с отцом Анатолием окроплена

была новая келья и вся дача святою водою. Конец сего духовного торжества заключен был скромным монашеским угощением съехавшихся к тому времени гостей, между которыми были скитоначальник иеромонах Иларион и обратившийся из католичества Сергей (Станислав) Михайлович Баранович.

Какое приятное впечатление производила на любителей уединения эта лесная батюшкина дача, в особенности в тихие теплые майские дни! Утро. Приветливое солнце выплывает из-за чащи деревьев. Яркие лучи его играют разнообразными переливами цветов на зеленой мураве, усеянной кристалловидными каплями росы. Кругом лес в невозмутимой тишине. Со всех сторон несется пение бесчисленного множества мелких лесных птичек. Всё это щебечет, свистит, звенит, трещит и сливается в одну общую неумолчную торжественно-хвалебную песнь Создателю, уносящуюся в небесную высь и там замирающую отдаленным эхом. Совсем забывалась мирская суeta. И вот сюда-то, в это уединенное местечко, несколько лет кряду старец Амвросий уезжал из скита, стараясь избирать неделю с будничными днями, и гостил здесь дней пять-шесть. К празднику же он возвращался в скит, где слушал обыкновенно келейное праздничное бдение и исповедовал готовившихся служить – настоятеля, иеромонахов и иеродиаконов и других исповедников, если были, а затем и опять удалялся на свою дачу. С особенным радушием принимал он здесь приходивших навестить его близких к нему монахов. Придут, бывало, на вечер человека два. Их там угостят скромным ужином. Уснут усталые путники, и старец уже не велит будить их рано, даже и для слушания утреннего правила. Когда гости встанут и, прослушав вместе со старцем часы, подойдут к нему под благословение с извинением, что проспали утреню, он отечески снисходительно скажет: «Ну, уж мы гостей не беспокоим»⁹². А сам он сидит на своей койке такой благообразный: лицо светлое, улыбающееся, любящее; либо что-нибудь начнет рассказывать или иногда сидит в каком-то самоуглублении. Если начнут что спрашивать, он всё как будто недослышит: «А? Что? Повтори».

Нередко посещал здесь старца другой замечательный оптинский подвижник, послушник Елисей, пятьдесят два года проживший в святой обители и по смирению своему всё это время отказывавшийся от всяких монастырских отличий и повышений. Он жил, может быть, в версте от старцевой дачи в маленькой хате, или караулке, и караулил лес. С какой любовью и даже уважением всегда принимал батюшка отец Амвросий сего старца послушника!

Приведем здесь на память кое-что из его жизни. Удивительно было смирение сего раба Божия Елисея. Однажды отец игумен Исаакий стал предлагать ему постричься в мантию или хоть в рясофор и даже требовал сего с угрозой. «Иначе, – говорил он, – я тебя пошлю в кухню». «А вот мне, – отвечал Елисей, – и рясофор.» «Я тебя на поклоны поставлю», – продолжал грозить отец игумен. «А вот мне и мантия», – отвечал смиренный подвижник. Пребывая долгое время в лесном уединении, он поистине сделался как бы дитя природы. Лесных птичек зимой он из рук кормил. Выйдет на воздух, посыплет себе на голову, на бороду и на руки конопляного семени и лишь только проговорит: «Птички, птички, птички!» – как со всех сторон они налетят на него: какие сядут на голову, на бороду, какие на руки и всего его облепят. Не раз оптинские монахи были очевидцами этой картины. Случалось Елисею во время обхода леса и с волками встречаться, но они его не трогали и проходили мимо. В глубокой старости, на 75-м году от роду, он был поражен параличом в своей лесной келье и перевезен в монастырскую больницу. Так передавал один брат о своем посещении больного: «Во вторник (26 апреля 1877 года) посетил я больного отца Елисея (братия звали его отцом по уважению к нему), который, при слабости большой, очень терпеливо и благодушно относился к болезни своей. На вопрос мой, как он себя чувствует, ответил: чувствует слабость, пищи не может употреблять и с воскресенья ничего не ел. Говорил, что он очень утешен тем, что Бог сподобил его особороваться и сообщиться Святых Таин. На слова мои, что, быть может, теперь скоро кончатся все его страдания и Господь утешит его там за терпение, сказал: «Слава Богу! Он и здесь утешал меня,

даровал мне любить, восхвалять и прославлять Его! С Богом и здесь и там – везде хорошо. С нами Бог, разумеете, языцы, яко с нами Бог!» Говорил о желании своем, чтобы погребли его на новом кладбище, сбоку часовни, между часовней и церковью во имя всех святых. «Я жил там, – прибавил он, – люблю тамошнее место и часовню.» Просил я его святых молитв. Он сказал: «Я молюсь, и вы не забывайте меня; ходите на мою могилку, там я всегда буду с вами духом; и мне приятно будет, когда будете посещать мою могилку». 30 мая, в понедельник, после ранней обедни в монастыре, которую служил прежний казначей иеросхимонах отец Савва, было совершено должностным казначеем отцом Флавианом отпевание послушника Елиссея, пустынника. Положили его, согласно его завещанию, на кладбище всех святых. В то время, когда Елисей проходил послушание старшего повара в братской кухне, иеросхимонах Савва был у него помощником⁹³.

Возвратимся теперь к своему главному предмету. В феврале 1871 года старец Амвросий опять заболел своей обычной тяжелой болезнью. Но вот 24-го числа сего месяца получена была им с Афона большая (1,5 аршина вышины и 1 аршин ширины) икона святого великомученика и целителя Пантелеимона⁹⁴, написанная на кипарисной доске, заказанная для него белевской монахиней Дарьей Петровной Полотновой вместе с другими белевскими монахинями. В тот же день в кельях старца отправлено было угоднику Божию бдение, а на другой день отслужен ему молебен с акафистом. И с этого дня болезнь старца, беспокоившая его около недели и не уступавшая никаким врачебным средствам, прекратилась.

С наступлением лета поездки старца в лесную келью по обычаю возобновились. Нередко гостил там с ним и письмоводитель его отец Климент Зедергольм, который в свободные часы прогуливался по роще с какой-нибудь святоотеческой книгой под мышкой, опираясь на трость, которая раскладывалась и могла заменять собою стул для сидения. Поутомившись несколько от ходьбы, он под ветвями деревьев садился на свой искусственный стул и углублялся в чтение книги. Между тем старец занимался с боголюбивыми

посетителями, которых стало приходить и приезжать на дачу очень много. Так оживилась эта безлюдная, дикая пустыня. Смотря на это оживление, отец Климент с восторгом повторял: «Процвела есть пустыня, яко крин».

Но, к сожалению, этот крин сколько доставлял утешения старцу и окружавшим его почитателям, столько же, можно сказать, и был причиной их общих скорбей. В это лето своего гощения на даче от непосильных занятий с посетителями старец опять тяжело заболел: 8 августа у него открылось сильное геморроидальное кровотечение, продолжавшееся целый месяц. В болезни своей батюшка в это время прибегал более к врачевству духовному, к заступлению Царицы Небесной. 17 августа принесена была в его келью из своего монастыря здешняя Калуженская икона Божией Матери, перед которой отслужен был молебен с акафистом, а 18-го числа принесена была к старцу из Козельска чудотворная икона Божией Матери Ахтырская, перед которой также отслужили молебен с акафистом. Наконец 30 августа привезена была из Мещовского Георгиевского монастыря чудотворная икона Божией Матери «Всех Скорбящих Радость», и перед сею иконою все окружавшие страдальца вместе с ним усердно молились о его выздоровлении. Около 10 сентября болезнь его прекратилась. Так писал о сём впоследствии сам старец томскому епископу Петру⁹⁵: «Здоровье мое в настоящее время более прежнего неисправно. Летом, по примеру прежних годов, уезжал я несколько раз для отдыха в устроенную мною в семидесятом году лесную келью. И хотя там в утренние и вечерние часы имел свободу от посетителей, но зато в остальное время они так меня обременяли, что к концу лета я выбился из сил и в августе заболел: открылось геморроидальное кровотечение, продолжавшееся целый месяц. Потом, благодарение Господу, понемногу стал поправляться, но после этой болезни я заметно стал слабее прежнего». Действительно, в этот раз старец Амвросий, как заметно было, очень обессилен был своею тяжелою болезнью. Пользовавшие его доктора запретили ему наотрез принимать посетителей, кто бы они ни были и с какими бы нуждами ни приходили, так как сам старец, во исполнение

заповеди Спасителя – положить душу свою за други своя, на это никак бы не решился и при малейшей возможности не перестал бы принимать посетителей. Чтобы показать всем крайнюю опасность старцева здоровья и приостановить их просьбы, со всегдашним стучанием в дверь старцевой кельи, они прикрепили к ней записочку, в которой было написано: «Врачи запрещают старцу принимать посетителей». Следовали затем подписи врачей: «Овсянников и Базалев». Вскоре по какой-то нужде пришел было к старцу настоятель обители отец игумен Исаакий, но и его не пустили. Прочитав наклеенную на двери надпись, он только проговорил ее по-своему с горькой улыбкой: «Гм! Враги (вместо врачи) запрещают старцу принимать». И немедленно удалился.

В конце сего года, именно в декабре, старца опять постигла помянутая ужасная болезнь, вследствие чего, на день своего Ангела 7 декабря, он и гостей не мог принимать, а гости принимались и угощались в кельях отца Климента. Но слава и благодарение милосердию Божию, батюшка в этот раз все-таки не особенно страдал и непродолжительно.

Во весь описанный период старчества иеросхимонаха Амвросия скитоначальник отец Иларион был деятельным сотрудником его в этом деле. Но вот 18 сентября 1873 года этот наставник и врач духовный после тяжелой и продолжительной болезни мирно преставился ко Господу. Болезненному старцу Амвросию прибавилось вследствие этого дела и труда, потому что некоторые из духовных детей отца Илариона после его кончины стали относиться к старцу Амвросию. А кроме того, нужно было, особенно на первых порах, успокаивать и утешать скорбящих и плачущих духовных чад, лишившихся своего отца и наставника. Ибо хотя место покойного заступил другой иеромонах, отец Анатолий (Зерцалов), приняв начальствование в скиту, духовничество и старчествование, но тотчас по принятии на себя этих трудных должностей он и сам требовал руководства старца Амвросия, а иногда и ободрения и утешения. Кроме же сего, требовалось немало времени, чтобы привыкнуть к новому духовнику пожелавшим иметь к нему духовное отношение.

Итак, время до блаженной кончины скитонаачальника и старца иеросхимонаха Илариона, как мы видим, старец Амвросий проводил то и дело в тяжких геморроидальных болезнях и страданиях, которые до того обессилили его, что он долгое время не мог сам переходить из кельи в келью, а переводили его под руки келейники.

Но всё это еще было, так сказать, у всех на виду, а что ощущал в себе сам старец, это и выразить трудно. Однажды на общем благословении он объяснил своим посетительницам, что всю ночь не спал. Все начали расспрашивать, отчего да как же это. Старец и говорит: «Вот все могут говорить о своих болезнях, а я и не говори; начнутся оханья, слезы; потому если и скажу иногда, то только часть; а если бы знали всё, что я чувствую... Иногда так прижмет, что думаю – вот пришел конец». В другой же раз сказал: «Всё скрывал свои болезни, а теперь уж хочу говорить: может быть, легче будет».

VIII. Общий взгляд на подвиг старчества иеросхимонаха Амвросия

Житейское море, воздвигаемое зря
напастей бурю, к тихому при-
станищу твоему притек, вопию
Ти: возведи от тли живот мой,
многомилостиве.⁹⁶

А) Его внешняя обстановка и обыденная жизнь

Внешняя обстановка старца Амвросия была самая скромная. Он занимал небольшой корпусок, как выше упомянуто, с правой стороны, при входе в скитские святыя ворота, находящиеся под колокольней, – корпусок ничем не отличавшийся от прочих домиков, наполняющих скит, даже сравнительно с некоторыми несколько меньше. С парадного крыльца, изнутри скита, дверь в небольшой коридор, по обеим сторонам которого простые низенькие скамьи для приходящих монахов и простых посетителей мужского пола. Направо первая дверь в небольшую приемную келью, где старец занимался с почетными лицами. Так и называлась эта келья «почетным местом». Передний угол ее занят был святыми иконами. На стенах висело несколько картин, между которыми можно было видеть портреты: государя императора Александра II, митрополитов Филарета и Иннокентия Московских, Филарета, Арсения и Иоанникия Киевских, калужских иерархов – Григория II, Владимира и Анастасия, молдавского старца Паисия Величковского и других духовных старцев, Оптинских и не Оптинских. Стояли диван, стулья, стол и этажерка с книгами духовного содержания, дабы посетители, в ожидании старцева приема, могли на досуге заняться чтением. В келье этой в особенности наблюдалась чистота. Рядом с приемной маленькая келейка келейника отца Михаила. Против приемной дверь в келью самого старца Амвросия, которая всегда была на крючке и отпиралась только во время служений келейных бдений и еще в некоторых исключительных случаях. Келья старца была с переднею, в которой висела его простая, иногда даже заплатанная одежда: подрясника два ваточных, подрясника два холодных, балахон, легонькая меховая ряска из малороссийских беленьких смушек. Тут же хранились его мантия и ряска из тонкого мухояра и клобук. На полке над дверью находились богослужебные книги и еще некоторые. Тут же в углу полочка, занятая лекарственными пузырьками. Самая келья старца вся увешана была святыми иконами и портретами

духовных лиц, большей частью принесенными в дар старцу его почитателями. Между иконами особенное внимание заслуживали: а) маленькая икона (вершка 4 вышины) Божией Матери, именуемая «Тамбовской», – родительское благословение старца Амвросия. Перед нею теплилась неугасимая лампада; б) икона Божией Матери «Скоропослушница» (вершков 12 вышины), присланная в дар старцу из Москвы из Афонской часовни, где она находилась, как о том говорили в свое время, лет тридцать, если не больше; в) вышеупомянутая большая икона святого великомученика и целителя Пантелеимона, перед которой также горела неугасимая лампада; г) большая картина на полотне преподобных Антония и Феодосия Печерских, в середине которой несколько выше изображение Божией Матери с распростертыми руками, а пониже церковь. Икона эта стояла над койкой старца Амвросия, в его изголовье (как и теперь стоит на том же месте); д) икона Нерукотворенного Спаса художественной работы. Между портретами можно было видеть портреты двух Филаретов, митрополитов Московского и Киевского, оба в скуфейках, висевшие над койкой старца; также портреты: троюковского затворника Илариона, вышенского затворника епископа Феофана, протоиерея Феодора Александровича Голубинского, кронштадтского протоиерея отца Иоанна Ильича Сергеева, Оптинских старцев иеросхимонахов: Льва и Макария, архимандрита Моисея и брата его игумена Антония и еще многих других духовных замечательных лиц. У восточной стены стоял письмоводительский небольшой столик, где писарь обязан был под диктовку старца писать письма. В святом угле аналой в виде шкафчика, со Следованною на нём Псалтирью и другими потребными книгами для вычитывания положенных правил. Далее вдоль южной стены другой стол, на котором стояли некоторые иконы, подсвечники с восковыми свечами и лежало несколько духовных книг. Вдоль западной стены стояла койка, на которой старец Амвросий давал покой своему многострадальному телу. Сзади койки печка, в зимнее время вся заваленная чулками и увешанная фланелевыми рубашками. К северной стороне приставлен был шкаф, весь

наполненный отеческими и другими духовно-нравственными книгами. Между шкафом и печкой дверь. Затем табуретки три-четыре и два старинных кресла для почетных посетителей. Рядом с кельей старца келья другого его келейника отца Иосифа (теперешнего старца), тоже вся в иконах и портретах. Далее к этой келье пристроена была маленькая кухня, для приготовления болезненному старцу незатейливой пищи, где помещался и повар-послушник. Против входных дверей с парадного крыльца – дверь в хибарку, или пристроенное довольно просторное отделение для женского пола, состоявшее из нескольких комнат и коридора, ведущего в заднюю еще хибарку, из которой уже выход на улицу. И здесь было множество икон, между которыми особенно выдающейся была большая афонская икона Божией Матери, именуемая «Достоинство есть», а также и множество портретов духовных лиц. Тут же около хибарки были чуланы для склада книг и других разных вещей. Такова была внешняя обстановка старца Амвросия. Теперь посмотрим на его обыденную жизнь.

Однажды, во время постигшей его тяжелой болезни, он видел знаменательный сон. «Казалось мне, – так передавал сам старец близким своим духовным детям, монахам Анатолию и Клименту, – будто нахожусь в своей келье. Вдруг входит ко мне какой-то человек, по виду лицо начальственное, и со властью повелевает мне следовать за ним. Выхожу из кельи. Представляется бурная темная ночь. Предо мною как будто волнуется море или большое озеро. У берега лодка, на которой сидят гребцы, но в темноте невозможно отчетливо рассмотреть их. По зову моего вожатого я сел в эту лодку, и она отчалила от берега. Сердитые волны начали перебрасывать ее, как легкое перо. Я был в сильном страхе за свою жизнь. Но вот вдали, через зияющую бездну, среди непроницаемой тьмы, показался мне необыкновенный свет, и я увидел какой-то город такой дивной красоты, что во всю свою жизнь нигде и ничего подобного не видал. К нему приковалось всё мое внимание. Море, волны, буря – всё было забыто; и я был в каком-то сладостном упоении до тех пор, пока лодка не причалила к противоположному берегу. Ее толчок бортом о землю вывел

меня из забвения. Вышедши за своим вожатым на берег, я, по его указанию, вошел в какой-то дом, где находились два незнакомых мне человека. Один, впрочем, приняв от меня благословение, сам назвал себя Вячеславом, князем Чешским, а другой казался мне русским князем Борисом Владимировичем; затем я вскоре проснулся»⁹⁷. После сего рассказанного старцем сновидения отцы Анатолий и Климент ежегодно с трепетом встречали дни памяти святых князей Вячеслава и Бориса⁹⁸, думая, что в какой-нибудь из этих дней батюшка отец Амвросий должен отойти в жизнь вечную. Однако опасениям этим не суждено было сбыться.

Что же знаменовало это таинственное сновидение старца Амвросия? Кажется, им обрисовалось всё его подвижническое старческое жительство. День будничный у него обыкновенно начинался молитвословием. Келейники в свое время попеременно читали положенные скитские правила, а старец слушал или стоя на своей койке, на которой ложился для отдохновения, или большей частью, по немощи, сидя на тут же устроенном для него седалище спиной к печке, к которой примыкала задняя часть его койки. Когда же был болен, во время чтения лежал, а правила все-таки никогда не упускал. Для слушания утреннего правила по началу он вставал часа в четыре утра, звонил в звонок, на который являлись к нему келейники и прочитывали утренние молитвы, двенадцать избранных псалмов и первый час. Затем, после краткого отдыха, старец слушал часы – третий и шестой, с изобразительными, и смотря по дню – канон с акафистом: Спасителю или Божией Матери; эти акафисты он всегда выслушивал стоя. И хотя каноны с акафистами, по скитскому уставу, положено было читать в соборной братской келье во время вечерни, но так как в это время дня у старца был особый наплыв посетителей и ему уже некогда было отправлять вечерню с своими келейниками, то он всячески старался ежедневно неупустительно выслушивать их утром. Чтение совершалось внятно, отчетливо. По словам самого старца Амвросия, он всегда любил слушать хорошее чтение и других учил этому. Описанные правила всегда были у старца с более

или менее продолжительными остановками. Прослушав, например, половину утреннего правила и чувствуя ослабление сил, он отпускал от себя келейных и, отдохнувши немного, звал опять и дослушивал правило. Также было и во время часов. Может быть, и другие, более важные причины заставляли старца делать эти перерывы, именно – упражнение наедине в умной молитве, о чём можно предполагать с вероятностью.

Выслушав положенные молитвословия, старец начинал умываться. Кто-нибудь из келейников ставил возле его койки медный таз на табуретку и начинал понемногу лить на руки ему тепловатую воду из большого чайника; а он на коленях, нагнувшись над тазом, умывался всегда без мыла и затем утирался. Во время этого действия со стороны келейников начинались вопросы: батюшка, вот тот-то в таких-то обстоятельствах находится, что ему благословите делать? Или: вот та-то просит благословение на такое-то дело, благословите или нет? И прочее, и прочее. Старец и свое дело делал, и вместе отвечал на вопросы. Кстати, нелишне упомянуть здесь, что он никогда не мылся в бане, а вместо этого, по совету доктора Бабушкина, принимал ванну не более одного раза в год. Изредка еще мыл голову теплой водой. После умывания старец подкреплялся чаем и в это время диктовал письма и затем выходил к посетителям, порой даже до вечера.

Впрочем, так было до семидесятых годов, когда силы старца были покрепче, а после, при умножавшемся год от году числе посетителей, вследствие крайнего переутомления, он и на правило утреннее вставал позже, часов в пять, и по выслушании часов, с канонем и акафистом, нередко ложился на койку для кратковременного отдыха. Случалось иногда и так, что келейники будили болезненного старца и против воли подымали его. Вставая, он, бывало, промолвит: «Ох! Всё больно»... В зимнее время он весьма часто простужался. Встанет с опухшим лицом, с лихорадочным ознобом или ревматическими болями в теле, умоется, начнет растираться спиртом или какой-либо мазью. Келейники же все-таки задают вопросы, а старец едва слышным голосом отвечает. Вместе с тем начнутся у старца переодевания и переобувания, которые в

продолжение дня повторялись много раз. О своем нездоровье он и в письмах к близким лицам неоднократно писал в следующем роде: «О себе скажу, что я по утрам ощущаю большую тяжесть, как бы пуды на мне висят»⁹⁹. Или: «На этих днях мне прихворнулось паче обычного. От приходящих простудил лицо в испарине. Простуда перешла на больную внутренность, и сделалось в роде желудочной лихорадки и теперь еще не совсем прошло»¹⁰⁰. Или так: «Слабость и болезненность усиливаются, и переодевания и переобувания утроились; жара и холода равно не выношу. В меру только один семнадцатый градус тепла, а выше и ниже дурно влияет. Вот тут и умудряйся около одного градуса вертеться, и как один этот градус удержать, когда постоянно подходят натуральные печки и своими толками умножают жар»¹⁰¹.

За умыванием, как выше замечено, следовало чаепитие. Старец, как не слезая с койки умывался, так тут же садился и для чаепития, спиной к подушкам, поджавши ноги по-восточному. Келейник подавал ему на подносе предварительно маленькую чашечку какао и тоненький ломтик французской булки – здоровому человеку раз в рот положить. Впоследствии какао заменено было чашкою кофе без молока. Старец брал поднос к себе на колени и начинал кушать. В это время, неподалеку от него, обязан был сидеть за письменным столом кто-либо из его «писарей». Когда жив был отец Климент Зедергольм, он за этим делом был почти бессменно. Старец и кушал, и в то же время диктовал кому-нибудь нужное письмо. После какао ему подавали еще две таких же маленьких чашечки некрепкого чая. Несмотря на свою болезненность, старец не имел обыкновения пить чай в накладку, а только немного подслащенный. На особом хрустальном блюдечке подавались ему мелко-мелко наколотые кусочки сахара, которыми он и восполнял недостающую сладость. Нужно заметить, что в Оптиномском скиту, вследствие старческого предания, установился обычай для всех скитских пить чай утром и вечером не более как по три чашки. Старец Амвросий строго держался этого правила. Но вот иногда за диктованием письма он забудет, сколько выпил чашек; а может быть, только покажет

вид, что забыл. Спросит у подходящего келейника: «Сколько я выпил?» Ответит: три. «Врешь, две». – заспорит старец с келейником. «Ну тогда я еще налью», – скажет келейник. «Ну, бери, ну тебя совсем», – заключит старец. Между тем всё он делал и говорил с нравственной целью, чтобы и ученики его, глядя на пример своего учителя, старались строго соблюдать старческие уставы, не презирая их за кажущуюся малость. После утреннего чая у старца вследствие болезненности его желудка, начиналась отрыжка вместе с принятой пищей, наподобие легкой рвоты, так что почти всё, что выпивалось и съедалось, вскорости извергалось вон.

Пока старец диктовал письмо, мало-помалу подходили к его жилью посетители – с одной стороны изнутри скита мужчины, а с другой женский пол. Не успел он еще окончить нужное письмо, а уж народ начал и в дверь стучаться, и звонить в проведенный снаружи к его келье колокольчик. Выйдет келейник. Просят доложить. Тот обыкновенно отвечает: «Старец занят». Вскорости опять со стороны нетерпеливых посетителей стук и звон – опять та же просьба – и опять тот же ответ. Но чем дальше, тем всё более и более нетерпение посетителей увеличивалось и уже доходило до ропота. Стук и звон всё чаще и чаще повторялись. Выходившему келейнику уже бесцеремонно говорили: «Что же вы не докладываете?»; или: «Вы не хотите доложить» и подобное. В хибарке набьются вместе с мирскими монахини из разных монастырей. Кто говорит: «Я вот уже живу здесь и хожу к старцу целую неделю и никак не могу до него дойти»; а иная говорит: «А я – две». Лишь только выйдет к ним келейник, как в сотню голосов к нему: «Доложите, доложите». Желая хоть сколько-нибудь успокоить посетительниц, он спросит: «Как о вас доложить?» Каждая, конечно, рассказывает, откуда прибыла. Но где же ему в такой суматохе всех упомянуть? Своеобразно докладывал о них отец Михаил; придет к старцу и скажет: «В хибарке вас, батюшка, ждут». «Кто там?» – спросит старец. – «Московские, вяземские, тульские, белевские, каширские и прочие народы». – «Скажи, чтобы подождали». Выйдет опять. «Ну что, – спросят, – докладывали?» – «Докладывал». – «Что же?» – «Велит

подождать». – «Да вы, должно быть, не докладываете». Так часто некоторые малодушествовали и роптали даже на самого старца за то, что очень долго приходилось им ждать отдельного занятия с ним, думая, что он не хочет их принять и что они понапрасну теряют время в ожидании. Между тем болезненный старец, подготовляясь выходить к посетителям, переменялся, переодевался, переобувался, занимаясь вместе с тем с кем-либо из братьев, с одним или с несколькими, когда велся какой-либо общий разговор. Слушая назидательную речь старца, присутствовавшие в то же время помогали ему в переодевании и переобувании: снимали сапоги и отсыревшие чулки, подавали сухие, и прочее. Так всегда бывало. Наконец, может быть, уже около часов десяти дня, если не позже, выходил он и к давно ожидавшим его посетителям. Пройдется по коридору, где бывали мужчины, кого на ходу благословит, кому скажет несколько слов; с особенными же нуждами принимал отдельно в зальчике и занимался некоторое время. Потом проходил в хибарку и там уже оставался надолго. Заметить причем надобно, что не все приходили к болезненному старцу за делом, а некоторые только отнимали у него время и тем в особенности отягощали его. Вспоминал он часто посему слова покойного отца игумена Антония, который говаривал, что «признак учеников Христовых есть тот, аще любовь имеют между собою, а признак моих учеников – аще вражду и несогласие имеют между собою». И прибавлял: «Вот приезжали ко мне дочки с великими скорбями, а все эти скорби стоят того, чтобы наплевать да ногой растереть»¹⁰². Посему старец Амвросий и в письмах к близким лицам жаловался на такое отягощение. Например: «Старость, слабость, бессилие, многозаботливость и многозабвение и многие бесполезные толки не дают мне и опомниться. Один толкует, что у него слабы голова и ноги, другой жалуется, что у него скорби многи; а иной объясняет, что он находится в постоянной тревоге. А ты всё это слушай да еще ответ давай; а молчанием не отделаешься – обижаются и оскорбляются. Недаром повторяется иногда поговорка: толкуй больной с подлекарем. Больному желается объяснить свое положение, а подлекарю скучно слушать; а делать нечего –

слушает, не желая еще более раздражить и растревожить больного толкуна»¹⁰³. Впрочем, хотя и писал так смиренный старец о своем скорбном положении, однако понуждался по возможности принимать всех – и терпеливых, и малодушных, так что эти последние после полученного от беседы со старцем утешения очень сожалели о своем нетерпении. Иногда он встречал таковых шутливо-приветливыми словами: «Терпел Елисей, терпел Моисей, терпел Илия, так потерплю ж и я».

Но вот настал полдень; уже двенадцать или более часов – время обедать. Не отпуская посетителей, он шел в смежную со своей келью, – вышеупомянутую келью отца Иосифа, своего келейника, и там, полулежа около стола от утомления, вкушал пищу, которая состояла из двух блюд – ухи из свежей рыбы, не очень жирной (стерляжью уху, например, не мог кушать), и кисель из картофельной муки с клюквенным морсом. К сему подавался белый или ситный хлеб. Самую рыбу по болезненности желудка никогда не ел, ни свежую, ни соленую (исключая нескольких кусочков голландской сельди), ни вареную, ни жареную. В употреблении пищи он старался, сколько доставало у него сил и возможности, следовать указаниям церковного Устава, и потому в постные дни, когда не полагалась рыба, ему вместо ухи готовили похлебку или картофельный суп, к которому он подмешивал немного особо приготовленной гречневой кашицы. Всё это заправлено было подсолнечным маслом. Без сомнения, кушал бы старец в положенные Святой Церковью дни и без елея, если бы не страдал внутренностями.

Как-то пришла ему мысль обойтись без масла, и чтобы постная пища была не очень сурова, велел заправить ее толчеными грецкими орехами. Случилась тут какая-то знакомая старцу игуменья, которую он и вздумал попотчевать этим снадобьем. «Да это что же у вас такое, батюшка? – сказала она. – Это рвотное».

Но в начале шестидесятих годов старец подвижник, при всей своей слабости телесной, понуждался употреблять еще трапезную пищу с конопляным маслом. Потом, когда желудок его стал отказываться от этой пищи, стали готовить ему

келейники вышеупомянутый суп и сперва заправляли его подсолнечным маслом пополам с конопляным и наконец уже, вследствие усилившейся болезненности его желудка, одним подсолнечным. А затем внутренности старца в такое пришли состояние, что по временам он никакой не мог позволить себе пищи. О этом он писал так: «Болезненные прижимки во всём теле есть и от холоду, и от невольного голоду. Много вещей есть, да многое нельзя есть. Слабый желудок и неисправные кишки не позволяют. Впрочем, по старой привычке я все-таки понуждаюсь есть, хотя после и приходится большую тяготу понести от головной боли и от рвотной доли. А кроме того, и приезжие и приходящие докучают, сидеть подолгу в хибарке скучают. Вот так мы день за день и живем и несправедливыми слывём в приеме приходящих и приезжающих. А виновата моя немощь и неисправность пред Богом и людьми»¹⁰⁴. Между тем старец не только никогда не скорбел о своей болезненности, но, напротив, всегда был в веселом настроении духа и даже часто шутил. Прочитали ему однажды, как один отец семейства нянчил своего малютку и, утешая его, припевал песенку: «Дри-та-та, дри-та-та, вышла кошка за кота». И вот однажды обратился кто-то к болезненному старцу с участием и сказал: «Что, батюшка, катар мучит вас?» Усмехнувшись, ответил Старец: «Да, брат, дри-та-та, дри та-та».

Пищи съедалось старцем не более как сколько может съесть трехлетний малютка. Обед его длился десять или пятнадцать минут, в продолжении которых опять-таки келейники задавали ему о разных лицах вопросы и получали от него ответы. Но иногда, чтобы хоть сколько-нибудь разнообразить время и тем облегчить отуманенную голову, старец приказывал кому-нибудь из близких, во время своего обеда, что-нибудь легкое почитать. Любил иногда прослушать, например, одну или две басни Крылова. Книга эта всегда почти лежала при нём на столе в келейной. Доставил ему однажды кто-то сочинение какого-то господина о русских монастырях, в которых, к сожалению, почтенный сочинитель, кроме грязи, ничего не заметил. Старец прослушал эту книгу с грустно-серьёзным выражением лица и никакого своего мнения о ней не высказал.

По окончании обеда старец, если был слаб, тут же, лежа на койке, принимал кого понужнее или вдруг принимал всех на общее благословение, сначала мужской пол, а после и женский. Набьется полная келья. На этих общих приемах старец вразумлял нуждающихся метким словом, нередко пословицами, понятными тому, к кому они относились. Или рассказывал что-нибудь такое, что служило ответом на сокровенную мысль кого-либо из присутствовавших. Иногда заставлял кого-нибудь из посетительниц¹⁰⁵ прочитать более подходящую к делу басню Крылова; затем скажет несколько назидательных слов в шутилом тоне и наконец, преподав каждой благословение, направится к своей келье. За ним во сто голосов: «Батюшка! Батюшка! Мне словечко сказать, мне пару слов». Но усталый болезненный старец кое-как, при помощи келейников, протискивался сквозь толпу, уходил в свою келью и запирался изнутри на крючок, чтобы и туда народ не нахлынул. А келейники уже выводили всех вон поневоле.

Если же старец после обеда имел довольно сил, то он выходил преподавать общее благословение в хибарку. Предварительно появлялся келейник и закрывал все окна, чтобы не было сквозного ветра. Все сидящие поднимались со своих мест, становились по обеим сторонам, оставляя небольшой проход для батюшки. Наконец дверь отворялась, и на пороге появлялся старец в белом балахоне, сверху которого всегда, и зимою и летом, носил легонькую меховую ряску, и в ваточной шапке на голове. Выйдя из двери и остановясь на ступеньке, он всегда молился пред поставленною здесь иконою Божией Матери «Достойно есть» и проходил далее, внимательно вглядываясь в просивших у него благословения и осеняя их крестным знамением. Из толпы слышались вопросы, на которые он давал простые, но мудрые ответы. Иногда старец садился, и тогда все присутствовавшие становились вокруг него на колени, с глубоким вниманием слушая его беседу, смысл которой всегда заключал в себе полезное нравоучение или обличение чьих-либо недостатков. Чаще всего предлагал он совет о терпении, снисхождении к немощам ближнего и понуждении себя к добру, говоря, что *Царствие Божие силою*

берется (Мф.11:12), что многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие (Деян.14:22) и: претерпевший же до конца спасется (Мф.10:22). Иногда эти поучительные беседы или общие благословения застигал час отдыха, и келейник напоминал ему об этом. Тогда батюшка снимал шапочку, раскланивался и говорил, по обычаю, в шутливом тоне: «Очень признателен вам за посещение; отец N... говорит, что пора...» В иной же раз келейник скажет: «Батюшка, уж два часа», а батюшка ответит: «Ты переведи их назад, и будет час». Это значило, что старец намеревался сказать еще что-либо на пользу. Летом в теплые дни выходил он благословлять на воздух, и появление его было истинною радостью для всех, томившихся ожиданием. От самого крыльца хибарки устроены были на столбиках жерди, по одну сторону которых стоял народ, а по другую сторону шел согбенный старец, преподавая всем по ряду благословение и, иногда останавливаясь, давая по вопросам ответы. За оградку к старцу, без его позволения и благословения, зайти никто не смел; а если бы кто отважился на это, должен был, по назначению старца, положить несколько поклонов.

Не всегда, впрочем, так свободно и без отягощения обращался и беседовал старец с посетителями. Часто он не только утомлялся, но и переутомлялся, особенно если, как нередко случалось, с утра чувствовал себя нехорошо. Так, например, писал он одному лицу: «О здоровье своем не знаю, как и сказать тебе. Писал тебе о тяготах. И я, особенно последние три недели, чувствую какую-то тяготу в теле, так что по утрам с трудом разламываюсь, чтобы взяться за обычное многоглаголанье с посетителями; и потом так наглаголишься, что едва добредёшь до кровати в час или более. Вот ты и суди и рассуди прю мою с человеки праведными и неправедными. На лбу ни у кого не написано, кто он таков, а говорит, что ему потолковать нужно, и не хочет знать, что мне недосужно, да и от немощи и усталости это очень натужно. Есть пословица: как ни кинь, всё выходит клин. Не принимать нельзя, а всех принимать нет возможности и сил не достаёт»¹⁰⁶. Преподав через силу благословение, старец направлялся к себе для отдохновения.

Народ, по обычаю, толпился около него; подымался шум и суматоха; некоторые хватались за края его одежды, чтобы сказать «словечко». Старец едва выбирался из толпы, нередко оставляя в руках народа и верхнюю свою меховую ряску, которую уже после келейники приносили ему в келью. А тут еще бывали иногда самолюбивцы, которые всячески домогались, чтобы старец выделял их из других, оказывал бы им особенное внимание, в противном же случае очень оскорблялись на него. Так, однажды истомленный старец с потупленным взором едва бредет среди толпы народной, а вслед его слышится чей-то голос: «Этакая злоба! Прошел и не взглянул».

Бывали, хотя весьма редко, и такие дни, в которые старец после обеда вовсе не отдыхал, может быть, потому, что чувствовал в себе довольно сил обойтись без отдыха или просто так не спалось. Тогда он звал к себе писаря и диктовал кому-нибудь письмо. Таким образом, у него минуты одной не проходило в праздности. Во время отдыха старца уже никто не беспокоил. Народ уходил на гостиницу. Двери кругом запирались – и в хибарке, и в скиту на парадном крыльце. Тут еще продевался засов с надписью келейника о. Михаила: «Просим шамбом не вынимать». После краткого полуденного отдыха, часа в три, старец был опять на ногах и, если чувствовал здоровье свое порядочным, опять шел к посетителям толковать; если же был слаб, принимал народ в келье отца Иосифа, лежа на его койке. Тут он среди толков с народом и чай пил часов в пять вечера. И опять, и опять принимал и толковал, толковал и принимал. Так как в продолжение дня в кельях старца постоянно толпился народ и многие приходили к нему с грязными ногами, то столько нанашивали ему в келью грязи, что на другой день младший келейник долго-долго, бывало, трудится над очищением ее.

Часов в восемь старец ужинал, – подавалось на стол то же, что и в обед. И среди ужина келейники кое о ком и кое о чем спрашивали старца, а он не переставал отвечать. Или же опять заставлял почитать что-нибудь. Вскоре после ужина, если силы старца окончательно изнемогали, он ограничивался преподаванием всем общего благословения. Если же силы еще не

совсем оставляли его, то опять начинались обычные прием и толки, которые и продолжались иногда часов до одиннадцати ночи. Поспешно выходя для этой цели в хибарку или возвращаясь оттуда через коридор, где в это время сидели на скамьях братия монахи в ожидании также старцева приема и разговаривали между собой о нужном и ненужном, старец мимоходом скажет: «Народ! Не разевай рот», давая тем разуместь, чтобы не празднословили и не праздномыслили. Наедине же с кем-либо из праздномысливших заметит иногда: «А ты бы, чем так-то сидеть, прошел бы чоточку с молитвою Иисусовой». Если же старец замечал монахов, сидевших в бесполезной задумчивости, то останавливался по недосугу на краткое время и рассказывал какой-либо смешной анекдот, чтобы разогнать мрак уныния, вроде следующего. Жил как-то в монастыре иеромонах, который подписывал свое имя так: напишет сначала букву «ъ», а затем добавит: монах, и выходило: ъмонах. Или: какой-то настоятель поручил монаху одного мальчика, чтобы смотреть за его поведением. Заметив, что мальчик опускает утренние службы, монах однажды спросил его: «Ты, когда приходишь к утрени, что там поют?» «Да там поют, – ответил мальчик, – Боже мой! Ах, Боже мой!» А в церкви, по случаю великопостного времени, пелось: «Заутра услыши глас мой, Царю мой и Боже мой». Или расскажет известный анекдот о том, как мужик рассыпал меру гороха, а собрал две; и прочее. Рассказанный старцем легонький анекдотец заставлял, конечно, всех, любивших батюшку, улыбнуться и восторгнуться. Ходили братия к старцу и во всякое время дня, когда кому бывало нужно, но большею частью после вечернего правила, когда были свободны от послушаний.

Среди толков с народом в зимнее время, не выходя из кельи, старец, как выше упомянуто, часто получал сильную простуду от одного холодного воздуха, если посетители, не обогревшись, входили к нему прямо с улицы. И хотя келейники, по приказанию старца, заботились о том, чтобы приходившие предварительно обогревались в теплом коридоре, но за всеми уследить было нельзя. Истомленный целодневным

напряженным трудом, старец, захвативший иногда простуду, чувствовал по временам вечером дурноту в голове, иногда с позывом на рвоту. Но тут опять было горе: тошнило, томило, а рвоты не было, так как желудок был пуст. Хорошо было, если удавалось старцу вызвать как-нибудь маленькую рвоту, тогда он чувствовал облегчение. В противном же случае томление продолжалось.

Несмотря на крайнее обессиление и болезненность старца, день всегда заключался вечерним молитвенным правилом, состоявшим из малого повечерия, канона Ангелу Хранителю и вечерних молитв. От целодневных почти непрерывных докладов келейники, то и дело при том приводившие к старцу и выводившие посетителей, едва стояли на ногах, однако попеременно читали означенные молитвословия. Часто, несмотря на усиленное напряжение, глаза слипались, уста смыкались, и чтец от налегавшей дремоты то и дело спотыкался в чтении, а сам старец временами лежал на койке почти без чувств. По окончании правила он, по обычаю, у предстоящих испрашивал прощение, если согрешил *делом, словом и помышлением*. В заключение келейники принимали от старца благословение и направлялись к выходу. Зазвонят иногда часы. Слабым, едва слышным голосом спросит старец: «Сколько это?» Ответят – двенадцать. «Опоздали», – скажет.

Спать ложился батюшка всегда одетым, летом в балахон, а зимой в ватный подрясник, опоясанный непременно кожаным поясом. На голове имел всегда шапку монашескую, а в руках четки. Снимал только сапоги, оставаясь в одних чулках. Богу известно, как проводил старец ночные часы. Только по приходе к нему на утреннее правило келейники замечали, что во время ночи он переменил несколько фланелевых рубашек, из чего можно видеть, что непрерывного сна не имел. Тем заканчивались суточные труды старца. На следующий день его опять ожидали те же непрерывные толки с болезненными прижимками недугованиями и прочее, и прочее.

IX. Б) Воскресные и праздничные дни и особые случаи

В труде и в изнурении, часто в бдении
(2Кор.11:27)

Накануне каждого воскресного и праздничного дня старец отец Амвросий выслушивал у себя в кельи бдение. Поначалу, в шестидесятих годах, служил всегда эти бдения преданный духовный сын его, иеросхимонах Гавриил¹⁰⁷. Тут же около двери стояли человека два-три певчих. Скитоначальник отец Анатолий, бывший в то время простым монахом, пел басом. Келейники были в качестве чтецов; а писарь отец Климент – канонархом. Со временем обстоятельства изменялись. Так как общее положение в скиту – отправлять церковную службу только дважды в неделю – в субботу и воскресенье и еще в некоторые дни, по какому-либо случаю установленные, то нездоровые и немощные скитяне, вместо того чтобы идти слушать бдение в монастырь, испрашивали у старца благословение быть на его келейном бдении; и старец, конечно, благословлял. Умножилось таким образом число молящихся, среди которых были и певцы. Потому, чтобы в келье старца не было тесно и душно, певчим велено было стоять в передней, наконец, и в коридоре, куда во время службы растворялись двери старцевой келии. В самой келье старца оставался один служащий иеромонах, да еще, может быть, кто-либо из близких к нему. Впоследствии и в хибарке оставались некоторые, по благословению старца, послушать через дверь его келейное бдение и помолиться.

В летнее время неоднократно приезжал в Оптину пустынь покойный граф Александр Петрович Толстой, бывший обер-прокурор Священного Синода, и всегда любил присутствовать на келейном бдении у старца. Бывали и другие, подобные графу, богомольцы. Сам же старец и среди бдений никогда почти не оставался без обычного своего дела. Во время чтения паремий, кафизм и канона он или кого-либо исповедовал в келье отца Иосифа, или принимал посетителей, кого не успел

принять днем, или же наконец подкреплялся вечерней трапезой. Всегда только он выслушивал шестопсалмие и величание праздничное с чтением Евангелия, привстав на своей койке, как можно было заметить, с глубоким вниманием. Величание подпевал. Несмотря на старость, у него был светлый и приятный тенорок. Пел он всегда от души и по слову Священного Писания, *разумно* (Пс.46:8).¹⁰⁸ Если же посетителей и исповедников у старца во время его келейного бдения не было, то большую часть службы он слушал, сидя в самоуглублении, а иногда от утомления и лежа. Нередко можно было в это время видеть на лице его слезы. Если старец со своими делами не успел управиться, а бдение до шестопсалмия уже отслужили, в таком случае служба на несколько минут прерывалась, и старца дожидались. По окончании келейного бдения, которое, с промежутками и ожиданием, продолжалось часа три и отходило почти вместе с бдением, отправлявшимся в храм, усталые келейники для усталого старца прочитывали конец вечерних молитв начиная с молитвы «Владыко Человеколюбче» и, получив благословение, отходили на отдых.

Утром, если в скиту была своя литургия, которая обыкновенно начиналась всегда не раньше шести часов, старец с келейниками вставал за полчаса или за час перед службой, прослушивал часы с изобразительными и отпускал келейников в церковь, а сам оставался один с единым Богом. Только это короткое время и было единственным временем, когда он мог побыть в безмолвии. Как он проводил это время, уже никому не известно. А приходившие из церкви келейники, вместе с писарем, заставляли его всегда почти сидевшим на своей койке, с поджатыми ногами, за чтением книги: или Посланий апостольских, или Псалтири, или Добротолюбия, или преподобного Максима Исповедника, или, наконец, Исаака Сирина. Все эти книги он читал непременно на славянском наречии, потому что, как выше замечено, очень любил славянский язык. На книгах он иногда делал собственноручно заметки; например, как помнится, под словами апостола Павла: *дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня* (2Кор.12:7), – подписано было старцем в виде подстрочия:

«Александр ковач¹⁰⁹». В Добротолубии же и в книге святого Исаака Сирина было очень много для памяти подчеркнутых старцем мест. Возвратившиеся из церкви писарь и келейники предварительно входили с молитвой к старцу и получали от него благословение, а старец, сидя за книгой, тут же иногда укажет кому-нибудь из них особенно назидательную в книге коротенькую статейку и даст прочитать; потом отпускал всех их подкрепиться чаем и сам подкреплялся. Скоро затем писарь возвращался к старцу, и начиналась обычная диктовка писем, а там подходили посетители и посетительницы; начинались по-прежнему стук, звон, шум, ропот. И так – уже до глубокого вечера опять всё по-будничному. Иногда же от большого в праздничный день прилива посетителей старец утруждался больше, чем в будни. Если же в скиту своей службы не было, то старец оставлял при себе одного келейника для прочтения часов, а прочих отпускал в монастырь к ранней обедне, которая всегда по праздникам начинается там в пять часов.

С некоторой особенностью встречались и проводились старцем великие праздники – Рождества Христова и Святой Пасхи. Недели за две до праздника старец продиктовывал так называемое «общее поздравление», которое и переписывалось в немалом количестве экземпляров. Кстати, заметим здесь, что эти общие поздравления имеют свою историю. В середине шестидесятых годов их еще не было. Но вот главный писарь отец Климент подал старцу мысль ради таких великих праздников рассылать некоторым, особенно преданным ему духовным дочерям в женских обителях самые краткие поздравления вроде визитных карточек. Писалось на маленьких клочках почтовой бумаги так: «Сестра о Господе, мать (такая-то)! Поздравляю тебя с праздником Рождества Христова (или Воскресения Христова)». Поздравление это заканчивалось собственноручной подписью старца: «Иеромонах Амвросий». Но такие кратчайшие поздравления скоро оказались батюшке не по вкусу. К празднику Рождества Христова 1869 года и к Пасхе 70-го он уже сам продиктовал краткие общие поздравления с праздниками. Приближался затем опять праздник Рождества Христова. По установившемуся уже обычаю нужно было и опять

готовить общие поздравительные письма. Старец обратил теперь на это особенное внимание, сказав: «Уж если писать, так написать должно что-нибудь полезное и назидательное», – и продиктовал первое глубоко назидательное общее поздравление, в котором, изъяснив таинство наступающего праздника, приглашал унылых и нечувственных со смирением и зазрением себя усердно и с благоговением внимать в сие время чтению и пению церковному и от них, как от источника жизни и бессмертия, почерпать утешение, вразумление и спасение милостью и человеколюбием Сына Божия. С этого времени уже до самой кончины своей готовил старец замечательные по своему содержанию рождественские и пасхальные общие поздравления¹¹⁰. Удивительно памятливым был старец. В продолжение двадцати одного года он диктовал эти поздравления и, несмотря на то что никогда не справлялся о содержании продиктованных в прежние годы писем, всегда говорил непременно о разных предметах.

Но вот наставал канун праздника. Келейники заботились о возможной чистоте старцевых келий. Число посторонних посетителей сравнительно уменьшалось, так как каждый заботился встретить праздник у себя дома. Старец в это время больше занят бывал исповедниками, и притом из своих братьев. Иногда неспешно переходил он по какой-либо нужде из кельи в келью. Лицо такое светлое, святолепное. Видно было, что благодатный мир и невозмутимая тишина наполняли его чистую душу. Любящее сердце его отверсто было ко всем. Отечески ласковое слово, взгляд или прикосновение рукой вызывали иногда у окружающих его слезы умиления. Несколько раньше обычного старец ложился для краткого отдыха, а в самую полночь, когда в монастыре ударяли к утрени, вставал. Служащий иеромонах и певчие были наготове. Из двух имевшихся для келейного служения риз ради праздника подавалась получше. Зажигались пред святыми иконами свечи, и начиналась утренья, которая отходила несколько раньше монастырской. Затем болезненный старец ложился опять для отдыха, который, впрочем, скоро прерывался, потому что монастырские певчие, тотчас по окончании утрени, приходили в

скит поздравлять старца с праздником, а за ними и все скитские братия. В праздник Рождества Христова славили Христа, а на Пасху пели девятую песнь пасхального канона с возглашением заздравной ектении о старце, после чего старец со всеми пришедшими к нему, сидя на своей койке, христосовался и оделял красными яйцами. Перед литургией старец, по обычаю, прослушивал праздничные часы и отпускал всех своих келейников в монастырь к обедне, которая начиналась порану. В скиту в первые дни этих праздников своей службы не бывает. По окончании литургии хотя посетителей с обычными нуждами и скорбями почти не было, зато много было поздравляющих с праздником, а среди поздравителей замешивались иногда и толкуны. Потому старец и в эти великие праздники был в непрестанной молве. На другой день праздников – Рождества Христова и Святой Пасхи в скиту всегда служил литургию настоятель монастыря отец архимандрит Исаакий соборно, а после, вместе со служащими иеромонахами и иеродиакonom, шел к старцу поздравлять его с праздником. Старец с любовью принимал дорогих гостей и, сам усевшись на своей постельке с поджатыми ногами, кушал с гостями чай. Легкий разговор о чём-либо с близкими, в особенности со старшими братиями, был для него некоторого рода развлечением. Любил он послушать новости, церковные и общественные, и сам порасскажет, бывало, что-либо. Откушав чаю, отец архимандрит в первые дни помянутых великих праздников всегда обедал в скитской трапезе, а старец принимал у себя поздравителей и простых посетителей.

Среди обычного течения жизни бывали изредка особенные случаи, которые несколько разнообразили жизнь старца. Так, например, получались им по почте замечательные иконы. Первая такая икона была святителя Амвросия Медиоланского, около аршина вышины, и затем в особом ковчежце часть мощей сего угодника Божия. А потом афонцы в разное время прислали несколько икон: вышеупомянутую святого великомученика Пантелеимона и Божией Матери «Достойно есть», обе больших размеров и замечательно искусного писания, и еще из московской Афонской часовни икону «Скоропослушница». Всё

это принимал старец как великую милость Божию, как проявление особенного благоволения к нему Матери Божией и святых. Непременно в первый же вечер по получении иконы служилось келейное бдение Божией Матери или тому угоднику Божию, в честь которого получалась икона; пред ней старец и молился с особенным благоговением и умилением, лобызая оную. Иногда, как упомянуто было, из с. Калуженки привозили в Оптину пустынь особенно чтимую всеми благочестивыми жителями Калужской епархии чудотворную икону Божией Матери, именуемую Калуженской. Слушая бдение или молебен пред нею, старец едва сдерживал слезы, которые иногда и против его воли буквально текли ручьями, по свидетельству очевидца протоиерея с. Калуженки отца Александра Соколова, всегда сопровождавшего в Оптину святую икону. Что-то трогательно-праздничное ощущалось в это время и в душах всех окружавших старца-молитвенника; живее верилось в ходатайство пред Богом Матери Божией и святых за людей православных.

Но особенной торжественностью и великолепием отличался день Ангела старца Амвросия, 7 декабря, празднование памяти святителя Амвросия Медиоланского. Старец глубоко чтил своего духовного покровителя. С вечера как в монастыре, так и в скиту, и особо в келье старца, отправлялось бдение святителю Амвросию. Кажется, в начале семидесятых годов одним скитским иеромонахом Антонием¹¹¹ составлена была особая полная служба с акафистом святому Амвросию Медиоланскому, и старец с того времени у себя в келье всегда выслушивал эту службу с акафистом. В самый день батюшкина Ангела в монастыре и скиту отправлялись соборные литургии с молебнами святому Амвросию и с возгласением старцу Амвросию многолетия. В скиту служил и сам настоятель отец игумен Исаакий. После молитвы о здоровье старца предварительно все скитские братия, как самые близкие к старцу сожители его, во главе с отцом игуменом и скитона начальником являлись к нему в келью, пели тропарь и кондак святому; диакон возглашал ектению и многолетие старцу, и затем почтительно приносили ему поздравление с

днем Ангела. Болезненный старец по обычаю, в своем простом, иногда заплатанном подряснике, сидел с поджатыми ногами на своей койке, а все братия, не исключая даже скитоначальника, кроме, конечно, отца игумена, подходя к нему, кланялись ему в ноги. С иеромонахами старец целовался рука в руку, прочим всем преподавал благословение. Затем все скитяне по приглашению любвеобильного старца размещались в разных уголках его кельи: отец игумен и скитоначальник с иеромонахами оставались в старцевой келье с самим старцем, прочие кто в залике, кто в келиях старцевых келейников, а кто и в хибарке, в которую в это время еще не впускали женский пол. Поили всех сладким чаем с прекрасной мягкой сдобной булкой. После скитских братий приходили к старцу монастырские певчие, тоже с поздравлением, которое совершалось таким же порядком. В трапезе скитской и монастырской было великое утешение. Но в то время как братия должны были трапезовать, старшие из них, иеромонахи и иеродиаконы, во главе с отцом игуменом, и некоторые из почетных посторонних гостей собирались в келье старца на закуску, которую вернее можно было назвать великолепным обедом. Сам старец с отцом игуменом и более почетными гостями располагался в залике, – гости за столом, а старец – на мягком диване, по обычаю своему с поджатыми ногами, которые не могли терпеть холода от пола. Среди угощения шла непринужденная беседа о разных, подходящих ко времени предметах. Сам старец шутил. Подавали, например, однажды среди обычной закуски жаркое, которого старец, как упомянуто выше, никогда не кушал, по причине, как говорил он, слабости своего желудка, а по мнению некоторых посторонних лиц, может быть, и по воздержанию, вследствие схимнических обетов. Посмотрел старец на рыбу, да и промолвил: «Эх, хорошо кушанье-то! Ну, дай хоть понюхаю, коли есть нельзя». Поднес келейник жаркое к носу старца. Он понюхал. «Ну, – говорит, – неси далее». Произошел, конечно, общий смех. Всех гостей бывало до полсотни, если не более. Но вслед за первым столом набирался другой стол, несколько меньший численностью, для менее почетных лиц. Затем набиралась полная хибарка монахинь и даже мирских особ,

приезжавших с разных сторон поздравить дорогого батюшку со днем его Ангела. Всех их поили сладким чаем и оделяли по куску пирога. Среди этих угощений не обходилось иногда и без неприятностей. Утомленные суетой келейники или как-нибудь забудут подать какой-либо гостье чаю, или еще что-нибудь случится. Сейчас послышится ропот. А, по пословице, – невестке бывали и отместки. Кроме того, келейники дадут знать о сём старцу. Но сам старец всегда снисходительно относился к этим нетерпеливым роптуньям и после угощения, выходя к ним на общее благословение, у них же просил прощения в своей неисправности. Раз как-то вышел и таким умильным тоном проговорил: «Простите меня, матери и сёстры! С любовью готов бы всех вас всем удовлетворить, но вы ведь знаете немощь мою. А это всё там у вас отец Михаил (келейник): кого чаем, а кого величаем». Отсутствовавшим же бедным монахиням в Белевский женский монастырь посылались возами белые хлеба и пироги. В послеобеденное время все монастырские братия, числом до 300 человек, попеременно приходили поздравить старца с днем Ангела, а затем отправлялись в скитскую трапезу, где их поили чаем с белым хлебом, оделяли сластями и подносили пившим по стакану пива.

Все издержки на эти угощения ежегодно принимала на себя одна из самых преданных старцу духовных его дочерей, вышеупомянутая богатая помещица Александра Николаевна Ключарева, которая из особенного расположения и уважения к старцу Амвросию приняла, при постриге в мантию, и имя Амвросии. В заключение сама матушка Амвросия готовила у себя в этот день ужин, кстати, и по случаю своих именин, на который приглашалось также немало разного рода гостей. Таким образом, в день Ангела старца Амвросия никто из близких к нему по возможности не был забыт.

К особым случаям в жизни старца Амвросия можно отнести и посещения его калужскими Владыками, каковые приходились большей частью в летнее время, когда преосвященные обыкновенно ездят для обозрения своих епархий. Для встречи своего архипастыря старец одевался во всё иеромонашеское облачение – рясу, мантию и клобук, выходил на крылечко своей

кельи, при входе на которое святителя кланялся ему в ноги, принимал благословение и вводил его в залик. Здесь иногда наедине с архипастырем проводилось несколько времени во взаимной беседе. При посещении владык старец всегда держался обычной своей детской простоты. Если во время беседы с архипастырем у него сырели ноги, отчего он всегда испытывал сильную головную боль, то он, нисколько не стесняясь, тотчас же испрашивал у святителя благословение переобуться и тут же при нём переобувался. Особенное благоговение питал старец к покойному архиепископу Григорию. Всегдашний отзыв старца о сём святителе был таков: «Умен и свят». Потому каждое слово сего архипастыря он считал выражением воли Божией и всегда чрез отца игумена Исаакия, нередко посещавшего по делам Калугу, обращался к нему за решением важнейших вопросов относительно внешней и внутренней жизни обители, если почему-либо затруднялся брать это решение на себя, советуя и самому отцу игумену вопрошать в таких случаях архипастыря, как Самим Богом поставленного, и поступать согласно его воле. Дивно было и смирение владыки Григория. Выслушав от оптинского настоятеля какой-либо старцев вопрос, он не сразу его решал, а сначала сам спрашивал отца игумена: «А как смотрит на это старец?» И уже после решал вопрос, сообразуясь с мнением самого старца. В некоторых же случаях прямо говорил: «Да это уже как сам старец решит, – я не беру этого на себя».

Этот благостный и монахолюбивый владыка настолько был внимателен к трудам и подвигам старца Амвросия в отношении его служения страждущему человечеству, что представил его в 1870 году к редкой в то время награде – золотому наперсному кресту, который и получен был им по почте 13 сентября означенного года. За Севастопольскую кампанию бронзовый крест старец давно уже имел. И в этих крестах он всегда встречал посещавших его владык; надевал иногда и в других важных случаях. Получение старцем наперсного креста сильно повлияло на него. С краскою в лице, с навернувшимися на глазах слезами, считая себя по смирению недостойным такой награды, он долго не решался надевать присланный ему крест.

Но наконец усиленные просьбы множества старцевых почитателей заставили его подчиниться общеустановленному церковному порядку. Какая была по этому случаю радость для старца и всех окружавших его духовных детей, может каждый себе представить.

В 1887 году изволил посетить Оптину пустынь великий князь Константин Константинович, который провел немалое время в душеполезной беседе со старцем и после с любовью относился к нему.

В том же году в июле месяце прибыл в Оптину высокопреосвященный Иоанникий, митрополит Московский (ныне Киевский) в сопровождении епархиального архиерея Владимира. Старцу сказано было встретить высокого гостя вместе с скитской братией в церкви, для чего он и пришел в церковь. Не зная о сём, владыка митрополит, посетивши скитский храм и помолившись, по обычаю, пред святыми иконами, сказал: «Ну, теперь пойти к старцу». Но лишь только обернулся назад, как тотчас увидал пред собою самого старца. Удивленный такой неожиданностью, высокопреосвященный милостиво изволил заметить ему: «Зачем вы трудились приходить сюда? Я сам непременно буду у вас». И попросил его тотчас же удалиться в келью. Действительно, митрополит посетил его в келье, долго беседовал с ним наедине и, выйдя из кельи старца, почтительно простился с ним.

24 августа 1888 года служил в Оптиной позднюю литургию новый калужский архипастырь преосвященный Анастасий¹¹², который вскоре после литургии, в сопровождении настоятеля обители и некоторых братий, осматривал монастырь и скит и затем навестил старца Амвросия. По причине позднего времени, недолго сидел владыка со старцем, сказав, что еще навестит его. И навестил 26 августа утром, после ранней обедни, перед самым отъездом в Калугу. Проводив владыку, старец вышел, по обычаю, в хибарку преподать благословение ожидавшим, среди которых много было шамординских сестер. Обошел, благословил всех и, вернувшись, сел близ образа Божией Матери «Достойно есть», на комодик у шкафа, а ноги поставил на стул и начал говорить: «Небось вам хочется знать,

что говорил мне владыка? Вот что: скажи, говорит, настоятельнице (шамординской), чтобы она спрашивала всех, вновь поступающих: зачем они пришли – спасаться и трудиться или хлеб даром есть? Спаситель сказал народу: «Вы не потому пришли и не потому радуетесь, что видели и слышали Меня, а потому что ели и насытились». Потом еще сказал владыка: не надо строптивых совсем принимать, а сначала испытать; а кого раньше приняли, не узнавши, и кто оказался таковым, того прогнать. А то в монастыре хотят все своей воли; а «своя воля царя боле». А про Оптину сказал владыка так: «Здесь я вижу, чуть что не так, сейчас сожмут, – не разойдется, не дадут воли, – кого в пекарню, кого в просфорню, кого в огород, – сейчас скрутит». А братия говорят про владыку, что он «прост, да тонок». А каков преосвященный в обращении, спросили старца. «Очень прост, но премудр», – ответил старец. «А как понравилось ему в Шамордино?» – еще спросили. «Владыка говорил с улыбкою, что хорошо поют, – отвечал батюшка и затем прибавил: – Он, как истинный монах, не корить и не хвалить». – Вот и вы, батюшка, никогда нас не хвалите», – сказала одна. «Да что ж вас хвалить, – ответил старец, – когда вы сами себя хвалите»¹¹³.

Разнообразилась несколько жизнь старца еще посещением духовных старцев монахов. Один из таковых был в свое время благочинный калужских монастырей, настоятель Тихоновой пустыни, почтенный архимандрит Моисей, почти одновременно со старцем Амвросием поступивший в число братства Оптиной пустыни и вместе с ним живший немалое время, хотя один в монастыре, а другой в скиту. Побеседовать с этим настоятелем старец считал за удовольствие. Вдвоем с ним запрется в своей келье часа на два и уже в это время отнюдь никого не принимал, ни из своих, ни из посторонних.

Любил также старец побеседовать и с мирскими благочестивыми, в особенности с образованными людьми, каковых бывало у него немало. Посещали старца и светские писатели, как, например, Достоевский¹¹⁴ и В.С.С. О первом из них старец, со свойственной ему проницательностью, отозвался: «Это кающийся»; и о втором дал неодобрительный

отзыв. Были у старца Амвросия известный М.П. Погодин и Юркевич, профессор Московского университета. При старце проживал немалое время К.Н. Леонтьев. Нередко бывали у него покойная графиня Протасова, императорская фрейлина, и семейство князей О... К нему приезжали и инородцы, например, с графом Александром Петровичем Толстым приезжали погостить в Оптиной греки, получавшие воспитание в России на счет графа; черкесы, обратившиеся в Православие; гостили некоторое время в скиту двое датчан, из которых один принял Православие; приезжала абиссинская царица и другие подобные. Всех их принимал старец как близких родных и участливо относился к их положению, не упуская также из внимания чего-либо замечательного из их народной жизни. Вследствие общей любви и уважения к старцу немало приезжало в Оптину лиц католического и других неправославных вероисповеданий, которые, по его благословению, принимали тут же Православие. Из них в особенности известен: вышеупомянутый Сергей (Станислав) Михайлович Баранович, бывший некогда вице-губернатором в Калуге, принявший Православие в Оптиной пустыни 7 ноября 1868 года; либавский гражданин, проживавший в Орле, Фердинанд Христианович Розен, принявший Православие 26 июля 1868 года, восприемником которого был сам старец Амвросий; шведка Мария Каролина Опп из Гельсингфорса, присоединенная к Православию 23 февраля 1869 года, сказывавшая, что по принятии Православия она чувствовала великое душевное утешение; лютеранка из города Белева Вильшельмина Карловна, урожденная Кусс, с дочерью Марией, и католичка полька, бывшая в замужестве за русским, Елева Титова, присоединенные к Православию 15 марта 1869 года, также по присоединении ощущавшие великую духовную радость. Было после и еще много присоединений к Православию, при деятельном участии старца Амвросия.

Находим нелишним упомянуть и о том, что у старца Амвросия был и граф Л.Н. Толстой¹¹⁵. Пришел он в Оптину, кажется, в конце семидесятых годов пешком, в крестьянской одежде, в лаптях и с котомкой за плечами. Скоро, впрочем,

открылось его графское достоинство. Пришел он купить что-то в монастырскую лавку и начал при всех раскрывать свой туго набитый деньгами портмоне, и потому вскоре узнали, кто он таков. Как по виду крестьянин, он приютился в простонародной гостинице. Одного бедного дьячка спросил старец Амвросий, где остановился. «Да там, – отвечал тот, – с графом в простонародной». Этот, представлявший из себя какого-то особенного человека, лично был у старца и сказал ему, указав на свою одежду, как он живет. «Да что ж из этого?» – воскликнул старец, с улыбкой поглядывая на него. Неизвестен подлинный ответ старца графу, но смысл его таков: одна внешность без внутреннего содержания, что тело без души. Все труды и подвиги телесные и даже самоумерщвления, если они не направлены к исполнению заповедей евангельских, к приобретению добродетелей, и в особенности смирения, не только не приносят пользы душе человека, но, наоборот, приносят ей величайший вред – совершенно ее губят.

Наконец, особенным днем в году для старца было 7 сентября, день кончины его старца, батюшки отца Макария, к которому, как выше замечено, всегда питал он беззаветную любовь. Так как в этот день, со времени кончины старца Макария, дозволено было пускать в скит женский пол, то к этому числу ежегодно собиралось многое множество монахинь и мирянок почтить его память молитвенным поминовением, а кстати и осмотреть сокровенный для них скит¹¹⁶. 7 сентября потому в особенности старец Амвросий был в совершенной осаде от женщин, которые целый день окружали его корпус со всех сторон.

Так, среди непрестанных трудов и ежедневной суеты, среди многообразных скорбей, напастей и болезней – этих волн и волнений моря житейского, плыла к тихой пристани ладья старца Амвросия. Но, окрыляемый живой верой в Промысл Божий и непостыдной надеждой, он своим любящим сердцем так был прикован к неизреченной красоте горнего града Иерусалима Небесного, что, как казалось окружающим его, или почти, или совсем их не замечал.

Х. Некоторые общие наставления старца Амвросия, записанные большей частью хибарочными посетительницами

Приятная речь – сотовый мед.

(Притч.16:24)

Какое приятное впечатление производила старцева хибарка на посетительниц, описывает одна из них так: «Как радостно забьется сердце, когда, идя по темному сосновому лесу, увидишь в конце дорожки скитскую колокольню, а с правой стороны убогую келейку смиренного подвижника! Как легко на душе, когда сидишь в этой тесной и душной хибарке, и как светло кажется при ее таинственном полусвете! Сколько людей перебывало здесь! И приходили сюда, обливаясь горькими слезами скорби, а выходили со слезами радости; отчаянные – утешенными и ободренными; неверующие и сомневающиеся – верными чадами Церкви. Здесь жил батюшка – источник стольких благодеяний и утешений. Ни звание человека, ни состояние не имели никакого значения в его глазах. Ему нужна была только душа человека, которая настолько была дорога для него, что он, забывая себя, всеми силами старался спасти ее, поставив на истинный путь. С утра до вечера, удрученный недугом, старец принимал посетителей, подавая каждому по потребности. Слова его принимались с верой и были законом. Благословение его или особенное внимание считалось великим счастьем, и удостоившиеся этого выходили от него, крестясь и благодаря Бога за полученное утешение».

Советы же и наставления свои, которыми старец Амвросий пользовал души приходивших к нему с верою, преподавал он или часто в уединенной беседе, или вообще всем окружавшим его в форме самой простой, отрывочной и нередко шутиливой. Вообще нужно заметить, что шутиливый тон назидательной речи старца был его характерной чертой.

«Как жить?» – слышался старцем со всех сторон общий и весьма важный вопрос. По своему обыкновению он отвечал в шутиливом тоне: «Жить – не тужить, никого не осуждать, никому

не досаждать и всем мое почтение». Такой тон старцевой речи вызывал часто улыбку на устах легкомысленных слушателей. Но если посерьезнее вникнуть в это наставление, то каждый увидит в нём глубокий смысл. «Не тужить» – т.е. чтобы сердце не увлекалось неизбежными для человека скорбями и неудачами, направляясь к Единому Источнику сладости вечной – Богу; чрез что человек при бесчисленных и разнообразных невзгодах может успокаивать себя, мирясь с ними, или «смиряться». «Не осуждать», «не досаждать». – Ничего нет обыкновеннее между людьми осуждения и досаждения, этих исчадий погибельной гордости. Их одних достаточно к тому, чтобы низвести душу человека во дно адово, между тем как они большей частью и за грех не считаются. «Всем мое почтение» – указывает на заповедь апостола: *в почительности друг друга предупреждайте* (Рим.12:10). Сводя все эти мысли к одной общей, мы видим, что в вышеприведенном изречении проповедовалось старцем главным образом смирение, эта основа жизни духовной, источник всех добродетелей, без которого, по учению святого Иоанна Златоуста, как упомянуто прежде, невозможно спастись.

На предлагавшийся старцу общий вопрос: «Как жить?» – иногда отвечал он и несколько иначе: «Нужно жить нелицемерно и вести себя примерно; тогда наше дело будет верно, а иначе выйдет скверно». Или так: «Жить можно и в миру, только не на юру, а жить тихо.» Но и эти наставления старца клонились также к приобретению смирения.

«Мы должны, – еще говорил старец, – жить на земле так, как колесо вертится: чуть только одной точкой касается земли, а остальными непременно стремится вверх; а мы как заляжем на землю, так и встать не можем».

О смирении: «Чтобы жить в монастыре, надо терпения не воз, а целый обоз». И еще: «Чтобы быть монахиней, надо быть либо железной, либо золотой». Батюшка пояснял это так: железной – значит иметь большое терпение, а золотой – большое смирение».

«Если кто тебя обидит, не рассказывай никому, кроме старца, и будешь мирна. Кланяйся всем, не обращая внимания,

отвечают ли тебе на поклон или нет. Смиряться нужно пред всеми и считать себя хуже всех. Если мы не совершили преступлений, какие совершили другие, то это, может быть, потому, что не имели к тому случая, – обстановка и обстоятельства были другие. Во всяком человеке есть что-нибудь хорошее и доброе; мы же обыкновенно видим в людях только пороки, а хорошего ничего не видим».

Сказал старец однажды на общем благословении: «Бог посещает Своей милостью только смиренных». После этого, немного помолчав, вдруг прибавил: «Будьте готовы, не весте бо ни дне, ни часа»... Через несколько минут, тут же на общем благословении, известили батюшку о кончине одного скитского послушника (Алексея Кронштадтского).

О том, что без смирения невозможно спастись, старец рассказывал пример: «Одна госпожа видела во сне Господа Иисуса Христа и пред Ним толпу народа. На Его зов первой подошла к Нему девушка крестьянка, а потом мужик в лаптях и еще всё люди крестьянского сословия. Госпожа подумала, что и ее за доброту и вообще за все ее добродетели Он также возьмет. Каково же было ее удивление, когда она увидела, что Господь перестал уже и звать! Она решилась было сама напомнить о себе Господу, но Он совсем отвернулся от нее. Тогда она упала на землю и начала смиренно сознаваться, что она действительно хуже всех и недостойна быть в Царствии Небесном». Батюшка затем прибавил: «А вот такие-то и годятся; таких-то там и надо»¹¹⁷.

На слова одной, стоявшей около старца: «Гордость мешает во всём», – он ответил: «А ты закутайся в смирение, тогда если и небо к земле прильнет, не страшно будет».

Очень многим и гордиться-то вовсе нечем. По этому поводу старец передавал такой рассказ: «Одна исповедница говорила духовнику, что она горда. «Чем же ты гордишься? – спросил он ее. – Ты, верно, знатна?» «Нет», ответила она. – «Ну, талантлива?» – «Нет». – «Так, стало быть, богата?» – «Нет». – «Гм! В таком случае можешь гордиться», – сказал напоследок духовник».

На вопрос: как это праведники, зная, что они хорошо живут по заповедям Божиим, не возносятся своею праведностью, старец ответил: «Они не знают, каков ожидает их конец». «Потому, – прибавлял он, – спасение наше должно содеваться между страхом и надеждою. Никому ни в каком случае не должно предаваться отчаянию, но не следует и надеяться чрезмерно».

Вопрос: можно ли желать совершенствования в жизни духовной? Ответ Старца: «Не только можно желать, но и должно стараться совершенствоваться в смирении, т.е. в том, чтобы считать себя в чувстве сердца хуже и ниже всех людей и всякой твари».

Человеку грешнику естественно и необходимо смиряться. Если же он не смирится, то смирят его обстоятельства, промыслительно устрояемые к его душевной пользе. В счастье он обыкновенно забывается и всё приписывает себе – своей бессильной силе и мнимой власти, но лишь посетит его какое-либо несчастье, просит пощады даже и у воображаемого врага. Истину эту старец выражал притчею: «Человек как жук. Когда теплый день и играет солнце, летит он, гордится собою и жужжит: все мои леса, все мои луга! Все мои леса! А как солнце скроется, дохнёт холодом и загуляет ветер, забудет жук свою удаль, прижмется к листку и только пищит: не спихни!»

Или еще рассказывал старец, как иногда нечаянно обстоятельства смиряют человека: «Раз кто-то устроил у себя обед и разослал своих слуг приглашать гостей. Один из приглашаемых и спрашивает присланного к нему неаккуратного слугу: «Неужели у твоего господина получше тебя никого не нашлось послать ко мне?» На это посланный отвечал: «Хороших-то по хорошим разослали, а меня послали к вашей милости».

Говорил и еще старец Амвросий в назидание своим ученицам о смирении: «Пришел было к настоятелю отцу архимандриту Моисею один посетитель, но, не застав его дома, отправился к его родному брату, упомянутому выше о. игумену Антонию. Среди разговора гость и спросил отца игумена: скажите, батюшка, какого вы держитесь правила? Отец Антоний

отвечал: «Много было у меня правил; жил я в пустыни и по монастырям, и всё разные были правила; а теперь осталось одно мытарево: Боже милостив буди мне грешному!...»

При этом батюшка еще рассказал, как одна всё хотела странствовать туда и сюда – и в Киев, и в Задонск, а старец один и говорит ей: всё это тебе не на пользу, а сиди-ка лучше дома и твори мытареву молитву.

«Лишь только смирится человек, – говаривал старец, – как тотчас же смирение поставляет его в преддверии Царства Небесного», которое, прибавим к сему апостольские слова, *не пища и не питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе* (Рим.14:17).

«Царствие Божие, – говорил еще старец, – не в словах, а в силе; нужно меньше толковать, больше молчать, никого не осуждать, и всем мое почтение».

О терпении: «Когда тебе досаждают, никогда не спрашивай – зачем и почему. В Писании этого нигде нет. Так, напротив, сказано: если кто ударит тебя в десную ланиту, обрати ему и другую. В десную ланиту на самом деле ударить неудобно, а это разумеется нужно так: если кто будет на тебя клеветать или безвинно чем-нибудь досаждать, – это будет означать ударение в десную ланиту. Не ропщи, а перенеси удар этот терпеливо, подставив при сём левую ланиту, т.е. вспомнив свои неправые дела. И если, может быть, ты теперь невинен, то прежде много грешил; и тем убедишься, что достоин наказания».

«Батюшка! Научите меня терпению», – сказала одна сестра. «Учись, – ответил старец, – и начинай с терпения находящихся и встречающихся неприятностей». – «Не могу понять, как можно не возмущаться обидами и несправедливостями». Ответ Старца: «Будь сама справедлива и не обижай никого».

Если кто-либо из братии, по малодушию и нетерпеливости, скорбел о том, что его нескоро представляют к мантии, или к иеродиаконству и иеромонашеству, старец имел обыкновение так говорить в назидание: «Это, брат, всё придет в свое время, – все дадут; добрых дел никто не даст».

О монашеском послушании: «Отчего это батюшка, – спросила одна особа, – игуменье дано право распоряжаться

монахинями как крепостными?» Старец ответил: «Более чем крепостными. Крепостные могли хоть за глаза поворчать на своих господ и побранить их, а у монахинь и это право отнято, – монахиня сама добровольно отдает себя в крепостное право».

О раздражительности: «Никто не должен оправдывать свою раздражительность какою-нибудь болезнью, – это происходит от гордости. А *гнев человека, по слову святого апостола Иакова, не творит правды Божией (Иак.1:20)*. Чтобы не предаваться раздражительности и гневу, не должно торопиться».

Беседуя о зависти и памятозлобии, старец сказал: «Нужно заставлять себя, хотя и против воли, делать какое-нибудь добро врагам своим; а главное – не мстить им и быть осторожным, чтобы как-нибудь не обидеть их видом презрения и унижения».

Одна особа спросила: «Мне непонятно, батюшка, как это вы не только не гневаетесь на тех, кто о вас нехорошо говорит, но и продолжаете любить их». Старец много этому смеялся и сказал: «У тебя был маленький сын; сердилась ли ты на него, если он что и не так делал и говорил? Не старалась ли, напротив, как-нибудь покрывать его недостатки?»

О любви: *"Любовь, – говорил старец словами апостола, – всё прощает, долготерпит, не осуждает, ничего чужого не желает, не завидует"*.

«Любовь покрывает все (См.: 1Кор.13:4–8). И если кто делает ближним добро по влечению сердца, а не движимый только долгом, то таковому диавол мешать не может; а где – только по долгу, там он все-таки старается помешать тем или другим».

«Трудящемуся Бог посылает милость, а любящему утешение».

«Любовь, конечно, выше всего. Если ты находишь, что в тебе нет любви, а желаешь ее иметь, то делай дела любви хотя сначала без любви. Господь увидит твоё желание и старание и вложит в сердце твоё любовь. А главное, когда заметишь, что погрешила против любви, сейчас же исповедуй это старцу. Это может быть иногда от дурного сердца, а иногда и от врага. Сама

ты не можешь этого разобрать, а когда исповедуешь, враг и отойдет».

«Кто имеет дурное сердце, не должен отчаиваться, потому что с помощью Божией человек может исправить свое сердце. Нужно только внимательно следить за собою и не упускать случая быть полезным ближним, часто открываться старцу и творить посильную милостыню. Этого, конечно, нельзя сделать вдруг, но Господь долготерпит. Он тогда только прекращает жизнь человека, когда видит его готовым к переходу в вечность или же когда не видит никакой надежды на его исправление».

«Если будешь принимать людей Бога ради, то, поверь, все будут к тебе хороши».

«Чтобы человеку исправить себя, не надо вдруг налегать, а как тянут барку: тяни-тяги-тяги, отдай-отдай! Не всё вдруг, а понемногу. Знаешь рожон на корабле? Это такой шест, к которому привязаны все веревки корабля; и если тянут за него, то потихоньку и всё тянется, а если взять сразу, то всё испортишь от потрясения»¹¹⁸.

«Бесстрастными ведь не сейчас можно сделаться, а всякий раз, чувствуя свою греховность, говори: Господи, прости мне! Господь один силен вложить в сердце человека любовь».

О милостыни старец Амвросий говорил: «Святой Димитрий Ростовский пишет: если придет к тебе человек на коне и будет у тебя просить, подай ему. Как он употребит твою милостыню, ты за это не отвечаешь».

Еще: «Святитель Иоанн Златоуст говорит: начни отдавать неимущим, что тебе не нужно, что у тебя валяется; потом будешь в состоянии давать больше и даже с лишением себя, а наконец уже готов будешь отдать и всё, что имеешь».

На вопрос, как понимать слова Писания: *будьте мудры, как змии* (Мф.10:16), – старец объяснил: «Змея, когда нужно ей переменить старую свою кожу на новую, проходит чрез очень тесное, узкое место, и таким образом ей удобно бывает оставить свою прежнюю кожу: так и человек, желая совлечь свою ветхость, должен идти узким путем исполнения евангельских заповедей. При всяком нападении змея старается

оберегать свою голову. Человек должен более всего беречь свою веру. Пока вера сохранена, можно еще всё исправить».

«Я говорила как-то батюшке, – пишет его духовная дочь, – об одной семье, что мне всех их очень жаль, – они ни во что не верят, ни в Бога, ни в будущую жизнь; жаль именно потому, что они, может быть, и не виноваты в этом сами, их воспитывали в таком неверии или были другие какие причины. Батюшка закачал головой и так гневно сказал: «Безбожникам нет оправдания. Ведь всем, всем решительно, и язычникам проповедуется Евангелие; наконец, по природе всем нам от рождения вложено чувство познания Бога; стало быть, сами виноваты. Ты спрашиваешь, можно ли за таких молиться? Конечно, молиться за всех можно». «Батюшка! – говорила я вслед за тем. – Ведь не может ощущать в будущей жизни полного блаженства тот, которого близкие родные будут мучиться в аду?» А батюшка на это сказал: «Нет, там этого чувства уже не будет: про всех тогда забудешь. Это всё равно как на экзамене. Когда идешь на экзамен, еще страшно, и толпятся разнородные мысли, а пришла – взяла билет (по которому отвечать), про всё забыла».

Пришел к старцу какой-то господин, не верящий в существование бесов. Батюшка рассказал ему следующее: «Приехал один барин в деревню в гости к своим знакомым и выбрал сам себе комнату для ночлега. Ему говорят: не ложитесь тут, в этой комнате неблагоприятно. Но он не поверил и только над этим посмеялся. Лег; но вдруг слышит ночью, что кто-то дует ему прямо в лысину. Он укрылся с головою одеялом. Тогда этот кто-то перешел к его ногам и сел на постели. Гость испугался и со всех ног бросился бежать оттуда, уверившись собственным опытом в существовании темной силы». Но и после сего рассказа господин сказал: «Воля ваша, батюшка, я даже не понимаю, что это за бесы». На это старец ответил: «Ведь и математику не все понимают, однако она существует». И еще прибавил: «Как же бесы не существуют, когда знаем из Евангелия, что Сам Господь велел бесам войти в стадо свиней?» Господин возразил: «Но ведь это иносказательно?» «Стало быть, – продолжал убеждать старец, –

и свиньи иносказательны, и свиней не существует. Но если существуют свиньи, значит существуют и бесы».

Некоторые, говорил еще старец, отрекались от веры в Бога из подражания другим и по ложному стыду. И вот случай: один так-то не верил в Бога. А когда, во время войны на Кавказе, пришлось ему драться, он в самый разгар сражения, когда летели мимо него пули, пригнулся, обнял свою лошадь и всё время читал: Пресвятая Богородице, спаси нас! А потом, когда, вспоминая об этом, товарищи смеялись над ним, он отрекся от своих слов. Затем батюшка прибавил: «Да, лицемерие хуже неверия».

О лени и унынии: «Скука – унынию внука, а лени дочь. Чтобы отогнать ее прочь, в деле потрудись, в молитве не ленись; тогда и скука пройдет, и усердие придет. А если к сему терпения и смирения прибавишь, то от многих зол себя избавишь».

«Когда найдет хандра, не забудь укорять себя; вспомни, сколько ты виновата пред Господом и перед собою, и сознай, что ты недостойна ничего лучшего, и ты тотчас почувствуешь облегчение. Сказано: многи скорби праведным; и: многи раны грешным. Такова жизнь наша здесь – всё скорби и скорби; а ими-то и достигается Царствие Небесное. Когда будешь непокойна, повторяй чаще: *взыщи мира, и пожени и* (Пс.33:15)".

О нечувствии и бесстрашии, по поводу внезапной смерти С., батюшка сказал: «Вот смерть-то не за горами, а за плечами, а нам хоть кол на голове теши».

Еще говорил: «Если на одном конце деревни будут вешать, на другом конце не перестанут грешить, говоря: до нас еще не скоро дойдут».

О покаянии. Чтобы дать надлежащее понятие о силе и важности покаяния, старец раздавал брошюры: «О покаянии» преподобного Марка Подвижника. Между прочим говорил: «Какое ныне настало время! Бывало, если кто искренно раскается в грехах, то уже и переменяет свою греховную жизнь на добрую; а теперь часто бывает так: человек и расскажет на исповеди все свои грехи в подробности, но затем опять за свое принимается».

Передавал еще старец назидательный рассказ: «Сидел бес в образе человека и болтал ногами. Видевший это духовными очами спросил его: что же ты ничего не делаешь? Бес отвечал: да мне ничего не остается делать, как только ногами болтать: люди всё делают лучше меня».

О силе покаяния рассказывал следующее: «Один всё грешил и каялся, и так всю жизнь. Наконец покаялся и умер. Злой дух пришел за его душой и говорит: он мой. Господь же говорит: нет, – он каялся. «Да ведь хоть каялся, опять согрешал», – продолжал диавол. Тогда Господь ему сказал: «Если ты, будучи зол, принимал его опять к себе после того, как он Мне каялся, то как же Мне не принять его после того, как он, согрешив, опять обращался ко Мне с покаянием? Ты забываешь, что ты зол, а Я благ».

Самооправдание, говорил старец, большой грех. Сказано в Писании: *Егда прииму время: аз правоты возсужду* (Пс.74:3).

«Грехи, как грецкие орехи: скорлупу расколешь, а зерно выковырнуть трудно».

«Три степени для спасения. Сказано у святого Иоанна Златоуста: а) не грешить; б) согрешивши, каяться; в) кто плохо кается, тому терпеть находящие скорби».

«Бывает, – так говорил батюшка, – что хотя грехи наши чрез покаяние и прощаются нам, но совесть всё не перестает упрекать нас. Покойный старец отец Макарий для сравнения показывал иногда свой палец, который давно когда-то был порезан: боль давно прошла, а шрам остался. Так точно и после прощения грехов остаются шрамы, т.е. упреки совести».

«Хотя Господь и прощает грехи кающимся, но всякий грех требует очистительного наказания. Например, благоразумному разбойнику Сам Господь сказал: *Ныне же будешь со Мною в раю* (Лк.23:43); а между тем после этих слов перебили ему голени; а каково было еще на одних руках, с перебитыми голеними повисеть на кресте часа три? Значит ему нужно было страдание очистительное. Для грешников, которые умирают тотчас после покаяния, очищением служат молитвы Церкви и молящихся за них, а те, которые еще живы, сами должны

очищаться исправлением жизни и милостынею, покрывающею грехи».

«Креста для человека (т.е. очистительных страданий душевных и телесных) Бог не творит. И как ни тяжёлок бывает у иного человека крест, который несёт он в жизни, а всё же дерево, из которого он сделан, всегда вырастает на почве его сердца». Указывая себе на сердце, батюшка прибавлял: «Древо при исходищах вод, – бурлят там воды (страсти)».

В иное же время, возвращаясь к высказанной истине, говорил: «Вот я, например, всегда был болтуном – любил с людьми поговорить, поразвлечься; Господь и устроил так, что пришлось мне всю жизнь свою толковать с народом. Теперь и рад бы помолчать, да не приходится».

«Когда человек, – говорил ещё старец, – идёт прямым путем, для него и креста нет. Но когда отступит от него и начнет бросаться то в ту, то в другую сторону, вот тогда являются разные обстоятельства, которые и толкают его опять на прямой путь. Эти толчки и составляют для человека крест. Они бывают, конечно, разные, кому какие нужны».

«Иди, куда поведут; смотри – что покажут, и всё говори: да будет воля Твоя!»

«Бывает крест мысленный, – смущают иногда человека греховные помыслы, но человек не бывает в них виновен, если не соизволяет им. Говорил старец пример: «Одна подвижница¹¹⁹ долгое время обуреваема была нечистыми помыслами. Когда же явившийся ей Господь отогнал их от нее, она воззвала к Нему: «Где Ты был доселе, о сладкий мой Иисусе?» Господь ответил: «Был в твоём сердце». Она же сказала: «Как же это могло быть? Ведь сердце мое было исполнено нечистых помыслов». И сказал ей Господь: «Потому разумеи, что Я был в твоём сердце, что ты никакого расположения не имела к нечистым мыслям, а более старалась избавиться от них, но, не имея возможности, болезновала о сём и этим уготовила Мне место в сердце твоём».

«Иногда посылаются человеку страдания безвинно для того, чтобы он, по примеру Христа, страдал за других. Сам Спаситель прежде пострадал за людей. Апостолы Его также

мучились за Церковь и за людей. Иметь совершенную любовь – и значит страдать за ближних».

Во всех же делах требуется человеку помощь Божия. Старец говорил: *Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии* (Пс.126:1). Это значит: если Господь не благословит что, то напрасны будут труды, *всуе бде стрегий* (Пс.126:1), и ничего не устережет; и напрасно человек тот будет рано вставать, не пойдут дела его без благословения Божия».

А потому требуется всегда и во всём просить помощи Божией, требуется усердная молитва.

«Отчего люди грешат?» – задавал иногда старец вопрос и сам же решал его: «Или оттого, что не знают, что должно делать и чего избегать, или если знают, то забывают; если же не забывают, то ленятся, унывают. Наоборот, так как люди очень ленивы к делам благочестия, то весьма часто забывают о своей главной обязанности – служить Богу; от лености же и забвения доходят до крайнего неразумия или неведения. Это три исполина – уныние или леность, забвение и неведение, – от которых связан весь род человеческий нерешимыми узами. А затем уже следует нерадение со всем сонмищем злых страстей. Потому мы и молимся Царице Небесной: Пресвятая Владычице моя Богородице, святыми Твоими и всесильными мольбами отжени от мене, смиренного и окаянного раба Твоего уныние, забвение, неразумие, нерадение и вся скверная, лукавая и хульные помышления¹²⁰ – и прочее.

Многим заповедовал старец Амвросий, и письменно и устно, молиться краткою молитвою Иисусовою: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

Так писал он к одной особе: «Бог да благословит оставить обычное правило, и постоянно держаться молитвы Иисусовой, которая может успокаивать душу более, нежели совершение большого келейного правила. Из прежних опытных старец по имени Василий объяснял это так: держащийся большого келейного правила, когда исполняет оное, подстрекаем бывает тщеславием и возношением; когда же почему-либо не может исполнить своего правила, то смущается. А держащийся постоянно молитвы Иисусовой одинаково пребывает в

смиренном расположении духа, как бы ничего не делающий, и возноситься ему нечем»¹²¹.

На словах же старец прибавлял: «Да и чем, в самом деле, человеку тут возноситься? Оборванный, ошипанный просит милостыни: помилуй, помилуй! – а подастся ли милость, это еще кто знает».

Говорил еще старец: «Один брат спросил другого: кто тебя обучил молитве Иисусовой? А тот отвечает: бесы. – «Да как же так?» – «Да так: они беспокоят меня помыслами греховными, а я все творил да творил молитву»¹²², – так и привык».

«А когда тебя начнет копать (т.е. когда во время молитвы станет беспокоить раздражительность на кого-либо), молись так: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных!»

Один брат жаловался старцу, что во время молитвы множество бывает разнообразных помыслов. Старец на это сказал: «Ехал мужик по базару; вокруг него толпа народу, говор, шум, а он всё на свою лошадку: но-но! но-но! – так помаленьку-помаленьку и проехал весь базар. Так и ты, чтобы ни говорили помыслы, всё свое дело делай – молись!»

Для руководства к разумному молению молитвою Иисусовою старец раздавал брошюры под заглавием: «Толкование на «Господи помилуй».

Дабы подвигнуть ленивых и унылых к упражнению в этой молитве, батюшка передавал следующий рассказ о силе имени Иисусова: «У одного боголюбца был обученный говорить скворец, который, постоянно слыша произносимую хозяином молитву: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного, – и сам навыв ее повторять. Раз летом вылетел он в растворенное окно на улицу, а тут и налетел было на него ястреб, но скворец, по привычке, в испуге проговорил Иисусову молитву, и тотчас ястреб отскочил от него. Так, даже бессмысленно произносимая молитва послужила во спасение от угрожавшей беды».

Чтобы люди не оставались в беспечности и не возлагали всю свою надежду на постороннюю молитвенную помощь, старец повторял обычную народную поговорку: «Боже-то поможи, да и сам мужик не лежи». И еще говорил:

«Премудрость созда Себе дом; а потом Она сказала: кто неразумен, обратись сюда! И скудоумных приглашала: идите, ешьте хлеб Мой и пейте вино, еже растворил вам, и просите разума ведения». А Т. сказала: «Батюшка! Чрез кого же нам просить, как не через вас?» Старец ответил: «И сама проси; ты вспомни, – двенадцать апостолов просили Спасителя за жену хананеянку, но Он не услышал их; а сама стала просить, упросила».

Но так как молитва есть сильнейшее оружие против невидимого врага, то он и старается всячески отвлекать от нее человека. Передавал старец такой рассказ: «На Афоне у одного монаха был скворец-говорун, которого монах очень любил, увлекаясь его разговорами. Но вот странно: лишь только монах начнет исполнять свое молитвенное правило, скворец тут и разговорится и не дает молиться монаху. Раз на светлый праздник Воскресения Христова монах подошел к клетке и говорит: «Скворушка, Христос воскрес!» А скворец отвечает: «Вот то-то и беда наша, что воскрес», – и тут же околел, а в келье монаха разлилось нестерпимое зловоние. Тогда понял монах свою ошибку и раскаялся».

Что Бог главнее всего смотрит на внутреннее молитвенное настроение души человека, об этом старец говорил: «Пришел как-то к упомянутому выше отцу игумену Антонию один больной ногами и говорит: «Батюшка, у меня ноги болят, не могу класть поклоны, и это меня смущает». Отец Антоний ответил ему: «Да уж в Писании сказано: *Сыне, даждь ми сердце (Притч.23:26)*, а не ноги».

Одна монахиня сказала старцу, что видела во сне икону Божией Матери и услышала от Нее: «Принеси жертву». Батюшка спросил: «Что же ты принесла в жертву?» – Та ответила: «Что же я принесу? У меня ничего нет». Тогда батюшка сказал: «В псалмах написано: *Жертва хвалы прославит Мя (Пс.49:23)*».

О силе крестного знамения передавал старец такой рассказ: «Любил один лишнее выпивать. В таком виде он где-то заблудился, и ему представилось, что кто-то подходит к нему, наливает из графина в стакан водки и предлагает выпить. Но

вот заблудившийся, предварительно, по своей привычке, осенил себя крестным знаменем, и вдруг всё исчезло, а вдали послышался лай собаки. Пришедши в себя, он увидел, что забрел в какое-то болото и находится в весьма опасном месте; и если бы не лай собаки, не выбраться бы ему оттуда».

О поживших во смирении и простоте: «Пришел один молодой человек в какой-то московский монастырь и стал просить настоятеля принять его в число братии. Настоятель же, смотря на его кротость, посоветовал ему лучше поступить в Оптину пустынь. Молодой человек послушался, прибыл в Оптину и немедленно принят был отцом архимандритом Моисеем, который сказал о нём старцу отцу Макарию. Поместили его отдельно в писмоводительской. Послушник этот всегда держал себя как старец: в церкви стоял тихо, опустивши глаза, со строгим благоговением и смирением; без благословения настоятеля из церкви не уходил. И вот когда он умирал, всё улыбался». Тут батюшка еще прибавил: «Вероятно, ему было видение, и умер тихо. Избранники Божии всегда так; им особенно покровительствует Бог. Кто отдает себя Промыслу Божию, о том бывает особенное попечение Божие».

При разговоре о Дарьюшке-страннице старец, вздохнув, сказал: «Да, Господь почивает в простых сердцах. Золото везде видно и везде проглянет, несмотря даже на угловатость; а другой, как ни кудрявьясь, всё золотом не будет». На замечание, что Дарьюшка хорошо умерла, батюшка сказал: «Оттого и кончина была хорошая, что жила хорошо. Как поживешь, так и умрешь».

О том, как трудно искореняются греховные навыки в человеке и как сильно действует на него пример других, старец говорил: «Как на пойманную в табуне одичалую лошадь когда накинута аркан и поведут, она всё упирается и сначала идет боком; а потом, когда присмотрится, что прочие лошади идут спокойно, и сама пойдет в ряд, – так и человек».

О сетях диавольских: «Паук ленивый сидит на одном месте, выпустит ниточку и ждет, – как только попадется муха, сейчас и голову ей долой; а муха-то жужжит». При этом батюшка многозначительно прибавил: «Зажужжим! Так и враг всегда

протягивает сети; как кто попадетсЯ, сейчас ему и голову долой». Затем старец обратился к кому-то и говорит: «Смотри – не будь мухой, а то также зажужжишь».

Как же быть? – сам собою возникает вопрос; человек немощен, а враги хитры. По этому поводу старец Амвросий между прочим передавал назидательный рассказ: «Какой-то отец послал своего сына в лес за делом, а сын и говорит: «Батюшка, как же я там буду один, я ничего не знаю». «Ничего, ступай, – отвечает ему отец, – нужда всему научит». Он поехал; но вот в лесу сломались у него сани. Вспомнил он слова отца: нужда всему научит, – и давай кричать: «Нужда!» -А она отвечает ему: а! (эхо). Ждал-ждал он, кричал-кричал, и никто не пришел к нему на помощь. Тогда он слез, сам кое-как поправил сани, приехал к отцу и говорит: «Обманул ты меня, батюшка, – ведь нужда-то не пришла мне на помощь». – «Да как же ты справился-то?» – Да так уже, кое-как. – «Вот это-то самое, что ты кое-как справился, и означает, что нужда научила тебя как поступить»¹²³.

Вышел как-то старец в хибарку, чтобы преподать благословение, и говорит: «У хозяина были гуси, он и ласкает их: те-жа, те-жа; а они всё те же». И на общем благословении сказал: «Ну уж меня сегодня прихватило! Если еще несколько раз так повторится, то едва ли долго проживу. Да ведь надо же когда-нибудь и на тот свет пойти». «Только не теперь, батюшка, – возражают ему, – как же мы без вас останемся? Вам еще надо с нами пожить». На это батюшка сказал: «Да с вами-то мне иногда уже очень трудно бывает. Вот я вас учил, кажется, всё вам говорил, всему учил, только не знаю, выучил ли чему-нибудь. Вот я и больной задавал себе этот вопрос. По крайней мере, имейте мир между собою».

Много и еще было назидательных изречений старца Амвросия. Некоторые из них тут же в разных местах жизнеописания и помещены.

XI. Основание старцем Амвросием Шамординской Казанской Горской женской общины

Кроме посторонних приключений,
у меня ежедневно стечение людей,
забота о всех церквах.

(2Кор.11:28)

Со всех концов России прибегали к старцу Амвросию за советами и письменно и словесно, и монашествующие и миряне, по всевозможным делам. Кто искал духовного утешения, кто просил разрешения сомнений в вере, кто – наставления, как вести жизнь. Желаящие посвятить себя иноческой жизни просили у старца благословения, в какую обитель поступить и как там жить, как относиться к родным и как устроить домашние дела свои. Но в особенности много было забот у старца о женщинах – вдовах, бедных девицах и детях сиротах. Ибо очень-очень много было таких женщин и девиц, которые, проводя благочестивую жизнь, не имели средств поступить в женскую обитель и не знали, где главу приклонить.

Почти все женские монастыри в России принимают в число сестер только таких, которые в состоянии купить для себя келью, сделать хотя небольшой взнос в обитель и содержать себя своими средствами или трудами, так как монастыри эти не имеют возможности доставлять полное содержание монашествующим. И редко-редко где примут в монастырь женщину без взноса денег, рассчитывая на одну ее телесную силу и здоровье, как могущую исполнять тяжелые монастырские послушания. Поэтому многие из них живут в селах по кельям и трудятся, чтобы только пропитать себя, а успевшие поместиться в обители живут в непрерывных трудах. Для здоровых, впрочем, такая жизнь еще не очень обременительна, да и сами они твердо убеждены, что Бог труды любит, и что они исходатайствуют им вечное спасение. Иное дело – женщина с плохим здоровьем. Ее нигде в женском монастыре не примут, даже если бы она и средства небольшие имела, из опасения, что в случае продолжительной болезни и неспособности к

трудам она может обременить монастырь. Вот таких-то бедных и обездоленных старец всегда старался пристроить к какому-либо месту.

По возможности он склонял некоторых благочестивых состоятельных людей к устройению женских общин и сам, сколько мог, содействовал сему. Его попечением устроена женская община в г. Кромах Орловской губернии. Особенно много забот он употреблял на устройство Гусевской женской общины в Саратовской губернии. По его же благословению устраивались благотворителями Козельщанская община в Полтавской губернии и Пятницкая в Воронежской. Старцу приходилось не только рассматривать планы, давать советы и благословлять людей на дело, но и защищать как благотворителей, так и насельниц общин от различных злоключений и препинаний со стороны некоторых недоброжелательных мирян. По этому случаю входил он иногда даже в переписку с епархиальными архиереями и членами Священного Синода.

Последняя женская обитель, над которой старец Амвросий особенно потрудился, была Шамординская Казанская Горская община. Положено было основание этой общине как будто случайно. Многие из усердных почитателей старца Амвросия, дабы иметь возможность почаще видеть дорогого батюшку, выражали ему свое желание жить к нему поближе. Нашелся даже один богатый московский господин, который просил старца купить для него неподалеку от Оптиной пустыни небольшую дачку, за которую, конечно, обещался заплатить деньги, чтобы ему можно было там проживать со своим семейством. Старец, любивший всех искреннею любовью, старался по возможности удовлетворять благочестивые желания относившихся к нему. Принял участие и в этом господине.

Верстах в 12 от Оптиной, по большой Калужской дороге, несколько влево стоит деревня Шамордино Перемышльского уезда. Еще несколько подальше, может быть с версту, жил старичок, бедный помещик, Василий Полиевктович Калыгин вдвоем с своею супругой-старушкой. При личном свидании с этим помещиком, посещавшим иногда Оптинский скит, старец

Амвросий среди разговора полубопытствовал, не согласится ли он продать свое имение. Калыгин согласился с тем условием, чтобы ему с старушкой дано было место в Оптинской монастырской гостинице, дожить последние свои дни. Вскорости имение Калыгина и было куплено. Деньги за него по благословению старца, были уплачены известной бывшей помещицей, монахиней Амвросией Ключаревой. Сам старец не мог этого сделать, потому что хотя он и много получал с разных сторон денег, но как скоро они приходили к нему, так скоро и расходились. То отдавал он скитоначальнику на помин, то раздавал бедным, а то – самую, впрочем, малую часть – употреблял на лампадное масло и восковые свечи для отправления келейных своих молитвословий.

Покупка калыгинского имения совершена была в осеннее время 1871 года. Замечательно, что за год до продажи имения старику Калыгину было особенное видение: ему представлялась в его имении церковь в облаках. На святках старец Амвросий посылал своего келейника отца Михаила освидетельствовать купленное имение. Кроме 200 десятин земли, ценного в этом имении ничего не оказалось. На верху крутой высокой горы, недалеко от ската, стоял более чем скромный деревянный одноэтажный домик Калыгиных, в 26 аршин длины и 12 аршин ширины. Одну половину дома занимали старики-хозяева. Внутренность ее представляла простую крестьянскую избу с русской печью и маленькими окнами. А где была приемная, там были погреб и подвал. Другая же часть без пола служила вместо амбара, для склада потребных хозяйственных вещей, как-то: ржи, овса и прочего. Еще неподалеку стояла рига и несколько закут для скота. Видно было, что время давно уже наложило на всё это разрушительную печать тления. Крыша на доме соломенная от времени почернела, углы кое-где посгнили, а закуты до того обветшали, что в стенах их образовались широкие расщелины, сквозь которые могла пролазить скотина. Зато вид отсюда на окрестности был прекрасный. Весь огромный горный скат покрыт густым лиственным лесом. А там, глубоко-глубоко у подошвы горы в ложбине, среди изумрудной зелени,

серебряной лентой изгибается небольшая речка Серена. За нею луга, и далее вправо к юго-западу – холмистая местность, сливающаяся с голубым небом. Всё это летом зеленеет и пестреет от множества мелких цветов, рассыпанных щедрой Творческой рукой. Левее на юго-восток глаз любопытного наблюдателя, через крестьянские поля, засеянные разным зерновым хлебом, пробегает пространство верст на 10, если не более. И там в конечной дали виднеется оптинский хутор над рекой Жиздрой, а за ним вековой бор, отуманенный прозрачной воздушной синевой. Далее на востоке – деревня Шамордино. Еще далее кругом – луга, поля и перелески.

Наступила весна. Старец опять послал в купленное имение того же своего келейника отца Михаила несколько поисправить обветшавший дом. Поручение старца было по возможности исполнено. Но вот московский господин, для которого батюшка и купил имение, по каким-то своим домашним обстоятельствам отказался от него, и старец нисколько в этом ему не противоречил. Таким образом, приобретенное покупкой имение оставалось, так сказать, на шее старца благодетеля. «Как быть? Что делать?» – как бы в недоумении рассуждал он. При свидании с монахиней Амвросией Ключаревой, на деньги которой и куплено было калыгинское имение, батюшка вдруг обращается к ней с такими словами: «Вот, матушка Амвросия, жребий тебе выпадает взять это имение для себя. Будешь жить там как на даче, со своими внучками, а мы, – прибавил старец, может быть, в утешение ее, – будем ездить к тебе в гости».

Заметить здесь нужно, что у Ключаревой был единственный сын, который в свое время был женат. Первая жена его, родивши двух дочек близняшек, сама вскоре скончалась. Отец их женился на другой, а эти полусироты остались на попечении своей бабушки и жили вместе с ней. Крестным отцом их, по желанию Ключаревой, был старец Амвросий, который о них чрезвычайно заботился. В будущее обеспечение этих своих внучек матушка Амвросия, по благословению старца, и решила оставить за собой купленное им имение. Теперь она – вдова и полновластная распорядительница всего своего богатого имущества.

Опять отец Михаил послан был теперь уже для того, чтобы поправить дом получше. По окончании же дела в начале лета матушка Амвросия могла уже переехать туда с своими внучками и домашней женской прислугой на жительство. Дом Калыгина был обновлен так, что сам бывший хозяин удивился, что было и что стало. И хотя всё в нём носило на себе отпечаток простоты, тем не менее было уютно и довольно поместительно, а с водворением в нём новых жильцов повеяло от него новою жизнью и веселостью. В первое же лето покупки имения, т.е. в 1872 году, старец Амвросий приехал навестить Ключареву и посмотреть местность. Тут же он благословил ей построить новый корпус для себя и для сестер-послушниц (бывших ее крепостных), число которых при матушке Амвросии было немаленькое, а вместе с тем проговорил: «У нас здесь будет монастырь». Но какими судьбами могло это случиться? Законные наследницы купленного имения, внучки матушки Амвросии, теперь были еще малютки, которым впереди улыбалась долголетняя и, вероятнее всего, супружеская жизнь. Так можно было думать по-человечески; так и думала бабушка этих малюток.

Между тем по благословению старца Амвросия и по его указанию и плану на другой же год после покупки сего имения (1873) Ключарева начала строить здесь новый деревянный большой одноэтажный, на высоком каменном фундаменте дом. В этом доме заранее определялась келья и для приема дорогого гостя батюшки отца Амвросия в случае его приезда. А приезжал он сюда со своим келейником (теперешним старцем иеромонахом Иосифом) в каждое лето один раз и гостил здесь сначала суток по двое и по трое, а впоследствии и по неделе. Старец, без сомнения, и тогда вполне был уверен, что здесь будет святая обитель, а потому особенно интересовался этим местом. Пойдет, бывало, ходить и всё осматривает, но вдруг остановится на каком-либо месте и велит вымерить его длину; назначал, какие где должны быть постройки.

Но вот новый дом Ключаревой был готов. Замечательно, что в нём большой зал по указанию старца занимал восточную часть, а кельи для ее внучек приходились на север, несмотря на

то что такое расположение самой Ключаревой и не нравилось. Не раз после батюшка вспоминал, как матушка Амвросия (Ключарева) скорбела, что его план не согласен был с ее желанием. «Она строила детям дом, – говаривал он, – а нам нужна церковь».

В приготовленный таким образом дом Ключарева поместила на жительство своих внучек, а с ними вместе и сестер послушниц (бывших ее крепостных), которые ей долго служили. Многие из них живы до сих пор и называются ключаревскими. К этим женщинам иногда стали присоединяться их родственницы, даже и молодые, искавшие тишины и молитвы, потому что благочестивое настроение матушки Амвросии Ключаревой отражалось на всём, что было к ней близко. В новом имении и тогда уже текла жизнь, близкая к монашеской. Сама же Ключарева продолжала жить по-прежнему на гостином дворе при Оптиной пустыни, впрочем, так, что с своими внучками она почти была неразлучна: то сама подолгу гостила в имении, то их брала к себе.

Она всячески с своей стороны заботилась о том, чтобы дать им хорошее светское воспитание. Для сего, когда дети стали вырастать, она просила у старца благословение приискать для них француженку, для лучшего обучения их французскому языку и вместе с тем одевать их получше. Но, к великому огорчению Ключаревой, старец ей в этом отказал. Ключарева в этом не понимала старца; силилась заставить себя исполнять его советы, но это было для неё очень тяжело, и она много страдала.

А девочки уже подвижничали. Свое воздержание они довели до того, что отказывались от мяса и ели его только по убеждению батюшки. Они часто молились; очень любили оптинские длинные службы и так твердо знали их порядок, что сами служили всенощные с иерейскими возгласами. Когда бабушка по этому случаю выражала за них старцу опасения, он говорил: «Пусть молятся, они слабого здоровья». Но бабушка не понимала того, что он хотел этим выразить. А другим старец прямо говорил: «Ничего, они знают, что готовятся туда»...

Раз приехала в Оптину посетить старца близкая его духовная дочь г-жа А.А. Шишкова¹²⁴. Зашла она, кстати, и к Ключаревой. Последняя с печалью рассказывала своей посетительнице, что батюшка не благословляет ей взять к внукам своим французенку. «Вы знаете, – говорила матушка Амвросия, – можно ли в нашем кругу не знать иностранных языков? Ведь дети будут возвращаться в свете; да и советует одевать их проще. Вы нынче будете у батюшки, попросите у него благословения приискать мне иностранку к детям. И о платьицах спросите».

«Прихожу я к батюшке, – так передавала г-жа Шишкова, – и между прочим говорю ему; «Теперь я живу в Москве, и мне бы было очень легко и удобно приискать иностранку к внукам г-жи Ключаревой; я бы с радостью исполнила это поручение, не благословите ли?» Тут же и о платьях упомянула. Но батюшка мне ответил так: «Нет, ты этого не делай; детям не надо французенки. Я к ним поместил отличную благочестивую русскую особу, которая их наставит и приготовит к будущей жизни. Знаешь ли, дети жить не будут, а на место их в имении будут за них молитвенницы. Ты только этого не говори матушке Амвросии». Чтобы утешить Ключареву, я ей сказала, что батюшка приказал немного повременить. Но о всём слышанном тут же рассказала мужу моему». Между тем Ключарева в заботах о временной будущности своих внучек, вследствие благословения и настойчивых советов старца Амвросия, поблизости к калыгинскому имению приобрела для них же еще дачу – Руднево, а затем и еще две дачи Преображенское и Акатово, сама, впрочем, не понимая настоящей цели старца, почему это он советовал ей со всех сторон новой дачи прикупать леса, точно предстояло строить целый город. Определила она также для малюток небольшую часть своего капитала, впрочем с условием, чтобы, в случае неожиданной кончины ее внучек, в калыгинском имении, близ деревни Шамордино, устроена была женская община, а прочие три приобретенные ею дачи и с капиталом послужили к устройению этой общины. Вероятно, эта обмолвка была сделана ею по совету старца, провидевшего близкую кончину детей.

Хорошо было жить сёстрам послушницам на новом месте. Об одном только они скучали и много скорбели, что церковь была далеко от них, в селе. И вот матушка Амвросия, желая удовлетворить этой их насущной потребности, по благословению старца стала хлопотать о разрешении выстроить домовую церковь. В 1881 году на это разрешение уже и последовало – было согласие владыки Григория, но тут случились непредвиденные обстоятельства. Всем русским памятно злосчастное 1 марта 1881 года. Царь державный был убит. Это возмутительное событие, по замечанию многих наблюдательных калужан, так повлияло на преданного всей душой Царю и Отечеству престарелого владыку Григория, что он, не успевши оформить дело о домовой шамординской церкви, заболел смертельной болезнью и 13 марта того же года скончался. В это же время заболела и сама матушка Амвросия Ключарева; проболела всё лето, и в августе 23-го числа также скончалась. Недаром старец говорил перед тем: «Куйте железо, пока горячо». Таким образом, когда новый владыка преосвященный Владимир, 1 августа в первый раз приехал посетить Оптину, о домовой церкви в новом имении Ключаревой уже и речи не могло быть. По праву наследства, по завещанию покойницы, хозяйками вновь приобретенных Ключаревой имений, с небольшим капиталом, теперь остались две маленькие ее внучки, которым было по десятому году. Они со своими нянями и сёстрами послушницами продолжали по-прежнему жить в означенном новом доме. Распорядительницей по дому и хозяйству, по благословению старца Амвросия, теперь сделалась на некоторое время одна из самых приближенных к покойной Ключаревой, старушка монахиня Олимпия.

Прошло после сего еще с год времени. Девочки по-прежнему жили в простоте. Тихие и кроткие, они нежно любили одна другую и никогда не разлучались. Никогда не шалили; одевались просто; любили выслушивать долгие монастырские богослужения, любили тихую, уединенную, иноческую жизнь; временем делали прогулки со своими добрыми и благочестивыми нянями, которые теперь заменяли им родных

матерей, и не столько занимались науками, сколько готовились к будущей жизни. Огонек любви Божией всё ярче и ярче разгорался в сердцах батюшкиных крестниц. Им жить оставалось немного, но они не боялись смерти. Не раз они говорили своим няням: «Мы не хотим жить дольше 12 лет; что хорошего в этой жизни». Думается, что о своей близкой кончине они предупреждены были старцем и через духовные наставления заранее подготовлены были к сему. Между тем такая жизнь девочек не понравилась их родителю, проживавшему с своей второй женой в Калуге и, кстати, заметим, не имевшего от нее детей. Он вознамерился взять их к себе и определить в пансион. Им руководила в этом деле главным образом та же мысль, которая смущала и его мать, покойницу Ключареву: детям придется вращаться в свете, потому и необходимо дать им светское воспитание. Старец Амвросий, которому молодой Ключарев объяснил свое желание, не противоречил сему. По его благословению и содействию девочки определены были в Орловский пансион, где начальницей в то время была некая сердобольная благочестивая и преданная старцу Амвросию особа г-жа Чибисова. Проучившись зиму, они должны были на летние каникулы выбыть из пансиона. Отец намеревался взять их к себе, чтобы начать знакомить их с светской жизнью, и уже нанял для них дачу. Но всё это не по сердцу было благочестиво настроенным малюткам, и они всей душой рвались в Оптину под крылышко своего крестного батюшки отца Амвросия, которого любили безграничной любовью. И Всеблагий Господь внял их детским сердечным желанием, и так устроил, что они, с дозволения своего же родителя, предварительно приехали в Оптину повидаться с батюшкой. Это было весной 1883 года. Но, прибывши в Оптину, девочка 31 мая вдруг обе заболели дифтеритом, сначала одна, а потом другая, и чтобы не заражались более одна от другой постигнув их болезнью, были разъединены – одна лежала в одной комнате, другая в другой. Обе напутствуемы были исповедью и причастием Святых Христовых Таин и, видимо, приближались к концу. Пока были в силах, часто писали к батюшке записочки, в которых просили

его святых молитв и благословения. 4 июня сначала скончалась Вера. Ходившие за обеими больными сёстры послушницы не сказали об этом оставшейся в живых Любви из опасения, как бы не беспокоить ее и тем не ускорить часа ее смерти. Но бывшая в дремоте больная вдруг очнулась, спросила сидевшую подле нее сестру: «Вера умерла?» Та начала было говорить, что жива, но она быстро возразила: «Как жива? Мне сейчас няня сказала, что умерла». А няни тут вовсе не было. И так она осталась при своем убеждении. 8 июня и Любовь отрешилась от здешней многоскорбной жизни, соединившись с своей дорогой Верой; дабы как родились они вместе и росли, так вместе и предстать пред Лице возлюбившего их Небесного Жениха. За семь лет говорил старец г-же Шишковой о кончине этих детей.

В силу духовного завещания покойной Амвросии Ключаревой теперь в бывшем калыгинском имении должна была возникнуть женская обитель. Старец Амвросий, которому открыты были Господом судьбы этой будущей обители и по благословению и распоряжению которого всё там делалось и устроялось, понятно, принимал в деле открытия общины самое живое участие.

Между тем пред старцем открылось теперь широкое поле для благотворительности. Тотчас по кончине детей-наследниц, еще до открытия общины в их имении, закипела там работа. Строились корпус за корпусом. Но желавших поступить в открывающуюся общину столько вдруг нахлынуло, что едва построят дом, как уже вдвое более ждут нового помещения. А кого старец принимал и помещал в устрояемую им общину? Большею частью находившихся в крайней бедности вдов и сирот, а еще слепых, хромых, болезненных и вообще самых обездоленных судьбою женщин и девиц. Приходит, например, к батюшке молодая женщина, оставшаяся больною вдовою в чужой семье. Свекровь ее гонит и говорит: «Ты бы, горемычная, хоть бы удавилась, – тебе не грешно». Старец внимательно выслушивает ее, всматривается и наконец говорит «Ступай в Шамордино»¹²⁵. Или вот пример. Рассказывал бывший благочинный Оптиной пустыни, иеросхимонах Иларион: «Замужняя моя сестра подверглась тяжкому недугу, и муж

оставил ее на произвол судьбы. Привезли ее больную в Оптину к старцу. Было лето. Батюшка вышел к больной, посмотрел на нее и, благословив, шутливо промолвил мне: «Ну, этот хлам-то у нас сойдет; отвезти ее в Шамордино!» Около десяти лет прожила она там в богадельне и скончалась, быв пострижена перед кончиною келейно в схиму. Или еще: приходит один бедняк из Сибири и отдает батюшке свою малолетнюю дочку: «Возьмите, – говорит он, – у нее нет матери, что я с ней буду делать?» Старец и эту отправляет в Шамордино. Из таких-то девочек-сирот образовался там детский приют. Среди приютянок есть одна, принятая старцем с двух лет. Батюшка тогда спросил ее: «Кем ты будешь?» Ребенок, еле умевший говорить, ясно произнес: «Истинной монашкой». «Смотри – не обмани», – заключил батюшка. Из убогих же девиц и женщин образовалась богадельня человек на пятнадцать. А сколько таких было по кельям, сколько еще по дачам общины! «Батюшка, у вас именно что монастырь», – пробовал иногда пошутить по этому поводу с старцем его духовник, смиренный старичок отец Феодор. – «А что?» – «Да в какую келью ни войдешь, – там слепая, там хромая, а тут и вовсе без ног, – поневоле все уединенные»¹²⁶. – «Ладно! Уж начнешь...» – отзывался старец, прекращая шутку. Не любил, когда так-то, бывало, вздумаешь ему «хорошее» словцо сказать, вспоминал отец Феодор¹²⁷. Кстати упомянуть еще здесь, что у старца благодетеля в Козельске нанят был особый дом для призрения тех из женского пола, которые не имели полного рассудка.

Но вот время было начать снова хлопотать о разрешении построить в ключаревском имении церковь, а к стати – об открытии женской общины. Преемник преосвященного Григория, епископ Владимир, сочувственно отнёсся к этому желанию старца Амвросия и всех шамординских сестер. В бытность свою в Оптиной, приехавши посмотреть место, где предполагалась новая община, он высказался старцу так: «Вы хорошее место выбрали; я постараюсь дать сему делу ход». Вскоре затем и устроена была домовая церковь в новом большом доме покойной владелицы. Там потребовалось дела немного. К большому залу, обращенному на восток, пристроен был только

алтарь, а иконостас поновлен был старый из Оптинской, во имя праведной Анны и преподобной Марии Египетской, церкви¹²⁸. И домовая церковь была готова.

Незадолго перед тем, именно в 1882 году, приехала к старцу тульская помещица, вдова средних лет, Софья Михайловна Янькова, урождённая Болотова, которая вследствие собственного желания, по благословению и указанию старца, вскоре вступила во второй брак с жившим вблизи Оптиной пустыни помещиком пожилых лет, Николаем Ивановичем Астафьевым, тоже вдовцом. Однако новобрачным недолго пришлось вместе жить. Астафьев скоро после брака заболел, а потом через год с двумя месяцами и скончался. А Софья Михайловна после того сделалась самой преданной почитательницей и послушницей старца Амвросия. Когда готовилась к открытию в ключаревском имении женская община, в которой начальствовала, как выше упомянуто, старица монахиня Олимпия, болезненная и к управлению малоспособная, а нужно было по делам открывающейся общины часто ездить то в Калугу, то в Москву и в другие места, старец Амвросий всегда посылал с поручениями Софью Михайловну, как женщину умную, способную, благонамеренную и имевшую прекрасный дар слова. Таким образом, к освящению домового храма и открытию вместе общины в лице сей особы старцем приготовлена была и первая достойная настоятельница, которую он всегда называл своею правой рукой. Освящен был храм преосвященным Владимиром 1 октября 1884 года на праздник Покрова Божией Матери. В этот праздник батюшка на весь день затворился в своей келье и молился.

Когда еще в начале семидесятых годов старец в первый раз вошел в новоотстроенный ключаревский дом и увидел в зале большую Казанскую икону Божией Матери остановился перед нею, долго на нее смотрел и наконец сказал: «Ваша Казанская икона Божией Матери несомненно чудотворная: молитесь ей и храните ее». Во имя этой-то святой иконы и была освящена первая домовая церковь в новом Ключаревском имении, почему и открытая здесь женская община стала называться

Казанской; по высокой горе, на которой расположена община, – Горскою и по близости деревни Шамордино – Шамординскою.

XII. Нравственный облик иеросхионаха Амвросия как старца

Ко всем заповедям Твоим направлялся, всяк путь неправды возненавидех.

(Пс.118:128)

Из сказанного ранее о старце Амвросии можно уже отчасти видеть, каков был сей человек. Прибавим к этому еще нечто.

Когда окружавшие его монахи по какому-либо случаю заводили иногда речь о великих подвигах святых отцов, он всегда имел обыкновение говорить: «Нам уже не жить так, как они жили». Однако всматриваясь ближе в светлую личность старца, с удивлением можно сказать: каких только заповедей не был он исполнителем, каких добродетелей, так сказать, не воплотил в себе! Для примера остановим свое внимание на заповедях о блаженствах, исполняющий которые поистине исполняет всякую правду, или весь закон.

Нищета духовная, или смирение было основой всей подвижнической жизни старца Амвросия. Преподавая мудрые советы, как выше было упомянуто, знатным и даже знатнейшим лицам, старец в то же время и сам искал совета у других, не полагаясь на свой разум и при богатстве рассуждения. По кончине своего старца Макария, не имея, к кому бы обратиться за советом в своей обители, как сам соделавшись главным старцем, он обращался сначала к своему архипастырю Григорию. А временами, узнавши через достоверных людей об одном сокровенном странствующем духовном старце, тотчас постарался с ним сблизиться и уже постоянно писал к нему секретные письма, собственно, для того, чтобы всё делать с советом другого, в чём видел выражение воли Божией, боясь поступать по своей воле.

Смирение же заставляло старца все свои труды и подвиги, сколько было возможно, укрывать от любопытных или самоукорением, или шутливой речью, или иногда даже не совсем благовидными поступками, или просто молчанием и

сдержанностью; так что и самые близкие к нему люди порой смотрели на него как на человека самого обыкновенного. Он держался заповеди святого Исаака Сирина: «Изливай на всех милость свою и буди скрыт от всех»¹²⁹. По кончине митрополита Московского Филарета старец Амвросий при воспоминании о нём рассказывал в общее назидание себе и другим, что святитель сей держался такой скрытности, что келейные его не только не знали его сокровенной жизни, но не могли даже видеть, как он умывался. «Принеси, – скажет келейнику, – воды и иди». Случалось, что келейник оставался и хотел помочь старцу умыться, но он повторял: «Ведь тебе сказано – иди». Представлял старец Амвросий в пример скрытности или сокровенности и покойного старца своего Макария: «Мудрец был старец (Макарий), – говаривал он, – я четыре года был его келейником, пользовался и руководством его, а так во всю жизнь разгадать его и не мог». Точно так же поступал и старец Амвросий. Во всё время дня и ночи келейные входили к нему по звонку, и не иначе как с молитвой, и потому никогда не могли заметить в нём каких-либо выдающихся особенностей.

Или вот еще примеры старцева смиренномудрия: однажды рассматривали портрет подвижника Василиска, приложенный к его житию. Кто-то и сказал, что вот-де у него уста уж очень как-то светлы; вероятно, это потому, что он умер с молитвою Иисусовою на устах. «Да, это очень может быть, – сказал батюшка. – А вот в Глинской пустыни умер один старец, так у него часа три после смерти рука всё перебирала четки. А я вот, грешный, и не знаю, когда только их перебирал, – добавил батюшка со вздохом и печально махнул рукой. – Я даже и в монастыре-то, пожалуй, всего только один год прожил. Как только взяли к батюшке отцу Макарию в келейники, так с тех пор всё и живу на базаре». «Ну, уж у вас, батюшка, не на руках, а вот там – в сердце молитва-то безостановочно перебирается», – сказал кто-то. «Ну нет, на базаре не переберешь», – ответил старец и быстро перешел к беседе о другом предмете.

Одна приезжая посетительница сказала старцу: «Батюшка! Мы о вас уж очень много хорошего слышали». А он ей в ответ: «Славны бубны за горами, а подойдешь – лукошко».

Одна из собеседниц старца сказала ему: «Батюшка! Вы похожи на святого Александра Невского. Сколько он трудов перенес! И вы тоже перенесли их очень много». «Да у него-то труды, а у меня всё толки», – ответил он.

В другой раз батюшке сказали: «Какой вы премудрый! Всех-то приводите к вере да к Господу Богу, самых отчаянных и непокорных». На это батюшка ответил: «Нет, что я могу немощный?»

Говорили как-то еще старцу об его многоплодном служении на пользу Святой Церкви Христовой. Он на это сказал: «Я ничего не делаю, а только лежу. Меня все хвалят понапрасну. Горе тому человеку, которого хвалят больше его дел».

Раз спросили у батюшки: «Кто будет так милостив до нас, родимый батюшка, если вас Господь возьмет от нас?» Старец ответил: «Много есть людей гораздо лучше меня».

8 октября 1879 года исполнилось сорок лет с поступления батюшки в монастырь. После обедни пришли к нему с поздравлениями и с просфорами. Старец сказал «Несите просфоры в ту комнату; надо еще потолковать, с чем пришли вы поздравлять». Затем, благословивши всех, батюшка сказал: «Прожил я здесь 40 лет и не выжил 40 реп; истинно – чужие крыши покрывал, а своя раскрыта стоит; а вот мне уже доходит 67-й год».

В письме от 31 декабря 1860 года к одной особе, обратившейся к отцу Амвросию как к старцу, писал он так: «Давно собирался я успокоить Вас, многозаботливая N.N., касательно боязни Вашей, что будто я оставлю Вас и не буду писать к Вам. Ежели я, по слабости моего характера, не отказался от вас, не зная Вас как должно, а согласился на предложение Ваше, не желая оскорбить Вас, в крайней нужде духовной находящуюся, то теперь ли могу оставить Вас, когда я, по недостатку истинного рассуждения, презрев свою душу, и собственное спасение оставил на произвол судьбы, мнясь заботиться о душевной пользе ближнего. Не знаю, есть ли кто

неразумнее меня. Будучи немощен крайне телом и душою, беруся за дело сильных и здоровых душевно и телесно. О, дабы простил мне Всеблагий Господь неразумие мое за молитвы блаженного отца нашего (Макария)!»¹³⁰.

В письмах к другим лицам старец нередко просил молиться о нём, глаголющем и не творящем, или не исполняющем тех уроков нравственности, которые преподавал другим. Вообще он как будто не видел или не хотел видеть своих всегдашних трудов и подвигов любви и самоотвержения и терпеливого перенесения постоянных, часто жестоких недугов, всё это принимая как заслуженное наказание за грехи свои, нередко и в письмах к разным лицам повторяя по сему случаю евангельское слово: *воздаст каждому по делам его* (Мф.16:27).

Но, живя сам в смирении, без которого, как выше говорено было, невозможно спасение, старец и в относившихся к нему всегда желал видеть эту необходимейшую добродетель и к смиренным относился весьма благосклонно, как, наоборот, терпеть не мог горделивых, так что иных довольно ощутительно бил, кого палкой, кого кулаком, или осыпал бесчестиями. Жаловалась как-то старцу одна женщина, что от скорбей она чуть-чуть с ума не сошла. – «Дура! – воскликнул при всех старец, – Ведь с ума-то сходят люди умные, а ты-то как же сойдешь с ума, когда у тебя вовсе его нет?» Или: одна жаловалась батюшке, что у ней украли шаль. А он с улыбкою ответил: «Шаль-то взяли, а дурь-то осталась». Старец обобщал иногда понятия «дурак» и «гордый». Не любил он также проистекающего из тщеславия щегольства. Приехала к нему одна духовная дочь, молодая женщина, в платье, обшитом стеклярусом, нити которого так и дрожали, ударяясь одна о другую. Батюшка улыбнулся, глядя на нее, прищурился и промолвил: «Ишь, какая стала, какие игрушечки на себя навесила!» «Мода, батюшка», – ответила та. – «Э-эх, на полгода ваша мода».

При глубоком же смирении, несмотря на свой веселый характер и несмотря на свою сдержанность или спрятанность, старец Амвросий нередко и против своей воли проливал слезы. Он плакал, как выше было упомянуто, среди служб и

молитвословий, отправлявшихся по какому-либо случаю в его келье; в особенности если, бывало, по желанию просителей отправлялся молебен с акафистом перед особенно чтимой им келейной иконой Царицы Небесной «Достойно есть». Во время чтения акафиста он стоял около двери, неподалеку от святой иконы, и умиленно взирал на благодатный лик Всепетой Богоматери. Всем и каждому можно было видеть, как слезы струились по его исхудалым ланитам. Он всегда скорбел и болезновал, иногда до пролития слез, о некоторых из духовных чад своих, отягощенных душевными недугами. Плакал о себе, плакал о частных лицах; скорбел и болезновал душою и о всём дорогом ему Отечестве и о благочестивых царях русских. Так, по случаю убийства императора Александра II он в глубокой скорби писал к одной особе: «Не знаю, что вам написать об ужасном настоящем времени и жалком положении дел в России. Есть одно утешение в пророческих словах святого Давида: *Господь разоряет советы языков, отменяет же мысли людей и отменяет советы князей. Совет же Господень во век пребывает* (Пс.32:11–12). Господь попустил Александру II умереть мученической кончиной, но силен Он подать помощь свыше Александру III переловить злодеев, зараженных духом антихристовым... Антихрист, по объяснению толковников Священного Писания, должен придти во время безначалия на земле. А пока он еще сидит на дне ада, то действует через предтечей своих. Сперва он действовал чрез разных еретиков... а теперь чрез образованных нигилистов стал действовать нагло и грубо паче меры»¹³¹. Впрочем, когда некоторые из приближенных к старцу, по случаю неслыханного злодеяния, были в большом смущении, старец в утешение их, при мысли о восшествии на престол императора Александра III, благонадежно в восторге радости воскликнул: «Жив Господь, и живы души наши!»

Появлялись у старца в свое время и слезы радости духовной. В особенности можно это было видеть при слушании им стройного нотного пения некоторых церковных песнопений. Тут он не мог сдерживаться, между тем как неземная радость светилась в лице его.

Но, находя скорбение в своей греховности необходимым и для всякого человека грешника, старец, если видел в ком-либо из относившихся к нему рассеянность и невнимательность к себе, ткнет, бывало, ему в лицо пальцем и промолвит: «У, безболезненное сердце!» Повторял также иногда для назидания учеников своих слова преподобного Ефрема Сирина: боли болезнь болезненне, да мимотечеши суетных болезней болезни.

От истинного плача, соединенного со смирением, по учению святого Лествичника, происходит кротость. Это боголюбезное свойство имелось потому в душе старца Амвросия, так сказать, по естественному сцеплению добродетелей. Сколько ни приходилось ему испытывать разного рода скорбей, напастей и болезней, но ничто не могло сильно расстроить его, он всегда был весел и покоен. Лежа на одре болезни, он иногда по обычаю своему шутил с окружавшими его монахами; сам пребывая в крайнем изнеможении, утешал малодушных – или через силу проговоренным словом, или отечески ласковым взглядом, или прикосновением ослабевшей руки. Обыкновенно, когда старец находился в сильной болезни, – а это было нередко, – все почти скитские братия, в особенности недавно поступившие послушники, были в унынии. Был в скиту один послушник уже пожилых лет, с лысиной на голове И.Ф. По случаю тяжелой болезни старца, расстроенный, пришел он в его келейную в надежде, нельзя ли хоть молча получить благословение от старца. Надежда его не обманула. С тугой сердечной он подошел к лежавшему на койке страдальцу, поклонился, по обычаю, в ноги и протянул руки, чтобы принять благословение. Преподав благословение, старец слегка ударил его по голове, шутливо проговорив едва слышным голосом: «Ну ты, лысый игумен!..» «Как гора свалилась с плеч моих, – сказывал после послушник, – так легко-легко стало на душе». Пришедши же в свою келью, он места не находил от радости. Всё ходит по келье да твердит: «Боже мой! Что же это такое? Батюшка-то, батюшка-то, сам едва дышит, а всё шутит». Множество было подобных примеров. И так как старец часто сильно недуговал, а совершенно здоровым и никогда не был, то между близкими к нему на вопрос «Как здоровье батюшки?»

сложился даже общий ответ: «Он веселенький». Так всегда душа старца находилась в тихом и мирном устройении. Однако заметим при том, что строптивость некоторых, упорство и настойчивость жить и действовать по-своему и его по временам выводили из терпения и заставляли приходить в негодование.

Так как всякий, стяжавший смирение с плачем, явственно видит все греховные приращения к душе своей и, употребляя против них самые действительные врачевства, всё более и более алчет и жаждет правды или оправдания перед Господом, ища помощи Божией с великим рвением и таким образом совершенствуясь в жизни духовной, то и смиренный и плакавший старец Амвросий, как видим ниже (где ублажаются чистые сердцем), ясно видел все малейшие греховные пятна души своей, омывая их водою слез своих и отирая лентием покаяния. Ясно видимы были им, прибавим к сему, пятна греховные и в душах всех приходивших к нему. А потому не менее алкал он и жаждал правды, или праведности, перед Господом и в душах ближних, как и в своей. Со скорбью и даже с некоторым праведным негодованием смотрел он на тех из относившихся к нему, которые, по неразумию и нерадению своему, нечисто или и совсем не открывали ему своих помыслов греховных – чем легко врачуются души от сих, свойственных им недугов. «Враг наш невидимый, – говорил к таковому старец, – сам же вложит мысль греховную в душу человека, да тут же и запишет ее как его собственную, дабы впоследствии на Страшном Суде Божиим обвинить человека». Приводя при случае к назиданию некоторых из учеников своих слова псалмопевца: *Вси путие Господни милость и истина* (Пс.24:10), – старец Амвросий так их протолковывал: «К ближним мы должны оказывать всякую милость, всякую снисходительность, а от себя истязывать всякую истину, всякую правду». Касательно и внешних отношений к братьям и посетителям старец строго держался правдивости или беспристрастия ко всем и никому не давал воли или потачки и не оказывал незаслуженного предпочтения. Говорил он как-то с одною духовной своею дочерью. Приехала в это время почетная женщина, о которой сочли нужным немедленно

доложить ему. «У меня все равны, – сказал старец, – мышка и маленькая, да пойдй поймай ее». Некоторые осуждали его, что он принимал всё богатых, а бедным отказывал. Да, он принимал скорее богатых, но только не деньгами, а смирением. Потому нередко и случалось так, что смиренные богачи недолго ожидали приема батюшки, а бедные роптуны по неделе и больше ходили к нему, да и то иные не могли совсем попасть. А кроме сего, старец еще так рассуждал: «Бедняку, привыкшему к терпению, легче подождать лишнее время, нежели человеку высокопоставленному». При всём том смиренное расположение посетителей всегда брало перевес.

О милостивости старца Амвросия нужно ли говорить? Кто из знавших его не сподоблялся его милости, выражавшейся в различных видах? Он, по его же вышеприведенным словам, желал бы всех и всем удовлетворить, но о сём будет сказано ниже в последующих главах о любви старца. Ибо, по замечанию отцов подвижников, милость и любовь различаются только одними именами. Здесь же упомянем только о том, что старец, опытом дознавший цену милосердия и сострадательности к ближним, поощрял и детей своих духовных к этой добродетели, обнадеживая их в получении милости от Милостивого Бога за милость, оказываемую ими ближним. К монахине, заведовавшей детским приютом и всей погруженной в заботы о детях, приехала родственница и очень много говорила о Боге и о душевном спасении. Монахиня же, опомнившись, как за своими хлопотами о детях она мало думает о душе, со скорбью сказала старцу: «Вот, батюшка, мирская приехала да всё о душе говорит и думает, а у меня всё Таньки да Машки из головы не выходят». В успокоение ее старец, усмехнувшись, ответил: «Ну, мы с тобой, видно, и на том свете с Машками да Таньками покажемся», – обнадеживая ее тем, что дела милости, по словам Писания, сильны избавить от вечной смерти (ср.: Тов.4:10).

Что сказать о чистоте сердца старца Амвросия? *Кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нём (1Кор.2:11)?* Но Господь, прославляющий угодников Своих, иногда и против воли их, открывает

сокровенное, славы ради имени Своего и прославления верных рабов Своих. Прежде всего заметим, что старец, несмотря на свою болезненность и постоянные труды, всегда готовился к принятию Святых Таин постом и молитвою. Выше мы видели, что и во всё время своего монашествования он был строгим постником и неустанным молитвенником. Но в это время он старался, сколько позволял ему слабый его организм, усугублять пост и молитву; хотя по глубокому смирению своему в некоторых письмах и говорил, что он никогда постником не был, а касательно молитвы даже со скорбью высказывался так: «А я вот грешный и не знаю, когда только перебирал четки». Причащался же старец Святых и Животворящих Таин Христовых часто – недели через три, через две, а то и через неделю, если был очень слаб, и каждый раз непременно исповедовался. Рассказывал по этому случаю иеромонах Оптиной пустыни отец Платон, бывший некоторое время духовником старца Амвросия: «Как назидательна была исповедь старца! Какое смирение и сокрушение сердечное выказывал он о грехах своих! Да и о каких грехах? О таких, которые мы и за грехи не считаем. Напртмер, по болезненности своего желудка, следовательно, по крайней необходимости, ему приходилось иногда, вопреки Уставу Святой Церкви, в среду или пяток скушать кусочка два-три сельди голландской. И этот грех исповедовал старец пред Господом со слезами. Он стоял в это время на коленях перед святыми иконами, как осужденник перед страшным и неумолимым судьёю, чая милости от Дающего милость, думается даже, как можно полагать, со смиренным помыслом, подастся ли милость, отпустится ли грех¹³². Посмотрю, посмотрю на плачущего старца, – прибавлял отец Платон, – да и сам заплачу». В назначенный день, большей частью воскресный, в конце литургии приносил в келью старца в дароносице часть Святых Даров иеромонах, большею частью близкий к старцу, и поставлял сосудец на особо приготовленном для сего столике. Старец всегда в это время бывал в соседней келье отца Иосифа. Через несколько минут он являлся в свою келью, облаченный в схиму, и полагал земной поклон перед Пречистыми Тайнами. Затем,

прослушавши от иеромонаха положенные в Требнике молитвы на случай, когда нужно скоро причастить труднобольного, – старец в епитрахили и поручах испрашивал прощение у всех отсутствовавших отцов и братьев, сам, сложивши крестообразно руки, читал обычные молитвы: «Верую, Господи, и исповедую...», – и с величайшим благоговением приобщался Пречистых Таин Христовых. Заканчивалось всё это слушанием обычных благодарственных молитв. Всё это не свидетельствует ли о чистоте сердца старца Амвросия? Замечали келейные его, что после причащения Святых Таин он как бы вновь возрождался не только духовно, но и телесно.

После исчисленных добродетелей старца Амвросия возможно ли было не быть ему миротворцем? «Батюшка! – спрашивали некоторые. Отчего это мира нет в душе?» Старец отвечал на это псаломскими словами: *Мир мног любящим закон Твой* (Пс.118:165). Он говорил это по собственному опыту. Ибо всю жизнь свою располагавший по закону Божию или по заповедям евангельским, мог ли он не иметь в душе своей мира? Потому, собственно, и видали его всегда веселым и спокойным. Стяжав же при помощи благодати Божией мир с самим собою и ощутив в душе своей сладость сего мира, мог ли он не быть проповедником мира и миротворцем? Сказано в Божественном Писании: *в мире место Его* (Пс.75:3). Следовательно, где мир, там и Бог, а с ним и вся уготованная человеку благая. Поэтому старец всеми силами старался водворять мир между враждующими. И чего-чего не делал он в этих случаях! То отечески убеждал, говоря, что враждующие оскорбляют Бога – Благодетеля, оскорбляют своих Ангелов Хранителей, радуют только диавола враждотворца, то угрожал праведным судом Божиим и вечными муками, то обетованием грядущих благ вечных старался растеплить холодное сердце человеконенавистника. И как рад бывал старец, когда удавалось ему привлечь враждующих к миру! Раз как-то, по козням вражиим, два из старших иеромонахов завраждовали друг на друга. После долгих усилий и, без сомнения, усердной молитвы к Господу ему наконец удалось примирить их. Со светящимся на лице восторгом старец повторял всем и

каждому: «Ну, слава Богу! Хоть как-нибудь да помирились. Худой мир лучше хорошей войны».

Можно назвать старца Амвросия и гонимым правды ради. Терпел он и поношение, и оглавление, и ложную клевету. Ибо, как выше было сказано, ежедневно терпеливо переносил от малодушных посетителей ропот и осуждение, а иногда и грубости, даже и от своих келейных, с которых никогда не взыскивал за свои личные обиды. Нашелся однажды даже и такой человек, который с револьвером в руке среди дня пришел в скит и сел у старца на крыльце, в ожидании его выхода, с намерением застрелить его; и только благодаря ловкости одного монастырского кузнеца был обезоружен. Но старец никогда не оскорблялся на своих недоброжелателей, а, напротив, относился к ним с сердечным участием. Много досаждала старцу одна особа, а он всё терпел. Спросили его, как он ее терпит? Старец отвечал: «Если здесь, где я стараюсь ее успокоить, ей все-таки так тяжело, каково же ей будет там, где все ей будут противоречить? Как же ее не терпеть?» А частые жестокие недуги телесные не были ли для старца тяжелее всяких гонений? Впрочем, старец потерпел нечто, подобное гонению, и в собственном смысле. Но об этом предмете да подаст Господь помощь подробнее высказать далее в своем месте.

Венец всех добродетелей есть любовь. О ней-то и будет говориться в последующих главах.

XIII. Евангельская любовь старца Амвросия, выражавшаяся по отношению к ближним вещественной помощью и мудрыми советами

А кто соблюдает слово Его,
в том истинно любовь Божия
совершилась.

(1Ин.2:5)

Плодом, или венцом, всех добродетелей старца Амвросия, приобретенных им через исполнение заповедей евангельских, является любовь к Богу и ближним. Это не та любовь, которую в большей или меньшей мере имеет и ощущает в себе и каждый из нас, грешных. Наша любовь непостоянная, себялюбивая, иногда лицемерная, греховная. Потому, когда однажды пропели для старца положенный на ноты стих Апостола: *Кто отлучит нас от любви Божией (Рим.8:35)?* – старец с серьезным выражением лица и как будто несколько смущенный, говорил вслух всех: «Кто разлучит? Да всё нас разлучает от Бога». В число других включал себя здесь старец, конечно, по смирению. Его любовь была постоянная, бескорыстная и всеобъемлющая; такая любовь, о которой сказано: *крепка, как смерть, любовь (Песн.8:6)*. Эта любовь старца Амвросия в отношении к Богу проявлялась в неуклонном исполнении им евангельских заповедей, по слову Самого Господа: *Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое (Ин.14:23)*, о чём и говорено было выше; по отношению же к ближним обнаруживалась в сострадании и милости ко всем людям. Любить ближних так, чтобы желать им всякого счастья, благословляемого Богом, и стараться доставить им это счастье было жизнью и дыханием его. Смотря на человека как на образ Божий и всегда памятуя, что *благотворящий бедному дает займы Господу (Притч.19:17)* и что *милостыня очистит грехи (Сир.3:30)*, он старался всемерно по возможности удовлетворять нужды всех просителей, с какими бы кто ни обращался к нему. К этому были направлены: а) все вещественные приношения, которые Господь посылал ему через благотворителей, б) свое опытное

знание; и в) духовные дарования, которыми ущедрил его Бог. Таким образом, старец помогал нуждающимся: а) деньгами и вещами; б) советами и наставлениями устными и письменными; и, наконец, в) своею действенною, приятною Богу молитвою. Но сей последний предмет будет содержанием дальнейшей главы.

Вещественная помощь старца у всех была на виду. Приносимые ему вещи он раздавал через келейников по потребности монашествующим; присылаемые же деньги делил на три части: одну часть отсылал скитона начальнику на нужды скита и на помин благодетелей; другую часть определял на бедных и, наконец, третью, самую малую часть отделял на лампадное масло и восковые свечи для отправления своих келейных бдений и других молитвословий. Милостыня всем, ежедневно приходившим к нему бедным подавалась им также через келейных. В иных же исключительных случаях подавал старец и сам. Раз как-то он поспешно выходит из хибарки в свою келью и тут же мимоходом обращается к своему писарю: «Вот там, – говорит, – пришла вдова с сиротами – мал мала меньше. Всех сирот человек пять, а есть нечего. Сама горько плачет и просит о помощи. А самый маленький ничего не говорит, а только смотрит мне в глаза, подняв ручки грабельками. О! да как же не дать-то ему!» Старец тотчас же полез за деньгами. Руки от волнения трясутся, лицо подергивается, слезы и против воли просятся из глаз. Между тем как сладостная улыбка царит на его устах от радости, что Всеблагий Господь сподобил его отереть слезы несчастных.

Но, помогая людям, старец Амвросий старался по возможности доставлять им то, что они потеряли, и хорошо понимал, что если нищему нужен кусок хлеба, – человеку, жившему в довольстве и всего лишившемуся, требуется бóльшая помощь. Г.С., глава немалой семьи, принадлежащей к старинному русскому роду, в молодости служил в кирасирах, потом в гражданской службе, много потерял в жизни по своей доброте и очутился без места и без средств к существованию. В это время шамординская настоятельница, услышав об их несчастье, уговорила г-жу С. поехать к старцу Амвросию, При свидании с ней старец сказал: «Она приехала к нам и долго от

нас не уедет.» Но первое свидание с старцем смутило г-жу С. Говоря о своем муже, она хотела сказать: «У него большой недостаток – излишняя доброта». А старец, считавший плешивость внешним признаком доброты людей, вдруг перебил ее, воскликнув с усмешкою: «Плешивый!? И я тоже». Причем сдернул с головы своей шапку. Муж г-жи С. действительно был плешив; но веселость старца не понравилась ей. Скоро, однако, она увидела на деле, что такое этот веселый старец. Всю немалочисленную семью он принял на свое попечение, обеспечил ее помещением и содержанием. Одна жительница Киева, услышав про эту семью, нарочно приехала в Шамордино, чтобы самой убедиться в справедливости рассказа об этой семье. Около церкви она разговорилась с хорошо одетой барыней, спросила и про семью С. «Это мы; я С.», – сказала хорошо одетая барыня; и киевской женщине оставалось только удивляться, какой вид имеют люди, которым помогает старец Амвросий.

Зажился в Оптиной барин, добрый душой, с старинными привычками. У него были определенные и немалые доходы, но сбережений не было. Старец находит, что ему нужно вернуться в мир к его прежней полезной деятельности, и спрашивает вдруг: «Ну, а когда же вы едете?» Барин принимает слова старца за прямое указание, что ему пора ехать. «Но вы знаете, батюшка, – отвечает он, – что мне подняться дорого стоит, а лишних денег у меня нет». Батюшка, будто не замечая ответа, переходит к другому разговору. Через несколько дней к барину приходит доверенное лицо батюшки и говорит: «Я слышал, что вы желали бы достать денег, – я могу предложить вам займы». Барин едва может настоять на том, чтобы взяли от него расписку.

Помогая бедным лично и через келейных, старец не забывал и относившихся к нему за помощью письменно. Ежегодно к великим праздникам Рождества Христова и Святой Пасхи рассылалось им по несколько десятков денежных писем в разные места к не могущим явиться к нему за милостынею лично. Посылалось рубля по три, по пяти и более. К концу жизни старца таких, рассылавшихся к великим праздникам

денежных писем возросло до двух сот. Но уже в это время, и при таком количестве, старец не мог рассылать денег помногу, а посылал в каждом конверте и без письма только по одному рублю. Бывали, хотя редко, случаи, когда он посылал одному лицу рублей по сто и более. Некоторые бедные монахини почти, можно сказать, содержались на его счет.

Любовь, сказано, *всему верит* (1Кор.13:7). Потому старец Амвросий верил всякому несчастью и, когда у него просили, не начинал допытываться, нет ли обмана. В Козельске в его время много было бедных, оборванных молодых бобылей, которые часто ходили к старцу и всё просили у него на паспорт. Один из них даже смеялся и прямо говорил: «Мы все отца Амвросия обманываем: скажем, что на паспорт надо; он по рублю нас оделит, а мы возьмем, да пропьем». Слышавшие замечали им: «Не проведете, дураки, батюшку. Он всё знает, а только что он жалеючи подает вам, чтобы не пошли вы на большую дорогу». И таких людей он старался ободрять верою во Всесильную помощь Божию и вселять в них надежду, что и они могут стать на новый путь.

Наконец, многолюдная Шамординская обитель, куда старец принимал, как выше замечено, множество бедных и больных, не служит ли наглядным доказательством его любви и милосердия к ближним? Всех их собирал он и покоил, как собирает кокош птенцов своих под крылья; всех их согревал любовью, как доилица греет чад своих.

Теперь представим примеры, как старец помогал ближним своими мудрыми советами и наставлениями, которые были плодом отчасти его опытности, главным же образом – следствием полученного им от Господа благодатного дара рассуждения и прозорливости. Например, как много произведено было по его планам и указаниям построек в скиту, на монастырских дачах и в особенности в упоминаемой Шамординской женской общине, и все эти постройки всегда оказывались годными и удобными. Так что в этих случаях ошибок у старца не бывало.

Один посторонний наблюдатель пишет: «Кто приезжал (в Шамордино) видеть батюшку, прежде всего поражался

необыкновенным строем обители. Здесь нет ни лавок, ни купли, ни продажи, ни начальствующих, ни подчиненных; здесь всё – от батюшки. Это центр, которым всё движается, всё живет. Пораженный в первый мой приезд туда таким полным беспрекословным подчинением каждому его слову, я многих спрашивал: отчего так охотно, свободно готовы все исполнять его волю? – и получал от разных лиц один и тот же ответ, что всякий на себе испытал, что только то хорошо бывает, на что батюшка благословит, а если кто и решался иногда не исполнить его совета, тот сам видел, что выходило дурно, без удачи, без пользы»¹³³.

Или вот частные случаи мудрых старческих советов иеросхимонаха Амвросия. Приходит к старцу богатый орловский помещик и между прочим объявляет, что хочет устроить водопровод в своих обширных яблоневых садах. «Люди говорят, – начинает старец со своих обычных в подобных случаях слов, – люди говорят, что вот как всего лучше». И подробно описывает водопровод. Помещик, вернувшись в деревню, начинает читать об этом предмете. Оказалось, что батюшка описал последние изобретения по этой части. Помещик снова приехал в Оптину. «Ну что водопровод?» – спрашивает старец. Водопровод устроен по указанию старца и уже успел принести великую пользу: у соседних садоводов урожай яблок плохой, а у этого помещика богатый, и яблоки прекрасные.

Один молодой человек после некоторых объяснений со старцем сказал, что хочет устроить у себя душ. Батюшка сочувствует ему. «Тебе, – говорит, – нужно, чтоб он мало места занимал? Что ж, это можно; вот как сделай...» Проходит несколько лет. Следует объявление, что появились новые усовершенствованные души. Оказалось, что они устроены, как задолго перед этим объяснил молодому человеку старец Амвросий.

Случаи прозорливости батюшки отца Амвросия были многочисленные и нередко поразительные. Ознакомимся с некоторыми из них.

Преосвященнейший епископ калужский Макарий изволил передать о себе следующее. Когда он был еще мирским священником, законоучителем в Орловском институте благородных девиц, пришлось ему, вместе с отцом ректором Орловской духовной семинарии архимандритом Н, быть в Оптиной пустыни у старца Амвросия. Побеседовав с гостями, старец на прощание подарил им обоим по книжке одинакового содержания, именно – о монашестве. «Я, как священник, – говорил владыка, – подумал тогда, к чему мне такая книга?» И старец, как бы опомнившись, сказал: «Да, вам бы не то», – но затем присовокупил: «Ну, да так и быть». По времени, овдовев, бывший священник и законоучитель, как известно, принял монашество.

Рассказывал бывший благочинный Оптиной пустыни иеросхимонах Иларион: «Живя в миру, я ежегодно ездил в Оптину пустынь, где в числе братства находился мой брат иеродиакон Пафнутий. В каждый из таких приездов я считал долгом быть у батюшки отца Амвросия и принять от него благословение. Однажды старец и говорит мне: «Пора к нам». Отвечаю ему: «Узы держат, батюшка, – я женат». На это старец сказал: «Еще не созрел!» В тот же год померла моя мать, а через два года я поступил в Оптину. Так исполнилось приглашение старца: «Пора к нам». Вместе со мною прибыла и жена моя и жила почти 13 лет на скотном дворе монастыря. Скончалась в 1882 году, приняв келейно постриг в схиму.

Передал два рассказа иеромонах Оптиной пустыни Паисий.

1. В прежнее время, а именно в 70-х годах, некоторые из братьев посылались для сбора пожертвований на нашу святую обитель. Посылали и меня. Однажды, перед тем как ехать, прихожу я к батюшке отцу Амвросию получить его святое благословение. Благословив меня, старец, обратившись к бывшим тут братьям, сказал: «Знаете ли, это человек великий, – его в миру уважают. Копеечек пять с половиною он нам привезет». Поездивши по сбору, я привез настоятелю деньги, которых оказалось 550 рублей. Тогда я понял слова старца, что означало пять с половиною копеечек.

2. Назначили меня к переводу в Лихвинский Добрый монастырь, вместе с иеромонахом Оптиной пустыни отцом Анатолием, который определен был в настоятели сего монастыря. Назначено было с ним кроме меня в этот монастырь еще несколько человек из братий Оптиной пустыни. Ехать мне туда не хотелось. Прихожу к старцу и высказываю ему свою скорбь. А он и отвечает мне: «Нынче дашь подписку в согласии на перевод, а завтра приедешь обратно». Задумался я над словами старца. Но, подписавши согласие свое на перевод в Добрый монастырь, я на другой же день отправился туда. Приезжаю. Встречает меня отец Анатолий и говорит: «Не наше, брат, здесь место; поедem назад в Оптину». Так мы с ним в тот же день и уехали из Доброго монастыря обратно в Оптину пустынь.

Рассказывал иеросхимонах Оптиной пустыни Киприан¹³⁴. С детства у меня было желание побывать на Афоне и в Иерусалиме. В 1838 году, когда мне было 22 года, я отправился в Киев и по пути заехал в Оптину пустынь, где в то время старцем был отец Лев. Он не благословил мне ехать в Киев, сказав, что место мое в Оптиной пустыни. Так я и остался здесь; но, прожив с полгода, принужден был возвратиться домой вследствие несогласия моих родителей на поступление мое в монастырь. После этого я прожил в миру лет 40; женился и имел детей. В 1874 году приехал я опять в Оптину, уже с семейством, поговеть. Старчествовал в это время отец Амвросий. Открыл я ему свое заветное желание побывать на Афоне и в Иерусалиме. На это он мне сказал: «Съездить туда можно, но место твое все-таки будет в Оптиной». Слова старца скоро оправдались. Через два года с половиной скончалась моя жена, и я поступил в Оптину пустынь в монашество.

Передал два рассказа иеромонах Оптиной пустыни Дорофей.

1. Пришел я однажды к старцу и долго дожидался его приема. Времени было уже десять часов вечера. Сажу я и по легкомыслию своему думаю про себя: «Вот все называют старца святым. А какая это святость, когда заставляет так долго дожидаться своего выхода? Придется из-за этого и правило

вечернее опустить и утреню проспать. За всех ему грех будет». Вдруг слышу в эту минуту голос старца из его кельи: «Сейчас! Сейчас!» Смотрю, батюшка выходит. Благословивши меня, он берется за мою бороду и, слегка ударяя меня по щеке, говорит: «Вот, монахины иногда по месяцу живут в гостинице, дожидаясь, пока мне придется их принять. Другая, может быть, приехала за тысячу верст и тоже терпит и дожидается. Их нужно вперед отпустить. Из-за них я отказываю иногда и братьям в приеме. Всех сразу я не могу принять. А ты и немного не хочешь подождать. Мне одному за всех грех будет!» Вразумленный словами старца, я после этого, спокойный и радостный, пошел от него в свою келью и уже никогда не дерзал роптать на него, если иногда и подолгу приходилось дожидаться его выхода. Замечу вообще, что иногда, бывало, и не примет старец, а между тем все-таки уйдешь от него успокоенным и обрадованным.

2. Впоследствии я проходил послушание старшего эконома на конном дворе. Бывало, как ходишь по навозу, так за недосугом прямо и пойдешь в церковь. А некоторые из братий подшучивали надо мной: «Отец Дорофей, от тебя навозом пахнет». Слова эти причиняли мне скорбь. Однажды я и говорю об этом старцу, а он мне в ответ: «Пусть смеются; еще обгонишь их; еще и нам будут завидовать». И что же? Слова старца сбылись. Давно уже я сподобился священного сана, а шутившие надо мной остались сзади.

Передал три рассказа скитский иеромонах Венедикт.

1. О себе. По окончании курса в Смоленской духовной семинарии я занял место священника в селе Чеботове Дорогобужского уезда. Имя мое было Виктор Дьяконов. Вскоре заболела моя жена, по видимому, впрочем, неопасно. Заходит в это время к нам в дом странник, который держал путь в Оптину пустынь. Я послал с ним рубль денег для передачи батюшке отцу Амвросию, прося его помолиться о болящей. По приходе странника в монастырь старец, при свидании с ним, спрашивает его: «Ты тем же путем назад пойдешь?» Тот отвечает: «Тем же». «Зайди же опять к отцу Виктору, – говорит ему батюшка, – и благодари его, что он меня помнит. Скажи, что и я его не

забыл». Замечу при том, что, будучи еще воспитанником среднего отделения семинарии, я был у отца Амвросия лично на благословении. Поступив же во священника, я всегда поминал его на проскомидии. Старец это и припомнил. «Подвиг его ждет», – продолжал старец. «Пусть возвращает сад и чаще поливает, плодов много будет. Июль месяц будет для него скорбный; мы увидимся с ним». 29 июля того же года скончалась моя жена, и я отправился в Оптину пустынь. Прихожу к старцу; а он подает мне четки и книгу «Царский путь креста Господня» и велит готовиться к монашескому чину – продать все пожитки, какие у меня были, и подать прошение владыке об увольнении в заштат по болезни, что я и исполнил. Прибыл затем к батюшке в скит и в непродолжительном времени был пострижен в мантию с именем Венедикт.

2. О постороннем лице. Смоленской губернии, Юхновского уезда, села Федоткова Павел Семенович Соколов, по окончании курса наук в Смоленской духовной семинарии, занял место сельского учителя. Несколько раз он лично просил у старца Амвросия благословения поступить во священника. Но батюшка всегда отклонял его просьбу, советуя подождать. Прошло так два года. Павел Семенович вновь обратился к батюшке письменно, выражая желание занять место священника в городе Вязьме. Старец на этот раз отвечал ему: «Над тобою терновый венец висит, и скоро он на тебя низойдет, – подожди». Так и случилось. Спустя месяца два Павел Семенович заболел и скончался.

3. О другом постороннем лице. В городе Дорогобуже Смоленской губернии у одной благородной вдовы была единственная дочь невеста, за которую сваталось много женихов. Нередко бывали они лично у старца, чтобы испросить у него благословение на брак, но батюшка всё говорил им: «Подождите». Нашелся наконец жених весьма хороший, который нравился и матери и дочери, и потому мать лично опять стала просить у старца благословения выдать дочь в замужество. Но батюшка велел и этому жениху отказать, прибавив к сему: «У ней такой будет жених замечательный, что все позавидуют ее счастью. Вот прежде мы встретим Святую

Пасху. А как на этот день солнце весело играет! Воспользуемся зрением этой красоты. Да не забудь же ты, – припомни, посмотри!» Настал праздник Светлого Христова Воскресения. Невеста первая вспомнила батюшкины слова: «Мама! А помнишь, что нам батюшка отец Амвросий советовал посмотреть на восходящее солнышко!» Вышли. Дочь вдруг распростерла крестообразно руки, и воскликнула: «Мама! Мама! Я вижу Господа, воскресшего во Славе. Я умру, умру до Вознесения». Мать была этим очень поражена и говорит: «Что ты, дитя, Господь с тобою. Не может быть этого. Ты ничем не больна, ты здорова». Но дочь продолжала утверждать: «А я вам говорю, что умру, потому что не напрасно сказано в слове Божиим: «Не бо узрит человек Бога, и жив будет!» Слова девицы оправдались. За неделю до праздника Вознесения Господня у нее заболели зубы, и от этой, по видимому неопасной болезни она скончалась.

Сообщил четыре рассказа о себе скитский иеромонах Нектарий.

1. В скит я поступил в 1876 году. Через год после сего батюшка отец Амвросий благословил меня обращаться, как к духовному отцу, к начальнику скита иеромонаху Анатолию, что и продолжалось до самой кончины сего последнего в 1894 г. К старцу же Амвросию я обращался лишь в редких и исключительных случаях. При всём этом я питал к нему великую любовь и веру. Бывало, придешь к нему, и он после нескольких слов моих обнаружит всю мою сердечную глубину, разрешит все недоумения, умиротворит и утешит. Попечительность и любовь ко мне, недостойному, со стороны старца нередко изумляли меня, ибо я сознавал, что их недостойн. На вопрос мой об этом духовный отец мой, иеромонах Анатолий, отвечал, что причиной сему – моя вера и любовь к старцу, и что если он относится к другим не с такою любовью, как ко мне, то это происходит от недостатка в них веры и любви к старцу и что таков общий закон: как кто относится к старцу, так точно и старец относится к нему.

2. Помню, что года через два по поступлении моем в скит вышло распоряжение начальства о высылке из обители всех

неуказных послушников, подлежавших военному призыву. И мне, вместе с другими, монастырский письмоводитель уже объявил о высылке меня из скита. Но, к счастью моему, по святым молитвам старца, опасность эта миновала. Письмоводитель вскоре вновь объявил мне, что я отошел от воинской повинности только на двадцать пять дней. Прихожу к батюшке и благодарю его за его молитвенную помощь, а он мне сказал: «Если будешь жить по-монашески, то и на будущее время никто тебя не потревожит и ты останешься в обители навсегда». Слова старца оправдались. По милости Божией я доселе живу в скиту.

3. Как-то по внушению вражюю я начал колебаться помыслом, сомневаясь в даре прозорливости батюшки отца Амвросия и в великом значении старчества в деле руководства братии в духовной жизни. Мысль эту я затаил в себе и не открывал никому. Сомнение начало разрастаться во мне и колебать веру в старца. Но Господь чудным образом вразумил меня. В наш скит ходил один из жителей города Козельска по имени Капитон. Рассказал он мне, как старец по своей прозорливости советовал ему послать своего сына в Курск для приискания какого-либо дела, но за непослушание оба – отец и сын были наказаны. (Подробнее о этом будет сказано ниже). Этому случаю я весьма удивился и вразумился, что великая благодатная сила обитает в старце.

4. К сожалению, были среди братства некоторые порицавшие старца. Приходилось мне иногда выслушивать дерзкие и бессмысленные речи таких людей, хотя я всячески старался защищать старца. Помню, что после одного из подобных разговоров явился мне во сне духовный отец мой иеромонах Анатолий и грозно сказал: «Никто не имеет права обсуждать поступки старца, руководясь своим недомыслием и дерзостью; старец за свои действия даст отчет Богу; значения их мы не постигаем».

Передал два рассказа скитский монах Иоиль.

1. О себе. Находясь в миру, я был женат, но через четыре года овдовел. В это время брат мой отправился в Оптину к старцу Амвросию, и я пожелал через брата узнать, как старец

благословит мне жить. Возвратившись, брат передал мне ответ старца: «Пусть годок подождет жениться и приедет к нам». Подумал я: не хотят ли меня сделать монахом? О поступлении в монастырь я тогда не имел намерения. Год прошел, и я вступил во второй брак, не побывав предварительно в Оптиной и не получив от старца на это благословения. Но прошло три с половиной месяца, и вторая жена моя померла. Через два месяца после сего я поехал в Оптину. Прихожу к старцу. Он мне и говорит: «Поди сюда. Где твоя жена? Почему ты не послушался меня?» Я отвечаю: «Простите, батюшка! Вот я приехал спросить вас о том, должен ли я жениться или поступить в монастырь?» Батюшка на это сказал: «Третьего брака нет. Прямой твой долг оставаться в монастыре и быть монахом». После этого я вернулся домой, а через два месяца уже совсем прибыл в Оптину и поступил в число братства в скит.

2. О постороннем лице. Был у меня знакомый купец. Жил он благочестиво, подавал милостыню и усердно посещал службы церковные. Приехал он к батюшке отцу Амвросию и спросил, как ему жить. Старец дал такой ответ: «Живи, как живешь. Только каждый пост приобщайся Святых Таин». Купец послушал совета старца и через недолгое время скончался. Кончина его была истинно христианская со всеми напутствованиями.

Передал пять рассказов скитский монах Гурий.

1. Года через три, по поступлении моем в скит в 1887 году, приехал ко мне племянник, сын родного моего брата. Когда он пришел к батюшке отцу Амвросию попросить благословения жениться, старец велел ему погодить, сказав, что ему придется еще некоторое время пожить в амбаре. Предсказание старца оправдалось. Через год дом брата моего сгорел, и ему с семьей и упомянутым молодым человеком пришлось во время постройки нового дома жить в амбаре. Пожар этот нанес брату большие убытки. Получивши об этом известие, я начал скорбеть и открыл скорбь свою батюшке. А он, утешая меня, говорит: «Не печалься, – брат твой обстроится и будет жить еще лучше»

прежнего». Действительно, брат выстроил себе новый дом и живет по настоящее время в бóльшем достатке, чем прежде.

2. При поступлении моем в скит батюшка, благословив меня, прибавил: «Отцу архимандриту (Исаакию) не показывайся на глаза. Иначе, как только он увидит тебя, то переведет в монастырь. Жизнь монастырскую ты не понесешь и через это можешь расстроиться». Помня предостережение старца, я избегал встречаться с отцом архимандритом. Но вот через четыре года, на Пасху, когда бывает общая братская трапеза в монастыре, я подхожу по окончании оной, вместе с другими братьями, под благословение к отцу архимандриту, так как уклониться от сего мне было неудобно в это время. Взглянувши на меня, он тотчас велел перевести меня в монастырскую просфорню, обещая сделать меня там старшим. И если это не состоялось, то только потому, что сам старец принял во мне участие, и я был оставлен в скиту.

3. Около того же времени заболел я горячкою. Болезнь усиливалась, и я уже начал опасаться за свою жизнь. Посетившие меня братия заметили, что у меня начали чернеть ногти. Сочтя это за признак приближения смерти, пошли к старцу испросить его благословения на постриг меня в мантию и схиму. Но старец не благословил, сказав, что я выздоровею на другой день. По святым молитвам батюшки, действительно я на другой же день почувствовал себя настолько хорошо, что мог встать с постели и окончательно оправился. Болезнь моя продолжалась около месяца.

4. Замечательный случай был еще со скитским послушником Максимом. За неделю до кончины его батюшка начал говорить ему: «Под камнем сим лежит Ларин Максим; им бы только жить да веселиться, а они изволили на тот свет переселиться». Максим принял слова батюшки в том смысле, что его переведут в монастырь, и очень запечалился. Я был в то время поваром, а Максим моим помощником. Начали в трапезе мыть пол. Но Максим почему-то уклонился от этого дела и ушел в свою келью. Дело было утром. Настало время обеда, а Максим не является. Прошло еще часа три. Некоторые из братий пошли к нему в келью, но уже не застали его в живых.

5. Был в скиту уставщик иеромонах отец Палладий. Отслужил он однажды в скитской церкви в воскресный день литургию, чувствуя себя здоровым. Но вот батюшка в тот же день присылает к нему келейника и велит ему немедленно особороваться и постричься в схиму. Отец Палладий был очень этим удивлен и сказал келейнику, что он здоров. Батюшка еще в другой и третий раз присылает к нему келейника с тем же предложением, но тот продолжать отказываться. Наступил понедельник. Утром в этот день батюшка в четвертый (и последний) раз присылает к отцу Палладию келейника опять с тем же предложением. Но пока он делал приготовления к соборованию, с ним случился удар. Впрочем, хотя отнялся у него язык, однако он был в памяти. Его успели особоровать и причастить Святых Христовых Таин. Вечером в тот же день он и скончался.

Передал три рассказа монастырский монах Геннадий.

1. Сильно смущали меня хульные помыслы. Пришел я по сему случаю к батюшке отцу Амвросию поздно вечером, – было уже темно. Вышел батюшка в коридор и начал поочередно благословлять братию, стоявшую на коленях. Подходит и ко мне. Лица моего он не мог видеть в темноте, но вдруг, обращаясь ко мне говорит: «Ты что?» И начал по лицу моему гладить рукой, как бы смывая с него грязь, и затем благословил и ничего мне не сказал. Но я внезапно почувствовал, что на душе у меня стало легко. Помыслы хульные отступили от меня, и радость наполнила мое сердце.

2. Был еще такой случай. Лет через десять по поступлении в обитель исполнял я огородное послушание. Старшим был монах Наум. Приходилось мне тогда часто обращаться с женщинами, которые нанимались для уборки огорода, и я почувствовал, что меня стали беспокоить нечистые помыслы. Опять пришел я к батюшке. Опять он выходит в коридор и начинает благословлять братию; смотрит при этом на меня и закрывает глаза свои локтем руки. Так он повторил это несколько раз. Понял я тогда, что старец провидел мою внутреннюю брань и указал мне средство против нее – хранение очей.

3. После кончины моего брата я, по благословению батюшки отца Амвросия, отправился домой и привез с собой двух сирот, племянника лет десяти и племянницу лет семи. Мальчика определил в монастырскую рухлядную, а девочку поместил в приют Шамординской общины. Спустя года полтора после этого получил я из Шамордина известие, что девочка опасно заболела. Прихожу к старцу и рассказываю ему свою печаль. Старец спрашивает об этом у сестер, приехавших в тот же день из Шамордина; но они сказали, что девочке лучше и опасности никакой нет. Так я и ушел от батюшки. Но после узнал от других, что в тот же день, по уходе от старца братии, часов около 11 вечера, он вдруг подошел к иконе и начал петь: «Со святыми упокой». Оказалось, что в это самое время скончалась моя племянница в Шамординском приюте.

Передал два рассказа о себе монастырский монах Павлин.

1. Имея с юных лет расположение к иноческой жизни, я всячески желал поступить в монастырь, но никак не надеялся, чтобы согласились на это мои родители, потому что я был старший сын в семье. Отправился я с одним товарищем в Оптину к батюшке отцу Амвросию для получения от него благословения и разрешения вопроса касательно намерения моего сделаться монахом. Мне было тогда 18 лет. Когда пришел я в келью старца, первый его вопрос ко мне был: «А родители тебя отпускают в монастырь?» Очень я удивился прозорливости старца, который в этот раз высказал мне многое, касавшееся моей прошлой жизни, о чём он ни в каком случае и ни от кого знать не мог. При этом нечто и предсказал мне, что и исполнилось со мною впоследствии. Сказал мне батюшка, чтобы я приходил в Оптину, когда отбуду воинскую повинность. Не надеялся я, что буду освобожден от сей повинности, но случилось так, что, по святым его молитвам, меня уволили по второй льготе, и я вскоре поступил в Оптину в число братства. Это было в 1882 году.

2. Незадолго до кончины старца Амвросия был я у него в Шамордине, Благословив меня, он сказал: «За то, что ты не открыл мне некоторые из своих мыслей, тебе попустится искушение». Так и случилось. В том же году, простудившись при

носке дров, я едва не умер, и выздоровление свое отношу к святым молитвам старца обо мне, хотя его уже не было в это время в живых.

Рассказывал монастырский монах Мелетий. Лет тридцать назад, а может быть и более, одна моя родственница, молодая девушка лет 17 или 18, приходила с моей сестрой к батюшке отцу Амвросию и просила его помолиться, чтобы послал ей Бог хорошего жениха. На это старец ответил: «Не беспокойся, у тебя будет жених, хороший жених. Твоей свадьбе все позавидуют». Девушка поняла эти слова в прямом смысле и весьма обрадовалась, что выйдет замуж за хорошего человека. Но что же случилось? Спустя месяц по приходе их домой она захворала и скончалась. Гроб ее несли девицы, и покойница лежала в нём вся убранная цветами точно невеста. Было тогда лето, день ясный, и много народу провожало ее гроб. Нельзя было и не позавидовать такому погребению, как предсказывал старец.

Передал два рассказа о себе монах Оптиной пустыни Мисаил.

1. Живя в миру, был я однажды очень болен. В это время я выписал из Киево-Печерской лавры каталог духовных книг с намерением по выздоровлении выписывать книги для чтения. Но, выздоровевши, я забыл и о каталоге, и о книгах. Лет через 15 после сего я поступил в Оптину пустынь и, желая выписать новый каталог, пришел к батюшке отцу Амвросию получить на это от него благословение. Но каково же было мое удивление, когда старец ответил мне: «Живи с старым каталогом», о чём он никак не мог знать.

2. Другой случай прозорливости старца. Поступивши в Оптину пустынь в 1881 году и одевшись в послушническое платье, я пришел к старцу Амвросию принять от него благословение и между прочим сказал: «Хотя я и оделся, батюшка, в платье послушника, но меня все-таки не покидает мысль поехать на Афон и остаться там в числе братии». На это батюшка мне ответил: «Придет время, побываешь и на Афоне». Через четыре года я действительно уехал на Афон, но, пробывши там два месяца, возвратился в Оптину. Трудна

показалась мне афонская иноческая жизнь. Так и пришлось мне на Афоне только побывать.

Передал три рассказа монастырский монах Гавриил.

1. У одной моей родственницы мещанки была дочь девица, которая ходила в Оптину пустынь и была на благословении у старца отца Амвросия, прося его святых молитв, чтобы Бог послал ей жениха. Батюшка ей ответил, что жених у нее будет, но только не молодой, лет сорока. Действительно, к дочери ее присватался жених лет сорока, и свадьба была совершена. Это было в 1869 году.

2. В селе Перевесове Ефремовского уезда жили две девушки-родственницы. Семьи их имели хороший достаток. Одна, постарше, решила не выходить замуж, а другая ждала жениха. Между прочим, пошел ей уже 24-й год, а жениха все не было. Решились обе они пойти в Оптину к батюшке отцу Амвросию спросить его о том, как им жить. Старшей батюшка благословил оставаться девушкой и учиться грамоте, а младшей сказал, что ей приищется жених, и притом еще молодой. Так и случилось. Первая осталась девицею, а вторая вышла замуж за молодого человека.

3. Рассказывал (вышеозначенному монаху Гавриилу) покойный Оптинский монах Александр, бывший гостинник. В городе Новосиле, откуда и сам он родом, был один из лиц духовного сана, который почему-то вообще недолго любил монахов. Но жена его, имея веру к старцу отцу Амвросию, иногда приезжала в Оптину тайком от мужа. Случилось, что в доме их появилось такое множество крыс, что почти невозможно было в нём и жить. Муж послал свою жену к какому-то заклинателю, чтобы он своими заговорами отогнал от их дома крыс, но жена, не заставши дома заклинателя, отправилась в Оптину пустынь к старцу Амвросию. В то время как она подходила к келье старца, он, увидавши ее, подозвал к себе и сказал: «А что, крысы тебе еще не отгрызли нос?» Упала она старцу в ноги и рассказала, что действительно крысы их одолели, и что она нарочно приехала к нему просить его святых молитв об избавлении от постигшей их напасти. Старец постарался ее успокоить. Возвратившись домой, она узнала от

своего мужа, что в ее отсутствие крысы внезапно исчезли из их дома, повинувшись заговору заклинателя. Но когда она рассказала ему, что не заклинатель выгнал крыс, а святые молитвы старца Амвросия, у которого она была, муж ее раскаялся в своем заблуждении и с тех пор начал почитать батюшку отца Амвросия и вообще благоволить к монахам.

Бывший уставщик Оптиной пустыни, иеромонах Никон, поминая час смертный, спросил как-то старца Амвросия: «Где-то мне, батюшка, придется умереть?» «Ты ляжешь с великими людьми», – ответил старец. Года через три после кончины старца скончался и Оптинский настоятель архимандрит Исаакий, должность которого принял архимандрит Досифей, бывший настоятель Мещовского Георгиевского монастыря. Отпросившись по нужде у нового настоятеля в Петербург, иеромонах Никон там вскорости и скончался и похоронен в Александро-Невской лавре с великими людьми.

Сообщила три рассказа о себе монахиня Белевского монастыря Варвара Николаевна Тереховская.

1. Бывши петербургской барышней, я с 18 и до 50 лет имела желание поступить в монастырь и томилась сердцем, что никак не могла осуществить его, более потому, что находилась под августейшим покровительством. Посещая часто в летнее время святые места, по неисповедимым судьбам Промысла Божьего попала и в Оптину пустынь; это было в 1876 году. Остановилась на гостинице, и, проживши уже целую неделю, я только что узнала от какой-то монахини, что есть в Оптиной пустыни, именно в скиту, старец необыкновенный. «Нам (т.е. мне и прислуге) никого не нужно; мы приехали только Богу помолиться», – отвечала я. «Да вы только взгляните на него, какой благодатный!» – проговорила монахиня. Решилась я пойти в сосновый лес посмотреть его. Вижу, что весьма обыкновенный монах благословляет за решеткой огромную толпу народа. Не слыхавши никогда в то время о старцах, подошла я ближе посмотреть на него. Этот батюшка монах дошел и до меня, барышни Петербургской, благословил и, улыбаясь, шепнул: «Тебе надо жить в монастыре». Меня как стрелой поразили эти слова, и я невольно тут же высказала при

всех: «Это просто на диво всему миру, как это неизвестный мне человек мог угадать мою постоянную думу точь-в-точь и заявить мне истину, таившуюся десятки лет в сердце моем и ведомую только единому Сердцеведцу Богу». По его святым молитвам вскоре всё споспешествовало к исполнению моего заветного желания жить в святой обители.

2. Когда настало время отправляться мне из Оптиной домой, старец при прощании сказал мне: «Ты немолодая, слабая и очень больная. Тебе нужны два доктора лечить тебя». Я в удивлении ответила: «Какие два доктора? Вы ошибаетесь, я совершенно здорова», – и посмеялась словам старца. 16 августа возвратилась я восвояси. Но вот что со мной случилось. 8 сентября после обедни, выпивши чашку кофе, я попросила было другую, но вдруг, без всякой видимой причины, сильно заболела изнурительной лихорадкой и воспалением. Пригласили доктора немца, да и другого придворного. Утром приезжал врач немец, а вечером придворный доктор К. от великой княгини А.П. (основавшей Киевский Княжеский монастырь). Опять я видела в этом дивную прозорливость старца Амвросия.

3. Несмотря на такие случаи, могущие каждого убедить в прозорливости старца, я все-таки не имела к нему довольно веры. Тогда батюшка отец Амвросий пожелал еще сильнее убедить меня в том, что все слова его основаны на истине, и утвердить меня в вере, что он говорит и действует по благодати, пребывающей в нём. Прожила я год в одном из женских монастырей. И вот посетили меня столичные гости, которые, побывав в Оптиной, намеревались отправиться через Тихонову пустынь в Москву и далее. Батюшка отец Амвросий благословляет меня сопровождать гостей в Тихонову пустынь. Я отказываюсь, потому что там никого не знаю и мне там нечего делать, а более потому, что не с кем мне ехать назад в Оптину. Старец говорит: «Так есть кому тебя проводить, – три купца вяземские, которые имеют сильное желание ко мне приехать и не решаются, в ожидании милости Божией, кто бы их наверное довел до меня; а ты будешь их путеводительницей». «Напишите им записку от себя, чтобы они поберегли меня», – возразила я.

Батюшка же ответил при всех, присутствовавших в хибарке: «Да я их совсем не знаю и никогда не видал». Итак, я поехала с гостями петербургскими в Тихонову пустынь, смеясь и не веря словам старца. Как, в самом деле, возможно человеку, слабому, смертному, знать, что за 65 верст расстояния от него люди неизвестные, чужие ему, помышляют, чего желают и что намереваются делать! Однако все пророческие слова его исполнились точь-в-точь. Гости мои из Тихоновой пустыни уехали. Осталась я одна. Но перед моим возвращением оттуда не оказалось ни одного богомольца, даже и пешие все ушли, и ни одного экипажа. «Что делать, как быть? Вот что со мной сделали на чужой стороне; и не вернуться мне теперь в свою святую обитель», – прошептала я и в скорби заплакала. Подходит гостинник рясофорный отец Николай (ныне отец Нафанаил, иеромонах), расспрашивает о причине горьких моих слез, утешает, что тут есть богомольцы, и обнадеживает достать экипаж из соседней деревни. Успокоившись от воображаемой мною скорби, я начинаю спрашивать: «Кто же эти богомольцы, дворяне?» «Нет, – отвечает отец Николай, – простые купцы». Первая истина слов батюшки отца Амвросия. На мой вопрос: «Откуда они?» отвечает гостинник: эти купцы недалече от нас, вяземские. Вторая истина пророческих слов старца. – «Сколько их, 5 – 6 человек?» – «Нет, только трое». Третья истина, сказанная старцем. Я согласилась с ними ехать к святому, благодатному, прозорливому батюшке Оптиному старцу отцу Амвросию и довести их до него, рассказавши им дорогой, как он духом провидел их благое намерение и наперед сказал о них всё то, о чём было выше упомянуто. Дивны дела Твои, Господи! «Когда настанет, – рассуждали купцы, – та счастливая минута, чтоб нам всем троим увидеть благодатного старца, насладиться его беседой и излить ему все скорби сердечные и невзгоды житейские!» После же беседы с ним они вышли от него утешенные и радостные.

Рассказывала монахиня Белевского монастыря Варвара Энгельгард: «В 1875 году брат мой, окончив курс в Михайловском артиллерийском училище, поступил на службу офицером в артиллерию. Затем через два года, в 1877 году, он

назначен был в состав действующей армии против турок. В то время ему было около 20 лет. Сама я тогда жила в Зосимовской пустыни Верейского уезда Московской губернии. Однажды я получила письмо от одного из товарищей моего брата, в котором он сообщил мне ужасную весть о том, что брат застрелился. В страшном горе я отправилась в Оптину пустынь к старцу Амвросию. Являюсь к нему вся в слезах и всё рассказала. Батюшка, как мог, постарался меня утешить. На вопрос мой, можно ли мне молиться за брата, батюшка отвечал, что Церковь за самоубийц не молится, но что он даст мне молитву, по которой можно мне келейно молиться за брата. Прихожу я к нему на другой день. Батюшка встречает меня радостный и объявляет, что брат мой жив и здоров. На вопрос мой, увижу ли я его, батюшка отвечал, что узнаю о нём лет через десять. Предсказание батюшкино исполнилось. Через 10 лет я получила из Америки письмо от брата, который извещал меня, что он жив и здоров и просит у меня прощения, что так долго не давал о себе никаких вестей».

Часто отвечал старец на мысли людей. Примеры сего бывали на общих благословениях. Одна монахиня стала думать, как это батюшке удастся окормлять столько человек – оптинских, шамординских и мирян, когда у всякого свои наклонности и всякому нужно указать свой путь. В тот же день старец, выйдя на общее благословение, заводит такую речь: «Вот что слыхивал я от стариков: задумала царица Екатерина II крепостных на волю отпустить и созвала к себе на совет высших в государстве людей. Все собрались, и царица к ним вышла; только митрополита ждут, – не едет. Долго ждали его, наконец дождались. Прибыл и извиняется, что ко времени не поспел, – у Казанского собора карета сломалась. «Сел я, – говорит он, – на паперти, пока другую искали, и мудрое услышал я слово. Гонит мимо меня мужик стадо гусей. Их-то много, а он с хворостиною один, а идут гуси ровно, ни один не отстает. Подивился я и спросил мужика; а он мне в ответ: потому я один с ними и управляюсь, батюшка, что крылья у них у всех связаны». Услышала царица это слово и говорит: «Вопрос решен – не уничтожаю крепостного права».

Другая монахиня, которой старец советовал перейти в Шамордино, но которая опасалась, что по смерти старца будет ей тут без него тяжело, долго носила в себе эту мысль, не высказывая батюшке. Вот он, в ее присутствии, и говорит на общем благословении: «Знаете ли вы, что старцы при жизни своей никогда своей обители не оставляют; неужели же отступятся от нее после кончины? Нет, – все будет с ней, как и прежде.

Некоторым монахиням, никогда не бывши в их кельях, старец в подробности рассказывал, где что у них стоит и где что лежит, – словом, всю их келейную обстановку.

XIV. Еще несколько случаев прозорливости старца Амвросия по рассказам мирских лиц, и его письменные советы и наставления

Прежде всего предлагается здесь боголюбивым читателям извлечение из статьи преданной старцу Амвросию духовной дочери его, достопочтенной А.А. Шишковой, ее собственными словами. «В одно из моих посещений старца, – так говорит эта г-жа, – он благословил меня книгою «Царский путь Креста Господня, вводящий в жизнь вечную», прибавив: «Чаще читай ее». Я ему сказала: «Вы мне уже такую книгу дали в прошлый раз». «А прочла ли ты ее?» – возразил старец. «Кажется, что читала», – был мой ответ. «То-то, кажется; не развернув ее, подарила». Тут я вспомнила, что именно я это сделала, и попросила прощения. Батюшка со своей обычной добротой, подавая мне снова книгу, сказал: «Читай же эту почаще». Не говорю еще о множестве случаев самой поразительной его прозорливости, неоднократно выражаемой всему нашему семейству.

В Тамбовской губернии, – пишет та же г-жа Шишкова, – оправдывался еще пророчесственный намек батюшки отца Амвросия. Его родственница была замужем за священником Троекуровского женского монастыря (в 20 верстах от нашего имения). При назначении мужа ее в эту обитель священником она ездила к батюшке испросить благословение построиться там, ибо до тех пор находилась в наемном неудобном помещении. Батюшка не дал ей на это благословения, сказав: «Подожди еще десять лет, а там – что Бог даст». Жена священника с нетерпением ожидала приближения этого десятого года. Ей прискучило жить в чужом доме, и она неоднократно говорила монахиням: «Что-то будет в нынешнем году, ведь это 10-й, не случилось бы чего с нами, как бы не умер муж мой». Он был болезненный. Но вот приблизился конец девятого года, и внезапно заболевает жена священника; делается жар, горячка, а на третьи сутки ее уже не стало. Священник, как вдовец, должен был оставить женскую обитель.

И так за десять лет батюшка предупредил ущерб, который бы должен был понести священник при переходе в другое место, остановив желание их строиться».

Послушаем теперь рассказ одной женщины, Пелагеи Глаголевой, которая писала в скит от 30 июля 1892 года следующее: «Оставшись вдовою 22 лет без всяких средств к жизни, я поселилась у матери, тоже вдовы, обремененной многочисленной семьей и располагающей очень ограниченными средствами. Первое время я потерялась и не знала, что делать. По совету добрых людей я потянулась к старцу Амвросию. Это было в 1880 году, – поехала я с девушкой-компаньонкой. Нас батюшка принял немедленно, полулежа на постельке. Когда мы вошли, то при одном взгляде на него какое-то благоговейное чувство охватило меня, и слезы обильные полились из глаз моих. Батюшка со свойственной ему добротою обласкал нас и сказал, чтоб я успокоилась в гостинице; и если не могу высказать, что я желаю знать от него на словах, то чтобы написала и передала через его келейника, – что я и сделала. Исписав лист почтовой бумаги кругом, я поставила свою фамилию – Глаголева. Явившись на общее вечернее благословение, я была поражена, когда батюшка из множества народа вызвал меня словами: «Ну, Глаголева, ты мне столько наглаголила, что я должен на твои вопросы отвечать по крайней мере целую неделю. Ты вдова, а у нас хлеб даровой. Поживи в нашей обители, а я каждый день буду тебе отвечать на один из заданных тобою вопросов». Что и исполнял с пунктуальной точностью. Между прочим я попросила благословения старца Амвросия на открытие мастерской, что можно было сделать только с детской верой в Бога, потому что ни я, ни четыре сестры мои девушки не умели взять иголки в руки. Батюшка на это сказал: «Всякий честный труд Господь благословит». Я выписала мастерицу из Москвы, платила ей 15 рублей ежемесячно. И благословение Божие, по молитвам старца, видимо было на нашей семье. Мы зарабатывали 40 – 50 рублей в месяц, что и продолжалось два года до замужества сестры и меня самой. В то время, когда я была у батюшки, за меня засватался один господин, но батюшка положительно сказал:

«Куда ему жениться? Ему и путь-то другой предстоит», – что и сбылось. Он поступил в монастырь. Но вот еще сделал мне предложение человек состоятельный. Я написала о сём старцу, объяснив, что жених мой любит выпить. На что он отвечал так: «Выйти можно, если он только состоятельный, добрый и здоровый человек». А так как все эти задатки были в моем женихе, то я решилась выйти и – благодарю милостивого Бога – была сравнительно с ним покойна и счастлива. Могла даже помочь матери моей тем, что взяла на воспитание младшую сестру свою. И теперь, потеряв его около года, я имею хоть маленькие средства к жизни и выдала на его счет двух сестер моих, круглых сирот.

Будучи молодой женщиной, я так пристрастилась к картежной игре, что положительно убивала свое здоровье, проводя бессонные ночи за этим бессмысленным развлечением. Играла, конечно, на деньги и много проигрывала. Незадолго до отъезда моего из Оптиной я стала на колени около постели батюшки и, целуя его благословляющие ручки, стала просить его карточку. Это было на общем благословении. Он делает мне только одной понятный укоризненный вид и говорит: «Пустое ты затеяла – просишь карточки. Разве мы тут в монастыре в карты играем?» Прошло двенадцать лет с тех пор, а я как будто сейчас слышу этот тихий тонкий упрек, от которого в то время вся кровь бросилась мне в лицо. Невозможно высказать, что я в то время перечувствовала. Я, разумеется, сконфуженная, стала пояснять, что желаю получить его фотографию. Тогда он, принимая одному ему свойственный, пониживающий душу взгляд, ответил: «О! это можно, а я не понял». И, с этими словами отодвинув ящик стола, стоявшего около кровати, вынул фотографический портрет и подал мне. Руки всех, бывших на благословении, потянулись к батюшке тоже с просьбой благословить и их портретами, но батюшка сказал: «Что вы? Что вы? Всего моего состояния не хватит, если я буду давать всем карточки». И из всей толпы получила еще карточку какая-то молодая девушка. И что же? Моя душа окающая даже после этого обличения не содрогнулась от этого сердечного толчка. И я опять играла и играла, так как врагу

приятно было держать меня в своих руках. И только сильная болезнь, посланная мне Всемиловитым Господом, спасла меня от этой безумной пагубной привычки. Благодарю Всещедрого Владыку моего и почившего молитвенника батюшку отца Амвросия: присылаемые им ко мне письма не остались без добрых последствий. Берегу карточку старца. Она часто, в минуты скорби, напоминает мне о той любви и терпении, какие имел отец Амвросий при своем болезненном состоянии, так как ни одна душа христианская не ушла от него без отрады и утешения. В течение той недели, которую я провела под приветливой сенью Оптиной пустыни, самыми лучшими минутами для меня были те, которые проводила на общих благословениях почившего батюшки. Сколько доброты, милосердия, любви таилось в этой чудной, сильной, верующей душе, сохранившейся в таком по видимому хилом теле! Так всё живо представляется. Собрались мы однажды на вечернее благословение. Подходит монахиня к батюшке и говорит: «Благословите, батюшка, – боимся ночевать в номере». Когда же батюшка спросил, что за причина такой боязни, монахиня отвечала: «Да вот, батюшка, над моей кроватью так навис потолок, что угрожает смертельной опасностью». Батюшка добродушно улыбнулся и сказал: «Хоть ты и монахиня, но надо сказать тебе истинную правду, что ты дурак набитый (это выражение было, как я заметила, у него обычным в отношении к простонародью). Вот что по этому поводу я тебе расскажу: один молодой человек, возвратившись ночью домой, увидел свет в своей квартире. Это его ужасно поразило, потому что ключ от квартиры был у него в кармане. Чтоб удовлетворить своему любопытству, он подходит к окну, – и что же видит? У него по комнате ходит он сам. Это до такой степени испугало его, что он опрометью бросился бежать за реку к своему брату, где и провел ночь. Наутро вместе с братом он приходит домой и что же видит? Над его кроватью провалился потолок. Так вот как Господь спасает и хранит тех, которые не готовы еще явиться пред милосердием Божиим. Советую тебе идти спокойно ложиться спать. Если Господу угодно, то Он сохранит тебя». Сему подобные рассказы остаются в памяти не одних людей

благовоспитанных; их легко запоминают и простолюдины, эти истинные дети природы. И передаются эти маленькие рассказы из уст в уста, как сказанные любимым старцем отцом Амвросием, и, разумеется, приносят несомненную пользу. Так и в этом случае монахиня ушла совершенно успокоенная.

По случаю двух дорогих потерь в течение полугода (я потеряла отца и мужа), у меня до того расшаталось здоровье и нервы, что я положительно не могла слышать ни музыки, ни пения, от которых мне делалось дурно. В свой приезд я разжаловалась батюшке о своем состоянии, и он посоветовал мне проехать к угоднику Божию Тихону и искупаться в целебном колодце, что я и исполнила. И хотя я была больна потом другими болезнями, но нервная мучительная, благодаря Богу, более не возвращалась.

Однажды батюшка спросил меня: «Какие у тебя средства к жизни?» Я сказала, что никаких, кроме выигрышного билета, на который я надеюсь выиграть. Он ударил меня по голове своим костыликом (знак его особенного благоволения) и сказал: «Никогда не выиграешь, дурак набитый; и если встретится надобность, то продай его». Эта необходимость в скором времени открылась, а именно: матери моей нужно было заплатить повинности по дому, и другого источника кроме моего билета, не предвиделось, так что я заложила его для этой нужды и, разумеется, не могла выкупить обратно. Но, как прежде мною упомянуто, я вышла замуж, то уже ни в чём не имела недостатка. В день своего отъезда я стала просить батюшку отца Амвросия благословить меня побывать у него хоть еще раз в жизни, на что он ответил: «Куда тебе, дураку набитому? Ты не умеешь деньги собирать». (Опять намек на картежную игру). И что же? При всех моих усилиях в течение двенадцати лет, мне не удалось, по складывавшимся обстоятельствам, оторвать четвертной билет, чтоб посетить батюшку, хотя, скажу откровенно, душой рвалась к нему. Так исполнились слова всем известного и великого прозорливца. Желала бы хоть теперь, если угодно будет Создателю моему, посетить могилку незабвенного любвеобильного старца Амвросия. Твердо верую, что, любя нас, быв с нами в теле, он

не оставляет и теперь, живя духом у Престола Вседержителя. И сердце и совесть подсказали бы ответы на просьбы и думы на дорогой могиле».

Следуют засим еще несколько, подобных прежним, рассказов¹³⁵.

Приезжают к старцу из Петербурга две сестры. Младшая невеста, с веселым настроением; старшая – тихая, задумчивая, богомольная. Одна просит благословения вступить в брак, а другая в монастырь. Старец невесте подает четки, а старшей говорит: «Какой монастырь? Ты замуж выйдешь, да не дома, вот тебе что!» – и назвал губернию, куда они никогда не ездили. Обе возвращаются в столицу. Невеста узнает, что жених ей изменил. Это произвело в ней страшную перемену, потому что ее привязанность была глубока. Она постигла суетность того, что прежде ее занимало, ее мысли обратились к Богу, и вскоре она поступила в монастырь. Между тем старшая получила письмо из дальней губернии от забытой тетки, набожной женщины, жившей по соседству с женским монастырем. Она звала ее присмотреться к жизни монахинь. Но вышло иначе: живши у тетки, племянница познакомилась с человеком уже немолодым, очень подходящим к ней по характеру, и вышла за него замуж.

У одного, близкого к старцу монаха из петербургского света, сестра замужем за помещиком, часто посещавшим Оптину. Однажды батюшка заводит с этим помещиком такой разговор: «Говорят, около тебя имение выгодное продается, купи.» Старец любил употреблять слово «говорят» для прикрытия своей прозорливости. Помещик удивился. «Продается, батюшка, и как бы хорошо купить, да это мечта одна. Имение большое; просят чистыми деньгами хоть дешево, а у меня денег нет». «Денег? – повторил тихо батюшка, – Деньги-то будут». Потом они перешли к другим разговорам. На прощание отец Амвросий сказал: «Слышишь, именье-то купи». Помещик отправился домой на своих. По дороге жил его дядя – богатый, но очень скупой старичок, избегаемый всей родней. Так случилось, что остановиться было негде и пришлось заехать к дяде. Во время беседы дядя спрашивает: «Отчего ты не купишь

имение, которое около тебя продается? Хорошая покупка». А тот отвечает: «Что спрашиваешь, дядюшка? Откуда мне столько денег взять?» – «А если деньги найдутся? Хочешь, займы дам?» Племянник принял это за шутку, но дядя не шутил. Имение было куплено, и новый владелец приехал распорядиться. Не прошло и недели, как барину докладывают, что пришли купцы торговать лес. Стали говорить о цене, и они сразу назначили за лес ту цену, за которую было куплено всё имение.

В последнее время своей жизни отец Амвросий одним своим настоятельным советом, с виду несколько странным, оказал великую помощь делам князей Л. Этот случай особенно замечателен по сложности благоприятных обстоятельств, начало которых лежало в наставлении старца Амвросия.

Незадолго до кончины старца заехал к нему за благословением управляющий, державший путь в Петербург за небольшим наследством. Батюшка ему вдруг говорит: «Тебе не в Петербург ехать надо; поезжай на Курск». Эти слова старца очень удивили его, но из Калуги он взял билет на Курск и отправился. В вагоне он разговорился с одним помещиком. Тот имел желание идти в монастырь и искал человека, который бы взял в аренду его имение, с тем чтобы ежегодно выплачивать ему небольшое содержание. А если бы он заслужил его доверие, помещик и совсем мог бы уступить ему свое имение на очень удобных условиях. В вагоне они и сговорились.

Бедную мещанку за красоту засватал богатый купец, а старец говорит матери: «Вашему жениху отказать надо». Мать так и вскинулась: «Что ты, батюшка? Да нам и во сне такой не снился; послал Бог сироте, а ты – отказать». А батюшка в ответ: «Этому откажите, у меня для дочери твоей другой жених есть, лучше этого». «Да какого нам лучше надо? Не за князя же ей выходить», – толкует свое мать. – «Такой у меня великий жених, что и сказать трудно; откажите купцу». Купцу отказали, а девушка заболела и умерла. Тогда поняли, о каком женихе говорил старец.

Одна молодая девушка говорила своей родственнице монахине перед общим благословением: «У меня конфеты в

руке; ужасно мне хочется дать их батюшке, да боюсь, – неловко так, без коробки». Скоро появился старец; все стали на колени. Остановившись перед молодой девушкой, он молча разжал ее руку. Взял конфеты и пошел далее.

Мелочей для старца не существовало. Он знал, что всё в жизни имеет свою цену и свои последствия, и потому не было вопроса, на который бы он не отвечал с участием и желанием добра. Однажды остановила старца женщина, которая была нанята помещицей ходить за индюшками, но индюшки почему-то у нее колели, и хозяйка хотела ее расчесть. «Батюшка! – обратилась она к нему со слезами, – помоги, сил моих нет, сама над ними недоедаю, – пуще глаз берегу, а колуют. Согнать меня барыня хочет. Пожалей меня, родимый». Присутствующие смеялись над бабой. А старец с участием расспросил ее, как она их кормит, и дал совет, как их содержать иначе, благословил ее и отпустил. Тем же, которые смеялись над ней, он заметил, что в этих индюшках вся ее жизнь. После сделалось известным, что индейки у бабы уже не колели.

Но, преподавая советы, старец не имел обыкновения настойчиво требовать, чтобы они непременно исполнялись, и никогда не связывал относившихся к нему каким-либо запрещением. И если видел, что совет кому-либо не по сердцу, всегда прибавлял, как при личных разговорах, так и в письмах: «Впрочем, смотрите сами и как найдете для себя более удобным, так и поступите». Так всегда снисходительно относился старец и к немощам человеческим. Однако иногда прибавлял в назидание просившим у него советов: «Когда говорю, надобно слушать с первого слова, тогда будет послушание по воле Божией. Я мягкого характера, уступлю, но не будет пользы для души» А так как, по пословице, «своя воля царя болей» и для всех она одинаково дорога, то старцу, понятно, часто приходилось уступать. В таком случае он говорил: «как хочешь»; или: «можешь так поступить», но никогда не давал на дело благословения.

Находились же такие люди, которые и дела желали вести по своей воле, и вместе просили на это у старца благословения и всё приставали: как же вы, батюшка, благословите? что же вы

мне скажете? Старец с огорчением в шутливом тоне отвечал иногда так: «Что реку человеку чудаку?»; или: «что возглаголю творящему свою волю?» Такими и подобными шуточными ответами он кое-как отделялся от настойчивых неуместных требований от него благословения. А иному настойчивому своевольнику скажет: «Так-то, брат, обычай-то у нас бычий, а ум-то телячий.» Тут он и сам посмеется, и посетитель вместе с ним, может быть, даже не замечая того, что получил от старца выговор и наставление, и только уже после поймет старческие слова и не оскорбится на старца.

К сему присовокупить здесь можно, что просившие от старца и получившие в делах своих советы за неисполнение их нередко терпели несчастья.

Теща бывшего в миру женатым, вышеупомянутого оптинского монаха Гавриила приехала к старцу отцу Амвросию со своею дочерью девушкой, для которой имелся в виду жених; за него она и намеревалась выдать ее замуж. Батюшка благословил этой девушке идти в монастырь. Но по приезде домой девица, вопреки благословению старца, все-таки вышла замуж за означенного жениха. Только жизнь их семейная оказалась неудачной. Муж стал пить, а оттого в доме расстройство и нищета.

Иной пример. Молодой крестьянин из-под Тихоновой пустыни, что около Калуги (верст 60 от Оптиной), задумал жениться, потому что старуха-мать ослабела, а других женщин в доме не было. Пошел он на праздник Успения к старцу, а тот посоветовал ему подождать до Покрова; между тем мать очень недовольна была советом старца. Пришел – на Покров, а батюшка говорит: «Обожди до Крещения, тогда посмотрим». Старуха очень расстроилась, – малому покоя от нее нет. Пришел он к старцу на Крещение и объявляет, что матерней брани терпеть не может. А батюшка ему в ответ: «Боюсь, что не послушаешь меня, а мой совет: никак тебе жениться не надо, – обожди». Но крестьянин ушел и женился, а через два месяца после свадьбы умер.

Приведем теперь рассказ о вышеупомянутом жителе г. Козельска Капитоне. У него был единственный сын, взрослый

юноша, ловкий, красивый. Отец решился отдать его в люди и привел его к старцу, чтобы получить от него благословение на задуманное дело. Сидят оба в коридоре, и около них несколько монахов. Выходит к ним старец. Капитон, получивши с сыном благословение, объясняет, что хочет сына отдать в люди. Старец одобряет намерение и советует отправляться сыну в Курск. Капитон начинает старца оспаривать. «В Курске, – говорит, – у нас нет знакомых, а благословите, батюшка, в Москву». Старец в шутливом тоне отвечает: «Москва бьет с носка и колотит досками; пусть едет в Курск». Но Капитон все-таки не послушал старца и отправил сына в Москву, где тот вскоре поступил на хорошее место. У хозяина строилось в это время какое-то здание, где находился только что нанявшийся к нему юноша. Вдруг упало сверху несколько досок, которые и раздробили ему обе ноги. Тотчас же телеграммой уведомлен был о сём отец. С горькими слезами пришел он к старцу поведать о своем горе. Но горю этому помочь уже нельзя было. Больного сына привезли из Москвы. Долго он хворал, и хотя раны закрылись, но он уже остался на весь век калекой, не способным ни к какой работе.

К некоторым посетителям старец обращался с обличениями. Подошел как-то к нему молодой человек из мещан, с рукой на перевязи, и стал жаловаться, что никак не может ее вылечить. При старце в это время были один монах и несколько мирян. Не успел тот договорить: се болит, и шибко болит, – как батюшка его перебил: «И будет болеть, – зачем мать обидел?» Но, вероятно, заметив смущение и смирение в обличаемом, тотчас изменил тон речи: «Ты ведешь-то себя хорошо ли, хороший ли ты сын? Не обидел ли?» Нужно заметить, что в подобных случаях старец не спешил подавать помощь, считая болезнь достойным в сей жизни возмездием человеку, ниспосланным правосудием небесным, дабы временным наказанием избавить его от наказания вечного. Так он писал и в письме к одной монахине, заботившейся об уврачевании какой-то недужной сестры, болезнь которой имела свою причину в порочной жизни: «Посмотри на апостола Павла, что он творит. Не повелевает ли он предать такового сатане во

измождение плоти, да дух его спасется в день Господа нашего Иисуса Христа? (Ср.: 1Кор.5:5) Вот пример истинного человеколюбия. А ты заботишься избавить человека от измождения плоти, чтобы доставить ему временное спокойствие, прикрываясь, может быть, и мнимой пользой душевной»¹³⁶.

Кроме словесных, лично преподаваемых старцем Амвросием советов, множество рассылалось им писем к тем людям, которые по обстоятельствам не всегда имели возможность прийти или приехать к нему сами. По различию лиц и их положений и душевных расположений содержание старцевых писем самое разнообразное. Общее содержание писем к монашествующим: безропотность, смирение, самоукорение, терпение находящих скорбей и предание себя в волю Божию. В письмах же к мирским особам или разрушаются некоторые недоумения касательно вероучения православного, или делаются указания, как поступать в житейских делах, истолковываются некоторые знаменательные сны и прочее, и прочее. О достоинстве этих писем излишне и говорить. Оно давно признано всеми благомыслящими искателями пользы душевной¹³⁷.

По благословению старца, заботившегося о духовной пользе ищущих спасения православных христиан, и под его непосредственным руководством некоторые оптинские монахи занимались переводом отеческих книг с греческого и латинского языка на русский и составлением душеполезных книг. Так в его время переведены были книги: «Двенадцать слов преподобного Симеона Нового Богослова», «Девяносто пять слов с завещанием преподобного Феодора Студита», последовало 2-е исправленное издание «Лестницы» на русском языке. Изданы: жизнеописание Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва), жизнеописание настоятеля Малоарославецкого монастыря игумена Антония (бывшего начальником Оптинского скита и скончавшегося на покое в Оптиной пустыни), письма того же игумена Антония к разным лицам, «Царский путь Креста Господня», и последовало 2-е исправленное и дополненное издание исторического описания Оптиной пустыни¹³⁸. Все эти

книги, как и прежние оптинские издания, например «Поучения преподобного Аввы Дорофея», «Лествица» и др. всегда имелись у старца Амвросия в достаточном количестве. Ими одаривал он, по усмотрению, более почетных посетителей.

А сверх того у него никогда не переводились мелкие брошюры для раздачи прочим посетителям. Из них особенно замечательны были: «Советы ума своей душе» преподобного Марка Подвижника, «О вещах, возбраняющих ко спасению, с душеполезными беседами» Старца Зосимы и «Толкование на «Господи помилуй». О достоинстве этих брошюр старец так писал некогда к графу А.П. Толстому: «Объем этих книжечек по видимому очень малый, но содержание их велико, весьма велико. В них хотя кратко, но ясно и практически изложено, как должен всякий христианин евангельское учение приспособлять к образу своей жизни, чтобы получить милость Божию и наследовать вечное блаженство. Не знаю, как вам понравятся эти книжки, а все принимающие эту духовную милостыню с большим усердием принимают ее и очень довольны остаются¹³⁹.

Кроме этих брошюр, старец во множестве раздавал: «Слово преподобного Марка Подвижника о покаянии» и вновь переведенные на русский язык и изданные «Преподобного Иоанна Дамаскина слово о страстях и добродетелях» и «Беседу на шестой псалом святого Анастасия Синаита».

В переводах и вообще в издании от Оптиной пустыни душеполезных книг нелишне здесь упомянуть: главными деятелями были языковед, монах Климент Зедергольм (впоследствии иеромонах) и монах Анатолий Зерцалов (впоследствии скитоначальник и старец). Им помогал несколько в книжных занятиях еще один молодой скитский послушник.

Благословляя означенных лиц на книжные труды, старец по обычаю своему рассказал им шуточный и, между прочим, назидательный анекдот: «Утонул один монах. Дело о сём поступило в суд. Собрались судьи и начали толковать, как озаглавить дело. Один из старинных писак предлагает надписать так: о потонутии монаха. Ему говорят: это неловко. Другой старичок также предлагает озаглавить: о потоплении

монаха. Ему возражают: но ведь монаха никто не топил. Наконец, один из молодых современных ученых сказал: о потонувшем монахе. И все согласились». Этим анекдотом старец давал книжным людям разуть, что старшие в поручаемых им делах не должны пренебрегать мнением и младшего. Как и святой апостол учит: *Если же другому из сидящих будет откровение, то первый молчи* (1Кор.14:30).

XV. Любовь старца Амвросия к ближним, выражавшаяся, вследствие его действенной молитвы к Богу, сверхъестественной помощью и исцелением болезней телесных и душевных

Много может усиленная молитва праведного.

(Иак.5:16)

Многие обращались к старцу Амвросию с прошением его святых молитв об исцелении от тяжких болезней, и большей частью в крайних случаях, когда врачебное искусство оказывалось бессильным. В таких случаях чаще всего старец советовал воспользоваться таинством елеосвящения, через которое болящие нередко исцелялись. Причем он объяснял и лично, и в письмах, что посредством сего святого Таинства человек получает разрешение от всех забвенных и недоуменных грехов и что об этом Таинстве многие неправильно понимают, откладывая его до самой смерти. Во всех же вообще болезнях старец назначал служить молебны пред местными чудотворными иконами или посылал в Тихонову пустынь (верстах в 18 от Калуги) помолиться угоднику Божию Тихону Калужскому и покупаться в его целебном колодце, и случаи исцелений, по святым молитвам угодника Божия, были многочисленны. Должно при сём заметить, что упоминаемая здесь Калужская Тихонова пустынь недавно прославилась чудотворениями своего Божия угодника. В шестидесятых годах об этих чудесах еще почти и не слышно было, а потому и богомольцев там было мало, и братии в монастыре было немного. Но вот старец Амвросий чаще и чаще стал посылать к преподобному Тихону одержимых различными недугами душевными и телесными и, без сомнения, усердно молил сего угодника Божия о ниспослании через него помощи им, и чудесные исцеления всё чаще и чаще стали повторяться, так что многие больные уже и без указания старца Амвросия сами шли и ехали в Тихонову пустынь помолиться и покупаться. Без сомнения, смиренный старец Амвросий поступал так если не

совсем во избежание (чего и нельзя было сделать), то по крайней мере ради умаления собственного прославления от своих почитателей. В подтверждение сего приведем здесь один частный случай.

Некто из высокопоставленных лиц, бывши летом 1897 года в Оптиной пустыни и у скитского старца Иосифа, рассказал ему следующее. Когда еще был жив старец Амвросий, у гостя-посетителя была жестокая боль в ногах. И так как никакие медицинские средства не помогали, то он, через знакомую ему помещицу М.И. Куколевскую, жившую в то время на гостинице при Оптиной пустыни, письменно обратился к старцу Амвросию за советом, что ему делать для облегчения тяжелой болезни. В это самое время прошел слух, что в Задонске ожидается открытие мощей какого-то подвижника Пахомия, и потому копали там землю, в надежде обрести его тело. Старец через Куколевскую же письмом посоветовал больному съездить в Задонск отслужить там панихиду о упокоении подвижника Пахомия, взять часть раскопанной земли с его могилы и растереть ею больные ноги. Больной в точности исполнил совет старца, и не поддававшаяся медицинским пособиям болезнь совершенно прошла, между тем как в Задонске никаких мощей не обрели.

Впрочем, не всегда так прикровенно действовал старец Амвросий. По данной ему благодати Божией исцелял он и непосредственно; и таких примеров, можно сказать, было бесчисленное множество. Приведем здесь выдержку из статьи вышеупомянутой А.А. Шишковой.

«Читая разные описания об Оптином старце отце Амвросии, не могу я умолчать о бывшем от него мне исцелении и о прозорливости его, которым была сама свидетельницею. Достоверно известно, что подобных примеров можно насчитать тысячи, ибо не только иногда, но и ежедневно старец проявлял их при каждом посетителе. Этим так и прославился сей праведный старец Божий. Чистый душой, крепкий верою и любовью к Богу и ближним. Как отрадно было бывать в его тесной, маленькой келье как в Оптином скиту, так и в Шамордине! Не могу вспомнить без слез о милостивом,

веселом лице батюшки и о его приветливом голосе. В 1877 году я очень хворала, почти год, сильной горловою болезнью вследствие давнишней простуды на вершине снеговых Пиренейских гор; едва могла глотать одну жидкую пищу. Жила я тогда в деревне и лечилась. Доктора, видя, что болезнь моя усиливается, посоветовали мне ехать в Москву, созвать консилиум и жить за границей в теплом климате. В это время в соседний женский Троекуровский монастырь приехала г-жа Ключарева, жившая со своими внучками при Оптиной пустыни, где вблизи у нее было свое имение. Узнав, что я так хвораю, она предложила монахиням того монастыря передать мне ее совет – обратиться к Оптиному старцу отцу Амвросию письменно и просить его молитв, ибо знала всю чудодейственную силу их. Сначала я не обратила внимания на эти слова. Но, видя ухудшение своего болезненного состояния, решилась написать старцу (хотя и не знала его), прося его молитв за меня, болящую. Батюшка скоро мне ответил: «Приезжай в Оптину, ничтоже сумнясь; только отслужи молебен Спасителю, Божией Матери, святому Иоанну воину и святому Николаю Чудотворцу». Предложение поехать в Оптину меня сильно устрасило, ибо я знала, какой трудный и длинный путь предстояло мне совершить, между тем как от истощения сил я не могла вставать. Как я поеду? – думалось мне. Но слова, подчеркнутые – «ничтоже сумнясь», подкрепили мой дух и мои силы, и я, несмотря на просьбу детей не ехать и на убеждение доктора, пригласила священника, отслужила молебен и на другой же день поехала тихонько в карете до Ефремова; оттуда по железной дороге до г. Калуги, а там на лошадях в Оптину пустынь. Везде, конечно, долго отдыхала по случаю сильной слабости и утомления. По приезде в Оптину я просила узнать у батюшки в скиту, когда могу к нему приехать. Он приказал мне сказать, чтобы я сейчас отдыхала, а на другой день пошла бы к обедне и оттуда к нему. Едва могла я ходить, но всё это я исполнила за молитвами старца, видимо подкрепившего меня. Когда я взошла к батюшке в комнату с г-жой Ключаревой, она, вставши перед ним на колени, начала со слезами просить: «Батюшка! Исцелите ее, как вы умеете исцелять». Сильно

старец разгневался на эти слова и приказал г-же Ключаревой немедленно удалиться. Мне же сказал: «Не я исцеляю, а Царица Небесная; обратись и помолись Ей». В углу комнаты висел образ Пресвятой Богородицы. Потом он спросил, где болит горло. Я показала правую сторону его. Старец с молитвой три раза перекрестил больное место. Тут же как будто некую бодрость я получила. Приняв благословение у батюшки и поблагодарив его за милостивый прием, я удалилась. Прихожу в гостиницу, где меня ожидал муж и одна знакомая дама В.Д. Мусин-Пушкина. При них-то я попробовала проглотить кусочек хлеба, чтобы удостовериться, лучше ли мне стало за молитвами старца. Прежде я не могла глотать ничего твердого. И вдруг – какая же была моя радость! – я без боли, очень легко, могла всё есть, и до сих пор ни разу боль не возвращалась, – вот уже прошло тому 15 лет¹⁴⁰. Как же мне, – прибавляет г-жа Шишкова, – в благодарность к такому благодетелю не выразить теперь во всеуслышание это чудное исцеление для прославления столь дивного любвеобильного старца!»

Затем предложим вниманию читателей рассказ вышеупомянутой, знакомой Анисьи Андреевны Шишковой – г-жи Варвары Дмитриевны Мусин-Пушкиной. Вот ее собственные слова: «Позволяю себе изложить, как умею, рассказ о благодеянии Божиим, оказанном моему сыну, по святым молитвам досточтимого старца Оптиной пустыни, отца Амвросия, которое вспоминаю с глубоким чувством умиления и благодарности к почившему любвеобильному молитвеннику. 27 мая 1878 года четырнадцатилетний сын наш Дмитрий заболел непонятным для нас недугом: страданием уха, головы и челюстей, с сильной течью из правого уха и жаром, доходившим по временам до 40 градусов. При этом он лишился слуха. Ночью он стонал, кричал от боли и бредил. Его сон был беспокойный, прерывистый, но часто ночи проходили совсем без сна. Мы приписывали эти страдания внутреннему нарыву в ухе. И очень боялись последствий. Приглашенный доктор – специалист по ушным болезням г. Беляев, по тщательном осмотре больного, объявил нам, что у нашего сына очень серьезный случай ушного катара, происшедшего вследствие

воспаления среднего уха, и что этот упорный катар произвел прободение барабанной перепонки. Эта болезнь признается неизлечимой. Доктор Беляев, между прочим, стал нас утешать, говоря, что надежда есть на молодые годы больного, что в этой болезни необходимо большое терпение, что в отдаленном будущем можно надеяться на поправку и прочее. Присутствие же нарыва он положительно отрицал. После двух недель то усиливающихся, то ослабевающих страданий доктор посоветовал нам перевезти нашего сына в деревню на чистый воздух, так как у больного явилось сильное малокровие, страшная бледность и упадок сил; отсутствие аппетита было тоже чрезмерное; отсюда недовольство и раздражительность. Повинуясь совету врача, мы бережно перевезли сына в деревню (в Можайском уезде Московской губернии), надеясь на благотворное влияние перемены воздуха. В самый день приезда страдания больного до того усилились, что лицо его искажалось, глаза с трудом открывались, и очень часто мучительные крики стали раздаваться по всему дому. Хотя первоначального жара, появлявшегося в Москве часто и периодически, почти не повторялось, но страдания и слабость с каждым днем усиливались, так что больному трудно было приподнимать голову с подушки и малейший шум или даже звук причинял ему крайние страдания. Вообще состояние его казалось безнадежным, но Господь велик и милостив. 24 июня мой муж приехал из Москвы в деревню и предложил мне ехать всей семьей помолиться и поговорить в Оптину пустынь и там попросить благословения и святых молитв старца отца Амвросия. Уезжая, мы поручили больного сына попечению учителя и старой няни, которые оба его любили и в которых мы были уверены.

Приехав 26 июня в Оптину пустынь, муж мой, две дочери, племянник, воспитанница наша, горничная и я – все мы отправились в скит к отцу Амвросию, и передали батюшке о состоянии нашего больного сына, переносившего нестерпимые муки, и просили его святых молитв о болящем. Батюшка спокойно ответил нам, приветливо улыбаясь: «Ничего, ничего, успокойтесь, всё пройдет, молитесь только Богу.» Каждый день

мы стали посещать отца Амвросия, и батюшка был настолько милостив, что беседовал с нами подолгу и тем подкреплял нас всех, говоря, что «Молитва родителей доходна до Бога: веруйте только в Его милосердие и молитесь, а Господь вас утешит». Мы говорили ему, что не надеемся на свои грешные молитвы, а уповаем на его ходатайство и святые молитвы. Он дал нам понять, что Господь нас обрадует. По совету и благословению старца мы пробыли в Оптине еще три дня, чтобы поговорить. Исповедь у него оставила в нас глубокое впечатление. Отгословив и причастившись Святых Христовых Таин в самый день памяти святых апостолов Петра и Павла, мы еще были у батюшки и опять, по его благословению, остались еще на три дня, несмотря на то что получали о сыне неудовлетворительные известия. Батюшка каждый день повторял: «Не беспокойтесь, Господь вас утешит, веруйте только в Его милосердие».

1 июля, получив известие о сыне, что его невыносимо болезненное состояние ухудшается с каждым днем и что, по видимому, надо ожидать близкого конца, мы решились, немедленно приняв благословение отца Амвросия, тотчас пуститься в обратный путь. Но батюшка благословил нас выехать только на другой день. 2 июля, тотчас после ранней обедни, в 9 часов утра мы все пришли к старцу. Он всех нас благословил с лаской и напутственным словом и, обращаясь к моему мужу и ко мне, сказал: «Не беспокойтесь и не огорчайтесь; поезжайте с миром: надейтесь на милосердие Божие, и вы будете утешены. Молитесь Богу, молитесь Богу! Вы будете обрадованы». Потом он мне подал два небольших креста, надетые на пояски с вытканными на них молитвами: одна святому Тихону Задонскому, а другая – святому Николаю Чудотворцу, – для меня и для нашего сына со словами: «Передай сыну мое благословение». Уходя, мы еще раз усердно просили его молитв. «Хорошо, хорошо», – отвечал он поспешно и тотчас прибавил: «И вы молитесь Богу». Благословивши всех, он нас отпустил.

Через час мы пустились в обратный путь домой к сыну. На станцию (в 10 верстах от имения) мы прибыли 3 июля, в 4 часа утра. Кучера, ожидавшие нас с экипажами, передали нам, что

страдания нашего сына с нашего отъезда всё усиливались и состояние его здоровья ухудшалось с каждым днем; особенно 2 июля он страдал невыносимо, и крики его раздирали душу каждого, до кого они доносились. Сна не было целый день, также как и две предыдущие ночи, и силы больного совсем упали. Учитель и няня собирались уже послать в Москву за доктором, когда получена была наша телеграмма о нашем возвращении из Оптиной. С невыразимым трепетом и сердечной тоской мы поехали со станции. Я бессознательно относилась к окружающему. Внутри у меня как-то всё замерло; какое-то страшное чувство стало закрадываться в душу и овладело мною. Мне не верилось, что ему может быть хуже, а вместе с тем я боялась, что он умрет, что таким образом прекратятся его мучительные страдания и что к этому относились слова батюшки: «всё пройдет». Вдруг, за две версты до нашего имения, мысли мои были прерваны внезапной остановкой нашего экипажа. Воспитатель нашего сына на всём скаку подъезжал к нам, и в эту минуту я подумала, что, верно, всё кончено и его уже нет на свете... Но воспитатель Г.М., которому больной наш был поручен, объявил нам с необычной радостью, что с больным нашим сыном произошел какой-то необыкновенный случай, или кризис (так он назвал), и что он в настоящее время совершенно здоров. – «Здоров?» – Ушам не верилось. – «Да, – повторил он, – слава Богу, Дмитрий совершенно здоров». В коротких словах он передал нам, как чудесное выздоровление совершилось. После мучительных проведенных суток (2 июля) умирающий мальчик, изнуренный и разбитый, заснул вдруг крепким сном – в 11 часов ночи (со 2 на 3 июля), и сон его был тих и покоен. Таким образом он проспал до четырех с половиною часов утра (3 июля). Когда он проснулся, то был совершенно здоров, бодр и силен. Течь из уха прекратилась, и слух вернулся; осталась только бледность. Теперь он встает, прибавил в заключение воспитатель, и одевается, хочет вас встретить на ногах. Он так рад, что вы вернулись. Трудно передать то, что мы почувствовали при этом известии. Слезы радости и глубокой благодарности к Господу текли из глаз наших. В душе мы горячо славили и благодарили

Бога и любвеобильного молитвенника отца Амвросия. Всё прошедшее вспомнилось нам: все ужасные страдания нашего сына в продолжение пяти недель, его страшное изнеможение, его невозможность не только одеваться и вставать с постели, но и поднимать даже голову с подушки; потеря слуха, бессонные ночи, стоны и болезненные крики и, наконец, наше мучительное беспокойство о его жизни и, в крайнем случае, о потере для него образования и возможности чем бы то ни было заниматься; и тут же пришли нам на память утешительные слова отца и благодетеля нашего. Невыразимая благодарность, горячая признательность наполняли наши сердца. То не были простые чувства, но они были смешаны с неразъяснимым духовным восторгом; мы спешили домой. Мы не ехали, а летели. Когда мы вошли в залу нашего дома, дверь Митиной комнаты отворилась, и на пороге ее явился еще страшно бледный, но здоровый и веселый сын наш. Голова его была еще укутана белыми платками. В эту минуту он напоминал собою воскресшего Лазаря. Он радостно бросился нас обнимать, и обоюдным расспросам не было конца. Я передала ему привезенный мною крест, присланный ему отцом Амвросием, и Митя приложился к нему и надел на себя с благоговением. С этого дня силы его более и более укреплялись, аппетит вернулся; течь из уха более не возвращалась, и слух стал одинаково хорош на оба уха. Через неделю он уже мог приняться за умственные занятия и ездил верхом и стал готовиться к экзамену, который после болезни был отложен до августа. В начале августа сын наш выдержал отлично экзамен (в IV класс военной гимназии). А 25-го того же месяца мы отправились с ним в Оптинскую обитель и были с ним у старца, дорогого отца Амвросия, который сына моего обласкал и несколько раз принимал в свою келью. В этом же году мы пригласили докторов на консилиум, и г. Беляев, после долгого осмотра нашего, сына, не мог определить, в каком именно ухе было прободение барабанной перепонки; и только после того, как мы указали ему правое ухо, он заметил небольшой рубец и должен был признать это дело сверхъестественным. Вот совершенно истинная, хотя, может быть, неумелая, передача

чудесного события, совершившегося в нашей семье, но молитвам любвеобильного, дорогого старца Оптиной пустыни, родного батюшки, отца Амвросия, память о котором никогда не изгладится из наших признательных сердец. Варвара Мусин-Пушкина»¹⁴¹.

Следует еще несколько рассказов разных лиц, получивших по молитвам старца Амвросия исцеление от болезней неисцельных или крайне опасных.

Московская учительница г-жа М., рожденная к-ня Д-ая, имела к старцу великую веру. Ее единственный сын был при смерти от брюшного тифа. Оторвавшись от него, она полетела в Оптину и умоляла батюшку помолиться о сыне. «Помолимся вместе», – сказал ей старец, и оба стали рядом на колена. Через несколько дней мать вернулась к сыну, который встретил ее на ногах. В тот самый час, как старец молился за него, наступила перемена, и выздоровление пошло быстро. Опять эта госпожа, уже с выздоровевшим сыном, летом 1881 года была в Оптиной и прожила там более, чем думала. Ее муж, находившийся в южных губерниях, беспокоился о них и наконец назначил телеграммой день, когда за ними вышлет лошадей на станцию. М.М. пошла проститься с батюшкой. Отец Амвросий, никогда и никого без особенной причины не задерживавший, объявил, что не благословляет ей ехать. Она стала доказывать, что не может больше жить в Оптиной, а он сказал: «Я не благословляю ехать сегодня. Завтра праздник; отстоите позднюю обедню – и тогда увидим». Она вернулась на гостиницу, где ожидавший ее сын был очень недоволен батюшкиным решением, тем более что не было никаких причин оставаться; но мать послушалась старца. На следующий день батюшка сказал: «Теперь с Богом, поезжайте». За Курском они узнали, что с поездом, который шел накануне и с которым они хотели было ехать, случилась кукуевская катастрофа.

Мещанка г. Ливен, Вера Леонтьева Васильева, уведомляла письменно оптинского отца архимандрита Исаакия, что у нее года три или более болел левый бок. Лечили и доктора, но помощи не было. Бывши в июне 1887 года в Оптиной, больная спросила батюшку отца Амвросия, чем бы ей полечиться.

Старец велел подать ей бумагу и карандаш и тут же записал траву, которую она должна была взять из аптеки и пить. Исполнивши совет старца, больная выздоровела. В том же письме Васильева прибавила, что она еще в одно время была в таком положении, что должна бы была на веки погибнуть, но, по молитвам старца, была сохранена. Еще: муж ее страдал внутренней болезнью – в желудке и кишках. И вот увидела она во сне, будто пришла к старцу и усердно просила его сказать, чем бы полечить мужа. Батюшка до трех раз сказал ей, чтобы пить укроп. По совету, полученному во сне от старца, муж ее стал пить укроп и почувствовал облегчение.

Государственная крестьянка Лебедянского уезда, Тамбовской губернии, Анисья Ф. Монаенкова, имела такую сильную боль в пояснице и нижней части живота, что не могла ни ходить, ни лежать. Медицинские средства не помогали. По освидетельствовании больной акушерками признано было, что у нее внутри язва, почему и советовали ей ехать в Москву для операции, если только она желает остаться в живых. Но она предварительно приехала к старцу Амвросию, чтобы получить от него благословение на эту поездку, и скоро была им принята. «Дурак! – сказал старец, – Зачем в Москву? Я травки дам». Вскорости выслал он ей с одним монахом травы. Стала она пить, и болезнь прекратилась.

В бытность, летом 1898 года, оптинского иеромонаха отца Венедикта в Калужской Тихоновой пустыни дворянка Данковского уезда Рязанской губернии девица Марья Тимофеевна Турчанинова передала ему записку, в которой ею объяснено, что с самого детства страдала она кровотечением из носа, но в 1890 году исцелена была старцем отцом Амвросием.

«Однажды летом, – рассказывал оптинский монах отец Памво, – пришлось мне быть в Калуге. На возвратном пути в Оптину пустынь догнал меня священник с женою и мальчик лет 11.

Разговорившись про батюшку отца Амвросия, священник отец Иоанн сказал, что приход его недалеко от станции Подборок, в селе Алопове, и что мальчик этот – его сын рожден по святым молитвам старца отца Амвросия. Жена священника

подтвердила слова мужа. «Истинная правда, – сказала она мне. – У нас деток не было. Мы скучали и часто приезжали к батюшке, который нас утешал, говоря, что он молится за нас Господу Богу. У нас и родился вот этот самый мальчик. Кроме него у нас детей нет». Священник рассказал при этом следующее: «В одно время заболел у нашего сына глаз. Поехали мы с женой и с ним в Козельск к доктору, но предварительно заехали в Оптину и пришли к отцу Амвросию. Старец, благословив мальчика, начал слегка ударять по больному глазу. У меня волос дыбом встал из опасения, что старец повредит мальчику глаз. Мать заплакала. И что же оказалось? Приходим мы от старца в гостиницу, и мальчик заявляет нам, что глазу его лучше, и боль в нём утишилась, а затем и совсем прошла. Поблагодарив батюшку, мы возвратились домой, славя и благодаря Бога».

Рассказывал о себе скитский монах отец Нестор следующее: «1 декабря 1873 года я, с некоторыми из братии, был пострижен в мантию, от которой принял меня под свое духовное руководство приснопамятный старец, блаженной памяти батюшка отец Амвросий. В мае месяце того же года я имел намерение побывать на своей родине. Для благополучного начала этого дела пошел я помолиться на священной могилке наших приснопамятных старцев, молитвы коих я, по совету старца – моего отца духовного, всегда призывал себе на помощь во всех моих нуждах и скорбях и особенно в болезнях. Затем пошел к настоятелю батюшке отцу игумену Исаакию, объяснил ему мою покорную просьбу, которую он благосклонно выслушал и говорит: «Что же, у старца был»? Отвечаю: «Нет, батюшка, еще не был». – «Ну так иди к нему, – что он скажет. А я, брат, решаю решенное. Если он благословит и найдет, что эта поездка не послужит тебе во вред, то я удерживать не стану; но только долго не заживайся там; а чем скорей в свою келейку, тем лучше; иноку в миру долго жить, знаешь, не полезно; там хорошо, только не для нашего брата». Пошел я к старцу очень воодушевленный, но в этот день не мог его видеть, так как у него было много народу, и мирян и монахинь, и он, занимаясь с ними с самого утра, очень изнемог. Я был вполне уверен, что

если уже отец игумен соизволяет, то батюшка и тем более не будет противоречить, – наверное, благословит мое путешествие, и потому некоторым из братьев сказал, что я собираюсь ехать на родину, и что это почти решено. На самом же деле вышло совсем иначе. Я и раньше не один раз слегка заговаривал об этом со старцем, но каждый раз он как-то мало обращал внимания на мои слова, как бы это было что-то несбыточное или совсем не нужное. И так я больше недели к нему ходил, но всё как-то неудачно, всё не приходилось поговорить с ним одному без других. Наконец я пошел к нему с тем намерением, чтобы добиться толку и чем-нибудь решить окончательно, а то уже мне наскучили спрашивающие братья о моей поездке и почему я не еду. С этою мыслью вошел к батюшке в келью, помолился на святые иконы, а потом поклонился ему, чтобы принять благословение. Благословляя меня, он сказал: «Бог благословит доброе творить». Еще ничего не успел я ему сказать, а только хотел начать говорить, а он уже отвечает на мои мысли: «Ты пришел решать насчет своей поездки». Говорю: «Точно так, батюшка. – «Вот что, брат, не возвещается мне тебя отпустить; как ты хочешь, смотри сам, чтобы после не раскаиваться, когда будет уже поздно». Я крайне был озадачен этой неожиданностью. Говорю ему: «Что же, милостивый батюшка, вероятно, со мной дорогой что-нибудь может случиться неблагоприятное»? Батюшка говорит: «Я, брат, дара пророчества не имею; не знаю, что может случиться с тобой, а вот что мне возвестилось об тебе, то и говорю; да, правду сказать, что-то мне жалко тебя отпускать». Эти слова батюшка так милостиво отечески мне сказал, что а даже не мог удержаться от слез; так почему-то заныло мое сердце, и мне очень стало жалко расставаться со старцем. Говорю: «Батюшка, я уже решаюсь остаться, не поеду». «И благо тебе, – сказал старец, – родина не уйдет; можно и на будущий год там побывать, если будем живы и здоровы». Говорю ему: «Простите, батюшка, за мою откровенность: пред братьями мне будет неловко; совестно, что столько времени собирался, ходил к отцу игумену проситься и потом остаюсь». На что батюшка положительно сказал: «Что за беда? Стыд не дым, в глаза не

лезет. Монаху, брат, стыдно исполнять свою волю, так что лучше быть учеником ученика, нежели жить по своей воле. Об этом и в отеческих писаниях сказано. Стыдно не только перед другими, но перед Богом и своею совестью, – она судья неподкупный, бескорыстный. А послушаться совета своего отца духовного не стыдно, но душеспасительно и необходимо; и кто не слушает доброго совета, тот бывает наказан. Спрашивать у тебя никто не будет, никому нет надобности, а если кто и спросит, скажи – верно, нет воли Божией на мое путешествие. Добрые люди обещали мне выслать денег на дорогу, но почему-то не выслали, поэтому я и не поеду; коротко и ясно». После этих мудрых и любвеобильных слов старца, присущих его ангельскому сердцу, так мне стало отрадно на душе. Я готов был благодарить старца, что он меня не отпустил, точно он меня оградил от какой-то беды. Я сам себе не мог дать отчета, куда девалось мое непреодолимое желание – последний раз побывать на родине, о которой я так давно мечтал; точно это было сновидение, а не действительность. Батюшка дал мне свежий тонкокожий апельсин и сказал: «Вот тебе для утоления жажды!» Чем утешил меня до глубины души. Но думал ли я, что со мною будет не более как через неделю такая сильная и нестерпимая жажда, которой не было возможности утолить? Итак, пошел я от старца как бы в какой великий праздник, когда он, не щадя своих слабых сил, утешал всех нас, как сердобольная мать, любящая чад своих. Весь этот день я очень отрадно провел. Вещи, приготовленные для поездки, я все убрал во избежание напоминания об оной, но на следующий день напала какая-то безотчетная тоска и уныние, точно я ждал себе какой беды; и так продолжалось целую неделю. После чего я совершенно неожиданно и, казалось мне, почти без всякой причины заболел смертельно тифозной горячкой. Где бы я мог простудиться, решительно не знаю. Погода тогда была теплая и самая благоприятная. Первые числа мая. Болезнь во мне быстро развивалась и не поддавалась лечению. Быстрый упадок сил. Жар во всем теле и особенно в мозгу был нестерпимый. Разлилась по всему телу желчь; даже глаза, как мне после передавали, были залиты желчью; ногти почернели,

как у покойника. К довершению этих моих страданий, спустя дней десять, у меня появились на затылке два черных пятнышка, которые потом соединились в одно целое, и образовался карбункул. Это еще новое мое страдание не поддается описанию, особенно когда врачи делали мне операцию. Говорят, что я стонал, как трудно умирающий. Я был между жизнью и смертью. Врачи: монастырский отец Нифонт и козельский – Кустов заявили, что надежды на выздоровление никакой нет. Меня соборовали и каждый день приобщали Святых Таин, даже в полночь, когда я был уже совсем плох. Затем, по благословению настоятеля и старца, постригли меня в схиму, как обыкновенно постригают близких к смерти монахов. Мне тогда было только 28 лет. Отцы и братия приходили со мною прощаться. Память мне не изменяла, я всех узнавал, но был так слаб, что не мог глаза открыть, и говорить мне было весьма трудно, а также и слышать разговор других.

Наконец пришел проститься и благословить меня в загробный мир наш отец игумен. Здесь был наш доктор отец Нифонт. Хотя слабо, но все-таки слышу. Отец игумен говорит доктору: «Вот, отче, наша жизнь! Давно ли он приходил ко мне совершенно здоровым, просясь на родину? Хорошо, что старец так благоразумно, – верно, уже по внушению Божию, – сделал, что, как я слышал, отсоветовал ему ехать; а я думал его отпустить. Вот и отпустил бы на тот свет! А после было бы на совести». Доктор говорит: «Батюшка, он простудился не теперь, у него давняя простуда. Он еще Великим постом, и не однажды, приходил ко мне просить лекарства, жалуясь на головную боль; говорил, что у него бывает то жар, то озноб; испарина бывает по ночам, после чего слабость во всем теле. Это простудное лихорадочное состояние, от которого я его только подлечивал, но основательного лечения не было. Потому болезнь у него таилась и, так сказать, созревала до поры до времени; и вот пришло время – она вступила в свои права, несмотря на то что теперь май месяц. Он непременно дорогой бы заболел и умер, но только вероятно скорее. Здесь мы его все-таки лечим. Да наконец, труднобольных много укрепляет приобщение Святых Таин. А в дороге, конечно, этого ничего бы не было. Теперь его

каждый день приобщают, после чего он бывает повеселее. Мы с козельским доктором даже не решались делать операцию, несмотря на то что она была необходима; думали – не вынесет, тут же и кончится, но старец мне сказал с уверенностью: вынесет; даже можно надеяться, что больной поправится. По общему же нашему мнению с доктором Кустовым, это казалось невозможным». Отец игумен подошел ко мне и, благословив меня, сказал: «Прости отец Нестор! Ты, насколько возможно, приготовлен, а там да будет воля Божия! Нам всем необходимо когда-нибудь умирать, это путь неизбежный, только, приведи Господи, с чистым покаянием умереть». В продолжении моей болезни я мысленно призывал себе на помощь молитвы старца, отца моего духовного, батюшки Амвросия, а в часы невыносимых моих страданий даже и посылал к нему просить его святых молитв, чтобы мне или умереть, или хотя малое иметь облегчение, так как не было возможности терпеть. Но каждый раз, как придут, бывало, от старца и скажут: «Батюшка о тебе молится и посылает тебе благословение», – мне станет несколько легче и как будто отраднее. Помню, один раз – это было рано утром, и, наверно, старец в это время отдыхал после утреннего правила – мне так было трудно, что я решился его побеспокоить, то есть попросить его святых молитв. Посланный скоро возвратился и принес мне от батюшки запечатанный пузырек святой воды из Почаева, которую он велел вылить в бутылку, добавить чистой воды, чтобы была она полная, и давать мне понемногу пить и примачивать ею голову. Ходившие за мною добрые люди – братия (и особенно один из них, – спаси их Господи и помилуй!) исполняли усердно надлежащее, и, за молитвы старца, с этого времени мне стало лучше: жар хотя медленно, но все-таки начал постепенно ослабевать, и я мало-помалу начал оживать, к удивлению многих, а особенно врачей моих, которые окончательно приговорили меня к смерти, так что в последнее время уже ничем меня не лечили, а оставили на волю Божию. Городской же доктор более не навешал меня. Поправлялся я очень медленно. Более двух месяцев пробыл в больнице, из которой хотя и вышел, но еще слабым и глухим. Доктор наш отец Нифонт с недоумением после того спрашивал

старца, каким чудом я остался живым, тогда как, по их общему мнению, насколько им открыла наука, это казалось почти невозможным. На это богомудрый старец сказал ему следующее: *«Невозможное от человек возможно есть от Бога (Лк.18:27), Который живет и мертвит, убожит и богатит (1Цар.2:6–7).* Над такими трудно и безнадежно больными исполняется слово пророка Давида, который говорит: *Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя (Пс.117:18).* Может быть, и за его беспрекословное послушание он остался живым; а если бы не послушался, то, очень может быть, и умер бы беспомощным. Смерть его ожидала где-нибудь в дороге. Видно, еще и не прииде час воли Божией этому быть. Послушание, брате, дело великое».

Рассказывала монахиня Шамординской общины Агриппина. «Весной 1882 года на Пасху заболело у меня горло, – образовалась в нём рана, и я не могла ни есть, ни пить. Доктор объявил, что у меня горловая чахотка, и я должна ожидать смерти. Отправилась я к батюшке. Он и говорит мне: «Из колодезя, что за скитом, бери в рот воды и ежедневно полощи горло до трех раз». Через три дня он сам позвал меня к себе. Достав из под подушки три яйца и скушав желтки, вложил белки один в другой. Потом благословил отцу Иосифу, бывшему келейнику, принести воды из колодезя. Благословив воду, он велел ею растереться мне в келье, а яичные белки съесть. По приходе в келью меня растёрли водой и дали мне яичные белки, которые я проглотила без боли. После этого я спала целые сутки и, проснувшись, почувствовала, что болезнь моя прошла, и я совершенно выздоровела. Не медля, я отправилась к старцу. Монахини меня не узнали, подумав, что это не я, а родная моя сестра. Батюшка же встретил меня и благословил, сказав при этом, что исцелил меня святой Тихон Калужский. С тех пор я не страдала горлом. Когда я объявила доктору о своем исцелении, он сказал, что это совершилось надо мною чудо, и что болезнь моя естественными средствами не могла быть излечена».

Иногда старец Амвросий во избежание людской славы, по примеру своего предшественника старца Льва, придерживался

несколько как бы полуюродства. Если кому что предсказывал, то нередко, как выше было упомянуто, в шутливом тоне, так что слушатели смеялись; если хотел подать помощь кому-либо в болезни, ударял, как по больному глазу мальчика, рукою или иногда палкой по больному месту, и болезнь проходила. Пришел например, к старцу один монах с ужасной зубной болью. Проходя мимо его, старец ударил его изо всей силы кулаком в зубы и еще весело спросил: «Ловко?» «Ловко, батюшка, – отвечал монах при общем смехе, – да уж больно очень». Но, выходя от старца, он ощутил, что боль его прошла, да и после уже не возвращалась¹⁴².

Был еще подобный пример с вышеупомянутым монахом Памвою. «Однажды, – так рассказывал он, – у меня сильно разболелись зубы. Прихожу я к батюшке отцу Амвросию на его келейное бдение, как это и прежде нередко случалось, помогать читать и петь. Жалуюсь ему на свою зубную боль, которая была очень сильна. Батюшка ударил меня слегка по щеке. Братия, бывшие в келии старца, переглянулись и усмехнулись, думая, вероятно, что старец ударяет меня за какую-нибудь ошибку в пении или чтении. В ту же минуту я почувствовал, что зубная боль моя утихла. Подхожу к братиям и говорю: «Вам смешно, а для меня удивительно. Боль зубная у меня прошла». Таких примеров было множество, так что крестьянки, страдавшие головными болями, узнавши о подобных действиях старца, сами нередко подклоняли ему свои головы и говорили: «Батюшка Амвросий, побей меня, у меня голова болит».

Были еще более удивительные случаи. Не выезжая никуда по болезненности из обители, старец Амвросий в тоже время являлся за сотни верст людям, которые никогда его не видали и даже не слышали о нём: или предостерегал от какой-либо опасности, или давал больным наставление, как избавиться от болезни, или тут же исцелял. Так рассказывала вышеупомянутая монахиня Белевского монастыря Варвара Николаевна Тереховская. В 1883 году приехала к покойному батюшке отцу Амвросию жена одного сельского священника и спрашивает сестер монахинь, сидевших в хибарке в ожидании его благословения: «Где тут найти мне благодетеля моего,

монаха Амвросия, который спас мужа моего от смерти? Я приехала целовать его ножки». «Что такое случилось у вас? Каким образом спас? Когда? Как?» – раздались вопросы со всех сторон, – «Пожалуйста расскажите. Батюшка отец Амвросий прилег отдохнуть, не примет вас сейчас, а вы пока своим рассказом займите нас всех, с вами находящихся». «Едва и теперь могу я опомниться от ужаса злодейского покушения, – так начала сельская матушка свое повествование. – Муж мой, священник села N, готовился служить Божественную литургию и накануне спал в своем маленьком кабинете, а я у себя в спальне крепко заснула. Но вдруг чувствую, что кто-то меня будит. Слышу голос: «Вставай скорее, а то мужа убьют». Я открыла глаза; вижу – стоит монах. «Тьфу, – какая бредня! Бес искушает», – проговорила я; перекрестилась и отвернулась. Но не успела и заснуть, как во второй раз толкает меня кто-то, не дает мне спать и повторяет те же слова: «Вставай, а то убьют мужа». Смотрю – тот же монах. Я опять отвернулась, перекрестилась и хочу опять заснуть. Но монах опять дергает меня за одеяло и говорит: «Скорей, как можно скорей беги, вот сейчас убьют». Я вскочила с постели, побежала в зал, который отделял кабинет мужа от моей спальни, и что же вижу? Кухарка моя идет с огромным ножом в кабинет моего мужа, и уже она в дверях его. Побежала я, вырвала сзади с плеча ее огромный нож и спрашиваю: «Что это такое значит?» «Да я хотела, – отвечает, – мужа твоего убить за то, что он немилосердный поп, – людей не жалеет твой батька. Я ему покаялась в грехе своем, а он наложил на меня много поклонов на каждый день; я просила его помиловать меня, убавить поклоны, так нет, – не хочет. Он меня не милует. И я его не помилую». Тогда я, под видом отнести нож, распорядилась послать за урядником, и вскоре виновную отвезли в полицию. А муж мой священник, ничего не зная о случившемся, отслужил обедню, и мы затем поехали с ним к моей замужней сестре, бывшей также за священником соседнего села. Там я рассказала ей, кто спас моего мужа. Сестра повела меня в свою спальню, и я вдруг увидела на стене фотографию того монаха, который являлся мне. Спрашиваю: «Откуда это у тебя?» – «Из Оптиной». –

«Какая Оптиная? Что это такое? Скажи скорей, где живет этот монах, ангел Божий, посланный с неба спасать от убийства». Схватила карточку его, целовала, прикладывала к голове себе и мужу и решила непременно лично благодарить его и расцеловать его ручки и ножки. И вот теперь я, слава Богу, здесь у спасителя моего мужа!»

Еще рассказ той же монахини Тереховской. «В 1881 году генеральша Соколова, приехавши на станцию г. Мценска и не заставши поезда, слышит всхлипы и рыдания, а затем и видит орловскую даму, богато одетую, заливающуюся слезами. «Не могу ли я облегчить ваше горе?» – спросила Соколова. «Я никого не знаю в этом городе Мценске, а дело у меня очень важное. Дочь моя, – говорила плачущая дама, – лежит три года больная. Доктора не в состоянии помочь ей. Явился ей монах, не во сне, а въяве, и сказал: «Ты обманула угодника Божия Николая Чудотворца: обещалась съездить к нему помолиться и не исполнила, вот и лежишь теперь. Сними мерку с твоего роста; попроси, кто бы за тебя поставил ему свечу, заказанную в твой рост; когда сгорит эта свеча, тогда и ты выздоровеешь. Вот я, мать ее, для того и приехала сюда, в город Мценск». Генеральша Соколова отвезла эту даму в Никольский собор в своем экипаже, заказала в рост ее дочери огромную толстую свечу, которую потом вставили в железо и прибили к полу. Свеча сгорела, и больная барышня, по проречению монаха, выздоровела. По времени генеральша Соколова, при свидании с упомянутой дамой и выздоровевшей дочерью, показала им фотографию батюшки отца Амвросия, и выздоровевшая девица и мать ее заявили, что не кто иной избавил страдавшую от болезни, как этот монах, на карточке изображенный, который назвал себя Амвросием.

Передавал вышеупомянутый скитский иеромонах отец Венедикт: г-жа А.Д. Карборьер была тяжело больна и лежала на одре несколько дней не вставая. В одно время она увидела, что старец Амвросий входит в ее комнату, подходит к постели, берет ее за руку и говорит: «Вставай, полно тебе болеть!» И потом из виду ее скрылся. Она в то же время почувствовала себя настолько крепкой, что встала от болезненного одра

своего и на другой день отправилась пешком из города Козельска в Шамордино (где проживал тогда батюшка) поблагодарить его за исцеление. Батюшка ее принял, но разглашать об этом до кончины своей не благословил.

Упомянутый выше монах Гавриил передал рассказ шамординской монахини Анастасии Карповой, скончавшейся несколько лет тому назад. У одного богатого помещика служил за жалование бедный дворянин, имевший большую семью. Когда же помещик продал свое имение, новый владелец отказал дворянину в занимаемой им должности, и положение его сделалось очень затруднительным – нечем было жить и содержать себя и семью. Возложивши всё упование на Бога, бедняк решился идти за советом в Оптину, к батюшке отцу Амвросию. Вскоре затем видит он в окно какого-то странника в монашеской шапке и с палочкой. Любил он принимать странников и поэтому тотчас пригласил его к себе. Угостил чем Бог послал, рассказал свое горе, упомянул и о том, что собирается к старцу Амвросию. Странник сказал, что отец Амвросий переехал из Оптиной в Шамордино, и посоветовал ему не откладывать своих сборов; сказал еще при этом, что если он будет медлить, то не застанет отца Амвросия. Посидевши, странник пошел в путь. Но так как смеркалось, то хозяйка посоветовала мужу догнать его и пригласить переночевать у них. Но странника ни на дворе, ни на улице не оказалось, и нигде найти его не могли, что их очень тогда удивило. Вскоре дворянин пришел в Шамордино и, к великому своему удивлению, увидевши старца Амвросия, признал в нём того самого странника, который незадолго перед тем посетил их дом. Дворянин упал ему в ноги и намеревался было рассказать ему о том, как он видел его в своем доме в виде странника, но старец сказал: «Молчи! Молчи!» Затем, указав на какую-то барыню, стоявшую тут же в его приемной келье, сказал: «Вот у ней будешь служить – и успокоишься». Барыня эта была богатая помещица и дала ему хорошее место в своем имении.

Монахиня Каширского женского монастыря Тульской губернии Илариона Пономарева¹⁴³ передавала о себе письменно следующее: «Будучи сильно больна, дня за два до

Николина дня (6 декабря 1888 года), я скорбела и плакала о том, что в настоящий праздник по болезни буду сидеть в келье, не имея возможности пойти в храм Божий. И так сильно вся я разболелась, что в девять часов вечера легла в постель и заснула. Но вот вижу во сне: подходит ко мне батюшка отец Амвросий и говорит: «Что ты прежде времени скорбишь?» С тем вместе он так сильно ударил меня в правое ухо, что у меня кровь потекла из него. «Ступай, – прибавил он, – в церковь, дура, на праздники!» Проснувшись, я увидела, что подушка, на которой я лежала, и халат, в котором была одета, были залиты кровью. Но в тот же час я почувствовала себя совершенно здоровой, и следов болезни моей не оставалось».

По молитвам старца Амвросия прилагались людям лета жизни и, как уже выше был приведен один пример, разрешалось неплодство матерей. Рассказывал иеромонах Оптиной пустыни Леонтий – ризничий следующее: «Ливенский купец Сергей Мартынович Абрашин, проживающий в селе Плохове Калужской губернии, Жиздринского уезда, женат был вторым браком. От второй жены у него было десять человек детей, но все они умирали в младенческом возрасте. Некоторые только доживали до году, а остальные умирали, проживши несколько месяцев. Со скорбью своею жена Абрашина (моя родная сестра) Марья ездила к батюшке отцу Амвросию. Однажды как-то старец призвал меня к себе и говорит: «Вот сестра твоя всё скорбит, что у нее дети умирают. На вот тебе икону, пошли ей». Это было 5 февраля, года в точности не упомню. На иконе было изображение Божией Матери «Взыскание погибших» (празднуется 5 февраля). Поблагодаривши батюшку, я взял подаренную им икону и послал сестре, описавши, по какому случаю посылается ей эта икона. У сестры вскоре затем родилась дочь, которую она назвала Пелагеей. Летом того же года сестра моя приезжала к старцу благодарить его и привезла новорожденную. После сего она ежегодно приезжала в Оптину для принятия благословения у старца. Когда исполнилось Пелагее 16 лет, по благословению старца она была отдана за муж за белевского купца В.Н. Рыбакова. Оба они живы до сих пор и живут счастливо; имеют двоих детей. Нужно заметить при

этом, что у Пелагеи в течении первых четырех лет по выходе замуж не было детей. Скорбела она об этом и приезжала по этому случаю к старцу, который всегда обнадеживал ее, что дети у нее будут. Действительно, через четыре года родился у нее сын, которого она, в честь старца, назвала Амвросием, а затем родилась дочь, названная Марией. Дети живы и в настоящее время».

Проникнутый любовью к страждущему человечеству, ущедренный от Господа многоразличными дарованиями благодати Божией, старец Амвросий своими святыми молитвами избавлял некоторых и от разных худых и пагубных привычек.

Рассказывал монах Оптиной пустыни Порфирий: «Однажды приехал к старцу крестьянин Тульской губернии, который страдал от пьянства, и так как не мог отстать от этой пагубной привычки, то хотел несколько раз наложить на себя руки. Пришел он к батюшке, а говорить ничего не может. Но старец сам в обличение сказал ему, что он страдает от винопития за то, что, еще будучи мальчиком, крал деньги у дедушки, который был церковным старостой, и на эти деньги покупал вино. Дал ему травки, чтобы пил дома. Крестьянина этого я знаю; он от запойства избавился и до сих пор жив и здоров».

Петербургский житель Алексей Степанович Майоров, чрезмерно пристрастясь к курению табаку, чувствовал от этого вред для своего здоровья. Когда советы петербургских его друзей против этой страсти оказались безуспешными, тогда он письменно обратился к старцу Амвросию, прося заочно у него совета, как бы отстать от этой страсти. В ответ на эту просьбу старец прислал Майорову письмо от 12 октября 1888 года, в котором было написано следующее: «Пишете, что не можете оставить табак курить. *Невозможное от человек – возможно при помощи Божией* (Ср.: Лк.18:27); только стоит твердо решиться оставить, сознавая от него вред для души и тела, так как табак расслабляет душу, умножает и усиливает страсти, омрачает разум и разрушает телесное здоровье медленной смертью. Раздражительность и тоска – это следствие болезненности души от табакокурения. Советую вам употребить против этой

страсти духовное врачество: подробно исповедайтесь во всех грехах с семи лет и за всю жизнь, и причаститесь Святых Таин, и читайте ежедневно стоя Евангелие по главе или более, а когда нападет тоска, тогда читайте опять, пока не пройдет тоска; опять нападет – и опять читайте Евангелие. Или вместо этого кладите наедине по 33 больших поклона, в память земной жизни Спасителя и в честь Святой Троицы». Получив с почты письмо, Алексей Степанович прочитал его и закурил папироску, как объяснял о сём в особой svoеручной записке, но вдруг почувствовал сильную боль в голове, а вместе и отвращение к табачному дыму и ночью не курил. На другой день принимался по привычке, но уже машинально, закурить папироску четыре раза, а дым глотать не мог от сильной боли в голове. И отстал от курения легко, между тем как в предшествовавшие два года, как ни принуждал себя отвыкнуть от курения, не мог и хотя сделался болен, но все-таки курил по 75 раз в день. «Вот тогда-то, когда стал чувствовать свою болезнь и познал свое бессилие к искоренению этой страсти, обратился я, – пишет Майоров, – заочно, по совету добрых людей, к старцу отцу Амвросию, с искренним раскаянием и просьбой его молитв обо мне. Затем, когда я приехал к нему, чтобы лично его благодарить, он коснулся палочкою больной головы моей, и я с тех пор боли в голове не чувствую никакой».

В Борисовской женской пустыни Курской губернии в числе сестер обители находилась одна молодая послушница, которая так пристрастилась к одному мирскому семейству, что часто, несмотря на запрещение матушки игуменьи, посещала его, притом даже против своего желания. По совету некоторых сестер она письменно обратилась к батюшке отцу Амвросию, открыв свою немощь, и просила его святых молитв. Батюшка явился ей во сне: будто какой-то благолепный старец привел ее к иконе Божией Матери и сказал: «Помолимся Царице Небесной!» С этими словами старца послушница проснулась и рассказала сестрам видение. Ей объяснили, что это являлся ей старец Амвросий, которого она до того времени никогда не видела. Вскоре затем она получила ответ от батюшки на свое письмо, который весьма ее успокоил. Когда ей после сего опять

приходило желание пойти для свидания с упомянутым семейством, она всегда прочитывала старческое письмо, и желание ее проходило. Впоследствии она совершенно освободилась от этой привычки и начала жить по-монашески, прекратив близкое знакомство с мирянами. (Рассказ этот передан борисовской схимницей Леонидой Литовкиной).

Теперь предложим вниманию читателей два случая, как старец Амвросий избавлял людей от вражеских искушений. Рассказывал вышеупомянутый иеромонах Дорофей: «По поступлении моем в 1874 году в Оптину пустынь мне поручено было поварское послушание. Прошло полгода, и вот в келье моей начались по ночам вражеские страхования. Представлялось мне, будто ко мне приходит какой-то старик, который невнятно произносит молитву; посуда в келье гремела без всякой причины; кровать моя тряслась, и на меня наваливался враг. А когда, бывало, при этом от страха я закричу или вздохну, то слышу явственно голос и слова: «Уж хуже этого нет, ох!» Пошел я сначала к отцу Анатолию и рассказал ему о вражеских страхованиях, но тот послал меня к батюшке отцу Амвросию. Старец, выслушав меня, сказал, что бояться я не должен, а для отгнания вражеского страха должен произносить молитву Иисусову. После сего все страхования прекратились, и я всегда спокойно оставался в келье.

Монахиня Ржищевского монастыря Киевской губернии Паисия писала о себе Оптиному старцу отцу Иосифу в апреле 1898 года следующее: «У меня были хульные помыслы на Святую Церковь и святые иконы. Я писала батюшке, что мысленно грешу, а чем именно – не объясняла. Когда же к старцу приехала, он тотчас позвал меня и будто хотел со мною заняться. Я стала перед ним, по обычаю, на колени. А он размахнул сначала свою левую руку и ударил меня в левую щеку слегка; потом правой ударил в правую щеку покрепче; наконец, как что-то поговорив сам с собою, так больно ударил меня в левую щеку, что в глазах у меня потемнело, и я упала. Откуда только старец силы взял. Затем он ушел, а я, едва опомнившись, поднялась и ушла из хибарки. Думаю себе: «Ничего! Вот так Старец! За что прибил? Ну да только он меня и

видел. Больше я к нему не пойду». Пришла в номер, разделась и легла. Со мною сделался жар и лихорадка. Приходит товарка, которая со мной приехала. «Что, – говорит, – с вами? Отчего вы ушли?» «Заболела», – отвечаю ей. Она на другой день идет к батюшке, а я лежу больна. На третий день она зовет и меня с собой к старцу. Я опять не хотела идти. Но у меня появилась какая-то жалость к батюшке, и я скоро встала и пошла. При свидании с ним он мне ни слова, почему я не приходила к нему в прошедшие дни и отчего я больна; и я ему ни слова. Домой же возвратилась я с великой радостью и спокойствием, да и думаю: куда же это мои хульные помыслы девались? Тогда только я поняла, почему старец меня бил, – этим врага от меня отгонял. Я радуюсь духом, что наш батюшка во святых. Когда я отправляла к вам это письмо, я вспомянула его отеческую любовь, и такое сильное охватило меня чувство, что я заболела и три недели была больна горячкой. Меня приобщили. Л. и М. отчаялись было уже в моей жизни. В это время я вижу во сне батюшку, будто занимается с народом в церкви и так скоро сказал мне: «Я был жив и есмь жив, я не забыл тебя и скоро позову». Теперь, слава Богу, поздоровела, только слаба».

В заключение вышеприведенных примеров прозорливости и исцеления разных смертельных недугов старцем Амвросием находим нужным сказать, что это только малейшая часть, потому что в продолжении более чем тридцатилетнего его старчества подобные примеры, как выше заметила А.А. Шишкова, повторялись едва ли не каждый день. От того и имя Оптинского старца Амвросия сделалось известным не только по всей России, но и за пределами ее.

XVI. Сила слова старца Амвросия, его обращение с посетителями и наружный вид

Ибо Он учил их, как власть
имеющий.
(Мф. 7:29)

Вышеизложенное о старце Амвросии ясно показывает, что он за свою добродетельную жизнь наделен был от Господа высокими духовными дарованиями. Самое слово его, растворенное солью благодати Божией, имело особую силу и было могуче-действенно. Не говорим уже о том, что все, с верою обращавшиеся к старцу, смиренно преклоняли пред ним свои выи с готовностью исполнять всякое его слово; много было и из нерасположенных, по неведению, к нему людей, при первом с ним знакомстве переменявших свой свирепый нрав в агнчую кротость¹⁴⁴.

До знакомства со старцем Амвросием некоторые относились к нему подозрительно. Иным даже казалось странным, когда им советовали поехать в Оптину. «Что у нас с ним может быть общего? Наверное, какой-нибудь лицемер, который ищет славы. Знакомая удочка, да только попадут на нее одни простецы», так некоторые рассуждали и не хотели ехать в Оптину, а для успокоения своей совести старались не верить тому, что рассказывали о старце. Кто же из таковых по любопытству заезжал в Оптину, начинал большей частью с осуждения. В Оптиной принято между монахами ради смирения становиться перед старцем на колена. По доброй воле поступали так и некоторые миряне. Сам же старец незнакомых, из высшего круга, мирских посетителей всегда приглашал садиться против него на стул; иногда даже упрашивал не стоять перед ним на коленях. А сколько насчет этого бывало нехороших речей! «С какой стати мне пред всяким монахом на колени становиться! Вот где их смирение». Точно кому-то было досадно, что люди идут к старцу, и кто-то старался сеять смуту. И когда приходила минута первого свидания, некоторые смотрели на него с недовольным сердцем и с желанием

разоблачить старого монаха. Но иногда это недоверие разом рассеивалось и уступало место самому теплomu чувству.

У старца в летний день множество народу. Одна молодая женщина, которую уговорили посетить батюшку, находится в раздраженном состоянии, что ее заставляют ждать. Вдруг дверь широко отворяется. Старец с ясным лицом появляется на пороге и громко говорит: «Кто здесь нетерпеливые, пойдите ко мне». Приближается к молодой женщине и ведет ее к себе. После беседы с ним она становится частой гостьей Оптиной и посетительницей батюшки отца Амвросия.

Одна сестра из большой помещичьей семьи, часто бывавшая у старца, долго умоляла свою любимую сестру с очень живым и нетерпеливым характером поехать вместе с ней в Оптину. Та наконец соглашается, чтобы доставить удовольствие сестре, но всю дорогу громко ворчит, а пришедши к старцу и сидя в приемной, чем-то возмущается: «Я не стану на колени, к чему это унижение?» Она быстро ходит по комнате из угла в угол. Отворяется дверь, так что ее совсем закрывает в ее углу. Все опускаются на колени. Старец подходит прямо к двери, откидывает ее и весело спрашивает: «Что это за великан тут стоит?» И затем шепотом говорит молодой девушке: «Это – Вера, пришла смотреть лицемера». Знакомство сделано. Вера выходит замуж, вдовеет и возвращается под крылышко батюшки в Шамордино. Он часто напоминал ей, как Вера пришла к лицемеру, и еще другую ее мысль в первые дни их знакомства, именно: бывши тогда молодой девушкой, она зашла в монастырскую лавку купить портрет старца. Ей сказали, что можно купить за 20 копеек. «Боже мой, – подумала она, – как мало! Я бы и много рублей дала. Какой батюшка дешевый!» В тот же день, на общем благословении, старец, проходя мимо нее, ласково взглянул, погладил по голове и тихонько промолвил: «Так батюшка дешевый, дешевый!»

Одна молодая девушка с хорошим образованием случайно попала к старцу Амвросию, была им поражена и умолила его принять ее в Шамордино. Ее мать приехала, по ее словам, вырвать из «этого ужасного монашеского мира» свою дочь. С негодованием и упреками вошла она к батюшке. Старец

предложил ей стул. Прошло несколько минут разговора, и раздраженная мать невольно, не понимая сама, что с нею делается, встает со стула и опускается около старца на колени. Беседа длится. В скором времени с дочерью-монахиней соединяется и мать-монахиня.

Вот старец ходит по скиту, опираясь на свою палку; много мужчин подходят к нему. Несколько сзади идет келейник. Один иеромонах подводит к батюшке двух молодых людей. Они очень хорошо одеты и имеют очень воспитанный вид. Но старший совершенно равнодушен относительно веры в Бога, а другой довольно верующий. Одному до отца Амвросия дела нет, а другой почему-то очень осуждал его, когда о нём рассказывали, а теперь очень недоволен, что несколько дней подряд старец не мог их принять. Он усиленно следит за старцем и старается отгадать, что это за человек. Иеромонах просит благословить их. Батюшка скоро, не глядя, благословляет и идет дальше. Несколько крестьян из дальней губернии поджидают его. «Мы к тебе с поклоном, – говорят они. – Прослышали, что у тебя ножки болят; вот тебе мягкие сапожки сделали, носи их на здоровье». Старец берет их сапоги и говорит с каждым. А второй из молодых людей всё это видит. И вдруг ему представилась трудовая жизнь старца и все чужие бремена, которые он поднимает, и вера, с которой на него смотрят все эти люди, и любовь крестьян, принесших ему сапожки; и сомнения, лежавшие камнем у него на сердце, исчезли. Он опять близ батюшки и робко говорит: «Батюшка! Благословите меня». Старец оборачивается, весело смотрит на него и начинает с ним говорить о его учении и жизни. Он всю дорогу думает о батюшке и на следующее лето опять приезжает к нему, уже по влечению сердца.

Подходит к отцу Амвросию измученный человек, потерявший все устои и не отыскавший цели жизни. Он искал ее в обширном труде, в беседе Толстого и отовсюду бежал. Он говорит батюшке, что пришел его посмотреть. «Что ж, смотрите!» – отвечает старец. Встает затем со своей кровати, выпрямляется во весь рост и вглядывается в человека своим ясным взором. От этого взора какое-то тепло, нечто похожее на

примирение, льется в наболевшую душу. Неверующий поселяется близ батюшки и всякий день ведет с ним долгую беседу. Он хочет веры, но еще не может верить. Проходит много времени. В одно утро он говорит батюшке: «Я уверовал».

Приходит к старцу какой-то господин высокого роста и крепкого сложения (так передавал оптинский иеромонах Паисий) и просит доложить об нём. Когда же старец вышел к нему в коридор, посетитель чуть не бросился на него и начал с великой яростью и злобой его поносить. Батюшка поспешил пригласить его в приемную. Пришедший господин кричит на старца и приводит какие-то тексты из Евангелия и Посланий апостольских. В ответ ему на разные доводы батюшка говорит: «Что, если я налью вам в одну чашку щей, каши, супу и т.п. и спрошу, что вы кушали? Какой вы дадите на это ответ?» Господин, видимо, был озадачен такими словами старца и говорит ему: «Вижу, что у тебя в устах благодать, а у меня бес». Старец отвечает ему: «В тебе беса нет, а только вижу я, что вокруг тебя много бесов, и они тебе шепчут». Потом господин опять что-то начал громко говорить. Старец поспешил уйти от него, сказав через келейника, чтобы приходил к нему завтра после обедни. Господин, однако, не желал уходить, несмотря на упрасивания его. Ушел же он только тогда, когда старец выслал ему какую-то книжечку. После этого он к старцу уже не являлся. Слышно было, что он приезжал с Дона.

С людьми, более образованными и тонкими, старцу было больше хлопот. Один очень добрый монах, в миру имевший высокую ученую степень, удивлялся тому, как, при всей своей любви к батюшке, он нехорошо с ним обращался и, несмотря на то, батюшка всегда был к нему снисходителен, если не сказать более. Монах знал, что к старцу ездят люди за тысячу верст и по целым дням ждут сказать ему несколько слов, а сам приходил к батюшке, не подготовившись, о чём спросить, и объявлял: «Хотел я вам, батюшка, что-то сказать, да забыл». Старец посоветовал ему записывать вопросы, но он продолжал ходить к нему по-прежнему и раз сказал, будто слагая вину на самого старца: «Вижу я, батюшка, что всё мы с вами говорим не подготовившись». «Ну что ж, — отвечал батюшка, — не можешь

готовиться, ходи так». А в другой раз монах сказал: «Мне кажется, что я хожу к вам без пользы». Батюшка тихо отвечал: «А все-таки ходи».

Как неотразимо влиятельно было слово старца Амвросия, послушаем еще о сём рассказ достопочтенного москвича В.В. Яшерева¹⁴⁵.

«Мое знакомство с отцом Амвросием, – пишет он, – произошло при довольно своеобразных обстоятельствах. В 1882 году, во время своего отпуска из Южной Болгарии, я, живя в Москве, встретился и познакомился с одной женщиной, родственницей очень близкого мне семейства. Эта женщина и была причиной моего знакомства и сближения с праведным старцем, ибо он был ее постоянным духовным отцом в течение нескольких лет. Надо заметить, что это была замечательно религиозная особа; в посты, например, она ежедневно посещала все церковные службы, являясь в церковь ранее всех и уходя последней. Мне, человеку тогда с другим совсем направлением, всё это казалось не чем иным, как ханжеством и даже недугом душевным. Но вскоре мне пришлось переменить свой образ мыслей.

Между прочим, моя знакомая, вдобавок ко всему сказанному, до такой степени увлекалась послушанием еще мне тогда неизвестному какому-то Оптинскому старцу, что была готова исполнить всякое его малейшее требование или желание. В один октябрьский день эта особа показала мне полученную ею через какую-то монахиню записку от отца Амвросия, писанную карандашом, в которой ей приказывалось немедленно бросить всё и приехать к нему в Оптину. Что особенно ее беспокоило, это приписка – взять с собою пенсионную книжку. «Видно, батюшка надолго вызывает меня», – говорила она с грустью. Напрасно я убеждал ее не верить никаким «старцам» или «юродивым» и оставаться дома. На следующее утро я получил от нее по городской почте записку, что, не смея ослушаться батюшки, она уезжает в Оптину, а через восемь дней ко мне пришло от нее уведомление, что отец Амвросий приказывает ей остаться в Оптиной на весь

Рождественский пост, а пока отсылает ее в женский монастырь в Белеве.

Это письмо меня сильно раздражило, чтобы не сказать более. Считая поведение моей знакомой плодом окончательного душевного расстройства и обвиняя в этом исключительно старца Амвросия, я взял два больших листа почтовой бумаги и написал ему длиннейшее письмо, в котором в самых вежливых и почтительных выражениях высказал много резкостей, приправляя каждую текстами Священного Писания и протолковывая эти тексты на свой лад. Не прочитав написанного, я тотчас отправил письмо по почте. И что же? Через пять дней моя знакомая возвратилась; рассказала мне, что, к ее изумлению, отец Амвросий не только остался доволен моим письмом, но приказал ей немедленно возвратиться в Москву; прислал мне просфору и просил передать мне свое желание видеть меня в Оптиной. Я был тронут таким результатом моего послания и решил исполнить желание старца при первой возможности, чувствуя себя виноватым перед ним за необузданность моего пера.

На четвертой неделе великого поста 1883 года я выехал в Оптину, через Тулу и Калугу; из последнего города пришлось ехать верст 60 на почтовых. Я выехал из Калуги в понедельник утром и в Оптину приехал уже поздним вечером. Утомленный дорогой, я наскоро напился чаю и лег спать. Когда я сидел на другой день утром за чаем, ко мне явился келейник отца Амвросия с приглашением «пожаловать к батюшке». Я нисколько, впрочем, не удивился этому, предполагая, что ему доносят о каждом приезде.

Оптинская пустынь состоит из двух частей: собственно монастыря с храмами, корпусами монашеских келий, скотными и конными дворами, которые, кстати сказать, содержатся в образцовом виде как по постройкам, так и относительно животных, гостиницами и разными хозяйственными зданиями и скита, где в то время жили только строгие подвижники. В ограду скита женщины не допускаются. Мы с послушником пошли мимо собора, через фруктовый сад, пересекая всю площадь монастыря, и вышли наконец за ограду. Перед нами во все

стороны густо раскинулся оголенный зимою лес, а прямо убегала тропинка, протоптанная среди высоких сугробов снега массой почитателей преподобного старца. Она-то и вела, через лес, к скиту, отстоящему от монастыря на полверсты. Мы вышли на поляну – и перед нами открылась белая ограда. Вправо от входных ворот виднелся небольшой белый каменный флигелек, одною половиной выходявший наружу, а другой прятавшийся внутри ограды.

Пред крылечком наружной части домика, который женщины почему-то называют «хибаркой», стояла толпа человек в пятьдесят женщин, и высокородных, и простого звания, в ожидании увидеть отца Амвросия. Большая часть из них пришли или приехали издалека, и во всех их царила твердая вера, что у него они найдут и утешение в горе, и добрый совет в трудных обстоятельствах, и даже исцеление в болезнях. Но случилось, что, походивши безуспешно к заветному крылечку несколько дней подряд, иная богомолка, не принятая старцем, в сильном смущении должна была уезжать ни с чем домой, так и не увидав его.

Войдя в ограду, мы повернули направо к внутреннему крыльцу флигеля, который оказался обширнее, чем представлялось снаружи. Прямо с крыльца дверь отворялась в коридор, разделявший флигель пополам: направо – первая комната, небольшая, но чисто меблированная – приемная для мужчин, налево собственно помещение отца Амвросия, а далее комнаты для послушников и для приема женщин. Послушник, приняв от меня пальто, пригласил войти в приемную направо, пока доложит батюшке. Через минуту он вышел и сказал, что батюшка просит меня подождать немного, пока окончит беседу с посетителем. Я принялся осматривать приемную. Приглашение послушника пожаловать к батюшке прервало мой осмотр, и я отправился вслед за ним по коридору, уставленному по обе стороны скамьями, на которых ожидали с десятков посетителей.

Повернув налево, чрез маленькую переднюю, я прошел в узенькую дверь и очутился в камерке аршина четыре в длину и около трех в ширину, с довольно низким потолком. Прямо

против двери было небольшое окно, и под ним маленький столик с выдвижным ящиком и шкафчиком; правой стороны я не помню, ибо левая сторона каморки привлекла всё мое внимание. На постели, аршин двух с половиною длины и четверти три ширины, сделанной из досок, покрытых тонким, дюйма в два, ковром или матрасом (не разглядел), полулежал на левом боку в черном поношенном подряснике и такой же скуфейке, облокотясь левою рукой на ситцевую подушку и перебирая правую зерна четок, маленький старичок, с небольшой клинообразной бородкой, с пронизательными добрыми глазами и чрезвычайно симпатичным лицом, – решительный контраст старцу, рисовавшемуся в моем воображении! Я остановился, ожидая приглашения приблизиться. Старичок внимательно и не шевелясь вглядывался в меня с минуту. Наконец он немного приподнялся, улыбнулся и сделал мне знак рукой подойти. Я подошел и поневоле должен был опуститься на колено, чтобы принять его благословение. Благословив меня, отец Амвросий взял мою руку, еще пристально посмотрел мне в глаза и мягким и веселым голосом произнес: «Так вот он какой, этот свирепый защитник своего счастья!» Я пробормотал что-то в роде извинения, но он остановил меня и, указав на лежащее на столе мое письмо, продолжал: «Нечего извиняться! Я очень доволен этим письмом, чему доказательством служит мое желание вас видеть. Какая это на вас форма?» Я ответил, что я команду Южно-Болгарской дружиной, и что это форма Восточно-румелийских войск. «Первое название хорошо, а второму и быть бы не следовало!» – серьезно произнес он. «Мне очень приятно, батюшка, слышать, что вы совершенно согласны в вашем взгляде с покойным Скобелевым и со всеми истинно русскими!» – ответил я с почтительным поклоном. «Вы ведь были и в Сербии добровольцем, как мне говорила С.? Кстати, как ее здоровье? Я слышал, что она была больна после поездки в Петербург». «Слава Богу, поправилась, – сказал я. Старец опять улыбнулся и сказал: «Я вас не удерживаю более; вы видели, сколько людей ожидают слова утешения. Ступайте, мы потом поговорим. Да, вы надолго приехали сюда?» – «Я

думаю еще съездить взглянуть на ваш знаменитый город Козельск и выехать из Оптиной в четверг». – «Вот и прекрасно! Значит, вы можете и отговорить здесь.» «Отец Амвросий! Сегодня вторник, когда же я успею отговорить? Четверг послезавтра!» – возразил я немного удивленным тоном. «Для истинного покаяния нужны не годы и не дни, а одно мгновение», – заметил он серьезно, почти строго. – «Сегодня вы будете у вечерней службы, завтра у заутрени и преждеосвященной обедни, а после вечерни придете ко мне на исповедь; в четверг¹⁴⁶ приобщитесь Святых Таин и вечером можете выехать в Москву».

Выйдя из огады, я обратил внимание на какое-то особое движение в группе женщин. Любопытствуя узнать, в чём дело, я приблизился к ним. Какая-то довольно пожилая женщина, с болезненным лицом, сидя на пне, рассказывала, что она шла с больными ногами пешком из Воронежа, надеясь, что старец Амвросий исцелит ее, что, пройдя пчельник, в семи верстах от монастыря, она заблудилась, выбилась из сил, попав на занесенные снегом тропинки, и в слезах упала на сваленное бревно, но что к ней подошел какой-то старичок в подряснике и скуфейке, спросил о причине ее слез и указал ей клюкой направление пути. Она пошла в указанную сторону и, повернув за кусты, тотчас увидела монастырь. Все решили, что это – или монастырский лесник, или кто-либо из келейников, как вдруг на крылечко вышел уже знакомый мне служка и громко спросил: «Где тут Авдотья из Воронежа?» Все молчали, переглядываясь. Служка повторил свой вопрос громче, прибавив, что ее зовет батюшка. «Голубушки мои! Да ведь Авдотья из Воронежа я сама и есть!» – воскликнула только что пришедшая рассказчица с больными ногами, приподымаясь с пня. Все молча расступились, и странница, проковыляв до крылечка, скрылась в его дверях. Мне показалось странным, как успел отец Амвросий узнать так быстро об этой страннице и откуда она пришла. Я решился дожидаться ее возвращения.

Минут через пятнадцать она вышла из домика, вся в слезах, и на посыпавшиеся на нее вопросы, чуть не рыдая, отвечала, что старичок, указавший ей дорогу в лесу, был не кто

иной, как сам отец Амвросий или кто-либо уж очень похожий на него. В большом раздумье вернулся я в гостиницу. Что же это такое? – думалось мне. Положим, сходство; но, во-первых, в монастыре нет никого похожего на отца Амвросия; а во-вторых, два таких странных совпадения: отец Амвросий, как всем известно было, по болезненности в зимнее время до теплых летних дней не мог выходить из кельи, а тут вдруг в холодное время явился в лесу указателем дороги страннице; и затем через какие-нибудь полчаса, почти в минуту ее прихода к его хибарке, он уже знает о ней подробно.

Я решился исполнить обряд моего короткого говенья по всем правилам религии: выдержал пост по-монастырски и все церковные службы также. В среду вечером после вечерни я прямо из церкви отправился в скит, старец принял меня только через полчаса после моего прихода. Войдя в каморку, я застал его в том же положении, как и в первый раз, и, став на колени, принял благословение. «Ну, теперь я могу поговорить с тобою подолее, подвинься сюда поближе», – сказал мне ласково старец. Я предполагал, что мне порядком достанется на исповеди, ибо не говел целых шесть лет, и приготовился вынести грозу. Отец Амвросий начал меня расспрашивать о моем детстве, воспитании, службе, более замечательных лицах, с которыми мне приходилось сталкиваться в жизни, о моем несчастном браке, о Сербии, Болгарии и Турции, пересыпая завязавшийся разговор замечаниями и улыбками. Я, который и в церкви-то не мог стоять на коленях вследствие боли в ногах, не заметил, что наш разговор продолжался час и семь минут, – до того разговор старца был мил, увлекателен и разумно-наставителен! С каждой его фразой мне казалось, что я более и более сродняюсь с ним и душой и сердцем.

«Передай мне епитрахиль и крест», – сказал мне вдруг отец Амвросий, помолчав минуты две. Я подал то и другое. Надев на себя епитрахиль, он приказал мне нагнуться и, накрыв епитрахилью, начал читать разрешительную молитву. Я живо выдернул из-под нее голову и воскликнул: «Батюшка! А исповедь? Ведь я грешник великий!» Старец взглянул на меня, если так можно выразиться, ласково-строгим взглядом, накрыл

опять епитрахилью и, dokonчив молитву, дал поцеловать крест. «Можешь идти теперь, сын мой! Завтра, после литургии, зайди ко мне». И ласково отпустил меня.

Никогда в жизни не совершал я такой чудной прогулки, как в этот раз, от скита до монастыря. Точно какое-то громадное облегчение чувствовалось во всем существе моем, а вокруг меня лучи полного месяца так и играли мириадами алмазных искр по снегу полян и фантастическим хлопьям, причудливо лепившимся кое-где по ветвям оголенных деревьев. Я и не заметил, как дошел до своего номера и как затем заснул.

На следующий день, приобщившись Святых Таин, после литургии, я отправился к моему новому духовному отцу. Старец ласково встретил меня, благословил просфорю и подарил получасовую беседу, в которой высказал мне несколько наставлений и указаний в пути моей жизни, которых я никогда не забуду и которые поныне служат часто мне и утешением, и поддержкой в трудные минуты. Прощаясь, он опять благословил и поцеловал меня и дал завернутую в бумагу просфору для передачи его духовной дочери.

При выходе моем из скита меня встретил послушник отца игумена пустыни с приглашением на стакан чаю. Маститый старец встретил меня приветливо, поздравил с принятием Святых Таин, также благословил просфорю, а при прощании подарил мне книгу.

Вернувшись в гостиницу, я застал приготовленный для меня прекрасный грибной обед. Распорядившись относительно лошадей, я потрапезовал в обществе отца гостинника и, отслушав вечерню, помчался на почтовой тройке по направлению к Калуге, унося с собой самое лучшее воспоминание о приветливой Оптиной пустыни, а в сердце своем – любовь и уважение к старцу отцу Амвросию, этому великому наставнику и целителю душ и сердец человеческих».

А вот и еще рассказ, подобный предыдущему. Родитель шамординской монахини Екатерины Лебедевой, по ее собственным словам, был человек неверующий. Случайно приехав в Оптину, он остановился на гостинице, где в то время гостинником был монах Феодосий (впоследствии иеромонах).

Только что приехавший гость почувствовал в душе сильное смущение и уже засуетился уезжать из обители. «Лошадей, лошадей скорее!» – шумит он. Успокоив несколько гостя обещанием, что за лошадьми сейчас пошлют, монах предложил ему, в ожидании лошадей, пройти по монастырю. «Но я к старцу не пойду», – решительно сказал гость. «Да я и не прошу вас», – ответил монах. Походили по монастырю. – «Ну теперь, – приглашает монах, – посмотрим скит, – тамошнюю пасеку, сад, цветы»... Пошли в скит и там походили. Между прочим подошли к корпусу, где жил старец, батюшка Амвросий. «Не угодно ли теперь посмотреть келью старца?» – продолжает монах. Вошли. В приемной находилось несколько человек, и в том числе господин, с которым пришедший разговорился. Разговор этот задержал его в приемной, и в это время вышел батюшка. Тотчас все присутствовавшие приблизились к нему, но случайно вошедший гость намеренно отошел и стал вдали, не желая принимать благословение. Старец же, благословив всех, прямо направился к стоявшему вдали посетителю, пристально на него посмотрел, благословил и положил руку на его голову. Тогда он опустился на колени и принял благословение. Батюшка сейчас же, взяв его за руку, повел к себе и сам начал с ним беседу. Гость поражен был прозорливостью батюшки, который напоминал ему разные случаи в его жизни, как будто всегда жил с ним. Беседа была продолжительная и имела решающее влияние на посетителя. Он сам выразил желание поговеть и исповедаться, тогда как до этого 16 лет не приобщался. В Оптиной он прожил около 2 месяцев и с сожалением расставался с ней. К батюшке до конца жизни питал благоговение и чтил его как святого.

Говоря о силе слова старца Амвросия, уместно сказать здесь несколько слов и вообще о его обращении с многочисленными и разнообразными посетителями, а кстати, и о его внешнем виде. Наружное обращение его с ними вполне соответствовало его внутреннему благодатному любвеобильному настроению души. Он всем желал добра и пользы душевной, но подавал каждому то и столько, что и сколько каждый мог вместить по своему душевному устроению.

Люди, которые не нуждались в его духовных советах, а должны были видеть его по какому-либо делу, все отзывались о нём: «Очень умный человек!» Старец мог говорить о всяком вопросе, поддерживал беседу столько времени, сколько требовало приличие, и расставался с такими посетителями. Тут он был очень выдержан, в высшей степени вежлив – и только, стараясь при том не выказывать тех внутренних сторон, до которых этим людям не было никакого дела. Зато с преданными ему людьми батюшка был совершенно другой. Он всегда оставался добрым и ласковым, но в такие отношения влагал самую искреннюю задушевность. Впрочем, и здесь, смотря по людям, было у него большое различие: с людьми высокородными в обращении он соблюдал крайнее приличие, с простыми же обращался попросту, называя нередко, как выше мы видели, кого дурой, кого дураком. Названиями же этими близкие к старцу лица не только не обижались, но даже принимали их как похвалу, временем растрогиваясь до слез, ибо сердца таковых ощущали, что они исходили из доброжелательного, любящего, благодатствованного сердца.

Стяжав от Господа дар прозорливости, старец не имел обыкновения прямо и резко обличать кого-либо перед людьми, но так искусно обличал, что обличение его, несмотря на присутствие множества народа, понятно было только одному тому, к кому оно относилось, и не грозою, а любовью умел батюшка вести людей к исправлению, вселяя в души их веру, что не всё потеряно, и можно, при Божией помощи, одолеть врага. До конца старец сохранил свою природную живость, которая была выражением разносторонности, доброты и заботливости его характера. Когда люди, знавшие батюшку, входили к нему со своими скорбями и невзгодами, душам их становилось вдруг легко и свободно. Всё как-то прояснялось и было невыразимо утешительно. Ничто не могло сравниться с тем счастьем, какое испытывали духовные дети старца Амвросия при свидании с ним после долгой разлуки. Это одни из тех минут, которые описать нельзя, а нужно пережить.

По виду батюшка отец Амвросий был благообразный старец, немного выше среднего роста и несколько от старости

сутуловат. Будучи смолоду очень красивым, как передавали о сём знавшие его в то время лично, он и в старости не потерял приятности в своем лице, несмотря на его бледность и худобу. На голове спереди имел небольшую лысину, которая, впрочем, нисколько его не безобразила и даже как будто шла к его лицу, а сзади несколько прядей коротких темно-русых с проседью волос; на лбу две-три морщины, которые при случае совершенно сглаживались; глаза светло-карие, живые, пронизательные, видящие душу насквозь; губы обыкновенные; борода довольно длинная, редкая, седая, в конце раздвоенная.

Батюшку нельзя себе представить без участливой улыбки, от которой вдруг становилось как-то весело и тепло, без заботливого взора, который говорил, что вот-вот он сейчас для вас придумает и скажет что-нибудь очень полезное, и без того оживления во всём – в движениях, в горящих глазах, – с которым он вас выслушивает и по которому вы хорошо понимаете, что в эту минуту он весь вами живет и что вы ему ближе, чем сами себе.

От живости батюшки выражение его лица постоянно менялось. То он с лаской глядел на вас, то смеялся с вами воодушевленным молодым смехом, то радостно сочувствовал, если вы были довольны, то тихо склонял голову, если вы рассказывали что-нибудь печальное, то на минуту погружался в размышление, когда вы хотели, чтоб он сказал вам, как поступить в каком-либо деле, то решительно принимался качать головой, когда отсоветовал какую-нибудь вещь, то разумно и подробно, глядя на вас, всё ли вы понимаете, начинал объяснять, как надо устроить ваше дело.

Иногда в лице батюшки являлось беспокойное выражение. Ему хотелось вам что-то сказать, но он не желал обнаружить, что знает это, и старался, чтоб вы сами спросили у него. Например, батюшка благословил вас начать какое-нибудь дело и ему хочется назвать полезного для этого дела человека, о котором вы ему не говорили, которого он не видал, не слышал, но о котором знает по своей прозорливости. «Ну а как же, – начинает батюшка, заботливо и немного беспокойно глядя на вас, – ведь тебе одному не управиться, тебе надо понятливого

человека». «Ах да, – вспоминаете вы, – я и забыл спросить; у меня есть в виду человек», – и вы в нескольких словах определяете этого человека. «Ну вот-вот, – подхватывает радостно батюшка, еще не дослушав, – его, его! Ты говоришь, он расторопный (а вы, может быть, еще и не успели этого сказать) – такого сюда и надо». Во время беседы на вас зорко глядят выразительные глаза батюшки. Вы чувствуете, что эти глаза видят всё, что в вас есть дурного и хорошего; и вас радует, что это так и что в вас не может быть для него тайны.

Иногда же это доброе, ласковое, приятное лицо старца Амвросия как-то особенно преображалось, озаряясь благодатным светом. И бывало так большей частью или во время, или после молитвы, преимущественно в утренние часы. Однажды старец с вечера назначил прийти к себе двум супругам, имевшим до него важное дело, в тот час утра, когда он не начинал еще приема. Они вошли к нему в келью. Старец сидел на постели в белом монашеском балахоне и в шапочке. В руках у него были четки. Лицо его преобразилось. Оно особенно как-то просветлело, и всё в келье его приняло вид какой-то торжественности. Пришедшие почувствовали трепет, и вместе с тем их охватило невыразимое счастье. Они не могли промолвить слова и долго стояли в забытии, созерцая лик старца. Вокруг было тихо, и батюшка молчал. Они подошли под благословение. Он безмолвно осенил их крестным знамением. Они еще раз окинули взором эту картину, чтоб навсегда сохранить ее в сердце. Старец всё с тем же преображенным ликом был погружен в созерцание. Так они и вышли от него, не сказав ему ни слова¹⁴⁷.

Подобный пример. Пришел, по обычаю, к старцу, в конце утреннего правила, его письмоводитель, вышеупомянутый скитский иеромонах отец Венедикт. Старец, отслушав правило, сел на свою кровать. Отец Венедикт подходит под благословение и, к великому своему удивлению, видит лицо старца светящимся. Но лишь только получил он благословение, как этот дивный свет скрылся. Спустя немного времени отец Венедикт опять подошел к старцу, когда тот уже находился в другой келье и занимался с народом, и по простоте своей

спросил: «Или вы, батюшка, видели какое видение?» Старец, не сказав ему ни слова, только слегка стукнул его по голове рукой. Знак особенного старческого благоволения!

Еще рассказ вышеупомянутого отца игумена Марка. «В бытность старца в Шамординской обители, – пишет он, – в одно время, именно на Страстной неделе, я, как готовившийся к причащению Божественных Таин, вхожу к нему в келью для исповеди, и, к изумлению моему, вижу на его лице полную сосредоточенность, глубокое внимание к чему-то им созерцаемому и трепетное благоговение. Лицо его при том было покрыто радостным румянцем. Увидев сие, я подался назад из кельи и только спустя некоторое время, опомнившись, вошел к старцу. Припоминая виденное, я и теперь прихожу в великое удивление».

А шамординские монахини рассказывают, что им и нередко приходилось видеть лицо старца прославленным неземной славой.

Каждый теперь из сказанного, в особенности из последних глав, ясно сможет видеть, что – как замечено было выше – какими духовными дарованиями ущедрил Господь наставников в жизни духовной и руководителей старца Амвросия – иеросхимонахов Льва и Макария, теми же дарованиями украшен был и старец Амвросий, именно – даром прозорливости, даром исцелений и высоким духовным рассуждением. Это троица великих Оптинских старцев единокровная и нераздельная (и погребены все вместе), дерзновенно, как мы веруем, предстоящая престолу Господню и молящаяся о чадах своих духовных и о всём мире.

Часть II

I. Старческое окормление иеросхимонахом Амвросием некоторых лиц

В первой части жизнеописания старца Амвросия имелось в виду, как замечено было в предисловии, показать, каков был этот старец, т.е. как и какой достиг он высоты жизни духовной. Теперь же, в сей второй части, хочется, по возможности, предварительно обрисовать его старческое духовное окормление лиц, предававших себя в полное ему послушание. И хотя немало представлено уже было примеров его прозорливости и молитвенной помощи людям в многоразличных их нуждах, душевных и телесных, но всё это были только частные случаи. В настоящий же раз представим примеры, как старец руководил, или располагал всею жизнью преданных ему лиц, как он тщательно вникал во все духовные их нужды, не упуская из внимания по видимому самые маловажные обстоятельства, нередко повторяя в таких случаях старинную мудрую поговорку: «От грошовой свечи Москва сгорела», давая этим разуметь, что всё великое, и доброе и злое, начинается всегда с малого и даже едва приметного. Как в иных случаях выказывал послушнику самую нежную отеческую любовь и снисходительность, в иных же случаях был строг и неумолим, так что искренно относившиеся к нему, питая к нему беззаветную любовь сыновнюю, в то же время чувствовали к нему глубокое уважение и страх. Как он обличал их с милостью, именно так, что среди большой толпы народа мог понимать обличение только один обличаемый; как иногда по своей прозорливости напоминал во время исповеди забвенные грехи, исцелял их телесные болезни, предварял ожидавшие их опасности, избавляя от них своими действенными к Богу молитвами, и прочее, и прочее. Задачу эту помогут нам разрешить устные рассказы о себе и собственноручные записки искренно относившихся в свое время к старцу Амвросию лиц из монахов, монахинь и мирских людей. Рассказы эти и приводятся здесь. Прибавим к сему, что этих рассказов немного – всего шесть. Но они достаточны для того, чтобы осветить

любопытным читателям тот путь «старчества», или духовного руководства, который введен в Оптиной пустыни старцем отцом Леонидом и которым затем вел старец Амвросий своих духовных чад, каковых – необходимо заметить – были у него тысячи.

ЗАПИСКА ОПТИНСКОГО ИЕРОМОНАХА ОТЦА МЕЛХИСЕДЕКА

В Оптину пустынь я прибыл в сентябре 1860 года. Перед приходом моим скончался старец отец Макарий, который жил в скиту. При мне и похоронили его. С самого поступления моего в обитель старцем и духовным отцом моим был отец Амвросий. Только лет за пять до кончины он передал меня другому духовнику отцу Анатолию, начальнику скита, продолжая оставаться моим старцем.

Через полгода по поступлении в обитель начал я, по действию врага, смущаться и задумал уйти из Оптиной пустыни. Прихожу к старцу Амвросию и объясняю ему свое смущение. Старец отвечает мне: «Необходимо читать книгу аввы Дорофея и знать ее, как солдат знает пункты военной службы. Без сего нет утверждения в духовной жизни, и монах не может жить правильно. Если уйдешь из монастыря и возвратишься опять, то цена тебе будет грош». Чаше я начал после этого ходить к батюшке для откровения помыслов, назидаясь его словами. Смущение продолжалось месяца два-три и затем окончательно прошло.

Как-то однажды он мне заметил: «Без поддержки, т.е. духовного руководства старца, в монастыре не проживешь. Ты вот про меня говорил другим: что бы я тебе ни говорил, другим не передавай. А если будешь поступать по-своему, то ко мне и не ходи». В начале моего поступления в Оптину как-то говорю я старцу, что у нас в обители не скоро дают постриг. На это он ответил мне: «Внутреннее нужно соблюдать, а о внешнем нечего беспокоиться».

В первый год по поступлении моем в обитель мне было назначено послушание помогать отцу И. разбирать книги в скитской библиотеке. Взял я там одну книгу, а отец И. вырвал ее у меня из рук, говоря, что книг нельзя читать без благословения

старца. Пошел я к старцу и рассказал ему свою скорбь. Старец отвечает: «Если не велел тебе отец И. читать взятую тобою книгу, то и не следует ее читать; читай творения святых отцов».

Батюшка строго запрещал хождение по кельям, а также и прием к себе братий без особенной и притом крайней нужды. На вопрос мой, что отвечать тем из братий, которые по легкомыслию своему будут смущаться таким моим поведением, старец сказал: «Отвечай таким, что отец архимандрит не велел тебе ходить по кельям».

Лет через двенадцать по поступлении моем в обитель я получил от родителя моего, священника села Лещанова Пензенской губернии, письмо о том, что он близок к смерти. Собрался было я ехать на родину. Прихожу к старцу, а он отвечает: «Сказано в Священном Писании: *предоставь мертвым погребать своих мертвецов* (Мф.8:22) – не ходи». Так я и остался.

Спрашиваю старца: отчего я испытываю иногда тоску смертельную? Старец отвечает: «Что делать? Запустил себя. Порядка нет во внешнем устройении образа жизни».

Говорю еще: «Что это, Батюшка, я очень непокоен?» Старец указал на причину сего в предшествовавшей жизни.

Еще однажды спрашиваю: «Отчего я, будучи поставлен на клирос, испытываю робость?» Старец отвечает: «От тщеславия».

Говорю еще: «Трудно мне к утрени вставать; как быть?» Старец отвечает: «Тягость бывает от недостатка ревности и страха Божия. Если не будешь ходить, то тебе будет стыдно и грешно. Если же когда по болезни не будешь у церковных служб, то об этом должен мне сказывать».

Чай пить с хлебом не благословлял. Также советовал всегда ходить в трапезу. Сказываю ему: «Батюшка! Утром мне есть хочется, как быть?» Батюшка отвечает: «Это растленная природа тянет. Оставь это, чай пить можно, но без хлеба и не более как по три чашки, а четвертую можно только по нездоровью». Раз я выпил как-то пять чашек чаю. Объясняю ему это. Старец гневно заметил: «Помни себя».

Говорю ему, что иногда опускаю пятисотницу¹⁴⁸. Старец отвечает: «Когда будешь умирать, горько жалеть об этом будешь; только тогда уже поздно». Сказываю ему, что поклоны земные при этом класть затрудняюсь. Старец отвечает на это: «Не можешь наклоняться в землю, клади поясные поклоны; если и поясных не можешь класть, твори молитву Иисусову устами. Святой пророк Давид сказал: *хвала Его во устех моих* (Пс.33:2). По немощи, по болезни это допускается».

Еще говорил: «Всякий за себя одного будет отвечать пред Богом».

Рассказ схимонахини Шамординской общины матери Параскевы.

Начало монашества я полагала в Белевском женском монастыре Тульской губернии, в который поступила в 1854 году, 15 лет от роду. Проживши в сём монастыре 17 лет, я всё это время чувствовала себя совершенно здоровой и никаких болезней не знала. Проходила я послушание клиросной. В течение первых шести лет духовным отцом моим и старцем был отец Макарий Оптинский. В 1860 году осенью приезжал он в последний раз к нам в монастырь, ибо все сёстры монастыря были его духовные дочери, в том числе и я. Приходит он ко мне в келью. Поставивши свой костыль в стороне, ложится на мою кровать и говорит мне: «Ты будешь больна и долго будешь лежать». Я заплакала и сказала ему: «Батюшка! На кого же вы меня оставите?» Отец Макарий отвечал: «Не скорби. После меня у тебя будет такой же старец и даже еще лучше меня». Когда батюшка уехал от нас, через три недели пришла весть о его кончине (7 сентября 1860 г.). По кончине старца Макария духовным моим отцом сделался отец Амвросий.

Теперь расскажу о том, почему именно старец отец Амвросий имел обо мне особенное попечение и оказывал покровительство мне недостойной. Родной матери своей я лишилась 14 лет от роду. Проводила моя мать жизнь благочестивую; особенно любила благотворить неимущим всякого рода, подавая обильную милостыню. У нас были большие денежные средства, и матушка моя пользовалась ими во славу Божию и во благо ближним. За неделю до кончины

явился ей Ангел Господень и сказал, что она скончается в первый день Святой Пасхи. Матушка всем нам объявила об этом извещении и начала со Страстной недели готовиться к переходу в вечность, будучи совершенно здоровой. Никто не верил, что она скончается, видя ее цветущее здоровье. В Великую Субботу матушка приобщилась Святых Таин. Вот настал первый день Святой Пасхи 1853 г. Придя от обедни, мы похристосовались и разговелись, а матушка не разговлялась и легла в передний угол под святые иконы. Собрались мы все, дети и родственники, вокруг нее. Она велела положить всем нам по три земных поклона о упокоении души ее, простилась с нами и с молитвой к Богу предала Ему свою душу, с радостным лицом, мирно, безболезненно. Такова была ее блаженная кончина. Множество нищей братии сопровождало ее гроб до церкви и оттуда до кладбища. Когда я в первый раз, по поступлении в Белевский монастырь, пришла к отцу Амвросию, будучи в то время совершенно здоровой, то заметила, что старец, вышедши из скита, стоит около угловой башни (что в правую сторону от его хибарки) и с кем-то разговаривает, хотя около него никого не было. Народу тогда было много, и все ожидали батюшку у ворот скита. Наконец батюшка ушел в хибарку. Я осталась дожидаться, чтобы получить от старца святое благословение на путь. Тогда старец меня еще не знал. Вдруг, вижу, выбегает из святых ворот келейник батюшки и спрашивает: где тут белевская монахиня такая-то, называя меня по имени. Я подошла к нему, и он повел меня в хибарку. Благословив меня, батюшка объявил мне, что сейчас явилась ему покойная моя матушка (а это было в два часа дня) и с нею он разговаривал около башни. Сказал при этом, в чём матушку похоронили, и все приметы ее, и что имя ее Хиония, что она просила его, чтобы он не оставил меня своим покровительством. Я сему весьма удивилась и возблагодарила Бога. С тех пор батюшка всегда оказывал мне свое покровительство до самой своей блаженной кончины, последовавшей в октябре 1891 г.

После предсказания отцом Макарием о имевшей постигнуть меня болезни я одиннадцать годов была здорова. Но вот

однажды я отправилась из монастыря для подачи милостыни в тюремный замок. Поднимаясь на гору, я почувствовала, что ноги мои точно подкосились, и я упала. В течении трех лет после сего я хотя и ходила, но с великим трудом. Через три же года, в Великом посту, однажды почти вдруг окончательно у меня отнялись не только ноги, но и руки. После этого я уже не владела ими в течение восьми лет, т.е. до 1882 года.

Однажды батюшка отец Амвросий присылает мне письмо и благословляет меня побывать в Оптиной. Это было в 1882 году. Привезли меня в Оптину и принесли к батюшке сестры на руках. Увидев меня плачущую, батюшка говорит: «О чём ты плачешь? Или о том, что тебя Бог посетил такой болезнью?» Отвечаю: «Плачу потому, что у меня руки и ноги не владеют, – не могу ни есть, ни пить». Батюшка говорит: «Ты не отчаивайся; Бог тебя не оставит. Ты долго будешь больная лежать». В это время, взяв обе мои руки, он начал гладить их от кисти до плеча, что продолжалось около двух часов. Посмотрел батюшка на часы и сказал: «Вот теперь четыре часа; несите ее на гостиницу». Когда меня принесли в келью на гостинице и поставили самовар, я вдруг свободно взяла чайную ложку, сама себе удивляясь. На другой день, после приобщения Св. Таин, я опять была у старца. Поздравив меня с принятием Святых Таин, батюшка опять в течение двух часов гладил мои руки, но вдруг, бросив их, сказал: «Тебя не только никакие доктора не вылечат, но даже и угодники Божии тебе не помогут. Тебе болезнь назначена от Бога. Но руками будешь владеть». После сего старец благословил меня и отпустил. В тот же день, по прибытии от батюшки, я получила полное владение обеими руками. Но болезнь ног осталась в том же положении и продолжается до настоящего времени. Ходить я не могу. После сего возвратилась я в Белев и прожила там два года. Замечу при этом, что в Белевском монастыре я терпела во всё время моей болезни, по неразумию некоторых, великие скорби. И только помощь Божия, за святые молитвы старца Амвросия, и расположение ко мне покойной матушки игумении Павлины, которая была жизни духовной, покрывали меня от злокозненного невидимого врага. Некоторые монахини духовной

жизни, имея разум духовный, также расположены были ко мне. Батюшка знал о моих скорбях и велел терпеть. Когда же я высказывала старцу, что некоторые считают меня как бы находящейся в прелести, он советовал не обращать на это никакого внимания и переносить всё терпеливо. Во время скорбей Господь посылал мне, за святые молитвы старца Амвросия, много благодатных утешений, о которых я всегда сообщала батюшке из опасения обмана со стороны врага. А иначе я не вынесла бы великих скорбей, воздвигнутых на меня врагом, и могла бы впасть в отчаяние. Но Господь меня охранил. Затем я вторично получила от старца Амвросия письмо, в котором он приглашал меня к себе. Приехала к нему. Приняв меня весьма ласково, он предложил мне поселиться в новоустроенной им Шамординской общине. Переезд мой в эту общину совершился в 1884 году. Живу я здесь уже тринадцать лет. В Шамордине старец построил мне новую прекрасную келью, в которой я пребываю до сих пор, благословляя Бога и молясь о упокоении души блаженного отца Амвросия.

Расскажу теперь об одном весьма замечательном случае, которому удивлялся даже и сам старец. Лежу я однажды в келье, ибо тогда уже не владела ногами. Было два часа дня, и в келье моей совершенно светло. Вижу ясно, входит в келью смерть (как описана она в видении преподобной Феодоры) в образе скелета человеческого, вся обвешанная пилочками, молоточками и разными другими орудиями и с косой за плечами. Подходит ко мне и наносит мне молотком удар по спинному хребту. Чувствую, что спина у меня онемела. В это время раздается голос: «Оставь ее! Ей еще нужно жить на земле». Но смерть опять занесла надо мною руку, чтобы нанести другой удар. В эту минуту снова раздается невидимый голос, запрещаая касаться меня. Смерть и еще заносит руку, для нанесения удара в третий раз. Слышу опять голос: «Оставь ее! Ей нужно жить; она еще неготова. Иди к монахине Глафире, – та совершенно готова для перехода в вечность». После этого смерть исчезла. Помню, что во всё это время я находилась в бодрственном состоянии, и до сих пор в памяти моей сохранились все подробности этого посещения меня смертью и

спасения от нее. Входит моя сокеleyница мать Агриппина, и я рассказываю ей всё происшедшее. На другой день мать Агриппина отправилась после утрени в монастырскую больницу, чтобы навестить лежавшую там больную монахиню Глафиру, и узнала, что она скончалась в 4 часа утра и ее уже опрятали и положили в гроб. Батюшка отец Амвросий нередко при случае напоминал мне это дивное посещение меня смертью, когда находился в Шамордине.

РАССКАЗ СХИМОНАХИНИ БОРИСОВСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПУСТЫНИ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ МАТЕРИ ЛЕОНИДЫ

Проживши в Борисовской пустыни около девяти лет, я с одной старицей того монастыря, схимонахиней Лаврентией, отправилась в Оптину пустынь. Старец отец Макарий был тогда еще жив; это было в 1857 году. Отец Макарий, преподав мне душеспасительные наставления и благословение, сказал, чтобы я читала книгу преподобного аввы Дорофея. Потом прибавил, что пришет ко мне отца Амвросия и книгу преподобного Дорофея. Вскоре батюшка Амвросий пришел ко мне на гостиницу. Старица монахиня Лаврентия в это время уезжала к родным, и я оставалась одна. Батюшка отец Амвросий произвел на меня с первого раза сильное и весьма приятное впечатление. Особенно назидательна была для меня его беседа о значении монашеской жизни, о богоугождении вообще. Отец Амвросий ходил ко мне почти неделю, назидая меня своими словами. Он как бы возродил меня в духовную жизнь. Между прочим он сказал мне, что по возвращении в монастырь моя жизнь изменится к лучшему, не говоря в духовном, но и в материальном отношении, что и сбылось на самом деле. После сего я не переставала вести с отцом Амвросием переписку. Отец Макарий благословил меня, первую из всех сестер Борисовского монастыря, поступить под духовное водительство отца Амвросия как старца. После меня и прочие сестры поступили под его руководство, особенно после кончины отца Макария. Во всех важнейших вопросах своей жизни я обращалась за советами к отцу Амвросию. Переписка эта не прерывалась до самой кончины старца в октябре 1891 года. Несколько раз я приезжала к нему и всегда выносила великую

духовную пользу из его мудрых бесед. Вскоре затем я занемогла какой-то неопределенной болезнью и пролежала в ней 21 год, не выходя из кельи. Болезнь эта тоже была предсказана батюшкой отцом Амвросием. Через 21 год я получила исцеление от сей болезни, по явленной мне милости от чудотворной иконы Божией Матери, именуемой «Козельщанской». Помню, что как только, по приезде на Козельщину и по входе в церковь, возложена была на меня сия святая икона, я в тоже время получила исцеление и укрепились ногами настолько, что могла уже дойти до гостиницы без помощи других. Возвратившись в свой монастырь, я была с приветливостью встречена сёстрами и матушкой игуменьей. Но вскоре постигла меня большая скорбь, по злобе вражьей. Восстала на меня одна из сестер и начала делать мне всяческие притеснения. Писала я об этом отцу Амвросию, но старец велел мне терпеть. Так продолжалось несколько лет. Упомянутая сестра особенно восставала против отца Амвросия, всячески его унижая перед сёстрами; но батюшка как при жизни своей отличался всегда милосердием и любовью ко всем, так и по смерти пребыл таким же. Спустя года два после его смерти монахиня эта заболела горловой скарлатиной. Болезнь усилилась, и доктора решили, что она должна помереть. Но вот батюшка является ей во сне и исцеляет ее. Об этом монахиня тогда же всем сёстрам подробно рассказывала, добавляя, что старец грозил ей жезлом за причиненные ею мне обиды. После этого видения и исцеления упомянутая монахиня прониклась уважением к старцу отцу Амвросию. Помню еще, что, когда я лежала в упомянутой продолжительной болезни, вдруг является мне в тонком сне отец Амвросий и говорит: «Держись, девка!» Подумала я, проснувшись, что батюшка предупреждает меня от какого-либо великого искушения, что и оправдалось впоследствии. Если меня это искушение не постигло, то только по святым молитвам отца Амвросия. Батюшка тогда еще был жив.

Побывавши в последний раз в Оптиной и у старца Амвросия и возвратившись в свою Борисовскую пустынь, монахиня Леонида заболела и вскоре писала в скит своему

родному брату, иеромонаху Иосифу, теперешнему скитоначальнику, что когда она жаловалась покойному старцу на свою долговременную болезнь, он сказал ей: «Мы с тобой в болезни еще не достигли 38 лет, подобно евангельскому расслабленному». Замечательно, что на 38-м году своей болезни схимонахиня Леонида скончалась.

II. Записанные слова отца Амвросия, старца Оптиной пустыни¹⁴⁹

Двадцатое августа 1879 года. При первой моей встрече со старцем отцом Амвросием он приветствовал меня словами: «А! воскресшая, иди, иди!» Потом рассказал притчу о жасмине, как у них один монах умел с ним обходиться. В ноябре он его совершенно обрезает и ставит в темном месте. Зато потом растение покрывается обильно листьями и цветами. Так и с человеком бывает: нужно прежде постоять в темноте и холоде, а потом уж будет и плода много. Вечером батюшка призвал меня к себе и приказал мне написать исповедь мою начиная с шестилетнего возраста. Не могу передать, как меня это смутило; и само объяснение для меня было ужасно неприятно, навело какую-то тяжесть и раздражение.

23 августа. Сего дня, слава Господу, исповедовалась у любвеобильного отца Амвросия. Тягота сошла; так стало хорошо и отраднo. Он велел мне соблюдать пост по средам и пятницам. Объяснил прекрасно, в чём состоит пост. На мои слова, не всё ли равно Богу – какая пища, он ответил: «Не пища имеет значение, а заповедь. Адам изгнан из рая не за объедение, а за вкушение только запрещенного. Почему и теперь в четверг или вторник можно есть что хочешь, и не наказываемся за это, а за среду и пятницу наказываемся, потому что не покоряемся заповеди. Особенно же важно тут то, что через послушание вырабатывается покорность. «Путь твой, – сказал мне старец, – странствие. Странница! Любишь Господа? А Он что делал? – странствовал. Ну и ты тоже за Ним странствуй». Когда же я ему сказала о моих малых средствах к жизни, он прибавил: «Ну на странствие достанет. Такой жизнью вырабатывается смирение, – будешь равно с уважением относиться ко всем, и высшим и низшим». На мое же замечание, что при странствии очень трудно держать пост, – ведь не везде готовят постное и это стесняет хозяев, – он сказал: «Попроси, чтоб тебе сварили кашицы, и довольно; а

если не захотят, то не оставайся там, чтобы не нарушить заповеди Божией».

25 августа. Когда я сказала батюшке о моих бедных родных, которым помогаю, и которые привыкли уже от меня ждать и получать, он сказал: «А если у тебя нечего дать, то так и скажи: нет у меня». На мое же замечание, что хотелось бы иметь побольше, чтобы могла раздавать, он воскликнул: «А гордость-то! – она тут и была. Знаешь, как богатому трудно войти в Царство Небесное». Когда я прочла ему свою исповедь с шестилетнего возраста, он хотя и любвеобильно разрешил, однако заметил: «Нужно за грехи понести наказание здесь на земле». К этому прибавил: «Многие говорят: зачем наказание? Господь милостив и разбойника покаявшегося простил и тотчас ввел с Собою в рай. Святые же толкуют иначе: разбойник нес уже наказание прежде, вися на кресте, да и потом ему перебили колени. Значит, смерть была мучительна. Вот он и понес наказание за свои грехи. Так и тебе в наказание накладываю епитимию по двенадцать поклонов в день, на целый год, за всю твою прошлую жизнь, чтоб там, в будущей жизни, уж больше тебя не наказывали». На счет Е., когда сказала, что мне хотелось бы ее воспитывать самой, ответил: «И не думай, не надо; люби ее, влияй на нее хорошо, и только». Рассказал про одну монахиню, у которой остались сироты. Она и взяла их воспитывать и так привязалась к ним, что меньше стала заботиться о своем спасении. «Любить надо, – говорил старец, – а привязываться страстно не надо. Заповедь повелевает чтить родителей и даже награду назначает за это. Но если ты, говорит Тот же Господь, любишь отца, или мать, или кого-либо больше Меня, то не достоин быть Моим учеником. Значит, только пристрастие не допускается, а не любовь».

20 мая 1880 года. Приехала я одна в другой раз в Оптину пустынь и на другой день пошла в скит к батюшке отцу Амвросию. Увидев меня, он воскликнул: «А! из Франции; ну как там идут дела?» Плохо, ответила я. Потом вызвал меня к себе в келью и на мою жалобу о жизни велел запираить комнату. Между прочим сказал: «У тебя много снисхождения, а мало терпения. Ничего, всё пройдет».

26 мая. Сего дня батюшка опять принял меня. Я говорила ему о своем раздражении и осуждении других. «Нужно смиряться, – сказал он, – раздражение и осуждение происходят от гордости». Нарисовал цепочку колечками и указал, что грехи, подобно цепочке, связываются один с другим и происходят один от другого. На мои слова, что хотелось бы пожить в уединении своею самостоятельной жизнью, он ответил: «Когда Лот жил в Содоме, был свят, а когда вышел в уединение, пал. Осуждать не нужно потому уже, что не знаешь чужой души. На себя больше смотри и, читая святые книги, к себе применяй и себя исправляй, а не других. А то будешь и много знать, да будешь, пожалуй, хуже других». Привел поразительный пример: «Разбойник тридцать лет разбойничал и, покайся, вошел в рай. А апостол Иуда находился всегда при Господе Учителе и под конец предал Его». Рассказывал еще несколько примеров из жизни людей современных. О каком-то графе Толстом, который был человек очень прямой и правдивый. «Умер он, – говорил батюшка, – и вот один монах (Досифей) увидел сон: стоит народ и ждет кого-то; и только что показался экипаж, все пали на колена. Монах же не хотел стать, но ему велели, потому что, как говорили, раб Божий проезжает. Он взглянул и увидел, что едет граф Толстой». Еще рассказал об одном помещике, промотавшем три имения: «Под конец жизни он пришел в монастырь и умер так, что дай Бог каждому из нас так умереть. Хотя и расточителен был покойный, но был и необыкновенно добр и прост душой. Вот и осуждай людей! Нужно иметь больше простоты». Даже привел еще в пример Д. В. П., который только что был у него, и сказал: «Какая у него простая душа! Значит, и в мире, и везде есть люди Божии». На мои слова, что хотелось бы иметь более средств к жизни, он сказал: «Не в богатстве дело, а в нас самих. Человеку сколько ни давай, не удовлетворишь его». Представил в пример одну богачку, бывшую тут в Оптиной пустыни: «Она была из бедных и вышла замуж за богатого, отец которому отделил при женитьбе большое состояние, а по духовному завещанию оставлял ему еще большую сумму. Жена осталась этим недовольна и стала подстрекать мужа, чтобы он заставил отца отдать ему при жизни

завещанное им после смерти его. А ведь прежде ничего не имела. Вот как неутомима жажда приобретения!»

27 мая. Слава Господу! Я сегодня опять исповедалась у батюшки отца Амвросия. Верно, он, батюшка, молился за меня грешную, почему я гораздо более мира душевного ощущала, о чём и сказала ему. Как он, однако, прозревает внутреннее наше состояние! Начал с того, как он себя теперь чувствует. А затем уже говорил мне: «Ревность у тебя не по разуму; оставь других! Иногда тебе кажется что-либо по наружности только, а душа каждого человека глубока; почему Господь двукратно запретил не только осуждать; но и судить». Я же ответила ему, что Господь же сказал: «Судите не по наружности, а судите судом праведным». Он пояснил эти слова так: «Суд праведный должен относиться к нам самим, а не к другим, и не по наружным деяниям должно себя судить, а по внутреннему состоянию или ощущению». Спросил меня о молитве, что я читаю; и когда узнал, что я больше молюсь своею молитвою, то заметил, что следует прочитывать и молитвы и акафисты, а иногда и псалмы. Но если есть внутренняя молитва, то следует тогда остановиться и молиться уже духом. Когда же нет такой молитвы, то читать молитвы. Коснувшись, во время исповеди непочитания родителей, я должна была сказать о возмущении моем против излишней и даже, как мне казалось, немного фальшивой снисходительности и угодливости моей матери относительно меня, чего я без возмущения не выношу. «Надо судить о человеке, – сказал старец, – по его характеру. У тебя характер более сильный, а у ней слабый, и она действует по-своему, как может. Ведь и ты сама, обличая других, действуешь неодинаково, и фальшивишь, когда слабому говоришь более настойчиво и резко, а более сильному и высокому более мягким тоном». Когда же коснулось об отплате злом за зло, то я заметила, что этого кажется во мне нет. «Будто бы?» – воскликнул он. – А одним суровым взглядом своим отплатишь иногда так, что не забудут долго его». Он так верно показал мне мою слабую сторону, что я невольно бросилась просить у него прощение. «А о тебе, – продолжал он, – разве все судят праведно? Хвалят иногда, не зная хорошо твоего внутреннего

состояния». На это я поспешила заметить, что именно горе мое, что меня больше хвалят, чем стою я. «Пусть хвалят, – сказал он, – ты на это не смотри, не отвечай и не спорь, а только сама сознавай в себе, стоишь ли ты похвалы или нет. Если будешь противоречить, то выйдет лицемерие, ведь тонкое чувство удовольствия от похвалы все-таки есть в тебе; да и те, которым ты будешь противоречить, не поверят тебе, поэтому, когда хвалят, не говори ничего, опусти глаза и молчи».

30 мая. На слова одной монахини, что ей нужно ехать, а то матушка игуменья будет сердиться, батюшка сказал: «Бога и своей совести нужно бояться, а не матушки игуменьи. Страх Божий есть начало очищения совести.» Заговорив со мною о моих малых средствах, советовал переменить процентные бумаги и жить капиталом. Когда же я возразила, надолго ли хватит такой маленький капитал, старец сказал: «А жизнь твоя разве долга? То-то и есть, – прибавил он. – И на жизнь в монастыре хватит, хоть в общежительном». Когда услышала намек на монастырскую жизнь, у меня сердце замерло. Никогда не собиралась я в монастырь, всегда чувствовала какое-то отвращение от монастырской жизни. Сделав мне какое-то возражение, он заметил: «Надо же этим кончить, будет тебе биться в мире.» «Какие же могу я, при своей слабости, нести монастырские подвиги?» – спросила я. «Главный подвиг в смирении заключается; телесных же подвигов, при слабости твоей, не будут налагать на тебя», – отвечал он. Но я все-таки заметила, что при жизни матери я никак не могу этого сделать.

2 июня. Вышедши в хибарку, батюшка посидел с нами и рассказывал разные притчи. Между прочим, сравнивал узкий путь к Царствию Небесному так: взял свою палку и показал, как на ней нельзя поставить двух ног рядом, а одну за другой только, и так лепиться и идти, не раздумывая да не спрашивая у других о посторонних вещах. Вообще поражение мое, в отношении монастырской жизни, тем более было для меня еще сильно, что перед этим я молила Господа и Царицу Небесную, чтоб они открыли мне через батюшку Свою небесную волю, и что я приму то, что он скажет. Но и после всего этого никак не могу смириться с монастырем.

3 июня. Сегодня батюшка принял меня и встретил словами: «Ну что, как надумалась?» Я рассказала ему, как меня это ужасно поразило, и какое имею отвращение к монастырю, а он все-таки настаивал, что мне нет другого места для жительства, и что давно бы следовало мне быть в монастыре. В мире же меня руководит одно тщеславие. Даже доступ мой в высшее общество попущен был мне промыслительно для того только, чтоб показать мне всю суету и пустоту его. Относительно же форм и обрядов монастырских, – они потому уж хороши, что обуздывают нашу непокорную природу и заставляют отречься от нашей воли. Велел обратиться с молитвой к Божией Матери и просить, чтоб Она Сама указала мне путь, какой избрать мне. Почему я и предалась совершенно в Ее святую волю.

4 июня. Всё утро сегодня враг сильно нападал на меня, возмущая даже против батюшки, так что под конец я пала перед иконой Божией Матери и слезно молила Ее защитить меня от врага Своим заступлением и указать мне путь, какой мне избрать. Пошла в скит, чтоб только получить общее благословение от батюшки, но была очень поражена внезапным его вызовом меня к себе. Я так и думала, что верно, он будет меня распекать, но он так милостиво стал ободрять меня, говоря, чтоб я всё обдумала прежде, что он меня не непременно посылает в монастырь, и что монашескую жизнь избирают для большего только совершенства, если кто пожелает. На мое же сознание, что и против него даже возмущаюсь, он сказал: «Это искушение от врага». Говорил еще, что всякому, по его усмотрению, – свой путь. Одна душа простая, ничего худого не видит, а другая напротив всё подмечает и видит. Про мать мою сказал: «Зачем мечтать о том, чего нет? Передай ей мое благословение и скажи, что терпением скорбей будет спасена». На мои слова, что стало жалко оставлять всех в мире, заметил: «Погоди, как приедешь домой, да станут рвать на куски, и сама рада будешь убежать из него. Читай, когда можешь, молитвы; а когда не можешь, то и пропусти, – молись, как молилась прежде». При прощании опять сказал, чтоб я пообстоятельнее подумала о жизни в монастыре,

что он меня не торопит, а что для совершенства нужно там быть.

2 июня 1881 года. Сегодня батюшка отец Амвросий поучительно объяснял слова Спасителя: «Когда ударят тебя в десную ланиту, подставь другую. Ведь обыкновенным порядком, когда ударяют в лицо, ударяют правой рукой в левую щеку, а не в десную. Но Господь хотел представить десною ланитою оскорбление, унижение, обиду за правое дело, в котором ты не виновата. Подставить же левую – значит: в то время, когда без вины оскорбляют, помяни перед Господом свои грехи, которыми ты оскорбляешь Его, и через это сознание смиришь и прими несправедливое поношение как уже должное».

3 июня. Вчера, при коротком моем посещении батюшки, он спросил меня, отчего я так похудела и изменилась. На мой же ответ, что я тяжело провела зиму, с больной моей любимой племянницей, которая тяжело была больна, он неожиданно поразил меня словами: «Ну, Царство ей Небесное!» Я стала было говорить, что теперь ей лучше, и что Царица Небесная ее чудом исцелила через икону Иверскую. Но он опять повторил: «Как! Разве и в Царство Небесное не хочешь ее пустить?» Слова его меня ужасно смутили, и скорбь страшная легла на сердце. Неужели, думала я, это предсказание о скорой кончине девочки? – Вечером же получила ужасное известие о внезапной кончине другой моей племянницы, Ж. П-ой.

4 июня. На другой день я пошла передать батюшке о полученном мною известии с просьбою отпустить меня домой. Но он наотрез отказал: «Оставайся тут: теперь уж дело кончено, и тебе нечего торопиться, – ведь не поможешь уж». Когда я рассказала подробно о чудном исцелении Е. от страшной ее болезни, он с укором спросил меня, отчего я не привезла ее к нему. Велел непременно привезти; говорил, что ей нужна исповедь; видно, что она благочестивая девочка, на которую все гадости институтские легли тяжело и требуют очищения. На мои же слова, когда ее привезти, не весной ли будущего года, ответил: «Ну хоть весной.»

Замечательно говорил, как должно принимать неблагодарность людей: «Если делаешь добро, то должно его

делать только лишь для Бога. Почему на неблагодарность людей и не должно обращать никакого внимания. Награду ожидай не здесь, а от Господа на небесах; а если ждешь здесь, то напрасно и лишение терпишь». Представил пример, бывший здесь в Оптине, во время еще отца архимандрита Моисея. Кто-то вложил большой вклад в здешнюю обитель, а по времени, остановившись в гостинице, потерпел невнимание к себе со стороны гостинного монаха. Оскорбившись очень этим, он пожаловался отцу Моисею, прибавив, что его, даже как вкладчика, не почтили. Отец Моисей ответил ему так: «Если вы сделали вклад ради того, чтобы вас здесь ублажали и чтили, а не ради Господа, то напрасно и беспокоились делать это; ибо чем можем воздать вам мы, бедные и грешные? Делая же для Господа, человек не должен искать благодарности и особенного внимания от тех, кого он ублажает». Этот рассказ для меня был очень поучителен.

Насчет осуждения и замечания чужих грехов и недостатков батюшка сказал: «Нужно иметь внимание к своей внутренней жизни, так чтобы не замечать того, что делается вокруг тебя. Тогда осуждать не будешь». Привел также в пример одного царедворца, который жил при царском дворе и окружен был всей мирской суетой, но так был внимателен к своей внутренней жизни, что ничего не замечал вокруг себя. «Так и нам надо жить. Обличать же других не всегда следует». Рассказал при этом эпизод из жизни Оптиных старцев: «Пришел какой-то к ним монах и начал рассказывать такое вранье, что он дал одному архиерею взятку в пять тысяч, а другому три тысячи. Старцы же, потупя взор в землю, спокойно молчали, чем выказали свое смирение и пристыдили болтуна. К неправде земной нужно относиться равнодушнее. Ведь апостол сказал, что мы ожидаем нового неба и новой земли, где правда обитает. Значит, на нашей земле не живет правда, почему и огорчаться очень не надо, когда видишь здесь на земле неправду.»

7 июня. Батюшка вышел и сидел в хибарке. Поздравил всех нас с праздником Всех святых и к этому сказал: «Все они были, как и мы, грешные люди, но покаяться и, принявшись за дело спасения, не оглядывались назад, как жена Лотова». На

мое же замечание: а мы-то всё смотрим назад, – сказал: «Зато и подгоняют нас розгами и бичом, т.е. скорбями да неприятностями, чтоб не оглядывались». Рассуждая о моей теперешней жизни, сказал: «Живи пока уж так, как живешь; только почаще запирай свою комнату.»

9 июня. Сегодня батюшка на исповеди говорил мне: «Положи себе за правило не говорить ничего ни матери, ни сестре, когда бываешь возмущена их несправедливостью. Отойди и, что бы мать ни говорила, молчи; возьми Евангелие и читай, хоть ничего не понимая в эту минуту. Положи делать всё только для Господа и делай, сколько можешь по силам. Возмущаешься же ты больше от того, что делаешь не по силам, – много берешь на себя, да и не справишься. Сил-то мало, а хочешь делать много; почему и приходишь в раздражение, что будто бы не ценят твоих трудов и жертв. А делай по силам ради Господа, да и не огорчайся, когда люди не оценивают. Помни, что ты ведь не ради них делала, а ради Бога; и награды жди от Господа, а не от людей».

10 июня. Сегодня, слава Господу, сподобилась приобщиться Святых Таин. Завтра еду; и вечером довольно уже поздно батюшка вызвал меня поговорить на прощание с ним. Он был ужасно утомлен и лежал навзничь, когда вошла я. На мой вопрос, зачем он так себя утомляет, ответил: «Что же делать? Все жилы и нервы мои так натянуты! Да к тому же еще лихорадочное ощущение, с болью в желудке, чувствую; а нельзя же оставить народ, – сама видишь, сколько его! Да это всё бы ничего, но меня огорчает то, что еще ропщут все-таки на меня. Ведь, кажется, сами уж видят, в каком я положении.» Я невольно заметила ему, что многие беспокоят его пустяками, и что вообще он более занят внешними делами. Даже, сказала я, и те личности, которые постоянно уже при нём находятся, как при святом старце, мало, по-моему, проникнуты духовной внутреннею жизнью. На вопрос его: кто они, я назвала двух. «А ты почему знаешь?» – спросил он. – «Да ведь чувствуется это, – отвечала я, – в одной больше суетности, а зависть-то общая; так что мы, хоть и грешные, но скорее душу положим за других, чем они. «А у них, может, есть такое тайное добро, которое

выкупает все другие в них недостатки, – ответил он мне, – и которого ты не видишь. В тебе же много способности к жертве, но Господь сказал: *Милости хочу, а не жертвы* (Мф.9:13). А милости-то у тебя и мало, почему и судишь всех без снисхождения; смотришь только на дурную сторону человека и не вглядываешься в хорошую: свои же жертвы видишь и превозносишься ими». На мои же слова, как хотелось бы мне пожить поближе к нему, старец так метко и вместе с тем любвеобильно направил укор прямо в сердце мне словами: «Нет, уж лучше подальше, а то станешь судить и старца, что не так делает, как кажется тебе». Вчера же на исповеди, принося покаяние в осуждении ближних, стала я просить у него прощения, что и на него иногда сетую. Он тоже так снисходительно с любовью и кротко ответил: «Ну, я прощаю, Бог с тобой!» Эти мне два замечания насквозь всю душу пронзили и заставили вполне понять, на каком гибельном пути стою я. Всегдашнее замечание только лишь дурных сторон человека означает погибель души. Опытom познала я теперь, что оно довело меня до постоянного раздражения на людей за их недостатки и что занята я была собою, как непонятой жертвой. Значит, кому же служу я? Уж конечно, никак не Богу. Подумать нужно глубоко об этом.

11 июня. Сегодня утром было последнее мое прощание с батюшкой, и обличение им меня было еще сильнее прежнего. Я так рада и благодарю Господа за это. Обличал меня и в лицемерии. Заповедал мне следовать милости и истине, т.е. милость оказывать другим, а истины требовать от себя, т.е. чтобы в себе судить всё по истине и правде, а других по милости. «Ведь ты лицемерка, – сказал он мне, – и лицемерие у тебя самое тонкое, так же как и самолюбие. Ведь ты так ловко всё узнаешь, так ловко заставляешь других высказываться и разоблачаться пред тобою, тогда как сама о себе ни гу-гу, никак не обличая своего затаенного. Простоты ведь тоже у тебя мало. Оставь других, а займись следить за собой. За другого ведь ты не отвечаешь, а только за себя». Говорил, что нужно серьезно начать работать над собою. Велел мне читать и проходить главы Святого Евангелия от Матфея 5, 6, 7 и 8. На мои же

слова, что я ближе была прежде к Господу, чем теперь, он ответил: «Знаешь, когда луч солнца проникает в комнату, то какая бездна пыли и паутины видна! Тогда как прежде, когда не было луча, воздух в комнате казался чистым». Насчет же того, как мне трудно быть без хорошего общества людей, более образованного, к которому я привыкла с малолетства, он сказал, что оно, т.е. так называемое хорошее общество, сделано было доступным тебе для того, чтоб ты познала всю суету его; а ты не так поняла, почему и гонишься за ним. «Но все-таки, – прибавил он, – если б ты оставалась, как прочие, без него, то еще бы хуже было. У тебя была бы такая зависть к людям и ропот, что и Боже сохрани!» Обличал серьезно, но любовь его так и проникала во всяком его слове. Видно, что она нисколько не умаляется от обличения грешника. Говорил еще, что Господь принес не мир земле, а меч, разделяя и отделяя в человеке дурное от хорошего. Так батюшка нынешний раз проник глубоко в сокровенные тайники души моей, что просто удивил. Непостижимая, однако, прозорливость у старца! Помоги ему и сохрани его Господь.

24 мая 1882 года. Вечером часов в 7 приехали мы с Е. в Оптину пустынь и очень были рады найти хорошенький, чистый номер в деревянной гостинице близ М. И. К-ой, которая во всё время нашего там пребывания была к нам очень добра и много этим облегчала мою заботу здесь о Е. Батюшку отца Амвросия увидели мы на другой день и получили его благословение. Он встретил нас словами: «А! Мудреные приехали». Обласкал Е. – он выходил в хибарку и, пока переодевался, дал Е. держать свой костыль. Потом принял нас отдельно и занялся с Е. тоже отдельно. Батюшка произвел на нее очень хорошее впечатление, чему я была очень рада. И вообще жизнь в Оптиной ей очень понравилась, и ехать скоро назад не хотела.

Вчера, 7 июня, только могла поговорить подробно с батюшкой о своих делах. Велел мне предаться совершенно воле Божией и ждать только от Него помощи, которую Он, когда нужно будет, и пошлет, как Ему угодно, а не по-человечески; почему велел продать билет выигрышный, говоря, что это – надежда человеческая, а не Божия. Также относительно

квартиры велел ждать, пока откроется вакансия там, где я ожидаю; впрочем, не стеснил, если можно будет, переехать и на другую, более удобную. Советовал мне жить капиталом, если очень недостает на жизнь из процентов; лишь бы не стеснять себя и не брать ничего сверх сил. Всё неприятное, по его словам, у меня происходит от того, что беру не по силам. Привел слова из Священного Писания, что «Господь велит давать благодушно столько, сколько можешь, и этот дар приемлет; а если хочешь иметь совершенство, то тогда отдай всё, да и ходи с рукой, прося милостыню, и не огорчайся уже тем, что не имеешь ничего и люди неблагодарны. Смиряться больше духом, – смирение и дела заменяет. Терпи все невзгоды и предавайся Господу». Насчет Е. велел не заботиться очень, а предоставить ее попечению Божией Матери, Которая, если взялась за нее, то и управит. Насчет проявления ее болезней, – считал это указанием ей на неусердное и рассеянное повеленное ей чтения акафиста и молитвы к Божией Матери. «Наставляй ее и направляй, – говорил он, – очень не тревожься и не заботься, а только напхни ей всякий раз, когда ей хуже будет, что, верно, она читала рассеянно и невнимательно». Вообще велел мне больше искать мира и спокойствия сердечного. Аферами положительно запретил заниматься: «К чему это? – говорил старец, – чтоб еще больше найти себе забот и уж окончательно лишиться мира душевного! Положись на Господа, и Он подаст и поможет там, где и не ожидаешь». Насчет же моего замечания о трате на прожитие капитала, что я его оставляю Е., он сказал: «Ну если что останется, то и ее будет». На замечание одной знакомой, при первой нашей встрече с батюшкой, что Е. еще в первый раз делает такое дальнейшее путешествие и что я ее привезла в телеге на почтовых, батюшка ответил: «Что же? Лучше начать телегой, потом повозкой, а кончить каретой, чем наоборот – начать каретой, а кончить телегой».

III. Из воспоминаний одной духовной дочери незабвенного Оптинского старца отца Амвросия

Этот рассказ особенно многосторонен и потому чрезвычайно интересен. Он, с одной стороны, показывает, как любвеобильный старец Амвросий, истинный раб Божий, по примеру Господа своего, *возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их (Ин.13:1)*, не переставая руководствовать их ко спасению до последнего своего вздоха. А с другой стороны, указывает нам и на то, как упорна бывает борьба ветхого человека, когда христианин начинает подклонять выю свою под иго Христово. Человек долгое время, так сказать, колеблется между жизнью и смертью: он и верит и в тоже время не верит, – в одном случае изъясняет полную веру старцу, а в другом выказывает совершенное безверие; просит у старца совета с искренним желанием послушаться его и в тоже время упорно желает исполнить свою волю; кажется, безмерно любит старца и в тоже время бежит от него, но, не обретая душевного покоя, опять спешит к старцу. Сознывая пользу откровения помыслов, желает упражняться в сём спасительном делании и в тоже время смущается и стесняется до невозможности высказываться или рассеивается до совершенного забвения своих помыслов. Такое колебание бывает более или менее со всеми вступившими на путь жизни духовной под руководство старца. Предлагаемый рассказ, скажем еще, приведет читателей и к перемещению старца Амвросия в Шамординскую женскую общину, а затем и к последним дням его. Вот сам рассказ.

КАК Я ПОПАЛА К БАТЮШКЕ

Не вы Меня избрали, а Я вас избрал (Ин.15:16). Эти Евангельские слова можно применить к нашему великому старцу, батюшке отцу Амвросию. Силою благодати Божией, обитавшей в нём так явно для искренно почитавших его, он привлекал к себе не только тех, которые обращались к нему во всех скорбях и нуждах, прослышав о его великих духовных дарованиях, но призывал к себе и тех, которые не думали и не

считали нужным и даже возможным обращаться к нему. Из числа последних была и я, грешная.

Мирская женщина, рано вышедшая замуж, я, кроме своей семейной жизни, ничего не знала. О монастырях, монахах и их старцах хотя и слыхала и видала их еще в детстве, но имела самое смутное и даже превратное понятие, которое мне было втолковано такими же, ничего не понимающими людьми, какой была и я сама. А узнавать что-либо подробнее о них не считала нужным; короче сказать, вовсе не думала о том.

При всей моей, согласной с мужем жизни, Господь часто посещал меня разными скорбями – то потерю детей, то болезнями.

Но во всю мою многолетнюю замужнюю жизнь ни разу мне не было так тяжело, безотраднo, как в 1884 году и последующие затем годы. Будто какая-то беспросветная туча, нагрянули на меня скорби со всех сторон и сразу расстроили всю мою семейную жизнь. Потеря, вследствие дерзкого обмана, материальных средств, собранных многолетним трудом покойного мужа, настолько повлияла на него, что он нажил болезнь, так часто случающуюся в наш век, – постепенный паралич мозга, и при этом грудную жабу. Невыразимы были и его, и мои страдания. Между прочим положение в свете, его служба, которую он вначале мог еще продолжать, и дочь, молодая девушка, требовали от меня, как мне казалось тогда, поддержки знакомств и светской жизни, что мне, при душевном моем расстройстве, нелегко было. К тому же еще немалую скорбь и заботу составляло нам с мужем предполагавшееся замужество дочери за избранника нашего родительского сердца, впрочем не без согласия на то и ее самой. Дело это, по видимому не без причины, тянулось и откладывалось с году на год. Занятия молодого человека требовали постоянного его присутствия на месте его жительства, обещая ему блестящую будущность, за которой он гнался, как за привидением, и тем затягивал себя и нас. Но больше всех страдало от этого мое материнское, любившее и самолюбивое сердце, заставлявшее меня безрассудно тянуть дело.

На всё же то была воля Божия. Не будь сего, не попала бы я к дорогому батюшке и никогда бы не знала и не увидала другой жизни, противоположной той, которую вела до той поры.

Раз (помню я, это было в начале зимы 1884 года, ровно за два года перед тем, как мне попасть к батюшке), вернувшись с большого бала перед самым утром, с пустотой в сердце и тяжестью в голове, как это всегда бывает при подобных развлечениях, почти не помолившись Богу, я бросилась, утомленная, в постель и тотчас же забылась. И вот вижу в легком сне: очутилась я в дремучем вековом лесу, в таком, какой мне приходилось видеть только в панорамах. Шла я одна по утоптанной дорожке, которая скоро привела меня к какому-то строению, и я очутилась перед небольшими святыми воротами с изображением по сторонам святых угодников. Ворота были отворены, и я вошла в прекрасный сад. Шла я прямо по усыпанной песком дорожке. С обеих сторон были цветы. Скоро дорожка эта привела меня к небольшой деревянной церкви. Вошла я по ступенькам на паперть. Железная, окрашенная зеленой краской дверь церкви была изнутри заперта. Когда я подошла к ней, кто-то отодвинул изнутри железный засов и отворил мне дверь. Я увидала перед собою высокого роста старца, с обнаженной головой, в мантии и епитрахили. Он крепко взял меня за правую руку, ввел в церковь, круто повернул направо к стене, поставил меня перед иконой Божией Матери (Феодоровской, как я впоследствии узнала), коротко и строго сказал: «Молись!» Я и во сне – помню – поражена была наружностью старца и спросила его: «Кто вы, батюшка?» Он мне ответил: «Я Оптинский старец Амвросий». И, оставив меня одну, он вышел в противоположную дверь церкви. Оставшись одна и помолившись перед иконой Царицы Небесной, перед которой меня поставил старец, я взглянула налево от себя и увидала гробницу, или плащаницу. (Действительно, тут и лежит плащаница круглый год, кроме Великого Пятка и Субботы). Я подошла к ней, помолилась, потом посмотрела назад на всю церковь. Это был чудный маленький храм, с розовой завесой на царских дверях, весь залитый как бы солнечным светом. И странно: я очутилась вдруг посреди него, в белой рубашке, с

распущенными волосами и босая – и так молилась и плакала, как никогда наяву. Вслед за тем я проснулась. Вся подушка моя была залита слезами. Станный, небывалый сон произвел на меня глубокое впечатление и заставил меня задуматься. Мысль же поехать или обратиться к старцу письменно не пришла мне тогда в голову. Но виденный мною сон не выходил и не изглаждался из моей памяти. С сего времени прошло еще два года телесных страданий мужа и моих душевных мук. Поездка его больного в столицу к знаменитым докторам, с тратой последних средств на лечение, не принесла ему никакой пользы, а лишь встревожила его. Решено было нами наконец не ездить больше.

Но вот Господь восхотел еще испытать до конца нас, для вразумления нашего. К нам в дом занесен был тиф через прислугу, и мы все перезаразились. Первый из семьи заболел тифом мой муж. Три недели могучий его организм боролся с грозившей ему смертью, но вынес. На 21-й день горячка оставила его, но сделалось осложнение. Неизвестно отчего, заболела его пораженная нога, в верхней части которой образовалась опухоль с острой болью по временам, особенно по ночам, которые больной проводил без сна, метаясь от боли из стороны в сторону. Притом нога всё больше пухла и рдела. От докторов, не понимавших болезни, не было помощи. Больной лежал и страдал невыразимо. Решили почему-то наложить бинт на всю ногу. Был приглашен для этого хирург. При осматривании ноги этот последний определил внутри ее нарыв и что нога полна гноя. Сделан был разрез на три вершка глубины и выпущена материя. Больной получил облегчение, но далеко не выздоровление. Через несколько дней начались опять те же страдания – нога опять пухла. Пришлось в другом месте сделать прокол. Потом опять и опять прокалывали несколько раз, и ранки, выделив материю, затягивались. Дошло до того, что невозможно было дальше делать прокола. Все ранки, несмотря на тщательный уход, загнаивались; нарастало как дикое мясо, и доктор сказал, что прокалывать больше невозможно. Больной лежал на спине три месяца кряду. Нога была как бревно. Нервы были так чувствительны, что

прикосновение белья причиняло ему боль. Не выносил он малейшего шума. В комнату входила только я одна, и то в чулках по ковру. Опухоль ноги шла всё выше и выше. Я не выдержала и опять послала за доктором. Но тот, осмотревши ногу, отнял у меня уже всякую надежду на выздоровление больного. Вот тут-то мысль обратиться к молитвам великого старца в первый раз пришла мне в голову, что я тогда немедленно и исполнила. А сделать это для меня было очень удобно. Я узнала, что одна моя родственница, духовная дочь старца, гостит в Оптиной. Я подробно описала ей состояние больного мужа, прося ее передать всё батюшке и попросить его святых молитв. Написала также: «Думаю, что ему покажется странно, что мирская женщина обращается к нему, монаху с этим». В таком случае просила ее передать ему мой сон про него. Через несколько дней после отосланного письма, переменяя положение ноги больного, я с ужасом увидала, что опухоль уже захватила низ живота. Притом страдания больного так были велики в ту минуту, что, не зная чем их облегчить, я вздумала почему-то вдруг сделать бинт и перевязать около паха ногу. Больной от сильной боли не чувствовал, как я своими слабыми неумелыми руками, насколько возможно, приподняла его ногу, и в несколько раз обернула бинт. Руки у меня тряслись. Туго сделать я боялась. И, конечно, мысль о бинте, пришедшая почему-то мне в голову, была только утешением для меня самой. Но вот не прошло и часу, как больной громко позвал меня, сказав: «Посмотри, что-то у меня все мокро кругом ноги». Открыв ногу, я увидала, что самая первая ранка, т.е. первый прорез, сделанный доктором за три месяца до этого, который настолько зарос, что и знака его почти не оставалось, открыт во всю его бывшую глубину, и из него бьет материя фонтаном. Трое суток шла материя непрерывно, после чего больной заметно стал поправляться в силах. Списавшись об этом со своей родственницей как можно было подробно, я, к моему крайнему поражению, узнала, что день и час открытия ранки на больной ноге мужа совпадали с часом прочтения моего письма старцу моею родственницею. Настала весна. Здоровье мужа моего настолько поправилось, что он мог выходить на воздух.

Господь посетил нас новой скорбью и заботою. Неожиданно приехал жених нашей дочери. Его приезд и обрадовал, и как-то испугал всех нас. Он объявил, что хочет покончить свою погоню за наживой и уже почти покончил с тем, чтобы, женившись поселиться вблизи нас в городе. У него были средства, но для семейного человека недостаточные, потому нужно было ему приискать службу, за что мы с мужем и взялись. Затем он уехал, чтобы, закончив все свои дела, через два месяца вернуться к нам совсем.

Оставшись с заботой после его отъезда, я в первый раз написала старцу сама. Не описывая дела подробно, так как боялась и ему открыть тайну, я назвала только имена дочери и ее жениха, прося его усердно помолиться за здоровье обоих. Очень скоро, сверх моего ожидания, я получила от батюшки такой же короткий ответ, как и мое письмо. О таких-то, писал он, помолюсь. «Но и ты молись сама, – это принесет пользу и им, и тебе. Многогрешный иеромонах Амвросий». Тут же мне вскоре передали, что старец, вышедши на общее благословение, сказал при всех: «Я получил письмо из г. N от г-жи (назвал мою фамилию). Чудачка! у ее дочери, должно быть, есть жених; а они это даже и от нас скрывают». Прошло условных два месяца, а о женихе моей дочери не было и слуху. Недоумевая и беспокоясь, я письменно спросила его, почему он не едет и молчит, и, хотя не скоро, – получила ответ; но какой? Не только я не узнала его в письме, даже и в почерке было изменение. Это просто было письмо или пьяного, или сумасшедшего. Оно разрушило все наши надежды, оставляя глубокую рану в сердцах наших. Я не хотела отвечать на его письмо, но меня к тому принудили мои. Бессодержателен, впрочем, был мой ответ тому, которого я уже считала как бы своим сыном, недоумевая, что с ним могло случиться. Душевные силы мне изменили на этот раз. Не зная, как справиться с собой, – тем более что предстояло скрывать свою скорбь от близких и чужих, – я придумала пойти пешком на богомолье к местному угоднику в надежде телесной усталостью убить душевную муку. Для меня, не привычной к ходьбе, путь был неблизкий. Вышла я с горничной из дома рано утром, к самому дню памяти святого.

Прошла верст пять. От непривычки ходить и от потрясенных горем нервов силы стали мне изменять. К вечеру разболелась у меня голова, руки и ноги, и я едва дотащилась до места. Сделался жар во всем теле, и отнялась правая рука со стороны больного виска, чего прежде со мною не было. Придя в монастырь, где находятся мощи угодника (под спудом), я упала на первый попавшийся камень, не имея сил двинуться дальше и очень раскаиваясь, что, не рассудивши о трудности пути и своих слабых силах, решилась на такое путешествие. Послала горничную поискать себе место в гостинице, но она скоро вернулась, сказав, что, за большим стечением народа, нет нигде свободного уголка. Пришлось идти в село, которое при самом монастыре, и там искать себе приюта. Там, в общем с другими богомольцами помещении, нашелся и для меня уголок: досталась мне одна голая скамья, да хозяйка из жалости ко мне, такой больной и слабой, дала мне свою подушку. От боли почти не сознавая себя, я как была одетая, так и бросилась на скамью. Но крик гуляющего на улице народа и шум приходящих к моей хозяйке гостей не давали мне покоя всю ночь. К тому еще невыразимая боль всего тела не давала мне возможности даже удобнее лечь.

К утру стих уличный крик, и я забылась легким сном, который меня перенес домой. Представилось мне, будто я в своей гостиной на диване. Но сон мой был так легкий, что боль во всем теле и во сне ощущалась. Вдруг будто двери комнаты отворились, и ко мне подошел старец монах. Протянув руки, он поднял меня, посадил и заботливо спросил: «Что у тебя болит?» Я, очень помню, ему ответила: «Руки и ноги, батюшка, а больше всего голова», – которую и положила ему на руки. Старец своими руками охватил мои больные руки и ноги, а по голове по больному месту три раза ударил. Тут я спросила кого-то, стоявшего за старцем: «Кто это?» И получила ответ: «Да это же старец Оптинской Амвросий». Вдруг голос моей хозяйки разбудил меня: «Уже пять часов, благовестят к обедне; пойдешь, барыня?» Я вскочила на ноги. Ни боли головы, ни боли в теле не ощущалось, – я была здорова, бодрая, вся как-то ожившая. Я перекрестилась и, сполоснув лицо холодной

водой, пошла в церковь; отстояла обедню, молебен с акафистом угоднику и уже собиралась идти подкрепиться чаем, чтобы потом пуститься в обратный путь. «Как? – говорит моя горничная. – Неужели мы, бывши здесь, не пойдем купаться в святом колодце угодника?» Я ей попробовала было сказать, что купальня от монастыря в четырех верстах, – туда и сюда будет восемь верст. А нам надо во что бы то ни стало к вечеру быть дома, так как муж мой, не совсем здоровый, станет тревожиться за меня. Но, вспомнив свое дивное исцеление старцем в эту ночь, пошла. Мы искупались. И так как на это потребовалось довольно времени, то я, почти не останавливаясь, зашла еще в церковь, приложилась к угоднику и, простившись с хозяйкой, отправилась в обратный путь, который и совершила так легко и бодро, что удивила всех своим ранним приходом. Вот тут уже я решила не смотреть ни на какие препятствия, а ехать в Оптину к старцу, батюшке отцу Амвросию, таким дивным образом призывавшему меня, грешную, к себе.

Мой проезд к старцу. Первая моя поездка в Оптину устроилась в первых числах июля 1886 года. Отправилась я с одной моей родственницей, которая известна была старцу и приехала к нам погостить, и с моей дочерью. Все мы втроем, как сейчас помню, приехали в пустынь утром довольно рано. Наскоро напившись чаю в номере, мы поспешили в скит. Отпущена была я мужем с дозволением пребыть в обители только один день. От волнения, усталости и разных впечатлений голова моя кружилась, и немудрено. Дорожка, ведущая в скит, оптинский лес, святые скитские ворота – всё было мною узнано, потому что всё было точно так, как мне представлялось в первом моем сновидении, и глубоко тронуло меня. В отворенные ворота скита я увидела тот самый храм, в котором была во сне.

Войдя в старцеву хибарку, мы застали там множество народа. Теснота, удушливый воздух и вообще вся обстановка по непривычке сильно повлияли на меня. Батюшка скоро позвал всех нас трех вместе – родственницу и меня с дочерью. Я почти шаталась, когда вошла к нему. Взглянув на старца, я сразу его узнала; только выражение лица его в это время было

иное, как представлялось во сне. Батюшка взглянул на меня строго и так испытующе, что я сразу смутилась и, испугавшись, остановилась на пороге. Мои подошли первые, как будто они ничего не заметили. Батюшка же сказал мне: «Долго собиралась, – чего медлила?» Я ничего ему не ответила, подошла, приняла благословение и стала перед ним на колени. Моя родственница начала было что-то говорить о себе, но батюшка, обратившись к моей дочери, спросил: «Ты имеешь что-нибудь сказать мне?» А та, сильно смутившись, только ответила: «Мать вам всё скажет.» Дочь моя с родственницей вышли, и я осталась со старцем наедине. Смутившись также не менее дочери, я растерялась и начала говорить с конца, забыв, что старец видит нас в первый раз и потому с нашими обстоятельствами должен быть не знаком. Я начала говорить о неприятном, поразившем меня письме жениха моей дочери, о непонятном для нас его поведении и о своем оскорбленном самолюбии. Батюшка, не дав мне договорить, сказал: «Зачем отвечала?» Я сослалась на то, что была вынуждена своими. «Ну, впрочем, – прибавил он, – твое письмо ничего не значит». В том и другом случае старец сказал правду, хотя я еще не успела высказать ему ни о своем ответе на письмо жениха моей дочери, ни о бессодержательности этого ответа. Всё это, оказалось, он знал по своей прозорливости. «Бог отвел его от твоей семьи, – продолжал говорить старец, – он не богомольный, не по твоей семье. Ведь он... (тут старец назвал его занятие), они все такие небогомольные. Если бы состоялся брак, он через четыре года бросил бы ее». На мое возражение, что он человек хороший, бывает в церкви и из хорошей семьи, батюшка сказал: «Был хорош, мог измениться. Ходит в церковь, а зачем? Это не кровь и плоть твоя, – чего ручаешься? Ты во всем виновата. Какая глупость была тянуть дело столько лет! (Батюшка и это знал без предварительного о сём объяснения). Бросить теперь же всё, не писать и не узнавать о нём!» – сказал старец строго. «Забудешь, – прибавил он мне еще в утешение, – всё пройдет. Нападет на тебя тоска, читай Евангелие. Ступай! Слышишь! – отнюдь не узнавать о нём!»

Я вышла от старца. В душе у меня всё перевернулось. Мне казалось, что он разрушил все мои надежды. Позвали мою дочь, но она скоро вышла от старца задумчивая. На мои к ней слова, что я так смутилась, что не могла ничего высказать батюшке, и она также мне ответила: «И я ничего не сказала о себе». Рассуждая так между собою и стоя спиной к дверям, мы не заметили, как вышел старец сам за нами. Ударив нас слегка палочкой по головам, он сказал: «Ну, этот мудреный народ насильно отсюда не прогонишь». Мы обе в один голос сказали: «Батюшка, мы обе ничего вам не высказали». «Ну, приходите в два часа», – заключил он.

Вышедши, помнится мне, из хибарки и севши на скамейку около скита, я горько, неутешно заплакала. Сердце мое разрывалось от разрушенной надежды. Мне казалось невозможным, что батюшка велел сделать. Дочь же моя была покойна и весела, – у нее как бы вся скорбь отлегла. Впоследствии она передала мне такие к ней старцевы слова: «Не говори матери, – твой жених пропадет совсем». Это и случилось на самом деле, и очень скоро, – его постигла ужасная участь. Кроме того, впоследствии оказалось за ним тридцать тысяч долгу.

Пришедши в два часа к старцу, я приготовилась немного кое-что сказать ему, но батюшка, несмотря на доклад келейника, не принимал меня. Я села на порожке подле иконы Божией Матери «Достойно есть» и решила ждать. Толпа опять нахлынула. Тут были монахини и мирские, давно и только что приехавшие. Всех брали, а я всё сидела. Батюшка не выходил для общего благословения и меня не брал. Я ждала, несмотря на усталость; мои же ходили, отдыхали и опять приходили. А я всё сидела. Голова моя туманилась от непривычной обстановки. Но вот в толпе я услышала, что приезжим можно у старца исповедоваться и не приобщаясь Святых Христовых Таин. Я попросила келейника передать старцу мое желание исповедаться у него и получила через него же ответ: «Хорошо». Опять осталась я ждать, но время проходило, а меня не звали. Я прождала ровно восемь часов кряду и батюшку не видала.

В 10 часов вечера нас позвали к батюшке в келью на общее благословение. Все кинулись туда. Я попала одна из первых, народом меня толкнуло прямо к старцу в ножки. По своему обыкновению, от усталости он лежал на койке. Узнав сейчас же меня, он пригнул мою голову к кожаной подушке, на которой лежал, и положил свою левую руку всю на меня. Локтем прижал мою голову к подушке и так стал благословлять весь народ. Я задышалась. При моей малейшей попытке приподняться батюшка еще крепче меня прижимал. Наконец, благословивши всех, он поднял голову мою, перекрестил меня и сказал: «Приходи завтра утром, а в 12 часов, пообедав, выедешь из пустыни». На другой день утром, когда я с дочерью вошла к старцу, он спросил: «Тут кто-то желал исповедаться!» Я изъявила свое желание, и моя дочь тоже. Батюшка оставил меня; на мое признание – «во всём грешна» – он спросил: «А лошадей крала?» Я ответила: «Нет». «Ну вот, видишь, и не во всём», – сказал старец, улыбнувшись. На мои слова, что совсем не умею исповедоваться, батюшка заметил: «От исповеди выходишь как святая».

Отпуская меня, старец строго повторил вчерашнее и еще добавил: «Видишь, у нас была одна такая тёща. Зять придет пьяный, а она его от дочки прячет, чтобы дочь пьяного мужа не видала и ее не укоряла. А еще одна, – продолжал батюшка, – привезла к нам дочку просить благословения на замужество. Сама в молодости была красива, а вышла за некрасивого; дочке же нашла жениха рослого и красивого. (Жених моей дочери был рослый и красивый.) А дочка ее, приехав ко мне, увидела монастырь да монашенок, с ними и осталась. У твоей дочери и еще жених будет, – продолжал говорить мне старец, – но опять ничего не выйдет – ей назначен не тот». Батюшка говорил мне прямо, не скрывая своей удивительной прозорливости ни в моем настоящем, ни в будущем. Не могла я в то время вдруг всего понять и вместить в себя: настоящее понимала смутно, будущее узналось впоследствии, – старец отпустил меня с тем, чтобы перед отъездом моим еще позвать.

Размышляя о всём, сказанном старцем, я решила, что у моей дочери, должно быть, будут два жениха, а выйдет она за

третьего. Но и этот помысел мой не скрылся от прозорливого старца. Когда я в последний раз вошла к нему с дочерью и родственницей проститься, он, указывая на дочь, сказал: «Ей назначен и не тот, и не то». Отпуская нас и указывая на мою родственницу, батюшка сказал: «Это первое отделение», на мою дочь – «второе». «А ты, – прибавил он, – третье. А знаешь, что делают в третьем отделении? Секут».

Отпуская нас, старец благословил иконочками и дал нам с дочерью книгу: «Царский путь Креста Господня». На мою просьбу его святых молитв сказал: «Буду молиться, – не проси». Но я добавила: «Если, батюшка, устроится всё по моему желанию, то я отдам вам свою волю», – сама, впрочем, не зная, что говорила. Батюшка улыбнулся и сказал: «Ну, с тобой-то мы еще успеем поговорить». Я попросила батюшку ради Бога, чтобы никто не знал того, о чём я с ним говорила, но он опять, улыбнувшись, сказал: «Твой секрет на весь свет». Мы поехали. Когда я была на пароме и случайно взглянула на часы, было 12. Тут вспомнились мне вчерашние слова старца: «Выедешь в 12 часов дня из пустыни».

IV. Старческое окормление (продолжение предыдущего рассказа)

Приехавши домой, сначала, под впечатлением всего виденного и слышанного, я была покойна духом, но потом чем дальше, тем труднее становилось мне. Страшная тоска напала на меня. Вспомнилось мне и предсказание старца о ней, и я взялась за чтение Евангелия, но от наплыва мыслей даже не понимала – что читала. Страх чего-то и кого-то напал на меня. В душе ощущалась борьба. Воображалось, что ради послушания старцу я добровольно разрушаю счастье дочери. Я разболелась душой. Днем ходила как потерянная. Ночью одолевали меня страшные сны. Один из них особенно смутил меня, потому что сбылся. Потерпев немного, я написала старцу, но не откровенно, а поверхностно. Ответа не имела. В октябре, на короткое время и одна, выпросилась я у мужа поехать в Оптину, на что он согласился, хотя не совсем охотно. Приехавши в обитель, я пошла к старцу. Вдруг стало мне стыдно, что я так скоро приехала опять. Вошедши к нему в келью, я сказала: «Батюшка! Вы меня не прогоните?» На что получила ответ: «Мы никого от себя не гоним». Он взял меня одну. И как только я осталась наедине со старцем, какой-то мир душевный, забывчивость и вместе лень напали на меня. Все мои скорби показались мне таким пустяком, что стыдно было утруждать батюшку откровением всего этого. Так я ему ровно почти ничего и не сказала и не объяснила толком ничего, что незадолго перед тем испытывала. Получила только на всё один ответ старца: «Ты его любила (жениха дочери), оттого и искушение».

Вечером вошла к нему проститься. Батюшка лежал. Народу почти не было, и он был свободен. Я попросила его, чтобы он отпустил меня домой. Он сказал: «Бог благословит, – поезжай». Я попросила его научить меня молиться. Батюшка сказал: «Молись так: Господи Иисусе Христе, помилуй нас троих и сотвори в нас троих святую волю Свою. Слышишь? – иначе не молись». Опять это мне было сильно не по сердцу. Я молилась и просила всегда у Господа, чего мне хотелось.

Вернувшись домой так, как потом – слыхала – говаривал сам батюшка – «с чем приехала, с тем и уехала», и не получив от старца ни утешения, ни наставления за невысказанное мною ему смущение, я стала вдвое больше тосковать. К тому же и страх чего-то стал нападать на меня вдвое больше.

Видя меня такой изменившейся и расстроенной, очень близкая ко мне особа одна, знавшая наши домашние дела, у которой моя дочь почти выросла на руках, стала меня смущать просьбой – разрешить ей хотя узнать (вопреки старцевой заповеди «не узнавать»), что случилось с женихом моей дочери. «Ну, положим, – говорила она, – вы уже считаете старца за святого и связаны его словом, а я-то при чём тут? Наконец, мне ваша дочь также близка, и я хочу знать, что с ним сделалось». Искушение для меня было слишком велико. Я поддалась, точно разум был отнят у меня, и сказала: «Ну, делайте как хотите». Скоро я почувствовала и упрек совести. Ведь могла же я удержать ее своим несогласием, и она бы меня послушалась. Наконец, не всё ли это было равно, кто бы из нас написал – она или я. Да и он хорошо это знал.

Наказание за непослушание старцу не замедлило последовать: ответ был получен. Письмо было полно отчаяния: писали, просили спасти от неминуемой ужасной смерти, для чего требовалась высылка порядочной суммы денег. Обращались с просьбой ко мне. Неопытная, доверчивая, не привыкшая к столкновению с разнородными людьми, я поверила, тронувшись безвыходным положением молодого человека. Но предварительно послала его письмо целиком к старцу, прося у него благословения помочь находившемуся в беде, с вопросом, впрочем, как поступить. Батюшка ответил мне телеграммой, значения которой я тогда не поняла. Спрашивать еще, мне показалось, будет долго; побоялась, как бы что не случилось с ним. Деньги наши – последние крохи были у нас на руках. Я спросила своих, послать ли; мои согласились. И я послала, не написав при этом почти ничего, в надежде, что сами догадаются уведомить меня в получении денег и выслать обеспечение в них. Но этого ничего не было. Мне почувствовался обман. Я поехала к старцу и, припав к нему, с

раскаянием сказала: «Простите, батюшка, я вам не поверила». С какой любовью и сожалением он обратился ко мне! – «Отчего же ты мне не поверила? Впрочем, это вам всем полезно – лучше будете разбирать людей».

Я осталась тогда около старца пожить некоторое время, чтобы отдохнуть от всех передрыг. Раз, я помню, меня позвали к нему утром. Но лишь только я стала на колени перед батюшкой, как он встал и ушел в свою спаленку. Я как стояла на коленях, так и осталась подле его постельки в раздумье – куда же это батюшка ушел. Старца долго не было. Наконец он вернулся и, подойдя ко мне, хлопнув меня по голове, сказал: «Монашкой будешь. Только не спеши». Какая-то радость и вместе испуг почувствовались мною от слов батюшки. Я не могла понять, как это может быть. Муж мой был жив, и еще дочь была на руках. «Я боюсь», – был мой глупый ответ старцу. «*Тамо убоюшася страха, идеже не бе страх*» (Пс.13:5), сказал он мне из Псалтири. Я же продолжала: «Я и так, как стала ездить к вам, чего-то стала бояться: на меня нападает страх молиться; в темную комнату боюсь войти, – кто-то пугает меня; книги мирской не могу читать, – всюду мне попадается против религии, и я вся смущаюсь; дала себе слово уж больше ничего не читать; прежде же я этого ничего не замечала и читала спокойно». «Это всё у тебя искушение, всё скоро пройдет, – сказал на слова мои батюшка, – читай три раза в день 90-й псалом: Живый в помощи Вышняго».

Еще раз, на общем благословении, монахини при мне стали задавать вопросы старцу относительно их монашеской жизни. Мне, ничего этого не понимавшей, всё показалось до того мелочным и глупым, что я подумала, возможно ли и как не совестно спрашивать о таких пустяках старца. Оставшись с ним одна, я высказала ему это. А батюшка мне ответил: «Не осуждай, из мелочей составляется крупное»; и добавил: «Сама такая же мелочная будешь и спрашивать станешь обо всём». Мне подумалось: «Ну, я до этого не дойду».

В этот раз батюшка оттягивал мой отъезд; оставил меня пожить подле себя. Мне он сказал: «Я буду тебя брать, когда придется и мне будет свободно, а ты сиди в хибарке, – моя

хибарка всему тебя научит, и терпению, и смирению». Правду сказал батюшка. В этой хибарке мне пришлось многое испытать, потерпеть и многому научиться.

Уезжая в этот раз от него, я сказала: «Батюшка! Я что-то привязалась к вам». Батюшка поднял ручку и погладил меня слегка по лбу. Я продолжала: «Только я боюсь избаловаться подле вас; дома мне очень трудно живется, а здесь хорошо». «Нет, – сказал батюшка, – ты подле меня не избалуешься».

Не скоро мне потом пришлось поехать к батюшке. Прошло месяца три слишком. У меня вдруг умерла мать, очень старая женщина. С нею случился удар, вследствие чего она стала немой. Впрочем, священник успел ее особоровать и приобщить Святых Христовых Таин. Меня смущала мысль, в полной ли она была при этом памяти. Схоронив ее, я тотчас же поехала к старцу. Меня к нему позвали. Не дав еще мне переступить порог кельи, батюшка спросил с беспокойством: «Что с тобой случилось?» Я сказала, что у меня умерла мать, завтра ей девятый день, и высказала при этом, что меня тревожило. «Она была в полной памяти, – утвердительно сказал старец, – иначе священник не приобщил бы ее». И напомнил мне одно обстоятельство, при смерти моей матери, ясно доказывавшее, что, умирая, она была в памяти; мною же это упущено было из виду. Тогда я совершенно успокоилась, удивляясь прозорливости старца.

Но чем дальше я оставалась при батюшке, тем более и более нападали на меня искушения. Сидя целый день в хибарке, я стала смущаться всем слышанным кругом. Разные глупые, непрошенные мысли стали осаждать меня. Высказать же их старцу казалось мне стыдно и невозможно, но от этого мне становилось всё труднее и труднее и всё мне сделалось в соблазн. Я мучилась и молчала. А прозорливый батюшка следил за мной и спустя несколько времени на общем благословении вдруг сказал мне: «Оставь свои дурные мысли, а то разболится у тебя голова». Он так поразил меня этим, что я сейчас же попросилась к нему и спросила: «Почему вы, батюшка, знаете, что у меня дурные мысли?» Он ласково улыбнулся и сказал: «Бог еще больше знает». Столько мне

давал отец мой, но я, бестолковая, не понимала и не верила ему и не знала, как мне поступить.

В этот же мой приезд батюшка обличил меня на общем благословении, и как? Вышел он, по обычаю, к нам в хибарку и сел на диванчик. Нас было не особенно много. Ближе всех к нему стояла на коленях одна пожилая и всеми уважаемая монахиня, давнишняя духовная дочь старца. Батюшка взял ее голову себе в колена и, ударяя ее по голове рукой, стал говорить, ни на кого не смотря: «Мать Е.! тебе трудно попасть в святые: ты ничему не веришь, ничего не видишь и ничего не понимаешь, – что для тебя ни делай». – «Батюшка, – сказала та удивленно и с огорчением, – Господь с вами! Что вы это говорите? Когда же я вам не верила?» Но батюшка, не слушая ее, продолжал, обращаясь к ней, обличать меня. Он тут высказал всё то, что было скрыто в моей душе. Я стояла как приговоренная, краснея и не зная куда деваться. Монахиня же пробовала оправдываться. После я слышала, она говорила: «Каково же мне батюшка сказал! Что он заставил меня потерпеть! И это потому, что ему нужно было обличить кого-то в толпе, а он обратил всё это на меня». При этом батюшка тут же еще сказал: «Смотрите, крепко беритесь и держитесь за мою мантию, чтобы не было так: раз одна ухватилась за старцеву мантию, он ее и понес через пропасть. Но когда она увидела и дочь свою ухватившуюся за нее, то стала отрывать ее, и обе оборвались и полетели в пропасть». Это сказано было тоже мне в предупреждение.

После всего этого пришло мне сильное желание высказывать старцу всё, но я не умела за то взяться. Попрошусь к нему, да то одно, то другое забуду. Обладая вообще хорошою памятью, я недоумевала, почему у старца я всё перебуду и не смогу ему сказать. Встретилась однажды в Оптиной с одной моей знакомой, очень говорливой особой, совету которой я никогда бы не последовала, считая себя, как мне казалось тогда, умнее ее. Разговорившись однажды с нею, я высказала ей, что всё нужное всегда забываю сказать старцу. На что услышала от нее такой ответ: «Да это и со всеми так бывает; надо записывать, что сказать, – враг крадет». Я ей не

поверила. Но когда я, в тот же день, пришла к старцу на общее благословение, он разглядел меня в толпе и, подозвав, серьезно сказал: «Подумай ты, кто был апостол Петр, а и тот послушался пения петуха и покаялся; а кто был петух, – птица». Ясно поняла я, что этим хотел сказать мне старец, т.е. что апостол Петр, услышав пение петуха, который напомнил ему грех отречения, покаялся, а я не хотела послушать человека, говорившего мне истину, гордилась против нее, не желая следовать ее совету. Отпуская народ, старец стукнул меня палочкой по голове и сказал: «А ты, дурак, записывай». С тех пор я стала записывать понемногу и неумеючи. Но тут родной батюшка учил меня с терпением и любовью, как надо записывать.

Скоро пришла мне мысль рассказать старцу всю свою жизнь и грехи с семилетнего возраста зараз. Пришедши к нему исповедаться, я высказала ему эту свою душевную потребность и с полной верой сказала: «Вы, батюшка, сами мне помогите; я многое забыла и не могу всего сказать». Началась страшная и до той поры непонятная и недоведомая мне исповедь. Всё забытое, недосказанное и непонятное мне говорил сам старец. Вся моя жизнь, моя душа были открыты перед ним, как открытая книга. Ему было всё известнее, чем мне самой. По мере вины и обстоятельств он или оправдывал, или обвинял меня. Тут он даже сказал мне один грех, которому, мне казалось, я и непричастна была. Огорчившись, я сказала ему: «Батюшка! В этом случае я даже и не думала ничего дурного; разве я к вам с обманом пришла!» «Нет, – сказал мне кротко батюшка, – не с обманом. Да ты не думай об этом, я так сказал, – забудь». Взглянув при этом на старца, я увидела батюшкины глазки. Они были открыты во всю их величину, полны необычайного огня и смотрели прямо мне в сердце. Я ушла, но мысль о сказанном мне старцем грехе не давала мне покоя. На другой день я опять попросилась к нему и сказала: «Батюшка, вы вчера смутили меня, я ничего не знаю за собой». «Я тебя не смутил, – ответил мне старец, – но хотел... – и, не договорив, повторил: Забудь». После того я строго стала следить за каждым своим поступком и мыслью. И вот скоро, ослепленные

до той поры, душевные мои очи открылись, и я увидела, что действительно не ведомый мною грех, о котором напомнил мне старец, был, в чём я и созналась перед ним.

Случилось со мною, помнится, еще большее искушение. Я готовилась к принятию Святых Таин Христовых. Исповедалась и осталась, по своему обыкновению, слушать бдение в хибарке у старца. Был канун какого-то праздника. Народу было много на нашей женской половине. Слушая службу рассеянно и предавшись разным мыслям о всём мною виденном и слышанном, я так вдруг всё растеряла, и так всё у меня перевернулось в голове, что на минуту всё забылось, что давал мне мой отец, и страшное сомнение в прозорливости старца, совсем уже ни на чём не основанное, вкралось на минуту в мою душу. Более меня опытный в духовной жизни понял бы и отогнал непрошеную мысль, я же перепугалась и стояла растерянно. Мысли больше и больше путались. Началось чтение кафизм. Вдруг, без предварительного уведомления келейника, показался на пороге старец, в беленьком балахонике, с накинутой на плечах короткой мантийкой, как молился. И вышел он теперь не так, как делывал всегда, – помолится сначала на икону «Достойно есть», или «Милующую» и пойдет благословлять. Нет. Он на пороге остановился, взглянув куда-то выше наших голов к печке, и стоял так с минуту. Глазки его были полны необыкновенного огня и грозны. Все мы вздрогнули, так как все до одной заметили это. Затем батюшка сошел с приступок и стал спокойно всех благословлять направо и налево. Дошедши до меня, он неожиданно сел на стул, за которым я стояла. Когда таким образом очутилась я подле старца и стала перед ним на колена, всё искушение от меня тотчас отлетело; глубокое раскаяние в моей непрошеной мысли охватило меня. Батюшка же приподнял свою палочку и, постучав ею крепко об пол, сказал: «Уж я прогоню эту черную галку», – и встал. Тогда я сказала: Батюшка! Возьмите меня на минутку, – я к завтраму готовлюсь». Но старец перекрестил меня большим крестом и ласково сказал: «Ну, нет не могу; завтра придешь».

Наутро, приобщившись Святых Христовых Таин, я пошла к батюшке с твердым намерением рассказать все смущавшие меня против него помыслы, несмотря на то что после всего, дарованного мне им, мне было перед ним стыдно и я не знала, как начать говорить. Старец сейчас же меня принял. Он лежал на своей постельке. Личико у него было такое светлое, веселое. Я подошла и, став на колени, сказала: «Простите меня, батюшка». Батюшка перекрестил меня и так скоро весело мне сказал: «Бог тебя простит». Мне почувствовалось на душе легко. Батюшка не спросил меня, в чём я была виновата, и ничего не дал мне сказать. Но, приласкав меня, крепко дернул за колокольчик, а вошедшему келейнику велел позвать приехавших издалека каких-то монахинь. Меня же оставил стоять подле себя и, положив головку на мою голову, говорил с ними, а потом всех нас отпустил. Я вышла радостная, недоумеваю только, почему я так легко отделалась. Батюшка до той поры всегда спрашивал, в чём я чувствовала себя виновною. А когда, бывало, скажешь: «Что вам говорить? Вы сами всё знаете», он ответит: «Я-то знаю, да ты-то говори». А тут батюшка прямо простил, и совесть моя успокоилась.

Прошло после этого дня три, и я уже всё забыла. Батюшка вышел днем на общее благословение и сел на диванчик во второй комнате. Не ожидая, что он сядет, я осталась назади. За множеством народа, не попала близко к старцу, стояла у притолки и смотрела на него. В толпе, однако ж, он нашел меня глазами и, улыбнувшись, стал рассказывать: «Был у меня знакомый протопоп. Пришел к нему однажды его духовный сын исповедаться и после исповеди согрешил – соблазнился и украл протопопову дорогую шапку с бобром. Пришедши же домой, пораздумал: как же я буду приобщаться? Пошел опять к своему духовному отцу и просил прощения, но не сказал, в чём согрешил. Протопоп тоже не спросил и отпустил ему грех. Когда же он ушел, тогда только протопоп спохватился, что обокраден, и шапки его нет». При этом батюшка прищурил глазки и пристально поглядел на меня. Я же сейчас поняла, в чём дело, попросилась к нему и рассказала всё чистосердечно. Он посмеялся этому и вторично всё мне простил.

Когда случалось долго не быть у батюшки, а потом, бывало, мы с дочерью приедем, он всегда встречал нас словами: «Ну, приехал к нам мудреный народ, теперь не разевай рот, – живо подхватит». Еще скажет, бывало: «Одна насесть, да не одна у нее весть». Это когда в душевном настроении случалась какая-нибудь перемена, – батюшка сейчас, бывало, заметит. Когда долго не берет и заскорбишь, он скажет: «Чтобы я принял, надо быть поблагодарнейнее». И сейчас увидишь, что в то время была рассеяна умом. Любил, чтобы во время церковных служб мы бывали в церкви, и говаривал: «Я богомольных скорее беру, а терпеливых уважаю».

Взяв меня на свои ручки и сказав: «Ты при мне не избалуешься», – батюшка постоянно следил за мной, ни одного моего помысла, ни одного движения души моей не пропускал без внимания. Раз тоже я долго гостила около него. Пришла к нему однажды днем довольно рано. Батюшка после обеда еще отдыхал. В хибарке почти никого не было. Я села в первой комнате. На диванчике сидела С., игуменья старушка, приехавшая издалека, да еще две монахини из разных монастырей. Начался между ними разговор касательно их монашеской жизни. Рассказывались разные случаи. Я участия, конечно, не принимала в нём и, ничего не понимая в монашеской жизни, только соблазнялась их рассказами. Осудивши их за это в душе, я решила лучше уйти от греха в другую комнату, где находится икона Божией Матери «Достойно есть» или «Милующая». В этой комнате я с самого своего приезда сживала. Удалившись сюда, я еще подумала: «Там в других комнатах нечего сидеть, – всегда налетишь на такие разговоры, которые тебя расстроят». Вдруг дверь отворилась, и на пороге показался батюшка. Строго окинув меня глазками, когда я поклонилась ему в ножки, он сказал: «Ты зачем здесь? Твое место там, – и указал на следующую комнатку. – Тут сидят только по моему благословию, а тебя я не благословлял». Я перепугалась и переконфузилась. Сказано было строго и при всех. Пришлось удалиться в следующую комнату, где с той поры я и сидела. А пришлось мне там посидеть долго. Батюшка меня не брал и, проходя, не обращал на меня никакого внимания. С

той поры редко даже благословлял; и как я к нему ни просилась, меня не звали. Не помню, собственно, сколько времени так продолжалось; но верно знаю, что довольно пришлось мне потерпеть. К тому же сидеть здесь было гораздо теснее и душнее, чем в первой комнате. А еще, сидя здесь почти целые дни и домогаясь как-нибудь попасть к старцу, я стала, что называется, всем глаза мозолить, всем казалась помехой. Видя мое утомленное грустное лицо, стали надо мной подсмеиваться. Меня осуждали в глаза, бесцеремонно замечая, что прежде старец часто меня брал, а теперь оставил; перетолковывали это по-своему. Одна так прямо даже сказала, что она видит по моему лицу, что у меня невысказанный старцу тяжелый грех на душе. Я всё крепилась, терпела, хотя частенько втихомолку горько плакала. Всё бы мне не так тяжело было переносить это, если бы, как мне казалось, не было полного оставления меня со стороны старца. Батюшка как будто не видел и не замечал меня. Только в это время, когда меня так оскорбила эта особа своим предположением о тяжком грехе моем, я попросилась к батюшке, он и позвал меня. Я ему сказала про оскорбление, но не хотела назвать сказавшую это. Думаю, уж пускай буду терпеть одна, а чтобы ей за меня досталось от батюшки – не надо. Так тяжело было у него быть под наказанием. Но батюшка мне прямо ответил: «Да это та, что гостит у М. К., да она глупа, а ты не разобрала это. Иди!» Опять родной батюшка холодно меня отпустил. Я всё ждала, что это пройдет. Больше и больше разбирала меня тоска, и я наконец решила уехать совсем и больше сюда никогда не возвращаться. Думаю себе: дольше живешь, к батюшке больше привязываешься, от своей мирской жизни отстаешь; а эта жизнь так тяжела, так она трудно мне дается; я ничего не понимаю; видно, я неспособна, не гожусь для духовной жизни, оттого батюшка меня и бросил. Но с другой стороны, привязанность моя к старцу была уже так велика, что я с отчаянием придумывала, как бы мне уехать так, чтобы батюшка не догадался, что я прощаюсь с ним навсегда, – так скрепиться, чтобы не расплакаться.

Я придумала через келейника передать батюшке, что меня зовут домой и я прошусь войти к нему проститься. Думала себе: войду на минутку, приму благословение в последний раз и больше не вернусь. Так жить больше невозможно. План мой созрел, и решение было твердое. Но от прозорливого старца не скрылось мое намерение. Вышедши к нам на общее благословение, он опять прошел мимо меня, не взглянув даже на мою сторону, но, возвращаясь назад, он торопливо вдруг выхватил меня из толпы, вложил мне в руку свою палочку и сказал: «Ну, ты-то иди вперед», – и сам повел меня, поставил перед иконою «Достоинно есть» и ласково сказал: «Обожди немного, ты мне нужна, я тебя сейчас позову».

Дав мне с минутку оправиться, старец позвал меня и, еще не предваренный о моем отъезде, сказал: «Ты едешь домой? Я тебя прошу, возьми с собой одну сиротку. Она невеста. Ей надо сделать приданое. Она никого не знает, к кому бы обратиться. Возьми это на себя, пожалуйста. Вот деньги. Закажи ей всё необходимое и пригляди, чтобы всё было сшито. Тогда приедешь, скажешь, что сделала». Я ничего не сказала батюшке об испытанном мною горе, так как не была еще настолько откровенна с ним. Да притом же оно у меня всё сейчас же и прошло. Ничем не мог меня старец так утешить, как поручить мне от себя дело – и такое святое. Поручение это, конечно, и было мною исполнено.

Не попускал мне старец долго смущаться и заочно вдали от него, разрешая мои недоумения. Несколько раз приходилось мне испытывать это. Однажды, помню, я очень скорбела. Много было у меня горя и недоумений, как поступить в затруднительном положении. Много раз писала я старцу, но он оставлял меня без ответа. И вот стал меня смущать помысел, что старец, не читая моих писем, бросает их. Не стоит, значит, и писать, сказала я себе. Но я, грешная, забыла в ту минуту, как старец раз при мне разбирал свою почту: брал в руки письма и, не распечатывая, одни бросал подле себя на пол и говорил: «Эти – требующие немедленного ответа»; а другие клал в сумку, приговаривая: «На эти можно подождать отвечать». Всё это старец знал, не читая еще писем. Но к делу. Стоило мне

только смутиться на старца, как пришлось скоро и раскаяться в том. Получаю из Оптиной от своей родственницы письмо. Она мне пишет: «Так давно не была я у батюшки. Так много накопилось на душе. И вот наконец попала. Батюшка позвал меня к себе. Войдя к нему и став на колени, я приняла от него благословение. Но только хотела говорить о себе, как он вынул какое-то предлинное письмо из-под подушки, на которой лежал, и стал его читать, совсем углубившись в него, забыв и про меня. Прочитав его от доски до доски, он сказал мне: «Получил письмо от (тут названо было мое имя), надо прочитать, что пишет». Хотя, – продолжает моя родственница, и самой мне очень нужно было заняться с батюшкой; но до того мне приятно было видеть любовь и внимание старца к тебе, что я не вытерпела и сажусь тебе это написать». Вот я и получила, хотя через постороннее лицо, ответ на мое неверие, что старец читает мои письма, и перестала на него обижаться.

Еще в одном обстоятельстве встретила я затруднение. Помоему надо было сделать так, а старец благословлял иначе. Помысел говорил мне – не послушаться. Но вот вижу я во сне старца. Будто нахожусь в Оптиной, в приемной его хибарке; стою перед ним на коленях. Он меня благословляет и говорит: «Я тебя и приласкаю, и проберу за непослушание». Я испугалась сна. Приехав потом к батюшке, я рассказала ему этот сон. А он и говорит мне, смеясь: «Ведь ты всё не слушаешься». Я ответила: «Нет, я буду слушаться». «Ну, – сказал батюшка, – будешь слушаться – и хорошо тебе будет». Так во сне батюшка удержал меня от непослушания.

Еще однажды заявила ко мне, от имени старца, одна молодая девушка, которой будто бы он благословил, до приискания места, пожить у меня. На мой вопрос, привезла ли она письменное доказательство от старца, она сказала: «Старец говорил одной монахине, знакомой вам, написать мне ваш адрес для удостоверения, но та почему-то объяснила его только на словах». При этом девушка сказала, что ушла к старцу тайком от родных из столицы. Видя ее такой юной, остриженной в скобку, без всякого багажа, кроме маленького саквояжа в руках, я сильно усомнилась, прислал ли ее ко мне батюшка (то

было время нигилистов), потому что вполне была уверена, что старец, не сказав мне предварительно, никого ко мне не присылал. Поэтому я, не отказав ей совсем, просила только обождать несколько дней, пока я могу устроить ее у себя. Сама же думала выгадать время, дабы письменно спросить о ней старца. Молодая же девушка поместилась пока у одной старушки на короткий срок. Но не прошло и дня, как она рано утром является ко мне совсем, говоря, что старушка держать ее не хочет. Был в это время какой-то большой праздник, и я собиралась идти в церковь, потому сама к ней не вышла, а велела через прислугу отказать, что меня нет дома. Она ушла. Но не прошло и десяти минут, как с почты получаю письмо от одной моей родственницы монахини. Она пишет: «Была я на днях в Оптиной. При мне батюшка послал к тебе молодую девочку-барышню. Занявшись с нею, он сказал ой: возьми адрес у В. Б. и ступай в Н. к такой-то (мое имя). Она тебя направит на путь истинный, т.е. схлопочет тебе местечко». Опять скорый ответ от родного батюшки на мое сомнение. Я тотчас же вместо церкви полетела за молодой девушкой, которую обидела в такой великий праздник, не приняв ее к себе в дом, и уже безотлагательно переместила ее к себе. А затем, видя перед собой, так сказать, только взрослого ребенка, я была в недоумении – какое же место благословил ей старец искать; потому, как только дела мне позволили, взяв ее с собою, повезла к старцу. Тотчас же по приезде мы вместе с нею позваны были старцем. Тут же находилась у него настоятельница Шамординской общины. Старец, благословив нас, спросил молодую девушку, где же она думает устроиться и как. А та ответила: «Возьмите меня, батюшка, к себе в обитель, прошу вас». «Что же ты думаешь там делать?» – спросил еще батюшка. «Всё, что заставят», – ответила она. – «В огороде землю копать будешь? Капусту рубить?» – «Буду всё, что заставят», – сказала она. Старец обернулся на мать настоятельница и сказал: «Ну, чем круче, тем лучше. Вот тебе мать, – сказал он девушке, – а вот тебе дочь», – сказал затем начальнице. Я стояла как громом пораженная. Такого исхода для нее я никак не ожидала и испугалась монастыря. Видя меня

такой смущенной, батюшка хлопнул меня по щеке; и так как я уже стала к девушке привязываться, то он сказал: «Ну, пусть она пока побудет с тобой несколько дней, а ты у меня погостишь». Я же, оставшись одна с старцем, об одном только просила его, чтобы по крайней мере девушка была в игуменском корпусе, сама не зная, почему этого желала. И старец исполнил мою просьбу. Таким образом я нашла девушке местечко, быв тут лично не при чём.

Благодетельствуя мне так много, по милости своей, старец за грехи мои, а главное, за невысказывание их, и наказывал меня.

Искушения меня не оставляли. Раз мне пришлось страшно согрешить помыслом против старца. Дело было так: батюшка позвал меня не одну, а с другой знакомой. Не помню, что тут было говорено. Но старец как-то странно, вздрогнув, взглянул на меня. Это было как раз перед тем, как смутиться мне каким-то помыслом против него. Я знаю, что на меня это налетело вдруг¹⁵⁰. Испугавшись этого искушения, я, выходя от батюшки, поклонилась ему в ноги и, мысленно каясь, поцеловала их, но высказать ему свой помысел мне показалось невозможно. Не прошло и дня, как я этим стала мучиться; и как не отгоняла от себя мысли, упрека совести отогнать не могла. Мучилась, а обратиться к старцу не хотела. Между тем время отъезда моего наставало. Два раза батюшка на общем благословении, взглянув на меня, тихо мне говорил: «Дурак! Скажи, что там у тебя?» Но мне точно кто зашил рот. Я мучилась и молчала. Уезжая, сказала я себе: «Приеду домой, напишу батюшке, – так будет лучше и удобнее», и, этим успокоив себя, уехала.

Приехав домой, я подробно написала батюшке обо всём со мною случившемся и просила у него прощения. Прошло после того недели две, совесть моя нисколько не успокаивалась, а всё мучительнее и беспокойнее становилось на душе. К моему утешению, совсем неожиданно представился мне случай побывать у старца. Собиралась я с родными на богомолье. А так как мы находились от Оптиной всего верстах в пятидесяти, то я, под разными предлогами, и склонила моих родных ехать к старцу. Сама же себе думаю: «Батюшка уже, конечно, получил

мое письмо, прочел его и всё знает. Мне уже ничего не надо объяснять ему. Выпрошу прощение, и только».

Одна из моих родственниц, ехавшая со мною, на грех – ни разу не была у старца и не веровала ему и еще на дороге поспорила с другой, что она старца ни о чём не будет спрашивать, а только посмотрит на него из любопытства. Приехав в Оптину, мы пошли к батюшке. Был вечер. Старец не позвал нас к себе в келью, а вышел сам на общее благословение. Взглянув на меня, он сказал: *«Аще поспите посреде предел, криле голубине посребрене, и междорамия ея в блещании злата (Пс.67:14).* Я стояла перед старцем испуганная, в сильном смущении. Не понимая значения слов псалма, я еще больше смущалась. Протолковывала я их себе так: всем кажусь я хорошей, как бы посеребренной, а внутренний мой человек ужасный. Потому я пришла совсем в отчаяние. Едва дождалась я утра, в надежде остаться со старцем одной, но не тут-то было. Пришедши к старцу, все мы сидели, ждали, но батюшка нас не брал. День был субботний. Старец и сам готовился к принятию Святых Христовых Таин, и других – готовившихся к служению, должен был исповедовать. Дожидались тут исповеди покойный архимандрит Исаакий и еще некоторые иеромонахи.

Во втором часу старец позвал нас к себе всех вместе и на нашу просьбу взять по одной сказал: «Не могу». Даже та, которая спорила, что ни о чём не будет старца спрашивать, горько плакала перед ним и просила принять ее одну, но батюшка отказал всем нам за недосугом. Остаться же нам еще на несколько времени в Оптиной было нельзя. Лошади уже наняты были обратно. Да и мы все уехали в Оптину потихоньку от своих мужей, – они этого не знали; и потому надо было уезжать. Я решилась спросить батюшку при всех о своем письме, получил ли и прочел ли он его. Батюшка мне ответил: «Нет, не читал». Но старец так мне это сказал, что я опять попросилась, ради Господа, взять меня одну, хоть на минутку. Батюшка глубоко взглянул на меня и сначала как бы колебался, но потом, махнув рукой, сказал: «Нет, не возьму». Я должна была ехать домой, не поговорив с батюшкой.

Большого для меня наказания не могло быть. В первый раз старец по приезде моем не принял меня одну.

Мы уехали в ночь. К счастью моему, дорогой мои все спали, и было темно, и потому я вволю наплакалась. Приехав домой, я еще написала батюшке. А через неделю под предлогом 7 Сентября¹⁵¹, скитского праздника, опять к нему приехала, удивив своим скорым приездом оптинских моих знакомых. Но и тут не сразу сказала я батюшке всю правду.

Сначала я выпросилась у него готовиться к причастию Святых Таин, затем, по обычаю, исповедалась, но и опять промолчала, отложив до вечера. Батюшка сам мне ничего не сказал. Но вечером, накануне причастия, после вечерни пошла уже я к нему с полным решением всё высказать. Войдя в хибарку, я тут встретила отца Иосифа и попросила его довести меня до старца. Батюшка Иосиф повел меня прямо к нему. Никогда старец не принимал меня так, как в этот раз. Он сидел на краю своей постельки, и, когда я вошла, он протянул ко мне свои ручки и так ласково-ласково, отечески принял меня. Когда же я бросилась к нему, он с беспокойством спросил меня: «Что с тобой?» Я сказала, что не буду приобщаться, не высказав всё, что со мной случилось. На мои слова батюшка сказал: «Ведь я же тебе, дураку, говорил несколько раз, – скажи, что у тебя там. Чего же ты не слушалась и молчала? Ведь ты замучаешься, если не будешь мне говорить всего». Тут он мне объяснил, как надо разбирать помыслы и на некоторые из них не обращать внимания. О словах же, сказанных мне из Псалтири и так меня смутивших, батюшка предварительно спросил меня, как я их поняла, а потом сам, вероятно желая меня утешить, своеобразно протолковал их мне так. Взяв меня тихонько за плечи, сказал: «Они значат, что когда у нас с тобой вырастут крылышки, тогда шейка у нас будет золотая, как у голубка». Так, утешив меня, батюшка отпустил. С какой радостью я на другой день приобщилась Святых Христовых Таин!

Отпуская меня в этот раз из Оптиной, батюшка подарил мне свой беленький халатик (балахон). Только приказал своему келейнику дать мне его из черного белья, самый грязный и самый рваный. Сам надел его на меня и, смотря на рваные

рукава, сказал смеясь: «Ну, ты их как-нибудь подшей себе». Он и теперь у меня хранится таким, каким я приняла его из рук старца, как святынька.

Между борющимися меня искушениями было еще одно. Стал нападать на меня в хибарке неодолимый сон. Приду к батюшке, сижу и сплю. Засплю и забуду, что сказать ему. Вообще же я от природы никогда не была сонливой. Приехав с дочерью к старцу на короткий срок, я пропустила первый раз. Когда он меня звал, не говорила с ним как следует и от усталости, и от искушения, – продремала у него. И записка была в кармане, но она была не вынута и не прочтена. Родной же батюшка в первый день меня звал, на другой, последний моего в Оптиной пребывания, не звал. А дочь моя дождалась и была отпущена совсем. К вечеру я стала волноваться: ну как если старец не позовет меня; и стала к нему проситься. В десятом часу вечера, уже перед отпуском всего народа, батюшка позвал меня, но не одну, а с дочерью. Когда я стала перед ним на колени, он обернулся ко мне и сказал: «Спите и почивайте, покойной вам ночи». Я испугалась: «Родной мой батюшка! Оставьте меня одну хотя на минутку, – я ничего вам не сказала». Батюшка оставил. В келье его горели лампадка и маленькая восковая свечка на столике. Читать мне по записке было темно и некогда. Я сказала что припомнила, и то спеша, а затем прибавила: «Батюшка! Что сказать вам еще? В чём покаяться? Забыла». Старец упрекнул меня в этом. Но вдруг он встал с постельки, на которой лежал. Сделав два шага, он очутился на середине своей кельи. Я невольно на коленях повернулась за ним. Старец выпрямился во весь свой рост, поднял головку и воздел руки свои кверху как бы в молитвенном положении. Мне представилось в это время, что стопы его отделились от пола. Я смотрела на освещенную его головку и на личико. Помню, что потолка в келье как будто не было, – он разошелся, а головка старца как бы ушла вверх. Это мне ясно представлялось. Через минуту батюшка наклонился надо мной, изумленной виденным, и, перекрестив меня, сказал следующие слова: «Помни – вот до чего может довести покаяние. Ступай!» Я вышла от него шатаясь и всю ночь горько проплакала о своем неразумии и нерадении. Утром

рано нам подали почтовых лошадей, и мы уехали. При жизни старца я не смела никому рассказать этого. Он мне раз навсегда запретил говорить о подобных случаях, сказав с угрозой: «А то лишишься моей помощи и благодати». Теперь же, после кончины старца, в прославление имени его записываю¹⁵².

Еще раз, помню, батюшка позвал на общее благословение всех нас, сколько было, к себе в келью. Народу было много. Это было днем перед обеденным отдыхом. Батюшка сидел на постельке прямо, спустивши ножки. Я попала к нему с боку и стояла за спинкой кровати, так что мне личико батюшки видно было сбоку. Батюшка говорил с кем-то в толпе и смотрел прямо на кого-то. Вдруг я вижу: из его глаз, на кого-то устремленных, вышли два луча как бы солнечных. Я замерла на месте. И всё время так было, пока старец смотрел на кого-то. Я тогда не осмелилась и ему самому высказать виденного мною, промолчала. Да! Он верно знал, кому что давал.

V. Чудесные случаи и изречения старца Амвросия

Дар исцеления у батюшки был великий. С детства я страдала страшными головными болями, доводившими меня до крайнего изнеможения. Начинались они у меня предварительно разными болезненными явлениями; потом мучительная боль сосредоточивалась в каком-нибудь виске и продолжалась у меня иногда до трех суток. Пришедши раз к старцу, едва живая от боли в виске, я тихо шепнула ему на общем благословении, что очень болит у меня висок. Он шибко стукнул меня по нему, и боль мгновенно прошла.

Еще одну весну много было больных свинкой. Я приехала к старцу готовиться. Это было Великим постом. Со мной приехала из Перемышля одна барыня, которая и заболела свинкой; несмотря на это, она все-таки ходила к старцу. От нее ли или сама по себе, и я заболела также. Опухоль охватила всю нижнюю часть лица и горла. Мучительная боль, жар и озноб сопровождали ее. Я пришла к старцу и показала ему свою опухшую челюсть. Батюшка пригнул мою голову себе в колени и правой ручкой благословлял народ, а левой крепко жал мне опухоль. Когда я поднялась с колен, болезнь моя вся прошла, ни боли, ни опухоли не было.

Был и еще со мной чудодейственный случай. Сильно толкнули меня в народе в грудь, в давно болевшее место, которое доктора велели мне всячески беречь от ушиба, так как я едва избавилась от начинавшегося в сём месте рака. Грудь от ушиба у меня очень разболелась, стала пухнуть и колоть. Я пришла к старцу и, не указывая на больное место, просто рассказала ему, что со мной случилось. Батюшка же, сам зная, что и где у меня болит, перекрестил мою больную грудь и сказал: «Зачем руки не держала вперед?» Это была правда. На мне был платок. Чтобы он не свалился, я перегнула руки назад, меня и толкнули. Вскоре болезнь моя прошла.

Еще помню замечательную прозорливость батюшки. Старец почему-то показался мне слаб, а я в этот день уезжала домой и беспокоилась; и когда он подошел к двери, я сзади потихоньку

перекрестила его. Вдруг батюшка обернулся ко мне лицом и пристально посмотрел на меня. А я уже опустила руку и стояла так, притворившись, как будто ничего не сделала.

В последующий затем мой приезд народу было очень много, и я боялась за слабость старца, потому и стала мысленно молиться так: «Господи Иисусе Христе, спаси старца моего иеросхимонаха Амвросия и святыми его молитвами помилуй меня грешную». Не знаю, сколько прошло времени в такой моей молитве. Но раз прибежала я к старцу на благословение поздно вечером. Народ почти уже весь разошелся. Батюшка вышел в хибарку на общее благословение и сел на диванчик. Я была подле него и мысленно повторяла свою молитву. Он, подав мне свои ножки, сказал: «Переобуй меня». И когда я, наклонившись, надевала ему на ноги носочки, он на ухо мне сказал, отвечая на мою мысль: *един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус (1Тим.2:5)*.

Много припоминается мне разных случаев, и не касавшихся меня¹⁵³, доказывающих прозорливость старца. Запишу самые выдающиеся.

Так он при мне исцелил ударом своей палочки одну каширскую молодую монахиню, страдавшую страшными судорогами ног и всего тела.

Одну приезжую барыню при мне толкнул народ. Она не удержалась на ногах; упала, ударившись об шкаф, и сильно вся разбилась. Когда ее привели к старцу, он стал ее шибко бить своею палочкой по спине. Она потом рассказывала, что даже оскорбилась за это на старца. Но, выйдя от батюшки, уже никакой боли не чувствовала от ушиба и тогда только поняла, что старец ее исцелил.

Приехал к старцу издалека один барин вдовец с двумя молоденькими дочерьми. Старшей было лет 20, а меньшей 17. Обе очень красивые девушки. Старец несколько раз звал их вместе, но всё внимание обращал на одну старшую и ей только давал советы; меньшую же только благословлял. Когда они перед отъездом прощались со старцем, он одарил иконками и книгами отца и старшую дочь, а меньшей ничего не дал. На вопрос об ней отца батюшка сказал: «Ей ничего не нужно.»

Расставаясь со старцем, девушка не вытерпела и с огорчением сказала ему: «Батюшка! Что же это вы сестре моей сделали подарочек на благословение и память о вас, а мне не дали ничего?» «Да тебе ничего и не нужно, – сказал старец, – разве вот это тебе дать». И батюшка на своем столике, который стоял у него подле кровати, разыскал какую-то длинненькую, узенькую и пустую коробочку (наподобие гробика) и подал ей. Так она и отправилась с этой пустой коробочкой. По дороге от Оптиной до Калуги она простудилась и занемогла. А приехав в Калугу и остановившись в гостинице Кулова, дня через три скончалась.

Еще раз я Петровками в Оптиной готовилась к причащению. Народу приезжего было очень много. Приехали при мне из Курска две госпожи. Одна была помещица, а другая городская. Эта последняя незадолго перед приездом овдовела. Осталась после мужа с шестью детьми и с большим каким-то делом на руках, о котором и приехала посоветоваться со старцем. Помещице батюшка почему-то велел остаться пожить в Оптиной, а ту вдову после неоднократного с нею занятия наедине отпустил домой, сказав ей, чтобы она предварительно съездила в Тихонову пустынь помолиться угоднику Божию преподобному Тихону. Помещицу же, как она ни просилась ехать вместе домой и к преподобному Тихону, батюшка не пускал. Я в то время сильно разболелась зубами и лежала у батюшки в хибарке на диване и потому была свидетельницей всего разговора старца с ними. Молодая вдовушка уехала, а помещица осталась, впрочем очень недовольная на старца за то, что он ее оставил. Прошло дня два, и я стала замечать за ней, что, как только старец выйдет к нам на благословение, ее начнет дергать и изнутри у ней выходят какие-то неопределенные звуки. Уйдет батюшка к себе, она сделается спокойной. К батюшке она не просилась, а когда он ее позовет через келейника, идет. Раз выходит она от него и держит в руках пузырек со святым маслом от мощей святого великомученика целителя Пантелеимона, из батюшкиной кельи. Вероятно, старец сам ей дал его, но она тотчас же стала отдавать его мне, упирая на то, что я больна, а ей это не нужно. Наконец она не

вытерпела. Дня через два, без благословения старца, наняла лошадей и тарантас и с какими-то двумя попутчиками собралась уезжать в Тихонову пустынь, а оттуда, должно быть, домой. Садясь в тарантас, она с одним попутчиком барином поссорилась за место, на котором ей хотелось сесть, и так в этом случае была настойчива, что тот, для прекращения дальнейшего спора, пересел на передок. Между тем это для него было счастьем. Как только они переехали на оптинском пароме речку Жиздру и стали на подмости, необъяснимым ни для кого из нас образом огромная тяжелая цепь, на которой укреплено было бревно парома, оборвалась, и поднявшееся бревно ударило прямо по голове проезжавшую в это время в тарантасе барыню так сильно, что она, вся обгаренная кровью и без всяких признаков жизни, привезена была обратно на гостиницу. Голова ее была проломлена. И хоть она оказалась живой, но без памяти. Жизнь ее была в опасности. Сейчас побежали сказать о случившемся старцу. Он прислал свой балахончик, которым и велел покрыть ее. Скоро она опомнилась. Батюшка разрешил наше недоумение, от чего могло оборваться бревно, сказав: «Много уж их (т.е. бесов) насело на него». Мы сами все, сколько нас ни было народу в монастыре, и монахи ходили смотреть на паром и на толстую оборванную цепь. Так барыне, добровольно не хотевшей послушаться старца остаться пожить подле него, пришлось это сделать и поневоле. Тут уже я уехала из пустыни и не знаю, сколько она прожила в ней. Через несколько месяцев мне пришлось разговориться с одним курским архимандритом, отец которого был священником в имении упомянутой помещицы. Он мне сказал, что она в свое время была ужасная крепостница и много тяжелых дел было у них в семье, отчего она сделалась как бесноватой. Дети ее бросили. Вот она и собралась к старцу за советом.

Помню еще, приехали к батюшке две сестры, одна замужняя, а другая молодая девушка. Старец вышел на общее благословение. Замужняя и спрашивает его, благословит ли он ей выдать сестру замуж в другую губернию, за полтора верст от них, – жених очень хороший человек. Батюшка взглянул на

невесту и спросил: «Голова у тебя болит»? Она ответила: «Да». «Левый бок болит?» – еще спросил старец. Та сказала: «Очень болит». Тогда, обратившись к замужней сестре, он сказал: «Как же отдавать замуж? Подождать год». Батюшка ушел, и я слышу, сестра ей говорит: «Да разве у тебя болит бок? Ты мне об этом никогда не говорила». Та тихо ответила: «Я скрывала».

Была я раз у старца весной, в самое половодье. При мне приехала к нему какая-то вдова лесопромышленника, продолжавшая и по смерти мужа заниматься его промыслом. Водой унесло у нее с берега неизвестно куда лесного материала на тысячу рублей. Она приехала спросить старца, что делать. Батюшка при мне, на общем благословении, сказал ей утвердительно: «Отправляйся в такое-то место – там найдешь твой лес; вернешь его на 500 рублей, а половина пропала». Она поклонилась батюшке в ножки и поспешила уехать.

В 15 верстах от Оптинского скита в лесу жил сторож лесной с женой и двумя маленькими детьми. Однажды летом, в послеобеденную пору, врывается при мне в хибарку сторожиха с криком и в слезах. Меньший сынок у нее пропал. Дело было так: жена отправилась за чем-то в город на лошади, а лесник в лес. Дети оставались одни. Старшей девочке было пять лет, а мальчику ребенку – год с чем-то. Он мог только ходить, но еще не говорил. Увидав отъезжавшую мать, ребенок с криком погнался за ней. Мать, понадеявшись на старшую девочку, что она его остановит, поехала не оглядываясь. Долго ей чудился крик сынишки. Приехав из города поздно вечером, несчастная мать и вернувшийся из лесу отец не нашли сынишку дома. В хате была одна девочка. Всю ночь они проходили с фонарем по всем лесным тропинкам, а также и утро, но поиски их были тщетны. Выбившись из сил и решив, что ребенок съеден волками, оба они через сутки пришли к старцу. На мать жалко было и взглянуть. Тотчас же они приняты были старцем, который немедленно послал их обоих отслужить молебен пред Казанской иконой Божией Матери, а после вновь отправиться на поиски. Молебен был отслужен, но после этого поиски их были уже не напрасны. Версты за четыре от своей сторожки они

нашли своего мальчика здоровым и веселым. Сидел он под кустом, и, несмотря на то что прошло более суток со времени его пропажи, не было заметно, чтобы он был голоден или плакал, а как будто спал. Всё это было при мне, и я сама всё это видела и слышала.

А еще один случай ужасно поразил меня. Старец летом в теплые дни, при большом стечении народа, имел обыкновение выходить наружу благословлять народ. Для этого отгорожено было жердями довольно просторное место от хибарки до колодца (вырытого по указанию и благословению старца, для утоления жажды посетителей из простонародья). С одной стороны этой огорожи мог проходить батюшка с келейниками, а с другой стоял народ. Батюшка благословлял всех по ряду или отвечал на вопросы посетителей. Недалеко от колодца стоял мужик с небольшим мальчиком лет четырех или пяти. Когда приближался к ним старец, крестьянин поднял с земли ребенка, чтобы самому и ребенку принять от него благословение. Но в это время раздался раздирающий душу крик мальчика. Он в страшных, не виданных мною до той поры судорогах изгибался на руках отца. Тело его всё перегибалось дугой. Несмотря на то что отец его был большой здоровый мужик, у него не хватило сил поднести ребенка к старцу на благословение. Батюшка остановился, строго взглянул на отца и сказал: «Чужое брал?» «Брал; грешил, батюшка», – был ответ. «Вот тебе и наказание», – сказал батюшка. С этими словами старец пошел от него, а несчастный мужик ни сам подойти, ни сына подвести под благословение не мог.

А уж и милостив был батюшка к кающимся грешникам. Раз приехала к нему одна особа, у которой был на душе грех юности. Но она очень боялась явиться на глаза святому старцу, а что-нибудь высказать ему не смела и подумать, но желала только удостоиться поглядеть на него и принять от него благословение. Когда позвали ее к батюшке в келью, он, взглянув на нее, ласково встретил ее следующими словами: «Сидор да Карп в Коломне проживают, а грех да беда с кем не бывает». Она залилась горькими слезами, бросилась к старцу в ноги и призналась в своем грехе.

Совсем противоположное было с другой особой, приехавшей со мною к старцу с таким же грехом, но не с целью покаяться в нём, а спросить, как ей устроиться. Батюшка ее не звал. Сначала она ждала и так смело просилась к старцу; потом стала всё смиреннее и смиреннее, батюшка всё не принимал, несмотря на просьбу не только келейников, но и всех нас. Она была моя знакомая, и как я ни просила старца помочь ей, он, не отказывая, а, напротив, выслушивая меня, все-таки не звал. Дошло до того, что она наплакалась вволю, а я измучилась из-за нее. Горе было, что старец не звал, и еще было горе, что это у всех на виду он ее не звал. Так родной батюшка довел ее до сознания своего греха и заставил стыдиться его. Тогда уже и взял ее на чистосердечное раскаяние и помог ей советом. Так святой старец помогал больным душам.

Из слов батюшкиных на общих благословениях много осталось у меня в памяти, а многое и забылось. Так, нередко говаривал он:

«Благое говорить – серебро рассыпать, а благоразумное молчание – золото».

«Лучше предвидеть и молчать, чем говорить и потом раскаиваться».

«Вот я как бы закидываю удочку о многих концах и крючках. На каждом из них – добыча. Умейте только брать».

«Отчего человек бывает плох? Оттого, что забывает, что над ним Бог».

«Кто мнит о себе, что имеет что, тот потеряет».

«Люди с фарисейской правдой Царствия Божия не наследят. Правда наша в сём случае выходит кривда». На вопрос из толпы слушавших: что это, батюшка, значит? – старец сказал: «Это те, которые напоказ молятся, творят милостыню». Лицо старца в это время было крайне серьезно.

Что несравненно легче изучить дело, нежели его исполнить, – говорил: «Теория – это придворная дама, а практика – как медведь в лесу».

«Научить человека жизни духовной очень трудно. Это всё равно, – продолжал старец в шутливом тоне, – что выучить

мужика сказать слово «секретарь». Он всё будет говорить «слекатарь». Ты говоришь ему: вот тебе рубль, скажи только «секретарь», а он выговаривает по-своему: «слекатарь». Ну, повторяй за мной: се. И тот говорит: се-кре-кре-тарь-тарь. Ну, говори теперь один раздельней: се-кре-тарь. Говорит неспеша: сле-ка-тарь».

Тут из толпы кто-то сказал: «Батюшка! Вы говорите часто притчами. Не знаешь, как понять». Старец отвечал: «Свет разделен на умных и дураков. Вот сошлись раз мудрый и дурак. Мудрый, подняв палец кверху, указал на небо, а потом показал на землю, подразумевая при сём, что Господь создал небо и землю. А стоявший тут дурак объяснил себе действия мудреца по-своему, будто он ими подавал дураку такой намек: вот я тебя возьму за волосы, вздерну вверх, да и брошу на землю. Тогда и дурак, в свою очередь, поднял палец, показал вверх, потом на землю и, наконец, провел еще рукой кругом, подразумевая при сём: а я тебя вздерну кверху, потом ударю оземь и оттаסקаю за волосы. Мудрец же его движения понял так: Творец создал небо и землю и всё окружающее»¹⁵⁴.

«У нас и дурное, да хорошо. У нас и немытое белье бывает белым».

«Неисполненное обещание всё равно что хорошее дерево без плода».

«Купить – всё равно что вошь убить, а продать – всё равно что блоху поймать».

Объясняя псаломские слова: *Горы высокия еленем, камень прибежище зайцем* (Пс.103:18), старец говорил: «Елени, т.е. олени, – это праведники на горах, т.е. высоко стоят. А зайцы – грешники. Им прибежище – камень. А камень – это Сам Христос, пришедший в мир призвать не праведников, но грешников к покаянию (Мф.9:13).

Еще, мне одной, сказал: «Праведных ведет в Царство Божие апостол Петр, а грешных Сама Царица Небесная»¹⁵⁵.

Что каждый человек причиной своих скорбей бывает сам, об этом старец нередко повторял поговорку: «Всякий сам кузнец своей судьбы».

«Напрошенный крест трудно нести, а лучше в простоте сердца предаваться воле Божией. *И верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил (1Кор.10:13). Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает. Если же остаетесь без наказания... то вы незаконные дети, а не сыны (Евр.12:6,8).* – И прибавлял: – В одном месте молились о дожде, а в другом – чтобы не было дождя; вышло же, что Бог хотел».

Одна в старости очень боялась поступить в монастырь и всё говорила: не могу исполнить правил монашеских. Батюшка ответил на это рассказом: «Один купец всё также говорил: то не могу, другое не могу. Ехал он раз по Сибири ночью, закутанный в двух шубах. Вдруг увидел вдали свет, – точно огоньки мелькали. Стал всматриваться и заметил, что это стая волков приближалась к нему. Спасения ждать было неоткуда. Он выскочил из саней и в одну минуту влез на близ стоявшее дерево, забыв свою старость и слабость. А после рассказывал, что раньше того он от роду не бывал ни на одном дереве¹⁵⁶. Вот тебе и «не могу», – добавил старец.

Любил батюшка повторять псаломские слова: *«Мир мног любящим закон Твой, и несть им соблазна» (Пс.118:165).*

На жалобы сестер, что досаждают им, укоряют или даже бранят, батюшка обыкновенно отвечал: «Благословляющие уста не имут досаждения». Любя сам простоту, говорил еще: «Где просто, там Ангелов со сто; а где мудрено, там ни одного».

Одной, бывшей при каком-то видном послушании монахине, когда она пожаловалась старцу, что ее бранят, он сказал: «Кто нас корит, тот нам дарит; а кто хвалит, тот у нас крадет».

Еще другой, знакомой мне монахине, жаловавшейся на скорби, отвечал: «Если солнце всегда будет светить, то в поле всё повянет; потому нужен бывает дождь. Если всё будет дождить, то всё попреет; потому нужен ветер, чтобы продувал. А если ветра недостаточно, то нужна бывает и буря, чтобы всё пронесло. Человеку всё это в свое время бывает полезно, потому что он изменчив». И добавил ей же: «Когда кашу заварим, тогда увидим, что творим». Тогда ни она, ни я грешная

не поняли слов старца. А ей это было предсказанием и замечательно исполнилось.

Одной начальнице монастыря на ее слова, что народ, поступающий в обитель, разный, трудно с ним, батюшка сказал: «Мрамор и металл – всё пойдет». Потом, помолчав, продолжал: «Век медный, рог железный кому рога не сотрет. В Священном Писании сказано: *роги грешных сломя, и вознесется рог праведного* (Пс.74:11). У грешных два рога, а у праведного один, – это смирение»¹⁵⁷.

Еще старец ей же говорил: «Оборвешь лычко, потеряешь ремешок. Покойный государь Петр Великий любил петь на клиросе. Был при нём один диакон с хорошим голосом, но такой застенчивый и так боялся царя, что государь всегда понуждал его петь. Потом уже диакон так привык, что своим голосом покрывал голоса всех певцов и даже голос самого государя. Тогда Петр Великий стал дергать его за рукав, чтобы остановить, но не тут-то было. Государь дергает, а тот пуще орет».

Тут же батюшка рассказал еще о себе: «Когда я был маленький, очень любил стегать одну лошадку в конюшне у отца. Она была смиренная. Но мать моя предостерегала меня: оставь! – А я всё не слушался; подползу к ней и всё ее стегаю. Она же всё терпела, да как вдруг ударит меня задней ногой, так и вырвала у меня кожу на голове; и до сих пор знак есть». При сём батюшка показал на свою голову. Кому это говорилось, тот и понимал.

На вопрос кого-то из толпы, сколько раз надо есть в день, батюшка ответил примером: «Спасался в пустыни один старец, и пришла ему в голову мысль: сколько раз надо есть в день? Встретил он однажды мальчика и спрашивает его о сём, как он думает. Мальчик ответил: «Ну, захочется есть, поешь». «А если еще захочется?» – спросил старец. «Ну так еще поешь», – сказал мальчик. «А если еще захочется?» – спросил старец в третий раз. «Да разве ты осел?» – спросил, в свою очередь, старца мальчик. Стало быть, – добавил батюшка, – надо есть в день два раза».

Приехала как-то издалека к старцу одна барыня у которой дочь жила в монастыре. Это была очень светская особа, ростом

большая и очень полная. В первый раз она видела перед собою старца. На общем благословении, посмотрев на его слабые, маленькие и худенькие ручки, она сказала: «Ну что может сделать эта ручка?» Старец ответил ей на это следующим рассказом: «У моего отца был старый дом, в котором мы жили. Половицы в нём от ветхости качались. В углу залы стояла этажерка. На самой верхней полке ее стоял тоненький, легкий, пустой стеклянный графин, а на нижней – толстый глиняный кувшин. Вот мы, будучи детьми, однажды расшалились и неосторожно ступили на половицу, на которой стояла этажерка. Она качнулась, и тоненький графин слетел сверху; сам остался невредим, хотя был на полу, а толстому кувшину отшиб ручку. Мы тогда этому очень удивлялись».

Меня он по временам встречал псаломскими словами: *Терпя, потерпех Господа, и внят ми, и услыша молитву мою. И возведе мя от рова страстей, и от брения тины, и постави на камени нозе мои, и исправи стопы моя (Пс.39:2–3),* и прочее.

Говорил мне также: «Ум хорошо, два лучше, а три хоть брось».

На мое имя в рифму говаривал часто: «Сама не юли и другим не вели».

На тщеславие: «Не хвались горох, что ты лучше бобов; размокнешь, сам лопнешь».

На рассказ одной, что она избежала какой-то опасности, а то могло бы случиться то и то, батюшка, смеясь, сказал: «Две женщины жили в одной избе. Вдруг как-то с печки упало полено. В испуге одна баба и говорит другой: «Хорошо, что моя дочь не замужем, да нет у нее сына Иванушки, да не сидел он тут, а то бы полено разбило ему голову».

Раз мы уж очень истомились в хибарке в ожидании от старца общего благословения. Когда же вошли к нему, он сказал: «Томлю томящего мя. Истома хуже смерти».

Еще говорил: «В скорбях помолишься Богу, и отойдут; а болезнь и палкой не отгонишь».

На мои слова о молодежи, что вести их трудно, батюшка сказал: «Не беда, что во ржи лебеда; а вот беды, когда в поле

ни ржи, ни лебеды». Прибавил еще: «Сеешь рожь, растет лебеда; сеешь лебеду, растет рожь. *Терпением вашим спасайте души ваши* (Лк.21:19). *Претерпевший же до конца спасется* (Мф.10:22). А ты терпи от всех, всё терпи и от детей терпи.

Раз, помню, мне было уже очень трудно с больным моим мужем, так как он был ненормальный, и потому все дела по хозяйству были на мне. Пришло даже мне желание умереть, но старцу я об этом не говорила. Батюшка вышел на общее благословение и, взглянув на меня, сказал: «Один старец говорил, что не боится смерти. Неся однажды из лесу охапку дров, он очень изнемог. Сел для отдыха и в скорби проговорил: «Хоть бы смерть пришла». А когда смерть явилась, он испугался и предложил ей понести охапку дров».

Учил старец смирению, чтобы оно было не наружное только, а и внутреннее. На общем благословении он стал однажды рассказывать, взглянув при сём на меня: «Жил в монастыре монах, который всё говорил: ах я, окаянный! Раз игумен пришел в трапезу и, увидав его, спрашивает: ты зачем тут со святыми отцами? Монах отвечает: а затем, что и я тоже святой отец».

Еще говорил: «Распустили про одного монаха слух, что он святой. Все даже в глаза ему говорили это. А он всё называл себя грешным и при этом смиренно кланялся всем. Но вот раз он кому-то, по обыкновению своему, сказал: «Я грешный»; а тот ему в ответ: «Знаю, что ты грешный». Он так и встрепенулся: «Как? Разве ты что-нибудь про меня слышал?»

«А вот, – говорил еще старец, – приехал раз в острог покойный государь Николай Павлович, да и стал спрашивать арестантов, за что каждый из них сидит в остроге. Все оправдывали себя и говорили, что посажены в острог безвинно-напрасно. Подошел государь и еще к одному из них и спросил: «А ты за что тут?» И получил такой ответ: «За великие мои грехи и острога для меня мало». Тогда государь обернулся к сопровождавшим его чиновникам и сказал: «Отпустить его сей же час на волю». – И родной батюшка взглянул при этом на меня.

В это время кто-то из толпы сказал: «Батюшка! Вы кого не смирите? И кто не покорится вам?» Старец в ответ на это рассказал следующее: «Раз тоже покойный государь Николай Павлович шел по улице Петербурга. Встретив военного писаря, он спросил: «Ты откуда?» «Из Депа¹⁵⁸, Ваше Императорское Величество», – ответил он. «Слово «депо» иностранное, оно не склоняется», – заметил государь. А тот в ответ: «Пред Вашим Величеством всё склоняется».

Батюшка в этот раз с нами заговорился. Келейник давно докладывал о каких-то ждущих с мужской стороны, но старец не слушал. Вошедши, келейник опять доложил: «Батюшка! Поздно, уже десять часов (вечера)». Старец не отвечал. Видно, там теряли терпение, и, вероятно кто-нибудь сказал: «Пустяки, с монашенками толкует старец». Келейник опять доложил: «Батюшка! Вас ждут N.N. и N.» А батюшка стал рассказывать, смеясь: «Был в Туле; видел памятник, где написано: под камнем сим лежит Ларин Максим; им бы только жить да веселиться, а они изволили на тот свет переселиться»¹⁵⁹. Келейник опять повторил, кто ждет, вероятно думая, что старец не слышит. Батюшка же спокойно, смеясь, ответил ему: «Пустяки мне вот в голову идут». И, указав ручкой на всех нас, сказал: «И хорошо помню их; а вот кто там дожидается, забываю». Тут какая-то из Шамординской обители самоуверенно сказала: «Мы знаем, что вы, батюшка, молитесь за нас каждый вечер». Батюшка сказал: «Да, когда не устаю; а то и свинья забудет своих поросят, когда ее палят».

VI. Старческое окормление (продолжение предыдущего рассказа)

Время шло. Я всё ездила к старцу, больше и больше привязывалась к нему и внутренне отрывалась от своей мирской жизни. Наружное же мое было всё тоже. Между прочим, я тщательно скрывала свое сердечное влечение как от самого старца, так и от всех.

Старец еще раза два намекал мне о монастыре. Раз, провожая меня с дочерью в путь, сказал: «Ведь вам обеим быть в монастыре». Я ничего не ответила на это. А то еще как-то, поводя мне ручкой по лицу, спросил: «Ты знаешь, что я пишу на твоём лице?» Не понимая дела, я, в свою очередь, спросила его: «Что, батюшка?» «Букву «Ш» на морде, – ответил он, – и выйдет – Шамордино». Я опять промолчала. Так всё было для меня сбивчиво, непонятно тогда. Сама я была не свободна. А у дочери было такое душевное устройство: поживет со мною в монастыре, и как будто ей уже тяжело бывало уезжать из него; а попадет в мир, про монастырь забудет. Притом же предсказание старца насчет вторичного сватовства ее начинало сбываться. Ей стал нравиться другой молодой человек, и я была не прочь выдать ее за него в замужество. Но по временем случилось такое обстоятельство, которое заставило нас отдалить ее от сего молодого человека, которого, кстати, очень скоро после сего разбил нервный паралич. Таким образом, сбылись и другие слова старца, сказанные ей при первом нашем приезде к нему: «Будет и другой, но опять ничего не выйдет, – ей назначено не это».

От старца я не давала отставать своей дочери. Часто брала ее с собой. А раз отослала ее к нему со своей знакомой на два дня. Но прошло дня три, и, к моему крайнему удивлению, моя знакомая вернулась одна, а дочь осталась. Мне велено было сказать, что она захотела посмотреть вновь устроившуюся батюшкину женскую общину, куда и поехала с начальницей общины, которая очень полюбила ее и вообще обеих нас, встречаясь часто с нами у старца. Я хотя и удивилась этому, так

как моя дочь жила в полном повиновении у нас с отцом, особенно у него, больного, но приняла это сначала спокойно. Потом неизвестность, когда и с кем она придет к нам, стала меня беспокоить. А виденный мною про нее сон окончательно встревожил меня.

В этом сне представилось мне, будто я нахожусь в Шамордине, где никогда не бывала, но мне кто-то говорит, что это оно. Помню Святые ворота и подле какую-то могилу с крестом. Но тогда на самом деле этой могилы еще не было, потому что покойная начальница общины, матушка София была еще жива. Затем я очутилась в каком-то корпусе, с длинным коридором внутри (теперешний настоятельский корпус). В одной из его комнат, вижу, стоит купель, и мне говорят, что хотят крестить дочь мою. Тут я увидела и ее саму. Восприемники же ее будто – старец Амвросий и матушка настоятельница София.

Сон этот расстроил меня донельзя. Притом пришел мне на память слышанный мною в хибарке от одной рассказ, впоследствии оказавшийся не верным, будто старец оставил в своей общине насильно одну молодую девушку, единственную дочь у матери, как потом мать приехала и, обливаясь слезами, требовала дочь свою назад, а потом и сама поступила в монастырь. Всё это, вместе взятое, испугало меня. Не столько, впрочем, я испугалась монастыря для дочери, сколько того, что если дочь моя поступит в монастырь раньше меня, – каково мне будет расстаться с нею! Ибо сама я несвободна. И Бог знает, сколько времени придется мне пробыть с ней в разлуке.

Расстроив себя таким образом душевно, я разболелась и телесно. Следствием сего было то, что я послала к старцу письмо, в котором, не объяснив ему всей правды, написала только, что я сильно разболелась и потому прошу прислать с кем-нибудь дочь мою. Мне потом передавали, что старец, получив мое письмо, вышел, в отсутствии моей дочери, на общее благословение и сказал: «Пишет мне такая-то (мое имя), чтобы прислать к ней дочь. Мы, видите, испугались, что дочку насильно оставят в монастыре. Надо ее отправить». Отправляя же мою дочь, батюшка сказал ей: «Мать твоя заболела, и надо тебе ехать. Ты скажи ей от меня, чтобы она жила по-моему».

Была в то время летняя пора, и старец, указав на свое окно, продолжал: «Вот смотри: верхняя часть его открыта, и на меня сверху идет свежий воздух, и я им дышу; а нижняя часть закрыта, и сквозной ветер на меня не дует. Так пусть и она живет; тогда и болеть не будет». Я очень поняла, что мне сказал старец и что он назвал сквозным ветром. Это – те пустые речи, которые я слушала, а про верхнее мало думала. После, приехав к старцу, я ничего еще не объяснила ему о себе, а он долгое время, благословляя меня при свидании, не пропускал, чтобы не сказать мне: «Тебя ждет та же участь, как и г-жу Х. с дочерью». Так долго этим батюшка пугал меня, неразумную, а я ничего не говорила ему об этом своем ложном страхе. Наконец уже пришлось мне узнать всю правду, т.е. как неверен был слышанный мною рассказ, и покаяться батюшке, что поверила этому рассказу. А батюшка смеялся, назвав меня дураком, и что у меня всё только одно искушение. При этом он рассказал известную басню про старика, мальчика и осла, заключив: «Если слушать чужие речи, придется взвалить осла на плечи».

Покойный муж мой всё болел, и болезнь его развивалась всё больше и больше. Явилось у меня сильное желание уговорить его переехать на лето в Оптину, пожить подле старца, дабы, сколько можно, приготовить его к смерти. Всё равно мы лето проводили всегда на даче. Потому вместо дачи я и предложила ему эту поездку. Тем только я и могла уговорить его, что указывала на чудный оптинский лес и на здоровый сосновый воздух. О монастырях и старце он не имел никакого понятия, а потому собственно к старцу он никогда не согласился бы переехать на лето в Оптину. Трудно было мне и перевозиться с ним при условиях его болезни. Надобно было туда и обратно нанимать экипаж, но всё это, за молитвами старца, мне удалось. Хотя и не без труда, довезла я больного до батюшки. Старец сразу спросил его, думал ли он когда о смерти и готовился ли к ней. А затем посоветовал ему особороваться и причаститься Святых Христовых Таин. Больной сначала охотно согласился на это и стал готовиться к исповеди, но вдруг, как нервнобольной, чем-то расстроился, заскучал и стал собираться, не рассуждая, в обратный путь домой;

отказался даже пойти и проститься с старцем. Видя все свои труды напрасными, я в этом горе прибежала к батюшке. Это было рано утром. Ворвавшись почти без доклада к старцу, я горько заплакала и в первый раз высказала ему, как мне трудно и тяжело жить. Когда я взглянула на батюшку, то увидела, что у него самого глазки полны слез. Но он, поднявшись, стал сильно бить меня по лицу. Я обиженно спросила: «Батюшка! За что же вы-то меня еще бьете?» Он мне ответил: «Я тебя бью любя». Мне как-то вдруг стало спокойнее и радостнее от слов батюшки, и я ему сказала: «Ну – любя, так бейте». «Да ты, глупенькая, – продолжал батюшка, – чего ты так огорчилась? Ведь вот ничего и нет. Больной твой уж сам пришел ко мне и сидит у меня в мужской приемной. Только я тебя первую позвал, чтобы спросить, что случилось». Это было для меня непонятно. Я оставила мужа в самом ужасном настроении. Конечно, в ту минуту, как говорил со мною батюшка, больной не мог прийти, потому что не мог так скоро двигаться при своей болезни, а старец провидел перемену в его настроении и потому сказал, что он придет. Не успела я выйти от старца и посидеть в хибарке – отдохнуть, как келейник мне сказал, что мой больной пришел и уже беседует со старцем. Батюшка прямо взял его исповедовать и, утешив и успокоив, отправил на гостиницу. С тех пор больной спокойно доживал в Оптиной и до конца срока не собирался уезжать. Собоьовался и приобщился.

При отъезде нашем домой, после проведенного нами в Оптиной летнего времени, батюшка, провожая нас, сказал мужу: «Я советую вам подать в отставку, вам дадут хорошую пенсию». Батюшка назначил даже цифру. Но мы этого испугались. Нас тревожила мысль, что если и при всех удобствах жизни больному так трудно живется, что же будет при тесном помещении и маленьких средствах? Я, грешная, первая попротиворечила старцу. Мысль о скорой кончине мужа мне тогда не приходила в голову. Батюшка ничего мне не ответил, а только, прищурясь, посмотрел мне в глаза. Мы уехали.

В ноябре, приехав к старцу готовиться к причащению Святых Таин, я была встречена им на общем благословении словами из Псалтири: *Человек, яко трава дние его, яко цвет*

сельный, тако ответит (Пс.102:15). В этот раз, позвав меня к себе одну и говоря со мною, старец взял меня за правую руку и стал тащить с моего пальца обручальное кольцо, но оно долго ему не поддавалось. От многолетнего ношения его на пальце образовалась как бы мозоль. Батюшка всё тянул его с пальца. Сердце мое дрогнуло предчувствием. Но я, ничего не сказав, стала и сама повертывать кольцо на пальце, чтобы его снять.

В этот раз, когда я уезжала из Оптиной, батюшка неожиданно дал мне девочку польку, чтобы я помогла ей закончить ее образование, и прибавил: «Вам втроем будет веселее». Но с ней нас должно бы быть четверо, а батюшка сказал – «втроем». Значит, кто-нибудь из нас да должен был убавиться. Еще прибавил: «Она у тебя в доме и Православие примет». Я беспрекословно охотно взяла к себе в дом чужого ребенка и, недоумевая, каким образом может состояться принятие ею Православия у меня в доме, молчала, думая, что, верно, она сама говорила об этом со старцем. Оказалось потом, что это было только его предсказанием. Девочка тогда еще и не думала о принятии Православия.

Прошло немного времени. Вдруг получаю я от батюшки на благословение хлеб. Это меня крайне удивило и испугало. Затем мой муж заболел своей предсмертной болезнью. Я написала батюшке о его болезни и тотчас же получила от него ответ: «Скажи от меня больному, – писал он, – что аз грешный советую ему немедленно приобщиться Святых Христовых Таин». Мужем это было исполнено.

Четыре раза снился мне батюшка в течение тяжелых предсмертных страданий моего мужа, ободряя и подкрепляя меня в уходе за ним. В последнем, четвертом, сновидении видела я себя в Оптиной, в батюшкиной хибарке. Лежал будто бы тут же у него и мой больной. Батюшка же мною очень недоволен и, не желая меня благословить, отворачивался от меня и укорял меня в непослушании. Я проснулась огорченная и не поняла сна. Дело же было вот в чем: доктор строго запретил мне давать больному что-либо съестное, говоря, что у него полное параличное состояние желудка и что съестным я только продлю ему мучение. И духовные лица говорили мне

тоже, что он уже готов к исходу и ему ничего не надо. Но я, неразумная, оставаясь с больным одна, давала ему глотать чего-нибудь жидкого. Больной сам этого, как видно, не желал, крепко стискивая зубы, но глотал поневоле. Так я своей любовью мучила его.

После его смерти приехала я к батюшке, который после обычного приветствия и высказанного им ко мне участия строго мне сказал: «А ты всё не слушалась ни монашествующих, говоривших тебе, ни доктора, – кормила больного. Теперь клади за это поклоны, – по шести поклонов утром и вечером». Итак, вот чем был мною недоволен приснившийся мне тогда старец и вот за что не хотел перекрестить меня во сне. Я была поражена всезнанием старца и не находила слов высказать ему это. Наложенную им на меня епитимию я исполняла. И только незадолго перед кончиной своей батюшка вдруг спросил меня: «Ты поклоны кладешь?» На мой утвердительный ответ он сказал: «Ну, клади еще до января, а там оставь». Старец предчувствовал свою близкую кончину и знал, что без него никто бы не мог разрешить меня от епитимии.

За две недели до смерти мужа деловые люди посоветовали ему, пока он был в памяти, подать в отставку, говоря, что дадут больше пенсии, что и было им сделано. Прошение об отставке было подано и передано в канцелярию губернатора для его подписи и отправки в Петербург. На этот счет мы были покойны, но дело вышло не по-нашему. Мой муж скончался, а прошение об отставке не было подписано кем следует и вовремя и завалилось в канцелярии. Случилось же это по воле Божией за непослушание наше старцу. Послушались бы мы его полгода назад, подали бы тогда в отставку, и всё было бы сделано как следует, и мне бы дали пенсию больше.

В самые предсмертные минуты муж мой открыл глаза и, повернув ко мне голову, тихо сказал: «Монах пришел». В этот день я послала телеграмму к старцу, прося его отпустить умирающего с миром. После же кончины мужа я получила от старца следующее письмо, весьма тогда меня утешившее. Письмо батюшки писано было нам обоим с дочерью. Вот оно: «Мир вам и Божие благословение, а покойному Царство

Небесное! Он много поболел и много пострадал в болезни. А за терпеливое перенесение болезни даруется и милость, и прощение грехов. Вы теперь осиротели. Но сказано: Сам Бог – Отец сирых и строгий Судия за вдовиц. Силен Господь заступить вас и сотворить о вас всякое промышление, даровать вам и место и пропитание. Призывая на вас мир и Божие благословение, остаюсь с искренним благожеланием. Многогрешный иеросхимонах Амвросий». Это письмо пришло тогда ко мне как раз вовремя. Я оставалась с детьми без места и без всяких средств к существованию. Каждый пункт батюшкина короткого, но многосодержательного письма исполнился на мне. Господь, за его молитвы, и заступил и защитил меня и дал мне место и пропитание.

После девятого дня по кончине мужа я уехала к старцу, и так как наступила весна, то, за разливом рек, и осталась в Оптиной до сорокового дня. Накануне этого дня, перед вечерней, пришла я к старцу просить его помолиться за покойного, но во множестве народа, который толкался подле меня, я в ту минуту как бы забыла, зачем пришла. Старец обратил ко мне свое личико и взглянул на меня испуганно и строго. «Ох, страшно! – сказал он. – Приговор наступает; иди скорей молиться в церковь; и я помолюсь за него». Я очень поняла, о чём мне говорит батюшка, и страшно испугалась его слов и выражения лица. Ему были открыты и тайны загробного мира. Я ушла в церковь, где, отстояв вечерню, заказала панихиду, а наутро обедню с панихидой. Придя после обедни к батюшке, я тотчас была принята им. Он сидел весь светленький и радостно встретил меня. Не успела я поклониться ему в ножки, как он, хлопнув меня по голове три раза, сказал: «В Царстве Небесном! В Царстве Небесном! В Царстве Небесном!» Личико его всё сияло небесной радостью. И эта радость сообщилась и мне, грешной.

Время моего отъезда домой с дочерями приближалось.хлопоты о пенсии, о местожительстве и одно денежное дело тянули домой. Горько и тоскливо было на душе. Незнание томила меня. Батюшка вышел на общее благословение, где икона Божией Матери «Достойно есть» и где мы его ожидали;

сел неожиданно подле меня на стоявший тут комодик, пригнул мою скорбную голову к себе в колени и сказал: «Ты не тужи, что у тебя не ременные гужи. Лыко да мочало оборвалось; связала и опять помчала». Одна из толпы, слышавшая слова старца, но не понявшая их, спросила: «Что это значит, батюшка?» Старец ответил: «А вот ехал богатый барин на тройке; у него и лошади были хорошие, и сбруя ременная. Ехал и бедняк. У того и лошадь была плохая, и вся сбруя – лыко да мочало. Оба попали в зажору. У обоих сбруя порвалась. Высвободившись кое-как из зажоры, бедняк связал свое лыко да мочало и поехал себе вперед, а богатый остался на месте, ременные гужи надо было сшивать». Этим рассказом батюшка предсказал, или определил, мою последующую жизнь. Так она и потекла.

При отъезде из Оптиной, принимая благословение от старца, я сказала ему: «Одного боюсь, батюшка, – не хватит у меня средств ездить к вам часто». Батюшка ответил: «Средства ко мне ездить у тебя всегда будут. Еще будешь ходить к нам пешком». Я тогда не поняла этого и возразила: «Пешком? Да разве это мне можно?» Однако слова старца сбылись. У меня всегда являлись средства ездить к батюшке, и даже чаще, чем прежде, ездила в Оптину. А теперь, живя в Шамордине, хожу летом пешком к нему на могилку, а вместе и к старцу Иосифу, – вот что означали батюшкины слова: «Еще будешь ходить к нам пешком».

Тут же, при прощании, старец сказал еще: «Не хватит когда-либо у тебя денег на твою приемную дочь (которой надо было еще учиться) или еще на что-либо, бери у меня». Я же, грешная, ответила ему: «Нет, батюшка, а вы лучше дайте мне свое старческое благословение, чтобы у меня никогда не прекращались средства мои собственные на всё необходимое. Мне много не нужно». «Ну, в таком случае, – сказал старец, – дай мне свои руки». Я их подставила, и старец благословил полным крестом руки мои, сказав: «Чтобы у тебя никогда не прерывались деньги! А за то, что ты меня успокоила, взяв к себе приемную дочь, Архангел Михаил будет тебе во всём помощником». Через пять лет после этого умерла моя единственная родная дочь, на день Архангела Михаила, 8

ноября, приняв перед смертью пострижение в великий ангельский образ (схиму). О ней много тоже предсказывал мне старец, но в то время, как говорилось им, я ничего не понимала. Так, он часто говаривал ей, встречая ее, евангельскими словами: *Мария же избрала благуя часть, которая не отнимется у нее (Лк.10:42)*. Называл ее часто: «Ты моя роза, только до мороза». А мне на мою заботу об устройстве ее жизни говаривал так: «Ты о ней не заботься. Ее устроит Сама Царица Небесная». И многое другое.

За молитвы и благословение старца Господь устроил меня с детьми. Дали мне единовременное пособие до пенсии, которую я могла получать только через год от дня кончины мужа, и казенное помещение в том же здании, где мы жили прежде, пока служил мой покойный муж. Отвели мне сначала три комнаты. Устроившись, я поехала осенью к старцу и, пробывши у него несколько времени, собиралась уезжать. Батюшка позвал меня к себе в келью и, занявшись немного со мною, вышел, ничего не сказав мне – уходить или еще подождать его. Я оставалась в недоумении. Вдруг старец торопливо вернулся и, увидав меня, не говоря мне ни слова, сильно меня ударил и так толкнул, что я, не удержавшись на ногах, стукнулась головой об дверь, которую шибко распахнула своей особой. Но странно, – от удара я не почувствовала никакой боли и с удивлением посмотрела на батюшку, не понимая, чем я провинилась перед ним. При сём я встретила ласковый и веселый взгляд батюшки. Сама тут же чему-то рассмеялась и, не спросив его о причине удара, вышла, а потом и уехала. Разгадка этого батюшкиного со мной поступка ожидала меня дома. Устройство мое в казенном здании и помощь не обошлись без завистников и недоброжелателей. Подвели и наговорили было на меня так, что я едва удержалась на месте и чуть-чуть не была лишена казенной квартиры. Но всё объяснилось, и полученный мною нравственный удар прошел для меня бесследно, да еще как будто в мою пользу и на посрамление оболгавших меня.

Итак, до пенсии я жила единовременным пособием, которое мне дали, и продажей кое-каких вещей. Но вот случилось, что

этот источник иссяк. До получки пенсии, до которой оставалось два с половиной месяца, у меня было всего только три копейки, а взять было неоткуда и не у кого. Конечно, я могла бы написать о сём старцу, и он не отказался бы помочь мне. Но раз я сама отказалась от обещанного им денежного пособия, то мне уже до последней крайности не хотелось в этом случае беспокоить старца. С такой верой я приняла тогда его благословение! Заскучав, не зная, что делать, я ушла пешком к особенно чтимой чудотворной иконе Царицы Небесной, за десять верст от города, и решила отдать свои последние копейки на свечу Ей. День был июльский, жаркий. Я сильно утомилась дорогой и, вечером возвращаясь к дому, сказала себе мысленно: «Батюшка! Что же ты меня оставил без помощи? А обещал». Кто-то в это время шибко проехал мимо меня на извозчике. Я, занятая своими мыслями, не обратила на него внимания. А вышло так: подошла я к дому, и ехавший подъехал, и мы вместе вошли на крыльцо. Ехавший оказался приятель моего покойного мужа, тульский помещик, которого я не видала года два. Он много был обязан моему покойному мужу своим состоянием и даже косвенным образом был его должник. Быв проездом в Н., он захотел отыскать и повидать меня. Посидев у меня, он сказал: «Вы знаете, как я был дружен с вашим мужем и любил его! В память этой моей дружбы к нему прошу я вас принять от меня 50 рублей». Я поблагодарила его. Эти 50 рублей и помогли мне с детьми дожить до пенсии.

Спустя немного времени по кончине мужа родной мой брат стал было звать меня жить подле него, на его полном содержании, до получки мною пенсии, говоря: «Лучше будешь жить у меня, нежели одолжаться посторонними и занимать казенный угол, через который уже была неприятность». Не делая уже ничего без благословения старца, я написала ему о предложении брата, быв вполне уверена, что батюшка не замедлит мне благословить это. Каково же было мое удивление! Получаю от батюшки очень скорый ответ. Он не только не благословляет меня переходить к брату и пользоваться его содержанием, но, во избежание дальнейших неприятностей, велит немедленно мне перейти из трех в одну

комнату, а две отдать. Я ничего не могла понять. Мне показалось это даже ужасно. После обширного помещения, которое занимали мы прежде, и в трех комнатах казалось тесно. А тут батюшка велит нам втроем поместиться в одной комнате. Проплавав целый день и нароптавшись на старца (признаюсь в своем малодушии), я стала придумывать, как бы устроиться в одной комнате. И что же? Как стала об этом думать, то так хорошо придумала и устроилась как нельзя лучше. Это было в ноябре месяце, а в марте мой брат неожиданно умер. Хорошо бы мне тогда было, если бы оставила казенную квартиру. Недели за две перед его смертью я была у батюшки в Оптиной. На общем благословении, когда нас много стояло перед старцем на коленях, он вдруг обернулся ко мне и, как-то особенно взглянув на меня, сказал: «Ты смотри, в карты не играй, – можно и умереть за картами». Я с удивлением ответила: «Батюшка! Вы знаете, я в карты никогда не играю и не умею даже». Но батюшка, как бы не слушая меня, опять повторил тоже. Я опять ответила: «Никогда не играла, разве в детстве в дурачки, и то плохо». Что же? Вскорости брат мой умер от нервного удара за карточным столом.

Много батюшка и утешал меня, грешную, особенно когда, бывало, заскорбишь, или обидит кто. Так однажды, в душевном расстройстве, приехала я к нему незадолго перед днем своего рождения и выпросилась у него подготовиться, чтобы на этот день приобщиться Святых Христовых Таин. О дне своего рождения старцу сама я не говорила, а сказал кто-то из посторонних. Накануне батюшка, позвав меня исповедаться, сам поздравил меня с завтрашним днем, говоря: «А то, пожалуй, забуду, ваше преподобие, поздравить». Так он шутя называл меня мирскую. А на другой день, когда я пришла к нему, сам подарил мне свой портрет, в знак особенного его благоволения.

Раз приехали мы втроем к батюшке встречать с ним Новый год. На общем благословении батюшка благословил меня с детьми образом трех святителей; поздравил с Новым годом и заповедал нам утром и вечером класть им по три поклона; тут же и заставил нас на первый раз положить три поклона. При

этом он рассказал следующее: «Жили на одном острове три пустынника, имевшие у себя икону трех святителей. И как были они люди простые, необразованные, то и молились пред сею иконою не иначе как простой своеобразной молитвой: «Трое вас, и трое нас, помилуйте нас». Так они постоянно твердили одну эту молитву. Вот пристали к этому острову путешественники, а старцы и просят, чтобы они научили их молиться. Путешественники начали учить их молитве «Отче наш», а выучив, поплыли далее морем на своем корабле. Но, отплыв несколько от берега, они вдруг увидели, что учившиеся у них молитве три старца бегут за ними по водам и кричат: «Остановитесь, мы вашу молитву забыли». Увидев их, ходящих по водам, путешественники изумились и, не останавливаясь, только сказали им: «Молитесь как умеете». Старцы вернулись и остались при своей молитве». Потом батюшка приказал келейнику подать ему чашку, которую только что получил от кого-то в подарок и отдал ее нам, сказав: «Вот вам одна чашка – пейте из ней поочередно все трое».

Тут было несколько монахинь из обители Шамординской и живших при Оптиной. Батюшка приказал всем читать 3-ю главу Послания апостола Иакова. Сам прочитал нам ее наизусть, особенно делая ударение на начале этой главы: *не мнози учителя бывайте (Иак.3:1)*, – и на конце. И сказал: «Учить – это небольшие камни с колокольни бросать, а исполнять – большие камни на колокольню таскать». Прибавил: «Хорошо бы вам и всё это послание выучить наизусть и каждый день читать».

Мне часто, взяв меня за подбородок и крепко сжимая рот, говаривал: «Помни салазки». Не знаю, что означали эти его слова, а я понимала их так, чтобы я побольше молчала.

Каких-либо женских украшений, серег или брошек, а также головных уборов на мне батюшка не терпел. И если увидит на мне что-нибудь такое, то протянет свою ручку, возьмет и до тех пор тащит молча, пока я не сниму. Так я уже и перестала надевать на себя какие-либо украшения. Других же из женского пола оставлял в покое.

В тот же приезд, на праздник Крещения Господня, когда мы пришли к старцу, он встретил нас, пропев тропарь Крещению.

Тут я увидела у одной монахини очень хорошо написанный образок святого Амвросия, батюшкина Ангела. И мне очень пожелалось иметь такой же образок и чтобы старец меня благословил им. Но денег у меня оставалось немного, только на обратный путь. Идя в лавочку, чтобы купить образ, я дорогой рассуждала так: «Уж куда ни шло, – куплю образ и как-нибудь перевернусь: приеду домой, там и заплачу ямщику за дорогу». Когда же я возвратилась с образом к батюшке за благословением, он мне сказал: «Какое же это будет мое благословение, когда ты образ сама купила? Уж куда ни шло (при этом старец подмигнул глазами точно также, как я это сделала себе дорогой) – сходи в лавочку и скажи, чтобы там записали образ в мой счет, а я уж как-нибудь перевернусь». И так батюшка благословил меня образом своего Ангела. Вот до чего он был прозорлив!

На мои слова: «Всемир бы я была довольна, да вы, батюшка, от меня далеко», – старец сказал: «Ближние мои далече от меня стали. Близко, да склизко, далеко, да глубоко.»

Раз при отъезде из Оптиной мне что-то очень тяжело было расставаться со старцем. Кстати, в тот день батюшка был очень слаб. Меня же за последнее время стала преследовать мысль о смерти старца. И одного я всего больше боялась, как бы это не случилось в мое отсутствие. Я пришла к батюшке проститься и, не смея даже произнести перед ним слово «смерть», только сказала: «Батюшка! Отъезжая всегда от вас, я одного боюсь, как бы не случилось это без меня». Родной батюшка сей же час понял, о чём я говорю, и так ответил мне: «Нет-нет; будь покойна, при тебе». Что и случилось после этого разговора через четыре года. Господь сподобил меня быть при кончине старца и даже в самой его келье.

Через год после этого (стало быть, за три года до своей кончины) старец сильно заболел. Я была дома в своем городе и, прослышав о тяжкой его болезни, сильно скорбела и беспокоилась, узнавая письменно и телеграммами о ходе болезни. Сама же ехать не могла, – одно, данное мне старцем, дело держало меня. Вырвавшись только на третьей неделе Великого поста, когда уже старцу было немного лучше, я

поехала к нему с дочерью. Вечером поздно старец нас принял. Он лежал уже в своей спальне на постельке. Взглянув на батюшку, я испугалась страшной перемены его личика, и слезы невольно потекли у меня из глаз. Батюшка встретил меня словами: «Хоть плыть, да быть.» Этим он определил трудность моего путешествия при полном разливе рек. Затем продолжал: «Дураки! Вымолили-таки меня: остался еще для вас пожить». Я стала подле него на колени и сказала: «Слава Богу, батюшка». Он мне в ответ: «Дурень! Да ведь мае трудно, невозможно становится жить». Я ничего не могла на это ответить. Всё это говорил он как бы недовольным тоном. Вероятно, чтобы удержать мои слезы, которые невольно текли, старец еще продолжал: «Ну что ты приехала? Я болен, заниматься не могу». Я ответила: «Потому и приехала, что вы больны». Дочь же моя добавила: «Кстати, батюшка, и Великий пост, – можно подготовиться». «Ну что же, – сказал старец, – я всех своих духовных детей передал батюшке отцу Иосифу. И вы у него исповедуйтесь». Но я смекнула дело и скоро ответила: «Да я, батюшка, недавно перед масляной готовилась, я подожду, – могу и после Святой». «Ну зачем же откладывать? – сказал он. – Идите, утро мудреней вечера», – отпустил нас. Я всю ночь проплакала и промолилась, чтобы Матерь Божия внушила старцу при жизни его не передавать меня другому духовному отцу.

Наутро мне еще прибавилось огорчение. Одна пришедшая к нам в номер монахиня, духовная дочь старца, сказала мне, что она уже исповедалась у батюшки отца Иосифа, и стала надо мной подшучивать и тем довела меня до больших слез. Я никому не могла противоречить, но и с собой сладить тоже не могла. Оправившись, насколько это было возможно, чтобы не было заметно слез, я пошла к старцу. Войдя к нему в келью и не успев еще поклониться ему, я увидела, что он стал торопливо что-то разыскивать кругом себя на кровати, на которой лежал. Достал откуда-то из-под подушек мантийку, епитрахиль и поручи, которые были там спрятаны, и стал всё это спешно надевать, сказав мне: «Ну, дурак, исповедуйся скорей; только не говори никому, что я тебя сам исповедал. А если спросят, как

исповедалась, скажи: как и все. У тебя пока другого отца не будет». Такой для меня был переход от сильного огорчения к великой радости! Кончив мою исповедь и начав читать разрешительную молитву, старец был прерван приходом к нему батюшки отца Иосифа, так как дверь в келью мною была не заперта. Я вздрогнула. Показался на пороге батюшка отец Иосиф и, увидав, что старец, по великой своей любви, не выдержал и снисошел к моей немощи, покачал головой и, улыбнувшись на батюшку отца Амвросия, только махнул рукой и ушел. У батюшки же отца Амвросия было при этом как бы виноватое личико. После я узнала, что старцу и доктор запретил, и все очень просили его, начиная с отца архимандрита, чтобы он никого не исповедовал, пока не оправится от болезни.

Прочитав надо мной разрешительную молитву, батюшка вдруг сделался серьезным и, взглянув на меня своим особенным, загоревшимся внутренним огнем взглядом, сказал: «Слышишь? Ты иди к отцу Иосифу». Я же, недоумевая, ответила ему с улыбкой: «Зачем я теперь пойду к нему?» Но батюшка опять повторил с добавлением: «Слышишь? Я тебе говорю: если хочешь, иди к отцу Иосифу. Я всех своих духовных детей передал ему». Я же тогда, опять ничего не понимая и рассуждая только о настоящем, думала: зачем же я к нему пойду и что ему скажу? Батюшка подозвал меня к себе и еще в третий раз сказал мне, но так строго, что всякая улыбка слетела с моих уст: «Слышишь? Я тебе говорю: иди к отцу Иосифу». И затем, по свойственному ему глубочайшему смирению, прибавил: «Я вас поил вином с водой; он же будет поить вас чистым вином». Вышедши от батюшки, я стала искать батюшку отца Иосифа, но, к моему крайнему удивлению, не нашла его дома. Оказалось, что он послан был старцем в монастырь и во время моей исповеди входил благословиться идти. Поискав батюшку отца Иосифа, я нечаянно встретила с одной белевской монахиней, духовной дочерью старца, которая как-то испытующе взглянула на меня и спросила: «Вы у кого исповедались?» К счастью, я научена была старцем, как ответить, и спокойно сказала: «Как и все.» Лжи тут не было;

исповедь была обыкновенная, как и у всех. Она же удовлетворилась моим ответом.

Скажу еще о прозорливости старца и о некоторых чудесных случаях.

Раз тоже приехала я в Оптину к старцу и еще ничего положительно не думала говорить ему о монастыре и о своем устройстве в нём. Дети и дела держали меня. Мысли свои о монастыре я крепко скрывала. Вышедши на общее благословение, батюшка взглянул на меня и сказал: «О монастыре надо говорить наедине». Пройдя дальше, старец вернулся и, проведя у меня рукой по лбу, сказал: «Шила в мешке не утаишь». Я это сначала не поняла и подумала: батюшка говорит что-нибудь о моих грехах. Позвав меня вечером того же дня, старец, – не помню, – спросил ли меня или предложил мне какое-то занятие, но я перепугалась и сказала: «Да нет, нет, батюшка, я пойду за вами». – «А пойдешь за мной, ну так подойди ко мне, – я тебя перекрещу». И старец перекрестил меня большим крестом. В этот раз я высказала ему уже всё, что было у меня на душе. И потому, когда я уходила, батюшка опять подозвал меня, сказав: «Подойди, – я тебя еще раз благословлю». Личико его было радостное. И он тут же велел одной монахини проводить нас с дочерью за него.

Еще случай со мной. Нужно мне было с моей дочерью уезжать из Оптиной. Был конец октября – самая глубокая осень. День был дождливый, грязь невылазная. Батюшка был чем-то занят и принял меня только в два часа дня. Я уже, по правде сказать, и не думала выезжать так поздно. Но батюшка, взглянув на меня, сказал: «Если не побоитесь, Бог благословит ехать». Я ответила: «Если вы, батюшка, благословите, ничего не побоюсь с вашим благословением». И так мы выехали из пустыни на почтовых в третьем часу пополудни и доехали уже до Андреевской, последней до Калуги станции. Дождь усилился; настала непроглядная темь, какая бывает у нас только в осеннее время, хотя час был не особенно поздний – часов семь вечера. Лошадей тут не было; надо было целый час ждать. Староста начал было уговаривать нас остаться, за темной ночью и плохой дорогой, которая в то время особенно

была плоха от этой станции до Калуги (теперь там шоссе). Но я ему ответила: «Я не боюсь. А если вы не беретесь везти нас, это другое дело». Повезли. Когда мы въехали в лес, который скоро за Андреевской станцией начинается, то не только не видно было дороги, даже нельзя было разглядеть тройки белых лошадей, которые нас везли. Ямщик стал ворчать и пугать нас Выркой (так называется место, где мост через ручей), что трудно будет попасть на мост. Я опять сказала ему: «Боишься – вернись». Едем дальше. Так называемую Вырку проехали благополучно. Но вскоре постигла нас такая неожиданность. За версты четыре до Калуги по обеим сторонам дороги тянется лес. Вдруг неподалеку от нас мы услышали свисток, как это бывает в городах у полицейских. Мы вздрогнули. В ответ свистку раздался другой такой же, а дальше и третий. Дело было понятно. К дороге кто-то подходил. Мы ехали шагом. Бубенцы и колокольчик звенели потихоньку. Ямщик и мы обе перекрестились. Я подумала себе: «Батюшка родной! Зачем же ты нас отпустил в такую ночь?» Слышалось, что кто-то уже подходит к нам. Но в это самое время вдруг сзади нас раздался звон колокольчика, – кто-то шибко ехал. Оказалось, то была эстафета, которая и догнала нас в самое опасное для нас время. Все мы трое, благодарственно к Богу, перекрестились и уже были спасены.

В другой раз, собираясь Великим постом на пятой неделе в Оптину готовиться, я взяла с собой старшую свою дочь. А меньшая моя, крестница, оставалась у моих хороших знакомых, – она еще училась. Очень желалось мне тогда встретить Пасху при старце. Детям я еще ничего не говорила об этом своем желании и более полагалась на волю Божию, как Господь устроит. Только им сильно не хотелось этого. Такое напало на них искушение. Я же думала и меньшую дочь к Пасхе выписать в Оптину. Но, приехав к старцу, я не высказала ему этого. Не прошло и трех дней, как пахнуло тепло, и реки вскрылись. Путь был прегражден. Казалось мне, ехать не представлялось возможности, и я в душе торжествовала. В субботу приобщились мы Святых Христовых Таин. Но вечером того же дня вдруг батюшка позвал меня и, сверх всякого моего

ожидания, сказал: «Сейчас посылать за почтовыми лошадьми! Завтра рано ехать!» Я сказала: «Батюшка! Почта даже останавливается. Ни на колесах, ни на санях нет никакой возможности ехать». Но батюшка строго сказал мне: «Так вы не слушаться! Ведь вы потонете. Сейчас посылать! Идите». Огорченные и удивленные решением батюшки, мы поспешили к отъезду. Дочь моя тогда уже и пожелала было остаться. Признаться сказать, я боялась ехать и проплакала всю ночь. Рано утром, однако, мы выехали. Не могу пересказать всю трудность пути. Мы ехали и на колесах, и на санях. Приехав в село Кожемякино, где мельница, видим: плотину прорвало, и воду спустили. Огромное пространство кругом было залито водой. Мужики высыпали на улицу смотреть на нашу переправу, когда тройка наша подъехала к мосту. Он был залит, и из него торчала только одна палка перил. Ямщику надо было угадать попасть на него. Нам сказали, что только перед нашим приездом залило мост. Ямщик положил доску на высокую спинку саней, привязал ее и посадил нас. Моя дочь, как молодая, взгромоздилась на доску, подобрав ноги и севши боком. Я же так не могла и села прямо. Вещи наши положены были на козлы. Русский народ храбр. Ямщик перекрестился и, подобрав возжи, ударил по тройке, которая бросилась в пучину. Я закрыла глаза и забыла подобрать опущенные свои ноги. Вода и лед хлынули в сани, и мои ноги погрузились до колен в воду. Но сильная тройка, направленная лихим ямщиком на мост, выхватила нас из пучины, за молитвами и благословением старца. Мы поехали дальше. От Кожемякина до г. Перемышля 8 верст. Я ехала мокрая, под сильным весенним ветром. Когда мы добрались до Перемышля, на моих ногах образовалась ледяная кора, которую хозяйка постоялого двора едва могла с них стащить. Вещи были перемочены. Перемениться нечем. Ноги же мои не только не озябли, но всю ночь горели. Ни малейшей простуды, ни даже насморка не было. Я крепко проспала всю ночь. Наутро мы поехали дальше. Нужно было переправляться через Оку. Пришлось плыть в казенной огромной лодке верст шесть под ледоходом, который гребцы отпихивали баграми. Под самой же Калугой, где в другой раз нужно было переплывать

Оку, мы не нашли никакого казенного перевоза. Лед шел угорский (из р. Угры), сильный, и паром еще не был устроен. Встретив тут старосту почтового двора, мы решились ехать в частной маленькой лодочке, так называемой душегубке, с какими-то гребцами мужичками. Мы сказали себе: «Если Господь пронес нас там, за молитвами старца, то, без сомнения, и здесь перенесет». Но эта переправа была последняя и чуть ли не самая опасная. Надо было плыть с версту, если не более, против течения и потом выгадать время – между ледоходом повернуть лодку по течению. Господь пронес нас целыми и невредимыми. Мы приехали в Калугу. После, когда я приехала опять к старцу и рассказала ему о трудностях своего путешествия, он сказал, смеясь: «А ты вперед говори свои желания, – я бы всё устроил».

Раз собралась я с детьми к старцу в Оптину на праздник Рождества Христова. Сама-то я уже не ела мяса, а детей жалела, боясь, как бы они не ослабели. Да еще думала: пожалуй, будут жалеть, что не остались на праздник дома. Чтобы не было в соблазн, хоть и мирской прислуге на монастырской гостинице, я захватила с собой самый хороший копченый и запеченный окорок ветчины, думая: буду втихомолку давать им понемногу, всё подкрепление. Но, приехавши, сказала об этом старцу. Батюшка же мне говорит: «Не вози никогда мяса в монастырь. Вот один как-то привез, а в мясе завелась трихнина, и он отравился». Возвратившись от старца, я сказала своим: «Ну, дети, подождите три дня; приедете домой, тогда и покушаете мяса». Но, приехавши домой, нашли это мясо всё изъеденное червями. Так и выкинули его.

Бывая в монашеских кельях и видя там почти у всех деревянные кресты с распятием, я возымела желание купить такой же и себе. И так купив себе в Оптиной очень хорошенький крест, я принесла его к старцу и просила его благословить им меня. Батюшка же, взяв в руки крест, сильно ударил им меня по голове, от чего верхняя дощечка с надписью: Иисус Христос и прочее, – отскочила и покатила под стол. Я с сожалением бросилась искать ее и сказала: «Как жаль, что дощечка отскочила!» Я видела, что батюшка с особенным вниманием

следил за мной. И когда я ее подняла и приложила к тому месту, от которого она отклеилась, думая – дома приклею, дощечка сама собой, под пристальным взглядом батюшки, пристала. И вот уже много лет этому кресту, как он у меня, дощечка так крепко держится, как литая. Сколько дорог этот крест изъездил со мной, и я его часто клала за пазуху, но дощечка никогда не отклеивалась. Так крепко приклеил ее родной батюшка своим взглядом.

Весной 1890 года приехала я к нему готовиться и должна была придти исповедаться. Вдруг, говорят, батюшка получил очень грустную телеграмму о кончине воронежского владыки Вениамина¹⁶⁰ и, прекратив прием народа, отпустил всех до двух часов. Со всеми и я ушла. В два часа прихожу к старцу. Он позвал меня к себе на исповедь. Став перед ним на колени, я сказала: «Батюшка! Вы получили грустную весть – ваш любимый владыка скончался». «Да, – ответил мне старец, – двойная скорбь: этот скончался, а нашего возьмут в Воронежскую епархию». Я остолбенела. Своего владыку я очень любила. Он был мне помощником в приведении моей приемной дочери в Православие; обещал и на экзаменах защитить ее от нападков на нее со стороны одного учителя. Не поняв прозорливости старца, я удивленно спросила его: «Да разве об этом говорят уже?» «Да, – ответил он, отвернув свое личико от моих вопросительных глаз, – слухи носят. Туда надо хорошего, а другого такого нет». В заботе о своей крестнице я сказала: «Господи! Кто же теперь поможет ей?» И назвала ее имя. Батюшка утвердительно ответил мне: «Да владыка же и поможет». Я вышла от старца в недоумении, как и что это он говорит: владыку нашего переведут, да он же поможет и на экзаменах, которые у нас так поздно кончались, к июлю месяцу. А была еще ранняя весна. Через несколько времени вдруг, как снег на голову, телеграмма из Петербурга о назначении преосвященного Анастасия на Воронежскую епархию. Ни он сам и никто другой этого не ожидал. Между тем слова прозорливого старца, батюшки отца Амвросия, сказанные мне в день кончины владыки Вениамина, исполнились в

точности. И моей дочери помог преосвященный Анастасий, и его перевели в Воронеж.

Здесь прерывается рассказ г-жи N, дабы дать место другим лицам и другим обстоятельствам в жизнеописании старца Амвросия, но не оканчивается. Впоследствии рассказ этот, не теряя своей цели – показать, как старец окормлял душу ко спасению, будет служить кстати и добавлением сведений о его жизни.

VII. Кончина первой шамординской начальницы Софьи Михайловны Астафьевой и ее преемница

Давно не говорилось нами о Шамординской женской общине, которую, как мы видели выше, старец Амвросий основал и о которой имел особенное попечение. Посмотрим, что там делается.

Уже упомянуто было, что тотчас по кончине двух девочек Ключаревых, наследниц Шамординского имения, в 1883 году, еще до открытия общины, по распоряжению старца начали строиться там корпуса и приниматься желавшие быть насельницами сего места. Осенью 1884 года уже община была открыта и определена первая начальница, Софья Михайловна Астафьева. Впрочем, недолго пришлось ей начальствовать в этой юной обители – всего три года с небольшим. Разумная, хорошо понимавшая и жизнь духовную, и дела хозяйственные, всей душой преданная старцу Амвросию, она, под его непосредственным руководством вступив на путь иноческой жизни и приняв самое тяжелое в обители послушание начальницы, стала подвизаться с великой ревностью. С малолетства жившая всегда в неге и вовсе не знакомая с телесными трудами, она теперь неустанно трудилась и вовсе не жалела себя. В мокрую холодную осеннюю погоду, случалось, по целому дню, с утра до вечера, ходила она сама по всей обители, следя за всеми монастырскими работами, и уже к ночи возвращалась в свою келью, вся промокшая и прозябшая. Такая подвижническая жизнь вскоре сломила ее некрепкое здоровье. Она постепенно стала чахнуть и мало-помалу таяла как свеча; наконец 24 января 1888 года уснула вечным сном праведницы, получив от Всещедрого Господа мзду, соответствующую ее великой святой ревности и трудам. После старец Амвросий, при воспоминании о ней, нередко говаривал с особенным чувством умиления: «Ах, мать! Обрела милость у Господа» .

По кончине Софьи Михайловны, по указанию старца Амвросия, приняла начальствование в Шамординской общине

монахиня Белевского Крестовоздвиженского монастыря Евфросиния Розова, начальствующая и теперь.

Скажем об этой особе несколько слов. По жизни духовной и преданности старцу Амвросию она была и есть достойная преемница Софьи Михайловны. Во всё время старчества батюшки отца Амвросия с 1860 и до последнего 1891 года и дня блаженной его кончины она была самой преданной и искренней его ученицей. Но близости Белева от Оптиной (40 верст) имела возможность часто лично посещать старца, открывала ему все свои помыслы, получала от него разрешение всех своих недоумений и наставления, как поступать в том или другом случае, до мельчайших подробностей, стараясь всячески жить в полном отсечении своей воли и во всём поступать единственно по воле, указанию и благословению старца. Слова его были для нее законом. Она даже их записывала, чтобы ничто из сказанного им не изгладилось из памяти. Для примера, как старец вникал во все подробности многообразных дел, всесторонних отношений и вообще всего поведения преданной ему ученицы, приведем здесь некоторые, извлеченные из ее записей, в потребное время высказанные им наставления, и прежде о молитве церковной и келейной, дневной и ночной и о сне; и затем о чтении книг, воздержании в пище и питии и неосуждении ближних. И так как главная причина всех зол и настроений в человеке есть гордость, то старец всячески старался наклонять свою ученицу к смирению; учил любви к ближним, простоте, страху Божию, откровению помыслов и прочему. Вот самые изречения старца (это и есть шестой рассказ в рукописи о старческом окормлении иеросхимонаха Амвросия):

«Когда бывает бдение, минут за восемь (до благовеста) надо читать вечерние молитвы».

«После всенощной к тебе придут в келью; то ты встань, зажги свечку и скажи: ну-ко, сестра Варвара, прочитай-ко вечерние молитвы, и по очереди. Этим отучишь ходить в келью».

«Когда ложишься спать, кровать и келью крестить с молитвою: «Да воскреснет Бог».

«На ночь ложиться и утром вставать – все члены крестить можно: сердце с молитвою – «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь», а прочие члены – уши и перси и даже всю себя, с молитвою «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную».

«Шесть часов спать; а то (если более) с покаянием».

«В подряснике можно спать и ничем не накрываться. Сны не рассказывать».

«Ничего не желай во сне видеть, а то с рожками увидишь».

«Когда проснешься, сначала перекрестись. В каком состоянии будешь с утра, так и на целый день пойдешь. У святого Иоанна Лествичника об этом написано».

«Утром, когда проснешься, говори: «Слава Тебе, Боже!» Батюшка отец Макарий всегда это говорил. И не должно вспоминать прошедшее и сны».

«Когда нельзя ходить в церковь, (должно) дома вычитывать: вместо утрени – утренние молитвы, 12 избранных псалмов и первый час, а вместо обедни третий и шестой часы с изобразительными».

«Утренние молитвы читать и в это время ничего не делать. И ко всякой службе ходить. А то ведь тебя даром кормят. Антоний Великий видел Ангела, который показывал ему (как должно монаху жить): то помолиться, то поработать. А во время работы «Господи помилуй» читать».

«В праздности грех время проводить. И службу церковную и правило для работы упускать грех. А то смотри, Господь как бы тебя не наказал за это».

«К службе церковной непременно должна ходить, а то больна будешь. Господь за это болезнью наказывает. А будешь ходить, здорова и трезвеннее будешь. Батюшка отец Макарий, случалось, заболит, а всё пойдет в церковь. Посидит, потом в архиерейскую келью выйдет; там места не найдет, перейдет еще в келью к отцу Флавиану, там побудет; но когда уже увидит, что не в силах быть долее в церкви¹⁶¹, перекрестится, да и уйдет. А то всё не верит себе».

«Когда в церковь идешь и из церкви приходишь, должно читать: «Достойно есть». А в церковь пришедши, положить три

поклона: «Боже, милостив буди мне» и прочее.»

«К началу ходить к службе – трезвеннее будешь».

«Кафизму иногда стоять и непременно вставать на «славах».

«Кафизму попробуй стоять в уголке, а потом выйди на свое место».

«В церкви не должно говорить. Это злая привычка. За это посылаются скорби».

«Четки даны для того, чтобы не забывать молитву творить. Во время службы должно слушать – что читают, и перебирать (четки с молитвой): «Господи, помилуй»; а когда не слышно (чтения), то: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную».

«Непременно устами читай молитву (Иисусову), а умом не полезно – повредиться можешь».

«Хоть шепотом произноси молитву (Иисусову), а от умной многие повредились».

«Во время чтения Апостола дома можно сидеть, если кто другой читает. И в церкви можно сидеть, когда не в силах стоять».

«Оттого дремлешь в церкви и не слышишь службы, что помыслы бродят туда и сюда».

«Прежде всего, нужно милости просить у Господа и молиться: ими же веси судьбами, помилуй мя грешную».

«От тайных моих очисти мя, и от чуждых пощади рабу твою. (Читать): «Помилуй мя, Боже», «Отче наш», «Богородицу», «Да воскреснет Бог». И: «Боже, милостив буди мне грешной».

«Читайте «Отче наш», да не лгите: остави нам долги наша, якоже и мы оставляем»...

«Христос Воскресе» – читать, когда положено церковью; а то не должно».

«Надо молиться и прибегать к Царице Небесной: «Помоги, спаси и помилуй».

«Богородицу» читать 12 раз или 24 раза в день. Она у нас одна Заступница».

«Богородице Дево» читать хоть с поясными поклонами, как одной, явившись во сне, сказала сама Божия Матерь, прибавив,

что это для ее же пользы».

«Когда усердно молишься, то так и смотри, что искушение будет. Это и со всеми случается».

«Не должно говорить, что молишься (или будешь молиться) за других. Отец Антоний¹⁶² – и тот говорит: обязываюсь молиться».

«Не должно тебе молиться за сестер. Это враг, под видом добра, подушает. Это дело совершенных. А ты только перекрестись и скажи: «Господи, помилуй нас».

«Правило ко причащению можно читать самой и «Господи помилуй».

«После приобщения надо просить Господа, чтобы Дар сохранить достойно и чтобы подал Господь помощь не возвращаться назад, т.е. на прежние грехи».

«Когда приобщаешься, то один только день не полоскать рот и не плевать. Если большая частица (Святых Даров), то раздроблять (в рту); а маленькую так проглотить и не обращать внимание на хульные помыслы, а укорять себя за гордость и осуждение других».

«Если пьешь воду или лекарство до обедни, то не должно антидор и вынутую просфору есть».

«Просфору можно стоя есть, – это дело благочестия; а кто сидя ест, того не осуждать».

«К образам прикладываться, как все делают: прежде положить пред иконой два поклона и приложиться, а потом еще один поклон».

«Пятисотницу (по немощи или недосугу) от вечерни можно раскладывать (на целые сутки)».

«Если с вечера пятисотницу не справишь, то утром получше молись».

«Своих поклонов не накладывать; а если хочешь (больше молиться), то ночью вставать».

«К пятисотнице не прикладывать своих выдумок, а как следует (т.е. как положено) молиться».

«Когда справляешь правило (келейное), то опускай занавеску. А когда посмотришь в окно, то вспомни, что каяться надо. У Иоанна Лествичника написано: если хочешь что

недолжное сделать, вспомни, что должно сказать о сём старцу, то и остановишься».

«Не должно говорить (случившейся посетительнице): иду правило справлять, а скажи: пойду по своим делам. А то скажи ей: давай Казанской Божией Матери акафист читать».

«Молитву в келье читать устами: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную». Или: «Боже, очисти мя грешную». А в церкви: «Господи, помилуй». И слушай больше – что читают. А если не слышишь, то всю молитву читай: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную».

«Когда ударят к «Достойно» (если находишься в келье), нужно встать и положить три поклона Святой Троице: «Достойно и праведно поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу». Просить заступления Царицы Небесной и читать: «Достойно есть яко воистину...» А если кто чужой будет (в келье), то только перекреститься».

«С покровенной главой нужно молиться».

«Когда быют часы, должно перекреститься с молитвою: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную; как пишет святитель Димитрий Ростовский: для того помилуй мя, что час прошел, ближе к смерти стало. Можно не при всех креститься, а по рассмотрению, при ком можно; а то и не надо, в уме же молитву должно сотворить».

«Если что представится, перекреститься».

«Не надо верить приметам, и не будут исполняться».

«Лампаду засвечать; а если масла не будет, не скорбеть, – пускай не горит».

«Свечей восковых в церкви не ставить, а самой свечкой быть».

«Когда в мирском доме бываешь, то как в дом взойдешь, в первой комнате креститься три раза; а в другую комнату (перейдешь), можно один раз. А когда обедать сядешь, за первым кушаньем только один раз перекреститься и на весь обед».

«Не должно обращаться свободно с мирскими, ты их соблазнишь».

«Книги читать поутру с четверть часа до работы; потом целый день жуй – что читала, как овца жвачку».

«Списывать с книг, пожалуй, можно, только нужно усваивать; что понятно, то читать. Читать надо меньше, но понимать».

«Только хоть прочитай книгу. Если и не запомнишь ничего в то время (т.е. во время чтения), получишь пользу».

«Евангелие можно сидя читать, только не в положенное время».

«Пред причастием читать святого Ефрема Сирина о покаянии».

«Нужно более читать книги в этот день (когда причастишься), особенно Новый Завет, Послание к Ефесеянам и Апокалипсис».

«Оттого не любишь отеческих книг, что они обличают тебя».

«Книги давай читать, хотя и маслом зальют, запачкают, – ничего; только по разбору, кто читает».

«Книги лучше не раскрывать» (чтобы узнать неизвестное).

«По воскресеньям не работать. А если праздник, например Иоанна Златоуста и т.п., то к вечеру можно поработать».

«Чай пить без хлеба. А если сильно захочется, то после чая маленький кусочек можно съесть на глазомер».

«Когда поутру чай с хлебом пьешь, то скажи себе: разве ты на постоянный двор пришла? Это от привычки. С малого начнешь, привыкнешь к большому».

«Чай пить по три чашки без хлеба и никому этого не рассказывать. А если у кого в гостях будешь, то раскроши только хлеб, как делал митрополит Филарет (Московский). Подали ему уху стерляжью, – он ушицу поел, а рыбу только раскрошил»¹⁶³.

«Чай постом в другой раз – с покаянием».

«Великим постом поставишь самовар и скажи: кто не хочет осуждать, тот пей чай. Хоть не осуждайте-то, а то и напьетесь, и осуждаете».

«Когда труды, то не принуждай келейных только по три чашки чай пить, а скажи: пейте по вашему правилу».

«Если будешь помногу чай пить, то зубы будут болеть».

«Объясливые уста – свиное корыто».

«Если будешь пить после правила вечернего, то нужно положить на это 12 поклонов. Не осуждать людей, а сказать себе: ах, я оканная!»

«Надо благодарить Господа, что Он тебе всё посылает. Это для трех причин – чтобы привести в чувство, сознание и в благодарность».

«Как будешь кого осуждать, то скажи себе: *«Лицемере! Изми первое бревно из очесе твоего»* (Мф.7:5).

«Бревно в глазу – это гордость. Фарисей имел все добродетели, но был горд, а мытарь имел смирение – и был лучше».

«Если найдут помыслы осуждения, то вспомни, что один лошадь украл, а другой овцу, т.е. ты лошадь (украла).

«Все помыслы (недолжные) от гордости. У тебя есть гордишка».

«Гордых Сам Бог исцеляет. Это значит, что внутренние скорби (которыми врачуетсЯ гордость) посылаются от Бога, а от людей гордый не понесет. А смиренный от людей всё несет и всё будет говорить: достоин сего».

«Когда чувствуешь, что преисполняешься гордостью, то знай, что это похвалы других тебя надмевают».

«Когда нападёт гордость, скажи себе: чудачка ходит».

На объяснение, что в разговорах с другими говорю – я, батюшка сказал: «Отец архимандрит Моисей никогда не говорит – я, а: «Это опытом удостоверено»; или скажет: «Мы».

«Дом души – терпение, пища души смирение. Если пищи в доме нет, жилец лезет вон» (обычное выражение: выходит из терпения).

«Когда разворчишься, то укори себя – скажи: оканная! Что ты расходилась, кто тебя боится?»

«Если очень зацепят тебя, скажи себе: не ситцевая, не полиняешь».

«Много в этой голове ума, да вон не идет».

«Когда бывает такое время, что желаешь – и сама не знаешь чего, то напиши в уме эти слова: «Кто я и кто ипостась

моя? И чего я желаю? – в гости не еду и дома не остаюсь, – везите меня к нам». Подойди и прочитай».

«Тщеславие и гордость одно и то же. Тщеславие выказывает свои дела, чтобы люди видели, как ходишь, как ловко делаешь. А гордость после этого начинает презирать всех. Как червяк сперва ползает, изгибается, так и тщеславие. А когда вырастут у него крылья, взлетает наверх, так и гордость».

«Тщеславие, если его тронут пальцем, кричит: кожу дерут».

«Сказать (хвалящей): не хвали, а то после рассоримся. Лествичник велит опасаться таких людей. Лучше принять злословившего человека.

«Если будут тебя хвалить, должно молчать – ничего не говорить, как написано у аввы Варсонофия».

«Похвала не на пользу. Ужасно трудна похвала. За прославление, за то, что здесь все кланяются, тело по смерти испортится, – прыщи пойдут. У аввы Варсонофия написано: «Серид какой был старец! А и то по смерти тело испортилось».

«Уступай N. N. во всём, предложи свой совет, только не настаивай».

«Надо быть ко всем почтительной. Будь ласкова, но не ласкательна. Поклонись, да скорее мимо проходи».

«Надо вниз смотреть. Ты вспомни: земля еси и в землю пойдёши» (Ср.: Быт.3:19).

«Не желай рясофора. Меня самого принудили в рясофор и в мантию, а я не хотел и говорил о сём батюшке отцу Макарию, – я сам не принял бы».

«Смирение состоит в том, чтобы уступать другим и считать себя хуже всех. Это гораздо покойнее будет».

«Ведати подобает, яко три суть совершенного смирения степени. Первая степень – покоряться старейшине, не провозноситься же над равными. Вторая степень – покоряться равным, не превозноситься над меньшими. Третья степень – покоряться и меньшим и вменяти себе ничтоже быти, яко единому от скотов, недостойну сопребывания человеческого».

«Лепо тебе смиратися паче иных, в передней бо мнишися житии. Это напиши да к стене приколи».

«Прежде надо наружно кланяться в ноги старцам. Это положили святые отцы. А потом внутри будет (ощущаться), точно как кто (кланяющийся) беден; а затем кучу золота дадут, и он богат будет».

«Сестра! Кайся, смиряйся; сёстрам уступай – что можно и не осуждай других, – все с немощами».

«Кто уступает, тот больше приобретает».

«Смиряйся, и все дела твои пойдут».

«Умудряйся. Смиряйся. Других не осуждай. Не судите, да не судимы будете».

«Иди мытаревым путем и спасешься; говори: Боже, милостив буди мне грешной!»

«Если не имеешь любви (к ближним), смиряйся».

«Прочитай «Живый в помощи Вышняго» – да и иди прощение проси, на кого немирна».

«Если кто сердится на тебя, то спроси у него причину».

«Если кто непокоен (т.е. немирнен на тебя, а не высказывает сего), то угождай ему, будто не замечаешь сего».

«Если помысел будет говорить тебе: отчего ты этому человеку, который оскорбил тебя, то и то не сказала? – то скажи своему помыслу: теперь поздно говорить – опоздала».

«Если кого хочешь уколоть словом, то возьми булавку в рот и бегай за мухой».

«Будь сама к другим снисходительна».

«Нужно ближнего успокоивать, – и с тобой то же может быть».

«Сама живешь нерадиво, а с других строго требуешь, чтобы исполняли всё».

«Ты молчи пред всеми, и тебя будут все любить».

«Шуточками лучше высказывай, когда непокойна (немирна на кого) бываешь».

«Не должна вмешиваться в их (вместе живущих) спор. А уйди в свою келью, возьми бутылку воды и полей между ними; особенно же каждой можно говорить. Скажи N. N.: мы без щей насидимся, – ни я, ни ты не умеем варить; а другой скажи; потерпи, она петербургская».

Грубо не велел батюшка обращаться.

«Не должно выбирать сестру по духу, а то будет по плоти».

«Хорошее дело, что родные тебе не пишут. На что тебе знать их дела? К нашему отцу А-ию пришла родная сестра и ходила разыскивать для себя сани. Пошла к отцу Д-фею, как отцу казначею, наткнулась на отца игумена, там был и отец А-ий. После он говорил, что такой скорби еще не было ему».

«Смотри на всех просто».

«Будь проста, и всё пройдет. Считай себя хуже N.N. Если будешь внимать себе, то найдешь, что ты действительно хуже N.N.

«Жить просто – значит не осуждать, не зазирать никого. Например, идет Е-да. Прошла, и только. Это значит – думать просто. А то, при виде проходящей Е-ды, подумать о ней с худой стороны: она такая-то, характер у ней такой-то, – вот уже это непросто».

«Если непокойна N N., то скажи: все по своим местам! Себе внимать и авву Дорофея читать! – Напиши это и где-нибудь приколи».

«Ты ей, N.N., раз уступишь, а она тебе десять раз».

«Когда ты непокойна на N.N., то клади поклоны от трех до девяти с молитвой: «Господи, яко же веси, помози рабе твоей N.N. и ее молитвами меня окаянную помилуй. Тогда клади поклоны, когда непокойна (немирна), а то не надо».

«Истина без смиренномудрия основывается на злопамятности. Истина значит – кто ставит ланиту и обращает другую; а на злопамятности – кто оправдывается, что невиноват».

«У тебя всегда была эта страсть, злопамятность; она скрытна и тонка».

«Внутренняя скорбь значит: например, памятозлобствовать или терпеть отсечение своей воли, потому что другой никто не может знать, что у тебя внутри. А внешняя скорбь со стороны других».

N.N. чтобы старшая была тебе. Убытку не будет. Ты всё та же будешь. Только кто к тебе придет и что спросит, ты скажи: как N.N., – а без нее ничего не делай, а как она скажет».

«Кто будет спрашивать у тебя совета, отказываться должно: не знаю, что сказать».

«Смеяться поменьше, а то от этого недолжные помыслы приходят».

«Смех изгоняет страх Божий».

«Если кто будет смешить, тому уменьшить одну чашку чаю».

«За столом не смеяться. Надо знать время на всё. Ежели рассмеются, то одна сжала бы губы и вышла в сени, положив там три поклона».

«Если помыслы будут говорить: никаких больших грехов нет, что смеетесь много, – (большой грех)».

«Дерзка и смела от смеха – страха Божьего, стало быть, нет».

«Если перебивать разговор, то это дело дерзости».

«Если кто шутя до кого дотронется, то десять поклонов положить».

«Господь тебя избавит от всех недолжных помыслов; только смирайся». Молитва: «Господи! За молитвами старца Макария избави меня от помыслов. И меня (старца Амвросия), пожалуй, если хочешь, помяни».

«Если придут хульные помыслы и осуждающие других, то укоряй себя в гордости и не обращай на них никакого внимания».

«Когда найдет день, что будто хорошо живешь – весело и покойно, а вдруг сделается беспокойство, и помыслы будут тебя смущать, тогда скажи себе: что ж ты теперь смущаешься? А помнишь, когда была покойна?»

Вопрос: как стяжать страх Божий? Ответ: «Должно всегда иметь Бога пред собой. *Предзрех Господа предо мною выну (Пс.15:8)*».

«Страх Божий приобретается еще исполнением заповедей Божиих и чтобы делать всё по совести».

«Против рассеянности надо иметь страх Божий. Читай у аввы Дорофея о страхе Божиим, о хранении совести и о смирномудрии».

Вопрос: как себе внимать, с чего начинать? Ответ: надо прежде записывать: как в церковь ходишь, как стоишь, как глядишь, как гордишься, как тщеславишься, как сердишься, и прочее».

«В кельи не ходить и к себе гостей не водить. А если в келье сделается тесно духом, то в чулан выйти прочахнуть».

«Если кто скажет: зайдите, – то скажи: я теперь в кислом расположении, – не могу».

«Ты моя дочка. Я сам такой – человекоугодничаю. Не должно человекоугодничать; должно лучше молчать. Положи на весы угождение людям на одну сторону, а на другую молчание, то молчание перевесит».

«Вы на меня похожи; я тоже учу, – вы мои дочери». Батюшка отец Амвросий несколько раз это повторял.

«Помыслы записывать каждый день. А когда пойдешь к м. и. (для откровения), то выпиши их вообще: например, сердилась и т.п.».

«Надо говорить помыслы м.и.; помыслы и ослабеют. А откуда они? От гордости».

«N.N. (старице или старцу) всё должно говорить; сказать, что осуждаю, и помыслы проносятся, а повторять их не надо. Это враг наносит. Ефрем Сирин называет это лаянием бесовским. Если спросит N.N. – какие? Тогда можно сказать».

«Надо говорить: приходят помыслы хульные против вас и осуждающие» (если бывают помыслы против старицы или старца).

«Свои грехи говори и себя больше вини, а не людей».

«Чужие дела не передавай».

«Не рассказывать, где что делается».

«Батюшка строго приказывал – чужих грехов не говорить матушке игумении, но себя винить».

«Помыслы те надо говорить, которые беспокоят. Иной помысел целый день приражается, и ничего; а другой в раз оцарапает, – тот и нужно говорить».

«Не должно никому говорить, как матушка игумения утешает, а то зависть будет».

«Милостыню подавать, если лишние деньги будут».

«Выработанные деньги отдавай на общие».

«Когда кто просит тебя что купить, покупай до тех пор, пока денег не будет; а тогда скажи, что денег нет».

«У N.N. немощь – скупость, а у тебя немощь – раздавать. У нас был такой-то брат, – раздаст, а потом и скорбит, что того или другого у него нет».

«Свет воссиял, чтобы йоты не было тьмы».

«Кадка меду, ложка дегтю. Враг покажет десять раз правду, а однажды ложь – всё дело пропало».

«Нужно себя понуждать гряды копать, и на всё».

«Вспоминай батюшки отца Макария слова и исполняй, – вот и будешь его слушаться».

Ответ на жалобу о беспамятстве: «Придет время – вспомнишь мои слова, когда нужно будет».

«Уныние значит та же лень; только хуже. От уныния и телом ослабеешь, и духом. Не хочется ни работать, ни молиться; в церковь ходишь с небрежением; и весь человек ослабевает».

«Прелесть нерадения (может быть); а настоящей прелести не будет, потому что мы не подвижники».

Вопрос – помысел пришел: зачем спасаться? Не спасемся всё равно, как ни жить. К тому же теперь нет спасающихся, как написано в видении афонского монаха. Ответ: «Это сказано к тому, что теперь совершенных во всём нет, а спасающиеся есть. Не каждый может быть генералом; а иной – генерал, другой полковник, майор, офицер, солдат; и простой человек такой же, как и они».

Приведенных здесь наставлений старца Амвросия только малая часть. Остается еще множество ответов на самые разнообразные вопросы и наставлений, чаще всего касавшихся только лично самой вопрошавшей. Но и по приведенным наставлениям каждый может судить о достоинстве старца наставника и его ученицы. Прибавим к сему, что наставления эти могут быть весьма полезны и для всех, ревнующих о своем душевном спасении.

VIII. Первый и второй приезд старца Амвросия в Шамординскую женскую общину в 1888 и 1889 годах при новой начальнице монахине Евфросинии и его там пребывание

Ежегодно только по разу, как видели мы выше, старец Амвросий в летнюю теплую пору имел обыкновение ездить в устрояемую им Шамординскую общину на несколько дней погостить и посмотреть, что в ней есть и чего недостает. Посещения эти, будем говорить словами самих шамординских сестер, были для них светлым праздником. В назначенный день, с самого утра, в Шамордине все были на ногах. Кто с тщательным усердием приготавливал келью для дорогого гостя, кто хлопотал в церкви, чтобы с подобающей честью встретить своего ненаглядного батюшку, а кто просто ходил в волнении и радостном ожидании. Наконец служили молебен, и все сёстры, с настоятельницей во главе, располагались у крыльца настоятельского корпуса. Вот из-за опушки леса покажется знакомая карета, и у всех радостно забьются сердца. Лошади быстро несутся и останавливаются у подъезда. В окно кареты показывается седенькая бородка старца. И батюшка с отеческой улыбкой весело раскланивается на обе стороны. «Батюшка дорогой! Сокровище наше, ангел наш!» – слышатся со всех сторон восторженные приветствия обрадованных сестер. Батюшка выходит из кареты и спешит в приготовленную для него келью, чтобы переодеться и отдохнуть; между тем сёстры тотчас же бросаются в карету вынимать батюшкины вещи. Всем хочется захватить какую-нибудь из этих «драгоценностей». А если которой из них это не удастся, она хватается за какой-нибудь конец шарфа или рукав запасного подрясника и вполне остается счастлива тем, что и ей пришлось что-нибудь понести. Батюшка же, несколько отдохнув, отправлялся в церковь, где прикладывался к святым иконам, полагая перед каждой по три земных поклона; ходил в алтарь и затем садился на приготовленное для него кресло, и все сёстры подходили к нему принимать благословение. В последующие затем дни

батюшка ездил по кельям; посещал устроенную им богадельню для разных убогих – калек и слепых – и приют для сирот, которых уже было набрано человек до пятидесяти. Малютки приветствовали своего дорогого посетителя и покровителя пением разных молитв и духовных стишков. Во время переездов старца из одного корпуса в другой толпа народа сопровождала его. Бежали за экипажем, хватаясь за колеса, чтобы взглянуть на него, а некоторые вскакивали на подножку и успевали спросить что-нибудь.

Пребывание старца в общине каждый раз было непродолжительно – дня два-три и немного более. И если прежде он так заботливо относился к основанной им общине, не пропуская ни одного года, чтобы не побывать в ней, то тем паче нужно было ему теперь посетить обитель, при назначении, по его же указанию, новой начальницы, которая прибыла к своей должности 23 мая 1888 года, дабы на месте вознести теплые молитвы ко Господу и Его Пречистой Матери как о новой матери настоятельнице, так и о вверенных ей духовных чадах. Первый такой приезд старца Амвросия совершился 19 июля. Познакомим с ним читателей опять собственными же словами шамординских сестер, описавших для себя в свое время это замечательное для них событие. Читаем:

«Во вторник 19 июля приехал к нам дорогой наш батюшка и пробыл у нас до четверга следующей недели (до 28-го). Еще в первых числах июля пронесся слух у нас, что батюшка собирается к нам после Казанской, погостить; но нам казалось это такой несбыточной мечтой, что мы боялись и радоваться, боялись даже и говорить об этом. Наконец, уже за неделю так до приезда батюшки, слух этот стал всё чаще и чаще повторяться слышавшими от него самого. Говорили, что приедет он в пятницу, субботу, воскресенье. А мы всё еще не смели этому поверить. Как наконец в понедельник начали стекаться к нам для встречи батюшки с разных сторон посетители. Тройка за тройкой так и мчатся к Шамордину. На гостинице номера все были заняты. Пришлось поместить некоторых приезжих из монашествующих в особых кельях. Здесь уж сомнения наши прекратились, и мы стали убеждаться,

что точно ожидает нас великая радость. Еще дня за три стали мы то и дело поглядывать на небо. Чуть набежит небольшая тучка, чуть нахмурится погода, как мы приходим уже в волнение: что как изменится погода, пойдут дожди – тогда нельзя будет приехать к нам желанному гостю. Можно себе поэтому представить, в каком волнении находились мы весь день накануне приезда батюшки.

Наконец настал и вторник. Тотчас после обедницы, часов в 7 утра, начали устраивать для батюшки помещение в церковном доме, в большой комнате, из коридорчика бывшей молельни покойной матушки¹⁶⁴, которая окончательно теперь разгорожена; так как пришлось отворить дверь для батюшки, чтобы ему лучше можно было оттуда слышать и даже видеть службу и выходить через эту дверь в церковь, когда ему вздумается. К 9 часам комната для батюшки была готова. Ее устлали всю коврами, сделали небольшой иконостасец, вставили в окно жалюзи, навесили дверь – и всё это менее чем в два часа, так как делалось всё сообща, дружно и живо. Отцу Иосифу, который также приезжал с батюшкой, приготовлена была комната отдельно. Церковь также преобразилась. Пол в ней устлали коврами, столбы и колонны разукрасили гирляндами папоротника и живых цветов. Но еще более праздничный вид придавали ей радостные, сияющие лица сестер, которые то и дело забежали туда узнать, не приехал ли кто из Оптиной, не слышно ли что-нибудь о родном батюшке, весел ли был он накануне, покоен ли? В четыре часа приезжает наконец одна из наших сестер с радостной вестью, что в три часа батюшка намерен выехать из Оптиной и что нужно ожидать его с минуты на минуту. Весть эта в один миг облетела весь монастырь, и все уже были наготове. В пять часов прискакал верховой с известием, что батюшка проехал уже Полошково. Тотчас собрались все в церковь; зажжена была люстра; от паперти до святых монастырских ворот разостлали ковровую дорожку, по обеим сторонам которой расставлены были сёстры, все в полной форме. В святых воротах ожидали батюшку священник отец Иоанн со святым крестом, матушка настоятельница с нашим чудотворным образом Казанской

Божией Матери, казначея монахиня Елевферия с большим хлебом и просфорой на блюде, изукрашенном живыми цветами, и все певчие.

«Сёстры! Матушка просит вас не разговаривать», – повторяла приказание матушки монахиня Сергия, наша благочинная, устанавливая сестер в линию. Да и не до разговоров тут было. Каждой хотелось сосредоточиться в себе, собраться, как говорится, со своими чувствами. Воцарилась глубокая благоговейная тишина, – другого слова я не подберу для ее выражения. Чувств, которые наполняли каждую из нас, которые переживались нами в эти минуты, никогда уже не испытать нам более: они не повторяются, редкие они гости на земле, их и не передашь. Раздался благовест, трезвон; наконец появилась и давно ожидаемая карета, подкатила к воротам, но дворца оставалась запертой, и батюшка не показывался. Прошло минуты 3 – 4, появился наконец и батюшка с противоположной стороны кареты в полной форме – в мантии и крестах. Запели: «Днесь благодать Святаго Духа нас собра, и вси взявши крест свой глаголем: Благословен грядый во имя Господне!» Батюшка между тем сделал три земные поклона и, приложившись к кресту и образу Царицы Небесной, взял икону на руки и в сопровождении матушки, помогавшей ему нести образ, двинулся к церкви. Все мы поклонились ему до земли, но никто не подходил к нему и не теснил его. На глазах у батюшки были слезы. Да и большинство присутствовавших плакали, но тихо, чтобы не нарушать тишины и стройного пения встречного гимна. Когда вошел батюшка в церковь, запели: «Достойно есть»; затем следовала ектения и т.д., как вообще принято встречать высоких посетителей. Батюшка между тем ходил в алтарь, прикладывался к образам и затем через южные двери прошел на могилу дорогой покойной матушки Софии. Нужно было видеть только выражение лица батюшки в то время, когда прикладывался к образу Царицы Небесной в святых воротах, шел с иконой к церкви и молился на могилке, чтобы оно никогда не изгладилось из памяти! Серьезное, сосредоточенное, какое-то вдохновенное, и взор его, казалось, так и проникал в небеса. По возвращении в церковь и по окончании многолетия ему

батюшка взошел на возвышенное местечко, нарочно для него приготовленное, сел в кресло и стал благословлять всех присутствовавших. После благословения батюшка несколько времени отдыхал, а затем в тот же день несколько раз выходил в церковь, осматривал ее и благословлял всех, кто случался там в то время. Вечером была всенощная, а на другой день обедня и молебен. Служили: отец Иоанн, отец Иосиф и отец Памва собором. Вслед за этим молебном, к северо-востоку от алтаря, отслужен был еще молебен с водосвятием, после чего был крестный ход вокруг церкви и вокруг всего монастыря. Батюшка сам участвовал в крестном ходе, следуя за ним в пролеточке, и благословил, чтобы все наши больные, расслабленные и калеки также принимали в нём участие. Так что за толпой сестер и мирских следовал еще поезд больных, калек и расслабленных, кто в линейке, кто в повозке, кто в чём. Обошли монастырь; крестный ход через святые ворота направился к колокольне, где снова отслужен был молебен с акафистом Казанской Божией Матери, который слушал батюшка уже из комнаты отца Иосифа. После молебна крестный ход, обошедши вокруг могилки матушки Софии, возвратился обратно в церковь. Когда всё было кончено, батюшка вышел прикладываться к образам; потом ходил на могилку, на то место, где только что совершено было водосвятие, и на колокольню и везде долго молился с земными поклонами. В тот же день ездил батюшка в корпус матушки, в часовню Святого Амвросия, ходил даже на террасу, откуда проехал в Тихоновскую часовню, а оттуда пешком пришел в хибарку. Везде батюшка молился с земными поклонами и внимательно всё осматривал. В хибарке, остановившись перед большим портретом матушки Софии (в схиме), батюшка сказал: «Мать всё видит, что тут делается»; и затем, взглянув на шкафы с книгами, прибавил: «Читать и понимать читаемое!..» Из хибарки батюшка вышел в дверь на террасу, прошел по галерейке, посидел на ступеньках, где любила сидеть дорогая матушка София и, спустившись затем с лестницы, сделал несколько шагов вниз, по скату горы. «А какое место-то выбрала мать для своей хибарки!» Передавал он на другой день

впечатления свои Елене Михайловне: «Если б только ноги были у меня покрепче, так бы, кажется, и ушел туда книзу».

Из хибарки прошел батюшка в «молчанку». Всё ему здесь очень понравилось. «И не ожидал я, что у вас тут так хорошо, – говорил он, – просто сам остался бы, кажется, жить здесь с вами». Потом, подошедши к окну и заглянув через него вниз к оврагу, сказал: «Да у вас просто лучше Афона здесь, лучше Афона». Из «молчанки» батюшка возвратился домой и больше никогда в этот день не ездил.

В четверг после обедни была панихида по матушке Софии и матери Амвросии и затем общее благословение. В то время как благословлял батюшка, певчие пели ему обыкновенно различные церковные песни: «Заступница усердная», тропарь святому Амвросию и т.д., пели также и «Торжествуй наша обитель». В этот же день, после нескольких других священных песней, запели Пасхальный канон. Между тем батюшка кончил уже благословлять; слушал и молился. Когда кончили канон, батюшка сам благословил пропеть «Да воскреснет Бог» и по окончании этой песни быстро поднялся со своего места и скрылся за дверь. Пение всегда слишком сильно действовало на родного батюшку. Но что за чудное выражение лица было у него всё время, пока слушал он пение! Один взгляд на него всякого ленивого и нерадивого невольно заставлял молиться. В тот же день утром после краткого отдыха батюшка ездил на скотный двор, осматривал постройки, заходил и в «маленький приют» и долго там оставался. Заходил в каждую комнатку, благословлял всех детей и беседовал с ними. «Большая» рассказала батюшке стихи, сочинения В., их надзирательницы, и сказала их очень мило. Батюшку тронули они до слез. В тот же день батюшка ездил вниз к огородам. Заходил в сторожку, где живут наши огородницы, гулял по горам, благословлял все колодцы; зашел на водокачку, заставлял при себе накачивать воду, осматривал устройство ее и возвратился домой прямо ко всенощной.

На другой день, после обедни и общего благословения, батюшка, отдохнув немного, пошел на могилку. Помолившись и благословив ее три раза, как всегда, он прошел на место

водоосвящения и на колокольню и опять всюду усердно и долго молился. С колокольни же прошел прямо в трапезную. Помолившись здесь перед образом Царицы Небесной, он прошел прямо к настоятельскому месту, сел там и благословил подавать ему весь обед по порядку. Каждое кушанье он благословлял и, отведав немного, звонил в колокольчик, как это делает обыкновенно матушка, давая этим знак трапезницам подавать следующее блюдо. Кушанье из чашек, благословленных батюшкой, вылили потом в котлы и ведра, откуда разливали по чашкам всем сёстрам за трапезой. Из трапезной батюшка прошел в кухню, осматривал устройство печки, плиты и котлов и делал распоряжение насчет различных изменений, которые нашел нужным сделать, а именно – насчет расширения трапезной, а также и хлебни, куда он заходил прямо из трапезной. Осмотрев все эти хозяйственные учреждения наши и посидев несколько минут среди двора, вокруг которого расположены эти постройки, батюшка сел в пролеточку свою и доехал в ней до крыльца, чтобы избавить матушку от великих хлопот, ежеминутно повторяемых просьб и приказаний не напирать на батюшку, не теснить его, которые она принуждена была бы употреблять, чтобы доставить батюшке свободный проход от хлебни до церкви. Сам батюшка, сидя близ хлебни и осматривая расположение зданий, не раз обращался к сёстрам с просьбой стоять поодаль, чтобы ему лучше можно было осмотреть всё. «Вас-то я не раз видел, а постройки-то еще не видал», – говорил он. Но, к сожалению, все эти просьбы и убеждения имели не больше успеха, как старание отогнать от огня ночных бабочек. Попросит батюшка нас отойти от него подальше, мы тотчас и отойдем, но не пройдет и трех минут, как мы снова, сами не замечая того и как, очутимся около нашего дорогого отца и светильника. В тот же день, после обеда и непродолжительного отдыха, батюшка ездил на гостиницу, был у отца Иоанна (священника); оттуда прошел к Ползиковой и к Ф.Ф. Вечером же был в том корпусе, где живет матушка Магдалина (регентша), так как она была в этот день именинница, и возвратился домой уже в седьмом часу вечера.

Во всё время, пока был у нас батюшка, в те дни, когда не положено всенощной, утрени бывали у вас с вечера, вслед за вечерней, чтобы не прерывать покоя батюшки поутру. День же проводил батюшка так: после обедни выходил он прикладываться к образам. Сперва к Царице Небесной; затем шел в алтарь, из алтаря к чудотворному образу Спасителя, откуда или прямо шел на могилку, или же начинал всех благословлять; и затем уже, отдохнув несколько и подкрепившись чаем, шел молиться на могилку матушки и на колокольню. Общие благословения происходили у нас в церкви следующим образом. На возвышенном местечке поставлено было для батюшки кресло. Батюшка садился в него. По правую руку от него стояла матушка; затем матушка казначея, благочинная и другие старшие образовали из себя как бы цепь для того, чтобы сдерживать напор толпы и не позволять слишком тесниться к батюшке, чтобы не так душно ему было. Все подходили по очереди. Всех просили проходить поскорей и, получивши благословение, отходить, чтобы не задерживать других и не утомлять батюшку. Все, таким образом, получали благословение, а между тем ни тесноты, ни давки не было. Отдохнув несколько времени после общего благословения, батюшка начинал принимать приезжих посетителей, иногда в своей комнате, иногда же для этого выходил в церковь, садился на скамеечке близ свечного ящика и здесь с ними беседовал. Мы же стояли все поодаль и не могли достаточно насмотреться на своего дорогого гостя. Выражение лица батюшки, которое менялось ежеминутно, смотря по тому, приходилось ли выслушивать ему что-нибудь отрадное или скорбное, ободрял ли он или давал строгую заповедь, обращался ли к детям или к взрослым, его движения – ласкал ли он кого или приколачивал палочкой, – всё, всё в нём исполнено было такой глубокой совершенной любви, что, глядя на него, самое жесткое, грубое сердце невольно делалось мягче, милостивее и добрее, и как бы мрачно ни был настроен человек, ему тотчас становилось и легче, и отраднее и светлее на душе. Невольно припоминался нам в эти минуты тот старец, который, посещая другого великого старца, никогда его ни о чём не спрашивал, но,

просидев молча, пока другие вели с ним беседу, удалялся с ними вместе. На вопрос же, почему он ничего не говорит, отвечал: «Для меня достаточно и посмотреть на него». Часов в 11 подавали батюшке лошадь, и он отправлялся объезжать корпуса и постройки, в сопровождении особо ехавшей матушки, которая помогала ему выходить из экипажа, ограждала его от толпы, и с которой он нередко тут же и занимался насчет перемещения сестер, переделок, перестроек и т.д., и в сопровождении толпы сестер и мирских, которые бегом мчались за батюшкиной пролеточкой. Кто тащил ему скамеечку, кто коврик, кто мешок с чулками. Но вот пролетка останавливается. Вперед приехавшая матушка ожидает батюшку уже у крыльца того корпуса, куда он должен подъехать. Батюшку на руках почти высаживают из экипажа и ведут по кельям. Только что войдет батюшка в двери, как они тотчас же запираются, и хозяйки остаются наедине беседовать с батюшкой. Матушка и все, кому только удалось захватить какую-нибудь из дорожных принадлежностей батюшки, как-то: мешок, калоши, ряску, очки, рукавички, стул, – ожидают батюшку в коридоре или сенях, а вся остальная толпа у крыльца корпуса, осчастливленного посещением высокого и дорогого гостя. Но вот батюшка обошел уже все кельи и снова появился в дверях. Начинается великая суетня: «Где батюшкина ряска? У кого калоши батюшкины? Очки, очки давайте скорее батюшке!» Все суетятся и радуются, что снова видят батюшку. Хозяек же указывать нечего, – лица их сами себя выдают. Как только заметишь сияющее восторгом лицо, так прямо и спрашиваешь: «А ты разве в этом же корпусе живешь?» «В этом, в этом! Вот нам ныне счастье-то! Батюшка-то родной посидел у нас, помолился, (то-то и то-то) сказал». «А что же ты с ним занималась?» Кто скажет: «Занималась, да еще как хорошо-то! Уж так батюшка утешил меня, родной, ну и пробрал также, а уж зато легко теперь стало на душе»; а кто ответит: «Нет, где ж батюшке со всеми теперь заниматься? Да мне теперь и не до занятий, – я не знаю, о чём говорить теперь с батюшкой, у меня и скорбей теперь никаких нет». Возвращался батюшка домой часу во втором, кушал, отдыхал, а после отдыха снова отправлялся объезжать корпуса до

всенощной или вечерни. За всё время своего пребывания у нас батюшка перебивал во всех корпусах, не пропустил ни одной кельи, ездил и на Лапеху¹⁶⁵, был во всех сараях и амбарах. Во вторник принесли батюшке к вокзалу носилки, приготовленные сёстрам для ношения камней для постройки храма. Батюшка благословил их и сам пробовал, ловки ли они.

Погода всё время была отличная. В субботу лишь к вечеру пошел дождь и шел перерывами до половины следующего дня, а затем снова прояснилось и стало еще лучше, так как не было уже той духоты и зноя, как в первые дня пребывания батюшки. С субботы стали уже поговаривать, что батюшка собирается уезжать. Но наверное дня отъезда батюшки никто еще не знал, ни даже матушка; да никто и узнавать не старался. Ну-ка вдруг скажет – «завтра». Это так будет грустно, что лучше уж подольше не знать об этом и не горевать прежде времени. Однако, рано или поздно, разнеслось печальное известие: «Батюшка уезжает сегодня». После обедни, молебна и общего благословения, батюшка принимал многих сестер и мирских; затем подали ему кушать. Мы же все почти разошлись по кельям с той мыслью, что батюшка, вероятно, будет теперь отдыхать, а там мы снова отправимся в церковь караулить выход его, чтобы хоть лишний разок взглянуть на него, как вдруг прибегает кто-то и говорит; «Скорее, скорее собирайтесь в церковь и в форме, сейчас будет напутственный молебен для батюшки». Собрались мы все, и узнать нельзя, что это те же лица, которые накануне еще можно было видеть такими сияющими. Головы опущены; кто плачет, кто едва удерживается от слез. Молчание глубокое. Начался молебен Царице Небесной и для путешествующих. По окончании его отец Иоанн провозгласил многолетие батюшке и ждал, что он выйдет прикладываться к кресту, но вышел один отец Иосиф. Батюшке же родному, вероятно, трудно было выйти. Эта грустная, прощальная обстановка слишком сильно повлияла бы на его чуткие нервы. Ждали мы, что он выйдет на общее благословение, но он не вышел. Присутствующим же всем объявлено было, что батюшка лег отдыхать, и потому если желают дожидаться выхода его в церкви, то старались бы сидеть

как можно тише. Прошло около часу; в коридорчике засуетились и вышли сказать, что батюшка проснулся. Минут через пять и батюшка появился. Серьезный, сосредоточенный, скоро-скоро прошел он по церкви прямо к образам и в алтарь. Из церкви, через южную паперть, вышел на могилку, в последний раз три раза ее благословил и возвратился в свою комнату. Переодевшись там, он снова вышел и пешком прошел в «молчанку», где по его благословению сооружается какая-то постройка, очень его интересующая. Здесь несколько минут беседовал батюшка со счастливецом нашим Кузьмой и, переодевшись и благословив нас, прошел в церковь. Здесь в последний раз он всех благославлял, так как всем было заранее объявлено, чтобы при прощании никто к батюшке не подходил и не беспокоил его. Из церкви батюшка снова прошел в свою комнату. Сестер же снова расставили в два ряда от церковной паперти и до святых ворот, где снова, как при встрече, ожидали батюшку матушка с образом Царицы Небесной и певчие. Настала вновь тишина столь же благоговейная, как и прежде, но с оттенком скрытой грусти. То и дело доносились с разных концов всхлипывания и сморканья. Когда же появился наконец батюшка, и певчие грустно запели «Достойно есть», заплакали почти все. Батюшка шел быстро и благославлял на обе стороны. Там, где он проходил, кланялись ему в ноги. Когда же, сделав три земные поклона перед иконой Царицы Небесной и приложившись к ней, батюшка взял ее на руки и, стоя в святых воротах, в последний раз благословил ее сестер и обитель, как бы поручая их Божественному покрову нашей Заступницы усердной, все вместе поклонились мы в землю и горько заплакали. Батюшка же между тем, давши матушке приложиться к иконе, вновь передал ее ей в руки и быстро скрылся в карете. Дверца захлопнулась, и карета помчалась. Долго, долго еще, стоя у святых ворот, глядели мы вслед удалявшейся карете и не могли тронуться с места. Какая-то тихая грусть наполнила душу, и жаль было расстаться с ней. Как пусто стало вдруг в Шамордине, и долго не могли мы свыкнуться с этой пустотой, пока снова не вошли в свою обычную колею. Батюшка уехал от нас 28-го, в день

празднования Смоленской иконы Божией Матери. Образ Смоленской Божией Матери получила теперешняя матушка настоятельница на благословение от обители, принимая ее в свое управление. И в день празднования Ей батюшка всех нас поручил Всемиловитой и истинной Путеводительнице нашей. Матушка с монахиней Екатериной (Михайловной) ездили провожать батюшку до Оптиной. Что только там было! – рассказывала матушка. Как только узнали, что батюшка возвратился, вся монастырская братия присыпала к скиту. Оживление было по всему лесу такое, какое бывает лишь в светлый праздник. Дорожки от монастыря к скиту покрыты были народом, стремящимся со всех сторон к хибарке, чтобы принять благословение, или взглянуть по крайней мере на батюшку. Слава Богу, дорога не слишком утомила дорогого батюшку, так что он в силах был всех благословить. На другой же день на вопрос матушки, как он себя чувствует, отвечал, что пребывание его в Шамордине кажется ему сном. Аминь.

Батюшка приехал к нам 19-го во вторник. В этот день была всенощная пророку Илии. В среду был крестный ход. Вечером батюшка был в настоятельском корпусе, в обеих часовнях, хибарке и «молчанке». В четверг была панихида по матушке Софии и матушке Амвросии. Батюшка ездил осматривать остальные постройки за оградой: конный и скотный двор, – и довольно долго оставался в младшем приюте. Вечером батюшка ездил книзу; был в караулке, гулял по горам, благословлял колодцы, осматривал водокачку и вернулся оттуда к всенощной (Марии Магдалины). В пятницу батюшка был утром в трапезной, в кухне, хлебне, башмачной, сидел среди дворика, стоял и смотрел через калитку. Вечером ездил на гостиницу, (был у отца Иоанна) к Ползиковой и к Ф.Ф. Был в своем корпусе и у матушки Екатерины (Михайловны). В субботу батюшка был в «молчанке», потом в богадельне и у матушки Глафиры Мямлиной. Вечером же был в ново-прежнем корпусе. Воскресенье. Батюшка никуда не выезжал; в этот день было полгода кончины матушки Софии. В понедельник после обеда батюшка два раза был в трапезной, потом в корпусе, где келья матушки Евмении, в приюте старшем, в больнице, осматривал

вновь строящийся корпус, был в просфорне и наконец долго оставался в настоятельском корпусе. Во вторник утром был батюшка у матушки Александры (Николаевны), заходил в кладовую, осматривал весы, давал ей заповедь не обвешивать, был у матушки Олимпии, матушки Елевфери, Александры Ивановны, матушки Сергии; затем в рухлядной; оттуда прошел в вокзал, благословлял носилки, был в старом доме. Вечером ездил на Лапеху. В среду ходил батюшка на место, где предполагали прежде строить храм; вечером же ездил осматривать амбары и в Савик. В четверг батюшка уехал.»

СТИХИ, КОТОРЫЕ ГОВОРИЛА БАТЮШКЕ К.

Отец родной, отец святой!
Как благодарить тебя, не знаем.
Ты нас призрел, ты нас одел,
Ты нас от бедности избавил.

Быть может, мы теперь бы все
Скитались по миру с сумою,
Не знали б крова мы нигде
И враждовали бы с судьбою.

А здесь мы молим лишь Творца
И за тебя Его мы славим;
Мы молим Господа Отца,
Чтоб нас сироток не оставил!

Тем заканчивается рассказ шамординский о посещении старцем общины в 1888 году. Прибавим к сему, что вышеозначенные стишки впоследствии положены были какой-то шамординской мастерицей на ноты. И после того каждый раз, как старец посещал в общине приют, дети пели для него этот кант. Серьезно, задумчиво слушал старец эти детские моления, и часто крупные слезы катились по его впалым щекам. Что думал он в эти минуты, для всех тайна. Но можно предполагать, что дух его, проникнутый искренней детской благодарностью к нему бездомных, беспомощных малюток, возносился молитвенно к Царице неба и земли, чтобы Она, и

после его смерти, не оставляла их Своим всемогущим покровительством. Отношение же старца к детям вообще было самое нежное, отечески-любезное. Упомянутая выше А.А. Шишкова в своей статейке о старце Амвросии напечатала следующее: «Я была свидетельницей того сострадания и нежной любви батюшки к болящим детям, как он ежедневно, несмотря на свою слабость, ездил в больницу их проводывать, как баловал их – даст то конфетку, то пряник, приласкает их, пошутит».

Проводы старца из Шамординской общины всегда сопровождалась обычной суетой и всегда оставляли в сёстрах грустное впечатление, как сейчас выше описано. Многие заранее уходили вперед далеко по дороге, где он должен был ехать, чтобы еще раз издали поклониться дорогому батюшке, когда он будет мимо них проезжать.

О посещении старцем Амвросием Шамординской общины в следующее лето 1889 года сообщает нам несколько сведений неизвестная особа в своей статейке под заглавием: «Воспоминания о батюшке, отце Амвросии», напечатанной в «Душеполезном Чтении»¹⁶⁶. В сущности, заметим, посещение это не отличалось от описанного. Вот самый рассказ.

«1889 года в июне месяце привел меня Господь в первый раз побывать в известной всем благословенной Оптиной пустыни, в которую стекалось, особенно тогда, множество людей всякого звания к батюшке отцу Амвросию. Давно уже я стремилась всей душой узреть чудного старца, услышать душеспасительные наставления того, о ком так много поразительно-трогательных рассказов пришлось услышать от близких и дальних, от чужих и своих. Я же, перенеся в непродолжительное время две мучительные операции в груди, настрадавшись физически и нравственно, в то время чувствовала особенную потребность в утешении и подкреплении духовном. Да притом и самый образ батюшки, каким я себе представляла его, влек меня издали какою-то неотразимой силой. По отдаленности от железной дороги, ехать приходилось на лошади проселком и в продолжении двух дней.

Явились было сомнения, колебания и даже страх по поводу нездоровья, но, помолившись и уповая на помощь Божию, я все-таки отправилась в путь.

Первый долгий и знойный день путешествия, в тряской деревенской телеге, измучил меня невыносимо. Едва-едва доплелись мы до ночлега в крестьянском домике, но, к горю моему, отдохнуть здесь не удалось, несмотря на полное радушие хозяев, так как всю ночь я не могла уснуть от терзавших и беспокоивших меня насекомых. Насилу дождались рассвета; я, измученная и совсем больная, вышла на крыльцо. И позавидовала своему вознице, безмятежно спавшему на открытом воздухе в телеге. С ужасом уже думала я о продолжении пути, предполагая, что если и доберусь до Оптиной пустыни, то слягу там совсем больная. Но и возвращаться назад с полпути было слишком тяжело и больно. Долго сидела я в крайнем изнеможении и раздумьи, не зная, на что решиться. Солнышко уже взошло. К крылечку, где сидела я, подошел какой-то старичок, не то нищий, не то прохожий, с сумочкой, и, пристально глядя на меня, поздоровался и стал говорить: «Вот и Сергей преподобный трудился, и Николай Чудотворец тоже трудился, и Тихон преподобный, – все трудились; зато вот в Царство-то и попали. Бог труды любит. Так-то! А смерти не миновать, как хочешь». Удивилась я неожиданному приветствию загадочного странника, а между тем чувствую, что страх мой перед трудным путешествием куда-то исчез. Я сразу как-то ободрилась, вразумясь, что, верно, Господь послал мне это внушение, и, не смущаясь более ничем, быстро собралась и, преодолевая свою слабость и изнеможение, отправилась дальше.

Чистый утренний воздух и пение птичек убаюкали меня, а проснувшись, я уже чувствовала себя так бодро и хорошо, что почти без утомления доканчивала остальной путь. И когда к вечеру мы стали наконец приближаться через сосновый прекрасный бор (со стороны Лихвинской дороги) к благословенной обители, то радости моей, кажется, не было ничего подобного. Кому привел Господь побывать там, тот знает, какое величественное, совершенно особенное впечатление

производит Оптиная пустынь, окруженная зеленью могучих сосен и елей и окаймляемая внизу рекой Жиздрой. В монастырской гостинице мы, в лице гостинника отца М., встретили своего земляка. От отца М. мы узнали, что батюшка в Шамордине и что все богомольцы отправляются туда, чтобы видеть его. Пока мы беседовали, раздался благовест ко всенощной. Я поспешила в храм Божий и там имела великое духовное наслаждение присутствовать и помолиться за чудным торжественным богослужением. Это было накануне праздника апостолов Петра и Павла.

Наутро, отстояв обедню, я поспешила в Шамордино. По приезде туда прежде всего я была поражена огромными толпами народа, которые с раннего утра окружали то помещение, в котором находился батюшка, жаждающая узреть его и хотя издали получить его благословение. И так велика была любовь к нему народа, так сильно желание видеть и получить его наставление и утешение, что в числе этого, не знавшего утомления и пришедшего из дальних стран народа были такие, которые ждали по две недели и не теряли надежды быть принятыми им, батюшкой отцом Амвросием. Когда я подошла ближе, узнала, что ждут выхода батюшки, – он поедет сейчас посетить богадельню, сиротский приют и другие благотворительные учреждения, устроенные им при содействии благотворителей. Не видя возможности протиснуться к выходу, я стала поодаль. Вот растворились двери; народ заволновался; слышались восклицания: «Батюшка ты наш! Батюшка!..» Вот и он, возлюбленный батюшка, отец Амвросий, уже согбенный, но благолепный старец, простой, ласковый, доступный; только его прозорливые глаза светились мудростью и проникали в самую глубину души. Благословив ближайших из толпы, батюшка сел в экипаж и шагом поехал вдоль монастыря. Народ не отставал, по бокам и впереди и сзади бежали, ловя его взгляд, благословляющую руку, и, радостные, уступали место другим. Я издали следила за этим умиляющим душу и совершенно новым для меня зрелищем.

Посетивши всех своих призреваемых, батюшка вернулся отдохнуть в настоятельские кельи. Народ стремительно ринулся

было за ним, и неимоверных усилий стоило удержать его и затворить двери. Мне досталось великое счастье быть введенной в комнаты, благодаря доброте матушки игуменьи. Здесь, во время следующего выхода батюшки, подойдя к нему совсем близко, я с невольным трепетом взглянула на этот благолепный лик и на прозорливые, глядящие прямо в душу очи его. Крепко припала я к его, благословившей меня, грешницу, руке; и когда с радостными слезами на глазах подняла голову и взглянула еще раз уже вслед ему, я увидела, что он, батюшка мой родной, дорогой, оглянувшись, тоже смотрел на меня пристально и при этом проговорил что-то, уходя. Я замерла на одном месте. А одна старая монахиня, подбежав ко мне, торопливо говорит: «Что же вы стоите-то? Ведь батюшка сказал: я возьму тебя. Надо было пользоваться, ведь здесь по две недели живут и уходят, не увидавши его». А я не смела и подумать, что это ко мне относится. Целый день не давали покоя батюшке посетители, исключая маленьких промежутков, когда он немного подкреплялся пищей и отдыхом.

Благодаря доброте и приветливости игуменьи, меня проводили в обеденное время в трапезную, где в это время кормилось безвозмездно множество богомольцев. Там на видном месте, украшенный зеленью, большой прекрасный портрет отца Амвросия, – точно гостеприимный хозяин как бы наблюдал за угощением своих гостей. Так как это был день святых апостолов Петра и Павла, то одной из монахинь тихо, но внятно и выразительно читалось извлечение из евангельских сказаний о святом апостоле Петре. Все безмолвно внимали этому святому повествованию: о живой, горячей вере и любви апостола к возлюбленному Учителю, также о прискорбном отречении его и, наконец, о восстановлении в апостольском звании воскресшим Господом. И так чудно хороша казалась мне эта трапеза людей, собравшихся здесь из разных сторон и разных званий, по-братски сидевших, трапезовавших и внимавших как бы самому великому апостолу, сказавшему: *Более же всего имейте усердную любовь друг ко другу, потому что любовь покрывает множество грехов. Будьте страннолюбивы друг ко другу (1Пет.4:8–9).*

День склонялся к вечеру. В небольшой домово́й церкви Шамординской обители совершалось всенощное бдение. Стройно, благоговейно пели и читали юные монахини. Усердно молились богомольцы. А в прилегающем к церкви темном коридорчике опять теснились пришельцы, томясь с раннего утра и терпеливо ожидая, когда отворится заветная дверь в батюшкину келью, освещенную горевшей перед иконами лампадкой. Кто стоял, кто сидел здесь. А у самой двери, прислонясь от слабости к стене головой, сидела молоденькая больная монахиня, и здесь же какая-то молодая женщина, истерично рыдающая. Вот отворилась дверь. Все встрепенулись. Батюшка, весь в белом, зорко окинув взглядом всех, взял за руку больную монахиню и ввел ее за собой. Дверь опять затворилась. В это время плачущая женщина вскрикнула: «Батюшка! Возьмите же и меня, а то я умру с горя», – и зарыдала еще сильнее. Вдруг опять отворилась дверь. Батюшка с доброй улыбкой взглянул на нее и сказал: «Кто это тут умирать-то собирается? Еще, пожалуй, хоронить придется. Ну иди, иди!» Дверь снова затворилась за ними. И когда вышла эта скорбящая душой женщина, лицо ее просветлело. Слезы хотя катились еще по лицу, но это были уже не прежние слезы, и что-то радостное, спокойное светилось в ее глазах. Когда я с участием спросила ее, утешил ли ее батюшка. «О, как еще утешил-то! Точно родной отец... Только очень велико мое горе-то, не скоро излечишь его», – сказала она.

«В этот момент из церкви неслось пение: «Хвалите имя Господне! Хвалите, раби, Господа». Глубоко растроганная всем виденным мною, я молилась, прося великой милости от Бога – быть принятой великим старцем. Прошло несколько минут, опять отворилась келья. Сам батюшка показался в ней и назвал меня по имени... Я вздрогнула от радости и, творя крестное знамение, вошла вслед за ним в его небольшую, полуосвещенную заходящим солнцем келью. Батюшка сидел на кресле. Я упала перед ним на колени и, получив его святое благословение, наклонилась к его ножкам и припала к ним со слезами радости. «Ну что же ты скажешь хорошенького-то?» – называя меня по имени, спросил батюшка. «Батюшка мой!

Помолитесь обо мне, – говорила я. – Я имела болезнь в груди, вследствие которой мне два раза делали операцию: резали здесь и здесь. А доктор говорит, что в августе я должна опять ждать повторения этой болезни. (Говорю об этом, а у самой и страха никакого нет на душе; радостно только глядеть на батюшку). Помолитесь за меня, отец мой, чтобы Господь исцелил мое тело и мою душу». Пока я говорила, батюшка глядел на меня своим прозорливым взглядом. «А какие у тебя есть еще грехи-то?» – спросил совсем неожиданно для меня батюшка. Не приготовившись совсем, я едва нашлась сказать, что суетная я, батюшка, тщеславная, нерадивая о своем спасении и... и недавно очень злилась, не за себя, впрочем. – «Ты недавно злилась? А прежде-то зачем? А?» Я смутилась от неожиданности и едва проговорила: «Когда, батюшка?» – «А от чего началась твоя болезнь-то?» О, батюшка!.. С быстротою молнии мне вспомнилось мое тогдашнее душевное состояние, тогда я чувствовала себя глубоко оскорбленной. Это было большое горе на моей душе... «Ведь сама была отчасти виновата тогда?» – говорил он, а тон его голоса кроткий, милостивый. Да, батюшка! – После я признала, что была не совсем права. «А если и невинно-то потерпеть, – разве нельзя было? Господь терпел... Зачем было быть мстительной?» – «Но я не желала мстить, батюшка (много времени спустя я, часто размышляя об этих словах, вразумилась, что он не ошибался), – недоумеваю, говорила я, пробегая мысленно прошлое и те обстоятельства моей сердечной жизни, на которые так прозорливо указывал старец, – мне только было очень горько, я глубоко на душе хоронила это горе». – «То-то вот хоронила! Ну, теперь смотри же, никогда не злись. А теперь не бойся: ничего тебе больше не будет; ничего не будет! Поезжай отсюда в Калугу; там побывай у Креста Животворящего, на Калуженке (явленная чудотворная икона), и у Николая Чудотворца в старом архиерейском доме (иначе – старый теплый собор), возьми святой воды и масла из лампадки; воду пей натошак, а маслом мажься. Господь тебя благословит!» Благословив и отпустив меня, батюшка воротил меня опять и дал мне просфору.

Невозможно описать и выразить словами того, что чувствовалось тогда на душе. Это был и благоговейный трепет перед праведником, проникнувшим своей прозорливостью в мою грешную и страдавшую душу и читавшим, так сказать, мои сокровеннейшие думы и чувства, доселе известные одному Богу, и это была какая-то неземная, восторженная радость от общения, веяния этого мира духовного... Нет! Словами, повторяю, не выскажешь, что за чудный, торжественный праздник был тогда на душе, – точно Светлое Христово Воскресение. И не потому это было, что опасность страшной болезни и операции, еще более ужаснейшей, была устранена словами батюшки. Я говорила-то о них, потому что сочувствующие мне из монахинь настоятельно посоветовали сказать об этом отцу Амвросию – благо это так удобно – и просить его святых молитв. Такое же точно настроение было у всех, имевших счастье быть принятыми батюшкой.

Когда, поздно вечером, собрались мы в монастырской гостинице, в коридоре столпились в кружок люди, съехавшиеся из разных и дальних сторон, незнакомые, чужие доселе друг другу, а здесь перезнакомившиеся и откровенно, по-братски делившиеся своими впечатлениями и своей радостью по поводу сказанного батюшкой утешения, вразумления или мудрого совета. Здесь же находилась и та плакавшая женщина и сидела уже совершенно спокойно. Я опять подошла и заговорила с нею: «Вы, вероятно, лишились недавно кого-нибудь из близких своих, что так расстроены были у батюшки?» – «Ах нет, не то совсем. Если бы я схоронила кого, то, конечно, нашла бы сочувствие в людях, а теперь... теперь меня только презирать бы стали». – «Бедная! Но батюшка ведь все-таки успокоил вас, утешил?» – «О да, конечно, точно отец родной! У меня точно камень тяжелый с души свалился. Я уже собиралась что-нибудь с собою сделать... И если бы не он, то я не знаю, что бы со мною было даже сегодня». Дальше она сказала о себе, что и происходит-то она из такого племени, которое все презирают, т.е. еврейка. «Но как же это вы пришли к батюшке-то?» – удивилась я. – «Может быть, хотите принять христианство?» Она ответила на это что-то уклончивое. Когда я оставила ее,

чтобы найти себе где-нибудь уголок переночевать, оказалось, что все комнаты в гостинице были переполнены народом. И мне пришлось устроиться кое-как тут же в коридоре на диванчике, а на любезное предложение одной госпожи поместиться в ее номере я предпочла остаться совершенно одной, чтобы сосредоточиться хотя немного и передумать, пережить снова, хотя отчасти, все впечатления нынешнего, счастливейшего в моей жизни дня.

Утром рано, едва я открыла глаза, как опять то же радостное настроение охватило мою душу, тоже благоговение к благодатному старцу и горячая, беззаветная любовь к нему. Вышедши из гостиницы, я с умилением глядела на окна той скромной, смиренной кельи, где находился тогда наш дорогой батюшка; земно поклонилась я ему, заочно прося его святых молитв о грешной душе моей, и радостная, счастливая выехала из этой юной еще обители, которую не променяла бы тогда на все сокровища мира.

На возвратном пути я свято исполнила всё, что приказано было мне батюшкой. Побывала в Калуге у всех указанных им святынь, и, отслужив везде молебны и получив святую воду и масло, я с миром в душе и радостью вернулась домой. По молитвам старца болезнь моя не возвращалась ко мне с тех пор, и этому уже девять лет. Однажды была опасность, от сильного ушиба, возобновления страшной болезни, появились даже и признаки ее. Я в ужасе, не видя иной помощи, кроме молитвы (батюшки нашего незабвенного уже не было в живых), опять отправилась к тем же святыням, как и прежде; помолилась там, запаслась своим святым лекарством и, по великому милосердию Божию и молитвам батюшки, снова получила здоровье.»

Мы же, следуя своему порядку, будем продолжать рассказ об обстоятельствах описываемого старца, сопутствовавших ему в последующие за 1889-м годы его жизни.

IX. Перемещение старца Амвросия из Оптинского скита в Шамординскую общину

8 октября 1889 года старцу Амвросию исполнилось пятьдесят лет со времени прибытия его в Оптину пустынь. И признательные сёстры Шамординской общины поднесли ему в этот день большого формата служебное Евангелие, кругом обложенное серебром с позолотой, прекрасной работы. С обычным благоговением и смирением приняв этот, в особенности по содержанию, драгоценный подарок, старец передал его сначала в скитскую ризницу, где он и хранился некоторое время, но потом возвратил его в Шамординскую общину, о которой всячески заботился и не переставал заботиться даже до того, что наконец и себя самого отдал туда же, как сейчас увидим.

Не имеется здесь в намерении входить в тонкие изыскания различных причин, почему старец переместился в Шамординскую общину. Скажем просто, как в свое время говорил сам описываемый старец: такова была воля Божия. *Ибо кто противостанет воле Его?* (Рим.9:19) Внешние же обстоятельства, в которых и выражается о нас воля Божия, слагались таким порядком. Сам старец Амвросий, как известно, доживал последние годы, почему, изнуренный беспрестанными трудами и болезнями, естественно всё более и более ослабевал в силах, доходя по временам, как видели мы выше, до того, что жизнь его, как говорится, висела на волоске. Потому посетителям по долгу приходилось, в ожидании старцева приема, жить на монастырских гостиницах, где издавна заведено устраивать их бесплатно. Стечение же народа было громадное, а по народу таковы были и расходы. По необходимости наплыв излишнего народа пришлось несколько ограничивать. Но для любящего сердца старца Амвросия, жаждавшего удовлетворять всякие нужды всех, относившихся к нему, это было немалой скорбью. Это было еще несогласно с его крепкой верой в Промысл Божий, всегда пекущийся о всех и о всём. Когда же старец несколько поправлялся в силах,

множество посетителей, и своих и чужих, с самыми разнообразными нуждами, а иногда и неуместными требованиями, со всех сторон осаждали его, не давая ему, и без того обессиленному, ни отдыха, ни покоя. Старца, так сказать, разрывали на части. Потому, вероятно, как мы видели выше, он, лежа на болезненном одре, и высказался одной своей духовной дочери так: «Мне трудно, невозможно становится жить». Трудность эта, может быть, увеличивалась и другими причинами, вытекавшими из взаимных отношений между старцем и его близкими духовными чадами. Но неудобно судить о сём по одним догадкам и умозаключениям.

При таком положении дел в Оптиной пустыни старца Амвросия еще очень озабочивали дела шамординские хозяйственные, которые, по кончине первой настоятельницы матушки Софии, видимо приходили в упадок. Там, с самого открытия общины, производились большие постройки; было потому множество рабочих, а хорошего присмотра теперь за ними не было. Сама новая настоятельница, при всей своей доброте была и есть здоровья слабого и – не в укор ей сказать – как не имевшая возможности заниматься хозяйственными делами, не приобретшая потому в них опытности. Других же, близких к ней, лиц способных к делу сему, не было. Затем – средств ни в строящейся обители, ни у самого старца не было никаких, но об этом никому не было известно. Напротив, почти все были уверены, что средства неисчерпаемы. Даже самые близкие к старцу благотворители не знали его положения. Между тем старец затеял строить в общине огромный каменный храм. И так как храм этот предположено было поставить на месте уже бывшей в общине деревянной домово́й церкви, то нужно было еще эту церковь перенести на другое место. Но денег потребовалось немного, и вот летом 1889 года, когда уже сёстры общины сами начали рыть канавы для бута под новую церковь, прежняя деревянная быстро перенесена была на юго-западную сторону обители. Через месяц в ней уже отправлялась служба. Церковь эта поставлена около монастырского кладбища, и в ней устроен придел в честь

святой иконы Божией Матери, именуемой «Живоносный Источник»¹⁶⁷.

Приступлено было затем и к построению нового храма по утвержденному плану. Для сего нанят был благотворителями архитектор, который и содержался на их счет два года. Предварительные работы были начаты: устроен кирпичный завод, и заложен для храма фундамент. Но затем потребовались деньги, а их не было. Сделано было печатное приглашение к пожертвованиям ко всем значительным московским домовладельцам от имени настоятельницы. Но увы! – сбор оказался так скуден, что едва покрылись расходы на печать и почту. Такие-то крайние обстоятельства и заставили старца Амвросия подумать о перемещении в Шамординскую общину, хотя, может быть, на время, для личного распоряжения на месте.

Настало лето 1890 года. Июнь. Погода теплая, прекрасная. Старец, по примеру прежних лет, начал собираться в Шамордино. Вообще должно заметить, что когда он собирался туда ехать, не любил заранее говорить о своей поездке, так как, вероятно, и сам не мог определить в точности времени своего отбытия, да чтобы и посетители не волновались бесполезно. Однако, по некоторым признакам, все уже догадывались, что батюшка думает ехать в Шамордино. Еще за несколько дней до отъезда начнутся в хибарке разговоры об этом и расспросы друг у друга, не слыхал ли кто, когда батюшка едет и надолго ли. Не получая же ни от кого удовлетворительного ответа, обращались обыкновенно к келейнику с теми же вопросами. Келейник отвечал как бы нехотя: «Ничего еще не слышно». На несколько времени все успокаивались, хотя по тону келейника и не совсем доверчиво относились к его ответу. Но только что успокоятся, войдет в хибарку какое-нибудь новое лицо с тем же вопросом: «Говорят, батюшка собирается в Шамордино?» Опять начнется волнение. Приезжие из опасения, что не успеют со старцем заняться, решаются наконец спросить его самого. Выйдет батюшка на общее благословение, и все с нетерпением ждут удобной минуты, когда можно будет обратиться к нему с этим вопросом. Но и ответ батюшки тоже не успокаивал: «Думал, –

скажет старец, – да вот, за вашими молитвами, сегодня с утра чувствую себя нехорошо». После того появлялась скорбь и забота, как бы батюшка не заболел.

Последний отъезд старца в Шамордино имел некоторые особенности. Прежде всего, сборы в этот раз затянулись надолго: то одно дело задерживало его, то другое. Затем, всегда прежде старец брал с собою в общину для послужания своего старшего келейника, бывшего уже в сане иеромонаха, отца Иосифа, но теперь, собираясь к отъезду, почему-то долгое время ничего ему о сём не говорил. Наконец уже как-то нерешительно уклончиво обратился к нему с вопросом: «Как же в Шамордино-то ехать?» Нужно заметить, что так как этот старший келейник старца Амвросия по его назначению и благословению, конечно, с согласия отца настоятеля был в это время, как упомянуто выше, уже духовником и начинал старчествовать, а потому и в отсутствие старца Амвросия к нему ежедневно ходил народ, то, при разговоре об отъезде в Шамордино, он спросил старца Амвросия: «А тут-то как же быть, батюшка?» В ответ на этот вопрос старец тут же решил оставить его в скиту на своем месте, а с собой взять младшего келейника, монаха Исаию.

Был и еще замечательный случай. За год перед этим последним отъездом старца Амвросия в Шамординскую общину теперешняя благодетельница этой обители, Анна Яковлевна Перлова, видела во сне какую-то икону Божией Матери и сказала о сём старцу, но сколько старец ни показывал ей икон, ни одной из них не оказалось схожей с виденной ею во сне. Тогда батюшка велел ей, когда отыщется где-нибудь виденная ею во сне икона, заказать живописцу таковую написать. По времени оказалось, что то была икона Божией Матери, называемая «Споручница грешных», каковая и была написана прекрасно, на золотом поле, в большом размере (около двух аршин вышины). По получении старцем этой иконы она была повешена на стене, вдоль которой стояла койка, где старец полулежа принимал народ. Когда же он намеревался отъезжать из скита, велел отцу Иосифу поместить эту икону над своим изголовьем и затеплить перед нею неугасимую лампаду, что и

исполнено было впоследствии, по отъезде старца. Это обстоятельство, в связи с предыдущими, несколько наводит на мысль, что старец имел предчувствие, а может быть, и вполне знал, что он оставляет скит навсегда, а потому он и как бы поручал свой скит, а с ним и всю обитель Матери Божией. И как прежде, во время пребывания старца в скиту, посетители, входя в келью, в которой он принимал их в полулежачем положении, встречались прямо с глазу на глаз с лицом старца, так теперь, входя в ту же келью, при взгляде на место, где он лежал, встречаются с ликом Преподобной Девы «Споручницы грешных».

В пополнение обстоятельств, предшествовавших последнему из скита отбытию старца Амвросия, г-жа Н. в своих записках говорит: «В 90-м году летом приехала я с дочерьми на всё лето в Оптину. Прошло с моего приезда недели две; слышу, что старец собирается, по своему обыкновению, поехать в Шамордино, как это делал каждый год. Утром я пошла к нему, чтобы узнать, как мне самой быть – оставаться ли тут и ждать его возвращения или же ехать за ним. Признаться сказать, Шамордино без старца ничего особенного не представляло для меня, но батюшка туда ехал, и мне захотелось. Старец почти тотчас же принял меня и сказал, что ехать за ним можно, только не в тот же день, так как он прежде всего поедет в Руднево (Шамординская дача); а по его отъезде чтобы я с детьми и одной барышней, поступавшей в монастырь, тотчас пошла в Козельск и отслужила бы там перед чудотворной Ахтырской иконой Божией Матери путевой молебен о нём. Монахам же велел идти в собор служить также путевой молебен Казанской. Все мои вещи батюшка благословил отдать батюшке отцу Иосифу в скит, а нам с собой взять только необходимое. На мой вопрос: «Сколько, батюшка, там пробудете?» – он отвечал: «Думаю, дней десять – не больше, а там не знаю». В этот раз старец всё оставлял меня подле себя в келье и даже при мне принял одного мне знакомого, приехавшего к нему из Калуги, иеромонаха отца Л. Точно как будто, вспоминалось мне потом, батюшка задерживал меня с намерением, в последний раз занимаясь со мной в Оптиной и в этой дорогой мне хибарке, где

я видела столько радости и утешения от него. И правда – это занятие старца со мной и утешение мне были в последний раз».

«За два дня до выезда старца из скита сказали мне о том, – пишет бывшая в Шамордине его письмоводительница М. Е. С., – потому что накануне я должна была ехать в Шамордино, чтобы приготовить для батюшки келью. С чем можно сравнить то радостное чувство, когда ожидался батюшка в Шамордино или на дачу, где я могла видеть его, дорогого, без всяких докладов и не на несколько минут, как в Оптиной, а так же, как и келейники, которым я всегда завидовала! Даже и прислуживать буду старцу, – какое это было для меня счастье! Особенно приятно было на даче, где первый вечер по приезде батюшка мог провести один и поотдохнуть. Впрочем, это не всегда удавалось. Батюшка наш нигде отдыха не имел. Большей частью случалось так: утром узнают, что старец едет часа в три пополудни, и спешат раньше его приехать в Шамордино или на дачу, где ожидают его приезда в надежде заняться с батюшкой, пока не набралось множество посетителей».

Настало наконец 2-е число июля, и старец выехал из скита прямо, как говорил он, на дачу – Руднево.

Кстати, скажем о Рудневе несколько слов. В этой деревне – верстах в семи от Шамордина¹⁶⁸ – еще покойная монахиня Амвросия Ключарева, по благословению старца Амвросия, приобрела для своих внучек помещичью землю с усадьбой. После того там заведено было хозяйство: убирали сено, обрабатывали землю и пользовались доходами. Больше оно ничего собою не представляло. В 1890 году пришел к батюшке отцу Амвросию рудневский староста с письмом на имя старца. В этом письме говорилось, что много лет тому назад в помещичьем имении, которое теперь принадлежит Шамординской общине, под именем Рудневской дачи, был вырыт какими-то подвижниками колодец, утолявший жажду многих путников, а теперь это место в небрежении. Подпись письма была такая: «Любитель благочестия». В Рудневе старец доселе был только однажды, вскоре после покупки Ключаревой рудневского имения, и, вероятно, для того только, чтобы полюбопытствовать, что там есть. Но когда он через письмо

осведомился о бывшем там колодце, то в то же лето, отправляясь по обычаю в Шамордино, предварительно вознамерился проехать в Руднево, а затем, во время пребывания своего в Шамордине, уже и часто начал посещать это место. Стал там заводить разные хозяйственные постройки, лично указывал рабочим, где и что нужно строить, приказывая вместе с тем строить поскорее. Между тем старец приступил к отысканию древнего колодца. Он приказал в одном месте рыть землю, не оглашая о сём. Скоро показалась вода. Но странно, все говорили одно: когда стали давать эту воду больным, в особенности бесноватым, страдания их увеличивались. Летом 1891 года, бывши в Рудневе, старец сам осматривал место вблизи вырытого колодца. Несколько ниже он предварительно стал на молитву, приказал и всем, бывшим с ним, молиться. После чего и все, вместе со старцем, начали осматривать место. Но вдруг тут же находившаяся настоятельница общины стала чувствовать, что почва под нею опускается, и в страхе воскликнула, что она тонет. Стали на этом месте рыть и нашли старый колодец, именно тот, о котором прочитал старец в таинственном к нему письме. К этому колодцу посылал потом батюшка некоторых больных обдаваться из него водою; также раздавал из него воду и глину, которые оказались целебными.

«Больше года, – рассказывала вышеупомянутая г-жа N, – страдала я болезнью, о которой не могу сказать. Батюшка давал мне рудневскую воду. На Пасхе я спросила батюшку, не благословит ли он мне сходить к рудневскому колодцу и обдаться из него водой. Старец, не задумываясь, благословил. Вокруг колодца был только плетень и больше ничего. Еще лежал снег; местами виднелась мерзлая трава. Так было холодно мне раздетой, что я, кажется, должна бы замерзнуть или по меньшей мере слечь в горячке. Но я, как летом, обдалась водою. Можно судить, какова была вода, когда еще не стоял снег. И я почувствовала себя здоровой. Туда и обратно ходила пешком и затем была у старца. Вообще эта необыкновенная для меня прогулка подействовала на меня благотворно». После близ целебного колодца построен был сарайчик, приспособленный к тому, чтобы обдаваться водою¹⁶⁹.

Но возвратимся назад, возобновим прерванную нить рассказа. Посетив на короткое время Руднево, старец Амвросий прибыл наконец в Шамордино точно таким же образом, как это бывало и в прежние годы. С таким же восторгом радости встретили сёстры своего дорогого отца и так же были счастливы во время его пребывания там. А пребывание это длилось теперь паче обычного. Вместо десяти назначенных самим старцем дней вот он живет в Шамордине уже недели четыре.

«Я всё ждала, – продолжает свой рассказ г-жа N., – отъезда старца в Оптину. Жила с детьми на гостинице в тесноте и духоте, лишённая самых необходимых вещей, белья и платья. Между тем время шло, и батюшка собирался уезжать, но то одно дело задерживало его, то другое. Батюшка видимо торопился: неутомимо был сам на всех постройках и принимал народ, стекавшийся в Шамордино в огромном количестве, монахов, монахинь и мирских. Гостиниц для посетителей не хватало. Народ по ночам занимал всю площадь против гостиниц. К счастью, лето было жаркое».

«Наконец, в последних числах июля, – пишет М. Е. С-на, батюшка собрался уезжать в Оптину и распорядился, чтобы в назначенный день с утра всё подготавливали к его отъезду. Меня отправил он туда накануне и дал мне работу, которая должна быть готова к его возвращению. Старец обыкновенно выезжал после полуденного отдыха не ранее 4-го часа. И потому с шести часов народ уже собирался около скита, а кто ушел к парому; некоторые же отправились встречать батюшку за реку. Но вот около 8 часов приезжает из Шамордина одна сестра с известием, что батюшка сегодня не приедет, что к отъезду его уже всё было готово, но после отдыха он почувствовал такую слабость, что не только ехать, даже и принимать никого не мог, – остался до завтра. При этом известии, конечно, все приуныли, но потом начали утешать друг друга надеждой, что старец непременно приедет завтра, и в таком ожидании разошлись. На другой день уже с самого утра начали приходить в скит узнавать, нет ли какого слуха из Шамордина. Но к вечеру приехали Шамординские сёстры сказать, что батюшка опять утром принимал посетителей и совсем решился ехать, но в те

же часы, как и вчера, почувствовал себя очень нехорошо и когда приедет – неизвестно. На следующий день мне подали записку от батюшки, чтобы я возвратилась в Шамордино. Когда я приехала, нашла его слабым и очень серьезным. Я рассказала ему, что в Оптине все ждут его с нетерпением и беспокоятся. Батюшка на это ответил: «Подождем воли Божией». Так было в Оптине.

О неоднократных сборах старца к отъезду пишет еще г-жа N., как было это в Шамордине: «Два раза в назначенный день закладывали для батюшки карету и все собирались провожать его, но отъезд в тот и другой раз откладывался. Старец так ослабевал, что запирался у себя в келье один. Раз, я это очень помню, батюшка в обеденный час вышел в коридорчик. Народу почему-то почти не было в этот раз. Личико его было страдальческое. Увидав меня, он сказал: «Иди в церковь, помолись за меня, – мне тяжело». Я испугалась и пошла в церковь молиться. Потом, спустя несколько времени, на общем благословении, старец обратившись ко мне, сказал: «Меня замуравили или законопатили; сначала мне было трудно, а теперь ничего – легко». Но я, взглянув на батюшку, не поняла его слов. Наступил Успенский пост, во время которого старец исповедовал всех без отказа, кто только просил его о сём. Тут были, начиная с архимандрита и монахов оптинских, монахини здешние и приезжие и множество мирского народа. Откуда старец черпал силы? Ведает о сём один только Господь, подававший ему эту силу. К 29 августа, скитскому празднику¹⁷⁰, старец опять начал собираться к отъезду в скит. Нас всех послали в церковь служить путевой молебен перед Казанской иконой Божией Матери, признанной старцем за чудотворную. А для батюшки стали закладывать лошадей. Нам никому не велено было провожать старца, ввиду его слабости, чтобы ему было покойнее. Я стояла в церкви у окна, чтобы видеть его отъезд. Но каково же было мое удивление! Служба кончилась, а карета для старца не подавалась. Молча вышли мы из церкви и в недоумении окружили корпус, где старец находился. Из корпуса нам вышли сказать, что батюшке сделалось так дурно, что он ехать не может. Слухи носились даже – не знаю только,

насколько это справедливо, – что старца нашли лежавшим на полу в крайнем изнеможении. После сего об отъезде его из Шамордина не было уже и помина».

Замечают, что старец в то же время неоднократно ездил в Руднево, и ни разу ничего подобного с ним не случилось.

«После праздника Успения Божией Матери, – пишет М. Е. С-на, – старец вообще редко выходил на воздух, так как погода в это время уже менялась, и он не мог выходить, когда было меньше 15 градусов. Я не могла себе представить, как и что будет. Наконец я решилась узнать от батюшки: вероятно, он думает остаться на зиму в Шамордине, потому что ехать ему теперь никак нельзя; а если оставаться, то надо подумать о том, чтобы устроить поудобнее помещение и для него самого, и для келейника, и для приема посетителей. Батюшка помолчал немного и говорит: «Об этом до времени никому ничего не говори; а то в Оптиной и так волнуются».

Началась пристройка с западной стороны к настоятельскому корпусу. Между тем оптинский настоятель отец архимандрит Исаакий, как и все братия, со дня на день ожидал возвращения старца в скит. Некоторых посетителей обители он всячески отговаривал ехать к нему в Шамордино, в полной уверенности, что вот-вот старец оттуда вернется. Посетители же, поживши день-другой в Оптиной и не видя возвращения батюшки, уезжали в Шамордино. Не раз настоятель, при личном свидании со старцем, всячески просил его возвратиться в свою обитель, но из неоднократных неудачных попыток вернуться в Оптину батюшка заключал, что есть воля Божия остаться ему в общине, а потому и отца архимандрита убеждал *смириться под крепкую руку Божию (1Пет.5:6)*. Отец же Исаакий, видя, что для старца в Шамордине начали уже готовить зимнее помещение, находился по этому случаю в глубокой скорби.

«Отъезд мой домой наставал, – продолжает рассказывать о себе, а кстати и в пополнение шамординских обстоятельств, г-жа Н., – но я не решалась спросить старца, где он намерен зимовать. Начались заморозки, которые в тот год, после жаркого лета, рано наступили. Вещи мои все были в скиту. Раз вечером, пред 7-м числом сентября¹⁷¹, пришла я с детьми к

старцу и решилась спросить его, поедет ли он в Оптину и как мне быть с вещами. Батюшка отвечал мне: «Да теперь уже вы поезжайте туда на праздник и, кстати, возьмите свои вещи». Мне стало страшно тяжело, и я сказала: «Пускай дети поедут и возьмут вещи, – я не могу». Батюшка спросил меня: «Отчего?» Я ответила: «Ни батюшку отца Иосифа, ни скита, ни монастыря я не могу видеть без вас; мне их горе тяжело». Батюшка сказал: «Зачем же так? Надо теперь менять свой характер, чтобы для тебя было всё равно, Оптина – Шамордином, а Шамордино – Оптиной». Но я ответила ему: «Батюшка! Я скорби батюшки отца Иосифа не понесу; вас до сей поры там монахи ждали». «Ну, пошли детей», – заключил старец. И правда, чего я ожидала, то и случилось. В первый раз скит встретил праздник без батюшки. И дети мои вернулись, особенно старшая, с глубоким грустным впечатлением. Особенно им тяжело было видеть батюшку отца Иосифа, который даже просил мою дочь, как она мне сказала, ничего не говорить старцу о той скорби, которую она заметила в нём. И слава Богу, что я тогда отказалась поехать в Оптину на праздник».

Теперь уже всем ясно стало, что старец остался зимовать в Шамординской общине. «Сколько было по этому случаю толков, – замечает М. Е. С-на, – суждений и рассуждений! Каждый объяснял по-своему причину батюшкина отъезда из Оптиной. Это, впрочем дело обычное, – без сего и обойтись не могло. Но тяжелее всего было слышать, когда указывали на людей, что батюшка уехал через того-то или через другого. Меня очень удивляло, как можно было подумать, чтобы такой великий старец, проживший в обители 50 лет, в которые ему пришлось перенести столько трудов, скорбей и болезней, оставил бы вдруг свою обитель по недоброжелательству каких-нибудь людей. Так как батюшка всегда и во всём полагался на волю Божию, то разумеется, что такое важное событие, как перемещение его из Оптиной в Казанскую общину, не могло совершиться по воле человеческой».

Смущение же в Оптиной доходило до того, что старец для успокоения смущавшихся и волновавшихся монахов нашел нужным послать к ним, от 4 октября 1890 года,

собственноручное письмо, которое по его благословению и было прочитано в монастырской трапезе вслух всех братий. Там между прочим старец писал: «Я доселе задержался в Шамордине по особенному промыслению Божию, а почему, это должно означиться после.»

Но как в Оптиной ощущалась всеобщая скорбь от того, что старец задержался в Шамордине на неопределенное время, так, напротив, шамординские сёстры были в восторге, когда убедились, что «дорогой батюшка» остался у них на всю зиму. Никому из них прежде и мысль об этом не приходила в голову, да и теперь долго-долго им казалось это невероятным и несбыточным. «Мы были очень счастливы, – пишет М. Е. С-на, – что наш дорогой отец с нами, особенно те, которым приходилось быть ближе и чаще у него. Мне и во сне никогда не снилось, чтобы я могла когда-нибудь прислуживать в келье у батюшки. Помню, в один из приездов старца, во время его отдыха, мы говорили с матушкой В. о том, как мы счастливы, что Господь удостоил нас послужить такому старцу. И я ей высказала, о чём много раз сожалела, что не имела возможности всегда келейничать у батюшки. Вдруг отворяется дверь, выходит старец, улыбается и говорит мне: «Опоздала, опоздала!»

Так совершилось перемещение старца Амвросия в Шамординскую женскую общину!

Х. Келейная жизнь старца Амвросия в Шамординской женской общине и его попечение о ней

Оставшись в Шамординской обители на неопределенное время, батюшка отец Амвросий и среди множества дел не оставлял своих келейных правил. Так же как и в скиту, ежедневно выслушивал положенные молитвословия. Так же под праздники бывали у него в келье всенощные бдения, которые первое время служил он сам, т.е. произносил возгласы, в свое время читал Евангелие, а сёстры пели и читали положенное. Чудные были эти минуты, замечают шамординские очевидицы, когда на средину комнаты выходил согбенный старец, в коротенькой мантии и епитрахили, с открытой седой головой, и каким-то детски-старческим слабым голосом читал внятно слова благовестия Христова, которых сам был ревностным исполнителем и проповедником. С жадностью ловили каждое произносимое старцем слово беззаветно преданные ему, находившиеся при нём сёстры, а некоторые, за невозможностью пробраться в келью, где служилось бдение, залезали на чердак, чтобы хоть оттуда услышать неясно долетавшие до них звуки «дорогого батюшки». Впрочем, так было недолго. Болезненный старец не в силах был сам служить. Для сего большей частью приезжал из скита бывший его письмоводитель, иеромонах отец Венедикт.

Особенное благоговение всегда имел старец Амвросий к Божией Матери, как к единой всемогущей Предстательнице и Заступнице рода христианского перед Ее Сыном, Царем и Господом. Почему ни одного Богородичного праздника не пропускал он без того, чтобы не отправить перед Ее святою иконою келейного бдения. Конечно, здесь разумеются более нарочитые в Святой Церкви празднества. В 1890 году прислана была ему настоятельницей Болховского женского монастыря, игуменьей Иларией, особенная икона Божией Матери. Царица Небесная представлена сидящей на облаках. Руки ее простерты на благословение. А внизу, среди травы и цветов, стоят и лежат

ржанные снопы. Изображение Матери Божией, собственно, есть снимок с написанного Ее лика на иконе «Всех Святых», находящейся в Болховском женском монастыре, а снопы ржанные написаны по желанию и назначению старца Амвросия, который и дал этой иконе наименование «Спорительницы хлебов». Горячие молитвы возносил старец перед этой иконой; учил и понуждал молиться перед нею и собранных им в общине духовных чад своих. В последний же год своей жизни он делал снимки с этой иконы и раздавал и рассылал многим и из посторонних своих почитателей. А незадолго до последней своей болезни в честь этой иконы он составил особый припев к обычному Богородичному акафисту¹⁷². Припев этот сёстры и пели по благословению старца, когда в келье его читался акафист Божией Матери. Празднование этой иконе старец заповедал своим чадам духовным 15 Октября. И вот первым чудом милости Божией и заступления Царицы Небесной, по молитвам благодатного старца перед этой Ее святой иконой, можно считать то, что хотя последний год земной жизни его был вообще на Руси голодный, но в пределах Калужской епархии, и в частности около Шамординской общины, хлеб родился. Затем, хотя рожь в это время была дорога, однако старец, еще при жизни своей, успел столько ею запастись, что во весь этот год и даже следующий за ним в обители, несмотря на многочисленность ее насельниц, недостатка в хлебе не было. «Спорительница хлебов» помогла. В следующее затем лето, уже по кончине старца Амвросия, послушником Оптиной пустыни, Иваном Федоровичем Ч-м из дворян, написанная им самим икона Божией Матери «Спорительница хлебов» послана была в Пятницкую женскую общину Воронежской епархии. Там по случаю сильной засухи, грозившей неминуемым голодом, совершено было молебствие пред нею; после чего вскоре пошел дождь, и обитель с окрестностями спасена была от голода. По той же причине много нашлось почитателей старца Амвросия, желавших иметь у себя эту икону¹⁷³.

С неумолкаемой молитвой и молением старец всячески заботился о водворении внутреннего порядка в юной своей обители: о благочинном отправлении служб церковных, о

разумном и внятном чтении и пении, о должном отношении сестер к своей начальнице, которая, как особа духовная, помогала ему в духовном окормлении находившихся под ее управлением ревнующих о спасении душ, в особенности новоначальных.

Затем, старец входил во все хозяйственные дела. Без его совета и благословения ничто в обители не делалось. Все постройки производились по его плану и указанию. Вызвав из скита некоторых монахов, понимающих строительное дело и вообще хозяйство, болезненный старец через них делал свои распоряжения. При этом он часто выказывал удивительный дар прозорливости. Придет к нему, например, главный, заведовавший шамординскими постройками монах. «Ну, отец Иоиль, – скажет старец, – песку теперь тебе навозили; аршина... (батюшка точно прикидывает в уме) аршина два с половиной глубины будет. Или не будет?» «Не знаю, батюшка, – ответит монах, – смерить не успел». Еще раза два спрашивает старец о песке, и всё не мерили. А как смеряют, непременно окажется так, как он говорил. Или начнет старец прикидывать план какого-либо здания – скажет: «Аршин 46 будет?» План этот затем переиначивают, делают длиннее или укорачивают, а как здание будет готово, непременно окажется в нём 46 аршин.

Кроме сего старец по-прежнему с утра и до вечера принимал народ и занимался перепиской с просившими у него советов и наставлений. В особенности принимал он самое живое участие в ближайших к нему духовных детях, отнюдь при этом не стесняя их свободы, а ожидая собственного их благого произволения в служении Господу. Для примера, а кстати и для пополнения шамординских обстоятельств, продолжим рассказ вышеупомянутой г-жи N. «К концу сентября 1890 года, – говорит она, – пришла я к батюшке узнать от него окончательное о себе решение. Сам старец не стеснял нашей свободы и ничего положительного еще не говорил мне о монастыре, предоставляя это на мое усмотрение. Мне же очень трудно было самой решить свою участь. Дети мои страшно меня смущали. В старшей заметно было колебание, а меньшая, моя крестница, как видно было, ни о чём не думала, кроме

настоящего. Но это-то и было для меня задачей. Весной того года она окончила науку. Надо было теперь подумать, как ее устроить и какое дать ей занятие. Батюшка скоро меня принял и на мой вопрос – как мне быть со своей крестницей, хлопотать ли выдать ее замуж, – как будто ничего не зная, вдруг спросил меня: «А вы-то сами обе как думаете устроиться?» Я ответила: «Батюшка, вы сами знаете – как: я жду только вашего слова и из вашей воли не выйду». «Нет, – сказал батюшка, – это ты уже сама скажи». Я опять спросила о своей крестнице, как с ней-то быть, за нее хотят свататься. Но батюшка опять задавал мне вопрос: «Да вы-то сами как устроитесь?» Так я и ушла от старца, ничего от него не добившись.

Вскоре после этого разговора батюшка неожиданно стал посылать меня в Воронеж и Задонск помолиться угодникам Божиим Митрофану и Тихону. Детей же моих велел оставить при себе в Шамордине. Поездки этой я не ожидала, и мне не хотелось уезжать от старца так далеко. Накануне моего отъезда в Воронеж он позвал меня к себе в келью. Это было во время келейного всенощного бдения, которое служилось у старца. Когда я вошла к нему, запели: «Величит душа моя Господа... Честнейшую Херувим». Батюшка ручкой остановил меня, чтобы я не подходила к нему близко, а сам стал молиться. Я же, остановившись посреди кельи, не полагала поклонов, а всё смотрела на батюшку. Во время пения «Честнейшей» он стоял, наклонив голову почти к земле. Когда окончилось пение, батюшка строго сказал мне: «Отчего ты не клала поклонов, а стояла так?» Я ответила: «В миру я всегда кладу шесть поклонов, когда поют «Честнейшую Херувим», а тут опасаясь, – никто не кладет». Батюшка опять строго сказал: «Чтобы вы с дочерью всегда клали поклоны! Какое вам дело, что никто не кладет? Вы знаете, один видел, как во время пения «Честнейшей» Сама Царица Небесная явилась и подходила к Своей иконе. Вы всегда кладите». Мне даже стало жутко. Уж не видел ли это, подумала я, сам старец, когда стоял с таким благоговением, наклонившись почти к земле. Уходя от старца, я просила у него благословения повидать воронежского владыку Анастасия, которого уважала. А батюшка вместо этого сказал

мне: «Увидишь там слепого владыку, побывай у него». Что же? Приехав в Воронеж, я не застала своего знакомого владыку Анастасия, – он уехал на целый месяц по епархии, а, придя в храм, прямо встретила старца, слепого владыку Иосифа. Не добившись, за множеством народа, его благословения, я попросилась к нему на дом. Встретивший меня его келейник спросил, желаю ли я одна видеть владыку или со всеми. Я в душе никогда не желала ни о чём и никого спрашивать, кроме своего старца, а потому и вошла к нему со всеми за одним только благословением. Владыка встретил меня вопросом: «Ты кто такая и откуда?» Я ответила и тут же добавила: «Сейчас же я приехала из женской общины старца Амвросия». «Что Старец?» – спросил владыка. Я ответила: «Очень слаб». «А по скольку народу, – спросил он еще, – к нему зараз пускают?» Я ответила приблизительно. «Ну, – продолжал владыка, – оттого он так и слаб, что постольку народу пускают; надо человек по пяти, не более. А ты что там делаешь?» – спросил уже меня владыка. Я ответила: «Гощу; я привязана к старцу и гощу там праздники и летом; хожу в церковь и к старцу на благословение». «Гощу, – повторил мои слова владыка. – Что-то мудрено: люди ездят из монастыря в мир гостить, а мы из мира в монастырь. Видите ли, – обратился он к одной, сидевшей рядом с ним на диване, – мы привязаны к старцу; а ну-ка скажи, – спросил он, опять обращаясь ко мне, – что ты у него ищешь?» Я промолчала. Владыка продолжал: «Мы и сами даже не знаем, что ищем у старца. Ты вдова, – отчего не идешь в монастырь?» Я ответила: «Я не свободная, у меня две дочери, одна родная, другая крестная; не знаю, как они.» «Ты пойдешь, – сказал владыка, – и дети пойдут за тобой; иначе ничего не будет». Тут он показал на кипу маленьких книжек, лежавших подле него, и сказал: «На, выбери своей дочери книжечку». Я выдернула первую попавшуюся. «Ну прочти», – сказал владыка. Я прочла: «От пьянства». «Вот, – продолжал он, – ты и дочери-то своей не знаешь, что выбрать». Он протянул свою ручку и выдернул, конечно, что ей подходило. Книжка озаглавливалась так: «Читай Евангелие и будь спокойна». Затем владыка встал и, положив свои ручки на мою

голову, прочел какую-то молитву и наконец сказал: «Кланяйся от меня старцу». Уходя, я просила своим детям его святительских молитв, назвав их по именам. Он же, обращаясь к своим посетительницам, спросил: «А третью как зовут?» А я, не поняв вопроса, ответила: «Третьей у меня нет». В это время кто-то из толпы сказал: «Я – Екатерина». Владыка заметил: «Екатерин-то много, а у этой редкое имя», – указав при сём на меня. Так, он знал мое имя, которого я ему еще не сказывала. Приехав к батюшке, я всё рассказала ему. Он был очень доволен и, потирая ручки, от души смеялся, что владыка ему помог. Такое было духовное единение у этих двух святых старцев. Детей моих батюшка в октябре отпустил домой, сказав им: «Пора ехать». А я должна была замедлить свой отъезд на несколько дней, начав готовиться к причастию Святых Христовых Таин. Взяв меня на исповедь, батюшка в этот раз сказал мне: «Ну, теперь я уж тебе говорю: решайся поступать в монастырь; девок ты гадишь; я вас при жизни своей устрою». На мои слова о крестнице сказал: «Пусть живет с вами пока, а там видно будет». На мои слова, что я Оптину больше люблю: какие там храмы, служба, колокол! – батюшка вдруг встал; глазки его заблестали необыкновенным огнем, и он весело сказал в пророчественном тоне: «Здесь всё будет больше оптинского; здесь будет то, чего ты и не ожидаешь». Мне стало как-то спокойно, радостно на душе. Но я опять сказала: «Я боюсь монастыря...» Батюшка отвечал: «Всё будет зависеть от тебя самой; ты знаешь, что значит в переводе слово «монах»; он должен быть один». Я сказала: «Последнее мое дело в миру кончится в ноябре, а там я свободна; только останется квартира, нанятая нами на год; срок ей в июле 1891 года». Батюшка отвечал: «Кончишь всё – приедете под Троицын день совсем». Это замечательно верно исполнилось. Я кончила все дела и приехала с детьми в Шамординскую обитель как раз под Троицын день на следующий год».

О будущем Шамординской обители старец нередко предсказывал и другим. «С какой, бывало, любовью, – замечает М. Е. С-на, – слушал он, когда еще жил в скиту, если какие-нибудь посетители приедут из Шамордина и начнут

рассказывать, как им там понравилось, и удивляться, как быстро выросла эта обитель. Некоторым из них батюшка говорил: «Если бы знали, что там будет!..» Как-то две сестры вздумали переходить в другой монастырь, потому что им казалась трапеза скудной. Батюшка, услышавши об этом, сказал: «Теперь не хотят потерпеть и понести нужду, а когда будет у нас хорошо, будут проситься, а их не примут».

«В тот вечер, – продолжает свой рассказ г-жа Н., – когда я пришла с батюшкой проститься, долго пришлось мне ждать. Народу было множество. Я всё просилась к старцу, думая на другой день рано ехать. Наконец келейник меня позвал. Я вошла к батюшке и остановилась. Он лежал не на подушках, а так, на постели. На личике у него выступил пот крупными каплями; глазки были устремлены на святую икону; рот открыт. Я стояла в недоумении, что делать. Минут через пять батюшка перевел глазки на меня и тихо сказал: «Дай мне вздохнуть». Я стояла, не зная, как мне поступить. Боялась уйти, чтобы не впустили к старцу еще народу, и молчала. Наконец он сказал: «Подойди ко мне!» И, перекрестив меня, прибавил: «Тара-бара, а ехать нам пора. Пойди скажи, чтобы подождали ко мне народ пускать. Была бы мать дома, не пустили бы ко мне столько народу». (Матушки настоятельницы не было дома). Я так испугалась слабости батюшкиной, что сейчас же ушла в церковь служить молебен Царице Небесной, перед Казанской Ее иконой, о здоровье батюшки. По возвращении моем из церкви узнаю, что батюшка, тотчас по моем уходе, принимал и весело занимался с одной знакомой мне монахиней. На другой день я уехала. А приехав домой, узнаю, что моей дочери предложили уроки в одном казенном заведении. Я написала старцу с вопросом: «Можно ли принять место и не нарушит ли это в будущем наши планы?» На что от старца имела ответ следующего содержания: «Уроки – не пророки, – писал он. – Лучше место занять, чтобы до июня не быть без дела. А когда нужно будет, тогда и место можно оставить. Испрашивая на вас троих мир и благословение Божие, остаюсь с искренним благожеланием. Многогрешный иеромонах Амвросий». Место дочерью было занято.»

В ту же осень 90-го года на долю старца Амвросия выпал особенно замечательный случай, которым он среди своей скорбной и многотрудной жизни немало был утешен. В предшествовавшее этой осени лето на оптинской монастырской даче такой был удачный лов стерлядей в реке Жиздре, какого никто из старожилов не помнил. Поймано было их не один десяток, величиною около полутора аршина. По желанию старца несколько самых хороших, отборных стерлядей послано было ко двору Его Величества, государя императора, к 17 октября, памяти избавления от смертной опасности его и всего его августейшего семейства. Благостнейший государь так был внимателен к сему оптинскому приношению, что лично изволил принять двух оптинских монахов, посланных по сему случаю, подал им для целования свою царственную руку и сказал им несколько приветливых слов. Когда же монахи сказали государю, что Оптинские старец и настоятель кланяются Его Величеству и сами поклонились ему в ноги, тогда и государь, по глубочайшему своему христианскому смирению, изволил слегка поклониться в ответ на оптинское приветствие и отпустил монахов с миром восвояси.

Между тем, с течением времени, оптинские братия по необходимости стали мало-помалу свыкаться со своим нелегким положением жить и быть без старца. По всей вероятности, они утешали себя в этом случае надеждою, что старец вернется в скит весной будущего года. Волнение несколько поулеглось. Наступил декабрь месяц. Шамординские сестры с нетерпением ожидали 7-го числа. То был день Ангела старца Амвросия – память святого Амвросия епископа Медиоланского. Накануне этого дня приехало из Оптиной несколько иеромонахов, особенных почитателей старца, во главе которых был скитоначальник иеромонах Анатолий. Отслужили бдение и на следующий день собором литургию, с молебном святому, с возглашением многолетия имениннику. Затем все служившие пришли поздравить батюшку со днем Ангела. Лицо у него в это время казалось очень бледное и истомленное. Принимая с благодарностью поздравления от

монахов, он только смиренно всё повторял: «Уж очень много параду сделали». После братий приходили поздравлять дорогого именинника и все сестры. Каждая из них поднесла ему какой-нибудь подарочек своей работы, кто – четочки, кто носочки, кто фуфаечку сшил, а кто икону написал. Батюшка с веселым лицом принимал от них подарки, благодарил всех, шутил и оделял – кого куском пирога, карамелькой с билетиком, кого пряником; а некоторых мазал по лицу пирожной начинкой, доставляя им через это невыразимое удовольствие. Все в этот день были веселы и счастливы.

«К празднику Рождества Христова, – сообщает в своих записках новые сведения о себе и о старце г-жа Н., – приехала я с дочерьми к батюшке в Шамордино. Старец был очень слаб. На Новый год, когда мы пришли его поздравить, он долго не выходил и никого не принимал. Сказали, что старцу очень нездоровится. Наконец нас позвали в его приемную. Батюшка сидел на диванчике, вместо поздравления и приветствия заставил приехавшую из Оптиной пустыни, проживавшую там на гостинице М. И. К-ую прочитать «Троицкий листок», который кончался молитвою пастыря о своих чадах, где он говорит ко Господу: се аз и дети мои... И прощается со своей паствой. Нам всем сделалось грустно. У многих навернулись слезы. Сам старец плакал. Мы стали по очереди подходить к нему с поздравлениями и принимать благословение. Когда я подошла, батюшка сказал мне: «Смотри – не пять, а иди вперед». Я вышла в коридорчик и, севши, подумала: «Господи! Неужели это последний Новый год мы встречаем со старцем?» Почему-то так тяжело было у меня на душе. В это время вошли к старцу сёстры певчие во главе с их регентшей, что бы тоже поздравить его с Новым годом. Когда же они благословлялись что-то пропеть, батюшка сказал: «Нет, пропойте мне – «Ангельские силы на гробе твоём, и стрегущии омертвеша» и прочее – вы это не совсем хорошо поете», – добавил он. Этот грустный напев тропаря и такой неподходящий к Новому году, а притом и слабость батюшки так расстроили меня, что я, заплакав, ушла. Уезжая в этот раз от батюшки, я видела один многозначительный сон, вследствие которого старец приказал

мне поискать для него образ Спасителя в том городе, где я жила, и добавил: «Ты там его найдешь». И так я не малое время искала для батюшки Нерукотворенный Образ Спасителя старинной живописи. Но все мои старания найти его были напрасны. Раз же, проходя торг, в самом грязном месте, между всяким тряпьем, я нашла на образ Спасителя в терновом венце и купила его для батюшки. На Страстной неделе я его привезла ему. С какой радостью батюшка принял его от меня и сказал: «Но что же лучше этого тернового венца!» – и поцеловал образ. Тут же я говорила со старцем насчет чудотворного Животворящего Креста в Калуге. А батюшка вдруг сказал мне: «Хорошо быть у Креста Спасителя, но еще много лучше пострадать за Него на этом кресте». Я же грешная, испугавшись, сказала: «Это, батюшка, страдать-то так страшно». Личико старца при этом было какое-то особенное: что-то неземное светилось в его глазах».

Так шла и прошла зима 91-го года, и настала Святая Пасха. На первый день праздника, после литургии, настоятельница, по обычаю, пришла поздравить старца со светлым праздником, а за ней уже и все сёстры и некоторые миряне приходили «христосоваться» с батюшкой, который всем подавал по красному яйцу и по куску кулича и пасхи. Поистине, замечают шамординские сёстры, светлый был праздник. У всех на душе было радостно. Да и как же могло быть иначе? Пасха, – и любимый старец разделяет вместе это великое торжество. Каждый день, во всю Светлую седмицу, сёстры пели у него утреню, часы и вечерню. Батюшка сам подпевал; иногда задавал певчим тон, поправлял ошибки и делал разные замечания. По окончании же седмицы, когда певчие стали благодарить старца за то утешение, какое он им доставил в эту Пасху, он ласково им сказал: «Спаси, Господи!» А потом прибавил: «Будете вы вспоминать эту Святую». Никто не понял и не мог понять тогда этих слов. И никто не подозревал, что на следующий год в пятницу на Светлой неделе, когда бывает празднование Божией Матери «Живоносному Источнику», во имя Которой старцем устроен придел в шамординской церкви, будет совершаться полугодовая память со дня его кончины.

С наступлением лета батюшка по обычаю возобновил свои прогулки. Он ходил по постройкам и ездил в Руднево, где гостил иногда недели по две. Если случался какой-нибудь праздник, он непременно возвращался в Шамордино, говоря, что в праздники привык всегда быть «дома». Так, в конце июля отправился он в Руднево надолго, потому что в келье его необходимо было сделать некоторые поправки. Из кельи всё вынесли; подняли пол, и началась работа. Между тем подошел праздник Преображения Господня, который батюшка по нужде согласился провести на даче. 4 августа настоятельница поехала навестить старца, но, возвратившись оттуда вечером, объявила, что он ни за что не хочет оставаться там на праздник и завтра приедет. Что делать? По необходимости на следующее же утро, в той половине, которую занимала настоятельница, устроено было возможно удобное помещение для неожиданного гостя.

В июле сего же лета посетила старца преданная ему духовная дочь, вышеупомянутая А.А. Шишкова. «В последний раз, – так пишет она, – я была у батюшки за три месяца до его кончины. Письменно просила на то его благословения. Ответ был: «Приезжай; очень рады будем тебя видеть». Вскоре по получении письма приехала я в общину; вхожу к старцу и говорю: «Как давно я вас не видала! Прошлый год просила благословение приехать, но вы мне его не дали, и я не посмела ехать. Зато как обрадовалась я на сей раз получить его!» Батюшка благословил меня ласково с веселым, сияющим добротою лицом, и сказал: «Теперь более у меня не спрашивай; можешь приезжать всегда, когда захочешь». Повторив это утвердительно два раза, он как будто хотел, чтобы я вникла в смысл сказанного. В ту минуту я была очень рада этому позволению и поблагодарила его. Мне только после сделалось ясно, что этими словами батюшка предсказывал свою близкую кончину. В этот же день старец пригласил меня к себе ко всеобщей в свою маленькую келью. Это был канун какого-то праздника. Читала монахиня кафизмы. Я подумала, что не совсем внятно читает. Тотчас батюшка поверачивается и говорит: «Читайте внятно, а то Шишкова осудит»; и посмотрел на меня выразительно, провидев мои мысли. Страшно было

что-либо подумать при праведном старце. Сейчас он видел в глубине души все помыслы ее. При прощании моем с батюшкой необыкновенно впечатлительна была его речь о святом Игнатии Богоносце. С каким особым горячим чувством, весь сам воодушевленный благодатью Божиею, повествовал он о том, что Господь всегда пребывал в сердце сего святителя мученика и имя Иисуса Христа там запечатлелось! «Читала ли ты его жизнь?» – спрашивал меня дорогой батюшка и приказал мне взять его послания для прочтения и руководства. Тут я узнала, что батюшка особенно чтит сего угодника Божия и к нему всегда прибегал с молитвою во все трудные минуты своей жизни».

В то же лето, – отметим еще особенность, – прибыл к старцу в Шамордино человек Божий, именем Гаврюша, лет сорока от роду, один из тех, которых Господь уподобил детям, сказав, что *таковых есть Царствие Божие* (Лк.18:16). Он жил в Ливенском уезде Орловской губернии, был расслаблен, трясся всем телом и еле мог говорить и принимать пищу. Ноги его не действовали; он лежал и молился Богу. Примечали, что ему многое открыто. Последней весной ему явился старец Амвросий и сказал: «Приходи ко мне в Шамордино, я тебя успокою». В то же время он встал на ноги и объявил, что идет в Шамордино. Но так как ноги его были весьма слабы и походка неровная, то мать его хотела его везти по железной дороге, но он отказался от этой услуги. Старца он встретил под Шамординым. Тот тихо ехал откуда-то. Вокруг него был народ. «Батюшка! – закричал Гаврюша своим малопонятным языком. – Ты меня звал, я пришел». Батюшка тотчас вышел из экипажа, подошел к нему и сказал: «Здорово, гость дорогой! Ну, живи тут». И прибавил окружавшим: «Такого у меня еще не было». Батюшка очень ласкал Гаврюшу. Он устроил ему уголок в Шамордине, а впоследствии и в Рудневе, и Гаврюша всё порывался туда ехать: «Батюшка! Не хочу в Шамордино; поедem в Руднево; в Руднево хочу». А батюшка всё успокаивал его, что, когда приготовят для Гаврюши в Рудневе помещение, они туда и поедут. Было умирительно смотреть, как батюшка занимался беседой с Гаврюшей и как они ходили по келье, один

ковыляя на кривых ногах, а другой согбенный, опираясь на свою палочку.

При постоянном вокруг старца множестве разного народа не обходилось и без забавных случаев. Приехала к нему одна очень богатая помещица с трехлетней дочкой. Пока мать говорила со старцем, умненькая девочка, предоставленная себе, осмотрела батюшкин покойчик, побывала во всех его углах и наконец, наскучив своим одиночеством, стала среди кельи, сложила на груди ручки и, жалостливо глядя на старца, повела такую речь: «Бедный старичок! Такой он старенький, вс на постельке лежит, комнатка у него маленькая, игрушек у него нет, ножки у него болят, бегать не может; у меня игрушки есть; хочешь, старичок, я пупсиков привезу поиграть тебе?» На эту наивную детскую речь последовал и сообразный ответ старца: «Привези, привези, девочка, – сказал он, – вот какая ты хорошая; спасибо тебе, что старика пожалела». Дитя, как видим, говорило по-детски, а старец по-старчески.

В заключение этой главы еще и еще укажем на особенно выдающуюся черту в жизни старца Амвросия – его неограниченную милостивость к нищим и обездоленным людям. Принося в жертву своей общине, так сказать, всё – и свое, истощенное болезнями, скорбями и старостью здоровье, и спокойствие, и, наконец, достояние, какое только Бог посылал ему через усердствующих благотворителей, он никогда не упускал случая помогать и всем, искавшим и ожидавшим от него помощи. Вот уже осень, последняя в его жизни. Сам старец хорошо это знает, так как давно уже стал намекать о сём окружавшим его. Знает и то, что в Шамординской общине большой недостаток. Но вот в далекой Москве один человек, которого батюшка призвал к новой жизни, находится в глубоком унынии. От своей семьи, с которой он давно расстался и которую считал обеспеченной, получил он скорбное письмо: там нужда, а помочь нечем. Просить старца о помощи он считает неблагоприятным, так как хорошо знает, что в Шамордине теперь считают гроши. В это время убитый горем отец вдруг получает с почты повестку на немалые деньги и не может

понять – откуда. А это благодетельный старец Амвросий поспешил облегчить его горе.

Чтобы иметь возможность без отказа подавать милостыню нищим, старец, несмотря на скудость в общине средств, всегда старался иметь в руках рублей до ста мелких денег, которые он и раздавал или сам, или через келейника, кому рубль, кому три и более. Из этих денег он уже никому не давал ни на какие потребности, ни даже на жалованье рабочим. Придет, бывало, наблюдавший за постройками монах отец Иоиль и станет просить у старца денег для расчета рабочих; батюшка скажет ему даже как будто с оскорблением: «Нет-нет, иди-иди; ну тебя совсем, ты и так меня всего обобрал; иди-иди, ну тебя совсем!» Когда же получится откуда-нибудь большая сумма, тогда уже старец, с веселым видом и присущей ему любовью, говорил: «Теперь бери, сколько надо!»

Были люди, осуждавшие старца за его милостыню. Даже среди лиц, особенно преданных ему, часто возникало недоумение, как это он, имея в руках такое громадное дело, как устройство Шамординской общины, вовсе не бережет деньги, даже в самые трудные дни, – как будто мирян предпочитает своей обители, так как старец раздавал нуждавшимся всё до последнего рубля. Происходил, например, такой разговор старца со своим келейником. Старец ищет около себя на постели денег, чтобы удовлетворить нуждающегося просителя. Вот он зовет келейника. «Поищи-ка, – скажет, – где-нибудь; кажется, у нас где-то рубль оставался; поищи, – просят». «Как бы вы не велели еще вчера отдать, – ответил келейник, – так бы точно оставался, а теперь ничего нет. Вот всё раздаете, а рабочие жалованья просят, – чем платить будем?» Чтобы утешить келейника, старец делает вид, будто раскаивается, со скорбью покачивая головой. Рубль все-таки где-нибудь отыскивали на долю бедняка, между тем как в Козельскую почтовую контору вскоре на имя иеросхимонаха Амвросия приходила крупная сумма денег. Так щедро Всеблагий Господь всегда награждал старца за его милостыню. Получалась таким образом возможность и жалованье рабочим уплатить, и еще некоторым нуждавшимся оказать помощь. Одним из последних

пожертвований старца Амвросия было очень значительное количество денег, данное им на голодающих.

Веруя в неложное обетование Господа воздать за милостыню стократным воздаянием, старец, так сказать, сеял с несомненной надеждой, что община его в недалеком будущем пожнёт обильный плод.

XI. Скорбные обстоятельства старца Амвросия в Шамординской общине, и его предсказания о близкой своей кончине

Не на покой, как означено в записках М. Е. С-ной, не на покой переехал батюшка отец Амвросий в устроявшуюся им общину, а на большие труды и скорби. Сам старец, в присутствии окружавших его сестер, высказывался так: «Матери и сёстры! Я у вас здесь на кресте».

«Действительно, – по замечанию г-жи N., – для старца началась теперь жизнь невозможно трудная. Ни днем ни ночью он не имел покоя – и по неудобству помещения (которое до самой его кончины всё только устраивалось и подготавливалось), и от множества дел и окружавшего его народа. Отчего у него уже к осени (1890 года) опухли ножки. Я это заметила и высказала при свидании батюшке отцу Иосифу. На что он мне ответил: «Этого и нужно было ожидать; батюшка переменял свой образ жизни, – в скиту он большей частью принимал посетителей лежа, а там он принимает всегда почти сидя или стоя». Дела обременяли старца собственно шамординские, потому что устройство громадной женской общины было в самом разгаре, а всё попечение об этом принято было старцем на себя. В теплую летнюю погоду он сам неумоимо являлся для личного осмотра на все производившиеся постройки и видимо торопился, не щадя своего слабого здоровья. Кроме того, он сам же должен был изыскивать и средства как для всех производившихся построек, так и вообще для содержания обители, вместе с дачей Руднево, где также шли непрерывно работы. А денег, как замечено выше, у старца не было, и потому он перебивался, так сказать, кое-как. Тратил деньги большей частью заемные, утверждаясь на преданности некоторых близких к нему духовных детей, дававших ему обещания к пожертвованиям, иногда посмертным, а иногда повергавших к его ногам последнее, хотя небольшое, свое достояние. О многолюдстве же, столь обременительном для слабого старца, уже немало говорено было.

Близкая к старцу Амвросию упомянутая выше М. Е. С-на сообщает еще, какое он испытывал нравственное мучение. «Сильно скорбели оптинцы, – пишет она, – а каково было батюшке, одному Богу известно. Всем им он сочувствовал, всех жалел. Нелегко ему было утешать их и уговаривать покориться воле Божией. Тяжело и вспомнить эту осень (1890), особенно первое время. Почти каждый день кто-нибудь приезжал оттуда. Всем хотелось услышать от самого батюшки что-нибудь утешительное. Бывало, скажут, что приехал такой-то из Оптиной, батюшка уже не заставлял их долго ждать – с особенной любовью принимал и утешал. Но очень часто после таких посещений он делался чрезвычайно озабоченным и расстроенным. Принесешь, бывало, батюшке обед, – постоит в келье, так и унесешь назад, ни к чему и не дотронется».

При том здоровье старца с течением времени стало ослабевать до последней крайности, а ропот на него посетителей увеличивался, так как в особенности теперь, при огромном стечении народа, многим из них приходилось очень долго ждать его приема. А старец и рад бы был удовлетворить всех, но силы совсем оставляли его. Часто в наступившую зиму, как передают шамординские сёстры очевидицы, приходилось видеть его лежащим навзничь в полном изнеможении. Бледное истомленное лицо его выражало страдание; голос совершенно покидал его, и глаза были закрыты. При виде всего этого сердце сжималось от жалости. Сам батюшка нередко со скорбью говорил: «Ведь не верят, что я слаб, – ропщут». И однако ж этот полуживой старец не только никогда не терял присутствия духа, но так же всегда был спокоен и весел, как и при самых благоприятных обстоятельствах, и своей веселостью и шутливыми рассказами умел разгонять в окружавших его самое мрачное уныние. В эту последнюю зиму пребывания его в Шамординской общине все сёстры обители, от чрезмерной слабости старца и от других разных неприятностей, были однажды в мрачном настроении духа. Болезненный старец собрал последние свои силы и с веселым видом вышел в комнату, куда собрались и сёстры. Сначала он кое-кому из них поодиночке говорил что-нибудь в утешение, от чего все лица

мало-помалу прояснялись, а наконец вообще перед всеми так насмешил, что разогнал и последние остатки уныния. А еще однажды окружавшие старца сёстры стали говорить ему со скорбью: «Какое нам счастье жить при вас и иметь вас, батюшка! А придет время – не станет вас с нами. Что мы тогда будем делать?» Батюшка усмехнулся, оглянул всех сидевших с такой любовью, с какою умел глядеть он один, и, покачав укоризненно головой, сказал им в утешение: «Уж если я тут с вами всё возился, то там-то от вас уж, верно, не уйдешь».

Но едва проходила одна скорбь, как готова была для болезненного старца другая; вернее же сказать, то и дело прилагалась скорбь к скорби, болезнь к болезни. Раз как-то вскоре после Пасхи (1891) настоятельница общины, только что поставленная по его указанию, вошла к старцу в келью по какому-то делу. Но как здоровье ее было очень слабо, то она вдруг почувствовала себя очень нехорошо. Лицо ее помертвело, дыхание прекратилось, и она упала без чувств. Смутился старец. Сам, еле передвигая ноги, подошел к видимо умиравшей и трясущимися слабыми руками помогал сёстрам положить ее на стоявшую вблизи койку; наконец, как бы прося ее не покидать его, удрученного болезнями и скорбями старца, сказал дрожащим от волнения голосом: «Мать, подыши еще!» И скоро, по молитвам старца, дыхание ее возобновилось, и она была приобщена Святых Христовых Таин. Но затем болезненные приступы к сердцу, неоднократно и прежде с ней повторявшиеся, вследствие чего она падала в обморок или омертвление, миновались совсем; вместо же того направились к зрительным органам и произвели слепоту. В середине лета она уже ничего не могла видеть, могла только различать, как и теперь различает, белый цвет от черного. Сама она, вследствие потери зрения, стала тяготиться должностью настоятельницы и просила у старца совета, что ей делать, – не подать ли прошение об отставке. Но батюшка на это не согласился, сказав: «Сама не подавай; а если велит подать начальство, то подай». На ее возражение, что она теперь слепая и уже не имеет надежды вернуть зрение, он спокойно ей отвечал: «Ну что ж; да ты пишешь лучше меня». Вообще, как заметно было,

насчет потери настоятельницей зрения старец был покоен и только всячески убеждал ее не малодушествовать, часто повторяя: «Мать! Претерпевай и не унывай», приводя и слова Священного Писания: *Терпением вашим спасайте души ваши* (Лк.21:19), и: *претерпевший же до конца спасется* (Мф.10:22).

Рядом с описанными скорбями и крайним недугованием батюшки отца Амвросия постоянно было неблаговоление к нему высшего духовного начальства, в особенности обострившееся к концу его жизни. О сём целая история. Выше было упомянуто, что в начале лета 1890 года выбыл из Калуги преосвященный Анастасий на Воронежскую епархию. На место его в Калугу назначен был Тамбовский преосвященный Виталий, который по обстоятельствам долго не являлся к месту своего назначения. Приехал он уже к осени, когда старец Амвросий имел свое пребывание в Шамординской женской общине. Перемещение владыки Виталия с Тамбовской на Калужскую епархию имело на него сильное удручающее влияние, как высказался он однажды настоятелю Перемышльского Троицкого монастыря игумену Феодосию. Но к этой скорби преосвященного Виталия прибавлялись здесь новые скорби. Ему хотелось, вскоре по приезде в Калужскую епархию, видеть известного всему почти православному миру Оптинского старца Амвросия, дабы утешиться его духовной беседой, но, узнав, что старец живет в женской обители, медлил ехать в Оптину пустынь, в ожидании, что он скоро воротится в свой скит. Между тем время шло, а старец не возвращался. И то еще для владыки было неприятно, что старец самовольно отлучился из своей обители в другой уезд¹⁷⁴ и очень долго живет на стороне, да притом еще в женской обители. Но последующие обстоятельства еще более стали огорчать преосвященного. «С зимы 1890 – 1891 года, – как говорит в своих записках г-жа Н., поднимались недобрые слухи на старца. По случаю его пребывания в женской обители, недоброжелатели его распускали о нём самые безобразные нелепости. Помutilи и нового владыку. Бывши там близко и невольно слыша всё это, я сильно тревожилась; беспокоить же старца еще не решалась, зная, что это – одно искушение, вражие восстание за его добродетельную жизнь, за его великую

любовь к ближним. Носился слух, что в этом случае кто-то особенно повлиял на владыку. О недолжном якобы пребывании старца в женской обители писали будто бы даже в Петербург».

Прибавим к сему еще то, что многочисленные посетители старца Амвросия развозили и разносили по разным местам разные слухи об оптинских и шамординских делах, часто совсем неверные. О старце каждый толковал по-своему, – его судили и осуждали многие. Таким образом, по всем местам России, где только было известно имя старца Амвросия, пронесся о нём зол глагол. Должно отметить здесь как особенность, что среди почитателей старца Амвросия во всё время, до самой его блаженной кончины, был также известный всему православному люду по своей высокодуховной жизни кронштадтский протоиерей, отец Иоанн Ильич Сергиев. Несмотря на все нелепые распространявшиеся о старце слухи, он всегда питал к нему любовь и уважение. Нередко шамординские сёстры, по благословению старца Амвросия, ездили в Кронштадт к отцу Иоанну. Узнавши, откуда они, отец протоиерей имел обыкновение говорить: «А, это от старца Амвросия; о, великий старец! Земной поклон ему от меня».

Между тем чем дальше, тем больше говор о старце усиливался и возмущал уже смущенного владыку, который в разговоре с некоторыми лицами со скорбью и в недоумении восклицал: «Что это там у них делается!» Нередко он через благочинного монастырей, настоятеля Калужской Тихоновой пустыни, архимандрита Моисея требовал даже, чтобы старец непременно возвратился в свой монастырь. Неизвестно, что старец отвечал на эти требования владыки. Вероятнее всего он говорил то же, что было написано им в свое время и оптинским братьям, что он «задержался в Шамордине по особенному промыслу Божию». Старец высказывал самую суть дела, но его не хотели понять и принимали слова его за одну пустую отговорку, не имевшую якобы никакого значения. На угрозы же, что его могут отвезти в Оптину и поневоле, болезненный старец со скорбью говорил: «Я знаю, что не доеду до Оптиной; если меня отсюда увезут, я на дороге умру».

«Один близкий к владыке человек, – продолжает рассказывать г-жа Н., – зная, что я часто езжу к старцу, просил меня предупредить его о грозившей ему неприятности. Но пока я собиралась ехать, находилась в смущении. Не зная же, чем себя успокоить, я, призвав заочно молитвы старца, раскрыла Псалтирь, думая, что откроется батюшке. Открылись слова псалма: *О тебе враги наша избодем роги, и о имени Твоем уничижим возстающия на ны* (Пс.43:6). Эти псаломские слова до того меня тогда успокоили, что я веселая поехала к батюшке. Говоря с ним, я сказала ему: «За вас, батюшка, я перед всеми поцелую Крест и Евангелие». Смиренный старец выслушал меня и кротко сказал: «Крест и Евангелие никогда ни за кого не целуй. Может быть, я и в самом деле такой, как о мне говорят». Такое было у батюшки самоуничижение! Слова же псалма утешили его, и он заставил меня повторить их, но при этом строго запретил мне вперед прибегать к этому способу, сказав: «Тебе рано». Пред самым же моим переездом в Шамординскую общину разнесся слух, что владыка, расстроенный разными доходившими до него речами, сказал: «Я сам поеду, посажу старца в карету и увезу в Оптину». Приехав с детьми в обитель на жительство, я попадала к старцу только на общих благословениях. Батюшка, как нарочно, не брал меня. Его дела и мои собственные томили меня, но всего более – боязнь, что нагрянет владыка, и старцу сделают насилие. Просили старца принять меня келейники и я сама, говоря, что мне нужно. Но батюшка выйдет, ласково благословит меня и скажет: «Ничего тебе не нужно, подожди». Так я попала к батюшке одна только недели через три по приезде исповедоваться. Это было в начале июля 1891 года. Я сказала батюшке: «Я рвалась к вам не для себя, но сказать про намерение владыки». Батюшка был в это время страшно слаб. Народ совсем задавил его. Голос у него совсем упал, что стало часто у него являться за последнее время. Хибарка его для приема народа только отделялась, а сам он помещался в летнем помещении покойной настоятельницы, матушки Софии. Батюшка мне ответил: «Жив Господь Бог мой, и жива будет душа моя; а ты знай, что над всеми владыками есть Вышний Владыка; ехать в Оптину я не

собираюсь; да и куда я теперь поеду?» И батюшка развел руками около себя. Затем продолжал: «Разве только... – Голосок у батюшки так при этом упал, что я только расслышала: – «Конец сентября и начало октября». Батюшка прочел надо мной разрешительную молитву и отпустил меня. Начало его слов меня успокоило. Я поняла, что Вышний Владыка защитит старца, но конец я не разобрала хорошо и потому недоумевала, куда же батюшка скроется. Ни в Оптину не поедет и в Шамордине не останется; уж не в затвор ли? И эта мысль меня ужаснула. В Рудневе – Шамординской даче старец всё что-то устраивал; и я подумала, уж не туда ли? От смерти же батюшкиной я была далека. Эта мысль тогда мне и в голову не приходила. Настал Успенский пост, и я опять попала к старцу на исповедь. Кончив ее, я сказала: «Батюшка! А ведь слухи-то о приезде владыки не прекращаются; я ужасно боюсь за вас». Но батюшка встал и, повернув меня к двери, слегка ударил по затылку и сказал: «Пойди ты!.. Я только и думаю, как бы мне остаться одному».

«Батюшка! – спросила старца еще одна монахиня, – говорят владыка сюда едет; что вы ему скажете?» «Я скажу, – тихо ответил батюшка, – я скажу, ищите прежде воли Божией».

Вскоре засим приехал к старцу близкий к нему духовный его сын, настоятель Перемышльского Троицкого Лютикова монастыря, игумен Феодосий с таким же опасением. «А знаете ли, батюшка, – сказал он, – что вас ожидает?» Грустно старец поник головой. Ясно провидя духом козни исконного невидимого врага рода человеческого, теперь с особенным ожесточением вооружавшегося против него за его неисчисленные добродейания людям, он сказал: «Да, отец Феодосий, весь ад восстал на меня». Этот отец игумен прежде не раз испрашивал у старца благословение уволиться от настоятельской должности на покой. Старец на это отвечал: «Нам с тобой, отец Феодосий, тогда будет покой, когда пропоют над нами со святыми упокой; да и хорошо если, еще удостоимся». А в другой раз на ту же просьбу отца игумена батюшка сказал утвердительно в шутливом тоне: «Живи там, где живешь (т.е. в Троицком монастыре), пока не прогонят». Потом прибавил: «А Оптиной

пустыни все-таки тебе не миновать». Оба эти предсказания старца, уже после кончины его, исполнились в точности. Так сложились обстоятельства, что отцу игумену пришлось отказаться от занимаемой им должности и поместиться в Оптиномском скиту, где он живет и доселе.

В эту наступающую, последнюю для старца Амвросия осень приехал к нему в общину проживавший при Оптиной пустыни К.Н. Леонтьев, чтобы получить от него благословение поехать в Москву для лечения. Прощаясь с ним, старец неоднократно обнимал его, говоря: «Прости, прости меня!» Такое прощание показалось Леонтьеву знаменательным. И действительно: оно было последнее. Вскоре затем сначала скончался старец, а потом и Леонтьев в Троице-Сергиевой лавре.

Между тем всё лето 1891 года в Шамордине ожидали своего нового архипастыря. Настоятельница и сёстры тревожились и волновались и обращались к старцу с разными вопросами: «Батюшка! Как нам встречать владыку?» В ободрение их старец спокойно отвечал: «Не мы его, а он нас будет встречать». – «Что для владыки петь?» Старец сказал: «Мы ему аллилуиа пропоём». Еще как-то сказали ему: «Батюшка! Говорят, владыка хочет много спрашивать у вас». Он ответил: «Мы с ним потихоньку будем говорить, – никто не услышит». Одному из близких монахов на его сообщение о приезде владыки сказал: «Ну что ж, ступай в церковь и приготовь место, где мне стоять». Такими ответами старец очевидно намекал на свою близкую кончину, но этих намеков никто из окружавших его в то время не понимал. У некоторых сестер даже было предчувствие близкой кончины батюшки, но этому не хотелось верить; думалось, напротив, что старцу невозможно так скоро умереть.

Так пишет М. Е. С-на: «Несмотря на великое счастье, что батюшка у нас, всё предчувствие чего-то страшного не давало мне покоя; и мысль – не последние ли дни батюшка наш проводит с нами – всё отравляла. Я боялась с кем-нибудь заговорить об этом, чтобы не услышать от других, что и им приходят те же мысли. Как-то в разговоре с М. я решилась спросить, как она думает об этом. М. мне на это тоже сказала,

что она боится очень радоваться, – Бог знает, надолго ли так будет. Вероятно, и многим приходила эта мысль. От батюшки мы никогда не слышали прямого указания на его близкую кончину. Некоторые распоряжения его как будто указывали на это, но тогда всё как-то иначе объяснялось, и только после кончины старца стало всё понятным. За несколько месяцев до кончины батюшки один петербургский художник, который иногда обращался к нему за денежной помощью, прислал Казанскую икону Божией Матери, копию с чудотворного Ее образа, и при ней имена своей семьи, прося батюшку помолиться за них. Батюшка велел положить записку в киот за икону и сказал: «Царица Небесная Сама будет молиться за них». Эту икону после несли перед гробом батюшки. Один бедный семейный человек, которому батюшка много раз помогал, перед последней его болезнью письменно обратился к старцу с просьбой помочь ему купить теплую одежду. Батюшка послал ему сколько нужно было и при этом продиктовал несколько слов, прибавив в конце: «Помни, что это тебе последняя от меня помощь». Мне пришлось писать эту записку, но последние слова ее меня нисколько не смутили. Я объяснила их себе так, что нужно было написать это ему в предупреждение, чтобы не слишком надеялся. Принесли батюшке икону Спасителя в терновом венце¹⁷⁵, которая долгое время стояла у него в приемной на столе. Одна приезжая монахиня, сидя в этой келье в ожидании приема батюшки, первая заметила на этой иконе выступившие капли, наподобие мира, и сообщила о сём М. Когда монахиня уехала, принесли икону к батюшке, рассказав ему о появившихся на ней чудесных каплях. Долго он смотрел на нее и сказал: «Будут скорби и тому, кто первый увидел это, и живущим здесь». Через несколько дней после отъезда этой монахини батюшка получил от нее письмо, в котором она уведомляла его, что тотчас по возвращении в свой монастырь ей пришлось перенести неожиданно большую скорбь. Это было в начале сентября, а через месяц и нашей обители пришлось переживать потерю нашего незабвенного великого старца, отца и благодетеля».

Замечательно, что и самое его последнее общее пасхальное поздравление заключало в себе также намек на близость его кончины. Начав истолкованием слова «Пасха», что оно означает приведение от смерти к жизни и от земли к небеси и что в этот праздник обрадованные христиане братски приветствуют друг друга Воскресением, прощая всё и ненавидящим их, старец в этом последнем послании своем говорит затем о любви к Богу и ближним, о необходимости душеполезных наставлений, а следовательно, и наставников, и о разумном понимании слова Божия, молитвенно прося во всём этом помощи Божией. То было, так сказать, последним заветом старца, приближавшегося к переходу от смерти к жизни и от земли к небеси.

Еще незадолго до своей кончины старец говорил в шутилом тоне окружавшим его сёстрам: «Смотрите, идет осень; и там и сям достанется и уткам и гусям». Затем, усмехнувшись, прибавил: «Гуси потащут, а утки поплачут».

«В сентябре, – продолжает в своих записках вышеупомянутая г-жа Н., – батюшка вдруг заторопил меня с дочерью одеждою (монашескою), велел скорее сшить и сказал, что для сего требуется, так как мы ничего не знали, – даже по сколько аршин надо каждой, и добавил: «Я вас сам одену». Надо еще сказать, что за неделю до этого моя меньшая дочь (крестная) объявила старцу, что она ни за что не отстанет от нас, чем старец несказанно утешился. 20 сентября он сам нас одел и прочитал положенную для сего молитву. При этом крупные слезы показались у него на глазах. Кончив молитву, он спросил меня: «А что же камилавки, апостольники?» Я в недоумении посмотрела на батюшку. Мне этого не было сказано, и я не приготовила. Старец сказал: «Ну, походите пока в платочках». И затем прибавил: «Скоро будет новое быстрое проявление». На другой день рано батюшка позвал меня исповедоваться. И это была последняя моя у него исповедь. Батюшка поздравил меня в новой одежде, сказав: «Так тебе много лучше». И прибавил: «Говори мне теперь только свои грехи, а о делах оставь; я болен, очень болен, я очень плох». Как что-то затуманило мне голову. Я мыслью далека была от

смерти батюшкиной и не поняла его слов. «Хотел сегодня приобщиться, – продолжал старец, – а меня остановили; говорят, приедут С... из Оптиной, а Бог знает, приедут ли они еще». И личико батюшки было грустное. Я же подумала: кто это может и смеет мешаться в дела батюшкины? И, не сказав ему ничего, ушла. Вскоре я еще раз попала к батюшке с какой-то скорбью. Старец уже сильно разнемогался, но меня принял. Когда же я заплакала, он, проведя ручкой мне по лицу, сказал: «Еще у тебя и не так слезы польются; польются они у тебя рекой, да и то всё пройдет». На мою же скорбь сказал: «Ведь вы дураки; а как мне-то за вас достается!»

В заключение всего подивимся великодушию благодатствованного старца. В устрояемой им общине было, как и теперь, более 500 сестер, приют, богадельня, больница. Год голодный, хлеб поэтому дорогой. На обители его накопился большой долг. Настоятельница слепая. Сам он в опале у начальства, обесславлен. И притом на краю гроба. Какая адамантовая душа не могла бы дрогнуть при сём? Но старец оставался покоен духом.

XII. Последние дни жизни старца Амвросия

Сейчас мы видели, что батюшка отец Амвросий начал уже сильно разнемогаться. Еще в конце августа один посетитель, кандидат Московской духовной академии Ф. И. Д-ий так писал о нём в своем письме к близкому ему человеку: «Когда я вошел в комнату (старца), и – надо признаться – не без некоторого трепета и замирания сердца, то увидел маленького старичка (когда-то он был высок ростом) лет под восемьдесят, в простеньком теплом подряснике и в монашеской шапочке, сидящего в кресле, бледного и слабого до последней степени. Кожа едва облегает кости, нижняя губа трясется; так и думаешь, что он вот-вот сейчас умрет. Если что живо в этом почти мертвом теле, так это глаза небольшие, светло-карего цвета, лучистые, добрые, наблюдательные и проницательные. В них будто сосредоточивается вся жизнь, и они представляют удивительный контраст с мертвенной бледностью лица и поразительной слабостью тела. Подлинно – дух бодр, плоть же немощна». Батюшка, по обычаю своему, с любовью принял посетителя и немало беседовал с ним, предрек ему службу в Польском крае; затем говорил о Московской академии; вспоминал про добрейшего профессора Федора Александровича Голубинского и любопытствовал о том, остался ли кто из его потомков. Наконец разговорились о высокопреосвященнейшем Московском митрополите Филарете. Про него старец Амвросий рассказал между прочим следующее: «Когда прекратились его поездки в Петербург, он хотел отказаться от митрополии и проситься на покой. Но прежде чем принять такое важное решение, митрополит вызвал в Москву престарелого и всеми уважаемого настоятеля Песношского монастыря игумена Назария¹⁷⁶ и высказал ему свое намерение. «Что же вы, владыка святой, намерены делать на покое?» – спросил отец игумен митрополита. «Конечно, – ответил митрополит, – в уединении беседовать с Богом, молиться». «Ну, погодите, – возразил отец Назарий, – сперва побеседуйте с бесами, а потом видно будет». После такого разговора

митрополит, как известно, не привел в исполнение своего намерения». Так старец, даже и в последние дни своего земного существования, был ко всем внимателен, ласков и любезен!

Всем было видно, что батюшка еле жив, но, как замечено выше, никто из окружавших его не ожидал близкой его кончины. Для него в начале сентября приготовлена была этим летом исправлявшаяся келья. По обычаю, отслужен был молебен с водосвятием, и старец из келий настоятельницы перешел в нее. Настоятельница же, всегда и во всем поступавшая по воле старца, в то время спросила его: «А где же мне, батюшка, благословите жить?» «Теперь, – ответил он, – можешь жить где захочешь». – «То есть как же это?» – «Да так, где хочешь, там и живи, – хоть тут, хоть там». – Опять намек на близость кончины, не понятый настоятельницей. В общине к этому времени хотя работы, по недостатку денег, сократились, но самые необходимые постройки всё еще продолжались. Некоторые, особенно расположенные к старцу лица, по его благословию, строили для себя в общине кельи, чтобы поместиться здесь поближе к батюшке, между тем как дни его были уже сочтены. О сих последних днях мы и расскажем, со слов шамординских очевидиц, сколько возможно подробнее – день за днем.

21 сентября была суббота. По обыкновению, приехал из скита иеромонах служить у старца бдение, но батюшка с утра чувствовал себя слабее обыкновенного, а к концу дня так ослабел, что не мог слышать пения и чувствовал озноб. «Батюшка ослабел, батюшка захворал», – слышалось во всех концах монастыря. Все сильно встревожились, хорошо понимая, что для слабого, почти восьмидесятилетнего старца нужно немного, чтобы подкосить его жизнь. С другой стороны, мысль о том, что батюшка может умереть, была так ужасна и казалась такой невероятной, что никто на ней не останавливался. Все успокаивали себя тем, что «Бог милостив; да батюшке и нельзя умирать, – он так еще нужен». Подобная борьба страха и надежды испытывалась и прежде каждый раз, когда старец сильно заболел. Так было и теперь.

22-го, в воскресенье, батюшка стал жаловаться на боль в ушах; несмотря на то, он продолжал заниматься монастырскими делами, даже принимал некоторых посетителей, шутил, и вообще был весел.

«На следующий день, 23-го, – читаем в записках М. Е. С-ной, – боль в ушах старца усилилась; он стал плохо слышать и очень мало принимал посетителей, так как говорить ему было трудно. И все просили его дать себе отдых, но батюшка вставал, ходил по келье и брал по несколько человек на благословение. Вечером старец велел читать ему вслух. Когда я спросила, не трудно ли ему будет слушать, при боли в ушах, – он ничего мне не ответил. Как будто задумался на несколько минут и сказал вслух: «Это последнее испытание – потерял слух и голос». Впрочем, голос (как говорилось выше) давно у батюшки стал ослабевать, так что к вечеру он говорил иногда шепотом. Так все далеки были от мысли лишиться батюшки, и так болезнь его казалась не похожей на предсмертную, что слова его – «это последнее испытание» – я объяснила себе так, что батюшка испытал все болезни, а слух у него всегда был очень хорош, – теперь и это потерял».

Следующие затем два дня старец был всё в том же положении, но почти не принимал, так как совершенно потерял слух и голос. «Народ, – замечает М. Е. С-на, – с утра до вечера не отходил от крыльца его кельи. Сколько было скорби, сколько пролито слез! Некоторым нельзя было долго ждать; просили через келейника заочно благословения и ответа на свои вопросы. Чтобы не утруждать батюшку разговорами, в крайних случаях вопросы предлагали ему письменно».

26-го, в четверг, старец чувствовал себя хуже – жаловался на сильную боль в ушах, лице, голове и во всём теле. В одном его ухе оказался нарыв. Ухудшение здоровья болезненного старца всех очень смутило. Тут же решили телеграммой вызвать из Москвы доктора Бабушкина, который, живши прежде в Калуге, часто пользовал его. На это и батюшка охотно согласился.

27-го, в пятницу, нарыв в ухе у старца прорвался, и боль немного поутихла, а вечером приехал московский доктор. И

прежде неоднократно приезжавший к старцу во всех случаях его резких заболеваний, он всегда на вопросы о его здоровье отвечал успокоительно и большей частью так: «Я бываю здесь для формы; если бы это был обыкновенный больной, то я сказал бы, что ему жизни на полчаса; но ведь это отец Амвросий, он может и годы прожить». Так доктор и теперь, по своему обыкновению, всех успокоил, сказав, что опасного ничего нет, что это инфлюэнца в ушах; дал некоторые успокоительные средства и предписал больному полнейшее спокойствие. Старец после того как будто стал чувствовать себя лучше. Но он не мог в точности выполнить докторский совет – дать себе на некоторое время отдых; и лишь только почувствовал малое облегчение, стал опять, хотя понемногу, принимать посетителей. И так как разговаривать с ними теперь препятствовала ему глухота, то вопросы писались для него на бумаге большими буквами, а он давал на них устные ответы. Между тем, огорчаемый непослушанием некоторых из сестер обители, старец со скорбью говорил: «Вот Бог отнял у меня слух и голос, чтобы не слышать, как вы просите благословения жить по своей воле, и чтобы не говорить, потому что не слушаетесь»

29-го, в воскресенье, батюшка вдруг вышел из своей кельи и сказал, что он забыл помолиться перед иконою Царицы Небесной «Всех скорбящих Радость». Он пожелал, чтобы перед этою иконою в его келье отслужили молебен, что, конечно, тотчас же и было исполнено. Сёстры и мирские толпились у дверей. Каждому хотелось постоять этот молебен, помолиться о выздоровлении дорогого отца и выпросить себе радость у «Всех скорбящих Радость».

«1 октября вечером (вторник), – продолжает в своих записках г-жа Н., – моя дочь родная попала с моим письмом к старцу. Сама я боялась проситься часто. На мое письмо батюшка, прочитав его всё, сказал моей дочери: «Скажи матери – всё пройдет, устроить я больше уже ничего не могу, а я вас отдал Царице Небесной». И так как я помещена была с детьми на гостинице, где дано было мне послушание принимать приезжий народ, то на мои слова, что разнесли слух, будто

старец поместил меня с детьми вне ограды за наказание, он сказал: «Врут, – а за послушание». На мои еще слова, что далеко и батюшка там меня забудет, ответил: «Разве далеко? Мы вас помним, очень даже помним и во всем поможем». Так, утешив меня на Покров Царицы Небесной и подарив четки моей дочери, батюшка, отпуская ее, сказал: «Ведь это ненадолго тебе; я тебе дам келью, лучшую из всего монастыря». Через два года после этого она скончалась».

Доктор же, пробыв при старце до 2 октября (среда), поехал на несколько дней к своей родственнице. Уезжая, он сказал, что болезнь батюшки идет правильно. Старец сам провожал доктора в другую комнату и много говорил с ним. Первые два дня после того больной чувствовал себя порядочно. И хотя боль в ушах не уменьшалась, и появлялись малые нарывчики то в том ухе, то в другом, но лихорадочного состояния не было. Батюшка продолжал употреблять прописанные доктором средства, и в обители все были покойны.

4-го, в пятницу, старец сказал, что боль в голове у него усиливается, а к вечеру был жар. Все последующие затем дни у него была лихорадка через день, большую часть которого он проводил как бы в забытии. Впрочем, несмотря на свою крайнюю слабость, он по временам мог без посторонней помощи вставать с постели, ходил по комнате и даже призывал некоторых нужных ему людей и делал распоряжения по постройкам. В этот день один из ближайших учеников старца, иеромонах Иосиф, бывши в Шамордине, желал у него исповедаться, но, видя, что старец очень слаб, боялся беспокоить его. Между тем лишь только он сделал маленький намек, что желал бы исповедаться, батюшка сейчас же надел епитрахиль и поручи и сам подал ему исповедную книжку. И отец Иосиф имел счастье теперь исповедаться у него в последний раз, после чего, простившись со старцем, уехал в скит. В наступившую затем ночь, по рассказу отца Иосифа, долго он почему-то не мог заснуть и в это время слышал, что будто кто-то проговорил: «Старец умрет». Слова слышались явственно.

«За неделю до кончины старца (числа 3-го), – пополняет о нём в своих записках сведения г-жа Н., – приехал и остановился у меня на гостинице один молодой монах с Кавказа. Ему очень нужен был совет старца. Он вышел из своего монастыря по неприятности с игуменом и пошел по России искать монастырь, где бы мог устроиться. Прослышал о великом нашем старце и приехал к нему. Говоря со мною, он высказался, что ему больше всего понравилось в Троице-Сергиевой Лавре, но там его не берут, а брал и очень уговаривал его остаться у него настоятель Коренной пустыни Курской губернии, но там ему не нравится. Я ему объяснила, что наш старец очень занемог и трудно, за его слабость, теперь попасть к нему, но все-таки, желая ему помочь, стала хлопотать о нём через келейников. Прошло так дня два. На третий день (5-го числа), по совету келейника, я сказала ему, чтобы он ждал в приемной у старца целый день; лучше остаться без обеда, да попасть на минутку к старцу. Он меня послушался. И когда отпускали народ к обеду с мужской половины, он спрятался за дверь и так, незамеченный, остался. В два часа, когда келейники отдыхали, батюшка шибко позвонил и вошедшей прислуживавшей монахине сказал: «Позови мне того, кто стоит за дверью». Она, выйдя на мужскую половину, не нашла там никого и вернулась сказать батюшке, что там никого нет. Старец вновь послал ее за тем же. К крайнему своему удивлению, она нашла за дверью монаха и позвала его к батюшке. Потом монах этот со слезами мне рассказывал: батюшка благословил его и сказал торопливо, сейчас отпуская его по крайней своей слабости: «в Троице-Сергиеву лавру не ходи, – там тебя не примут и тебе не полезно будет, а иди или назад в свой монастырь, – игумен тебя простит; или поступай в Коренную пустынь, – там тебя охотно возьмут». Затем старец выдернул из-под своей подушечки «Троицкий Листок» и, отпуская, подал его ему. Заглавие листка было: «Не испытывай старцев». В чём мне монах и признался, горько раскаиваясь, что его больше влекло к старцу любопытство. Надо заметить, что по кончине старца у сестер обители и до сей поры ведется такое обыкновение: в случае какого-либо недоумения класть

«Троицкие листки» под подушечку старца и выдергивать¹⁷⁷. По вере их всегда дается им подходящий ответ. Дней за пять до кончины старца (5-е число – суббота) я в последний раз попала к нему и сказала несколько слов. В этот день с утра он почувствовал себя несколько лучше и вышел в свою приемную келью, где благословил несколько собравшихся там сестер. Одну из них спросил: «Есть ли у тебя басни Крылова?» На ее утвердительный ответ батюшка приказал ей прочесть вслух басню под заглавием «Ручей»¹⁷⁸. Батюшка любил басни Крылова, находя их вполне нравственными, и часто для преподавания своих мудрых советов или для обличений прибегал к ним. Я же, не зная, что старец в этот день в состоянии был выходить к посетителям, попала к нему с детьми в этот день вечером. Батюшка нас позвал, а вместе с нами позвал и убогого Гаврюшу, пришедшего к старцу и принятого им за четыре месяца до своей кончины, который и проживал подле старца с его келейниками. Батюшка был очень-очень слаб, но принял нас с обычною своей любовью, сидя еще на постельке. От радости его видеть я не знала, что сказать о себе, да так ничего и не сказала, но спросила совета об одном серьезном чужом деле, и батюшка рассказал мне, как поступить. Тут же неожиданно спросил меня: «Ты, говорят, любишь убогого Гаврюшу?» Я же, не зная, что на это ответить, подумала: кто же мог это батюшке сказать? И только ответила ему: он ко мне ходит. Батюшка продолжал: «Возьми его к себе на гостиницу; мои келейники расхворались (они оба в это время были больны); я тоже болен; ходить за ним некому». Я сказала: с радостью возьму. И кого бы я не взяла для батюшки? Так я убогого и увела с собой. А старец сейчас же велел ко мне прислать и все его вещи, которыми сам же его снабдил. Раньше же, когда батюшка был здоровее, он заехал ко мне однажды на гостиницу и, указывая на одну келью, сказал: «А тут у тебя будет жить тот, кто долго проживет у тебя». Убогий и попал прямо в эту келью.

Под следующий день (6-о число – воскресенье) у старца было бдение. В половине всенощной сказали, что батюшка почувствовал себя дурно и стал тяжело дышать. Отворили все

двери настежь. Мы перепугались. Потом всех нас отпустили, и было нам сказано, что старцу хуже. Началось тяжелое время. Мы собирались толпами в приемные хибарки и молча, затаив даже дыхание, стояли. Редко кому удавалось сидеть. Почти всё время по очереди читали акафисты».

«6-го числа, – читаем в записках М. Е. С-ной, – после обеда батюшка позвонил и вошедшему келейнику сказал: «Пойди посмотри, кто там на крыльце просится опять в монастырь». Когда келейник сказал, что там много народу, то батюшка опять строго сказал ему: «Пойди сейчас, узнай». Через несколько минут келейник возвратился и говорит, что действительно там стоит бывший оптинский послушник, брат М., который ушел из Оптиной на Афон, а теперь, уже в мирском платье, пришел просить у батюшки совета, в какой монастырь ему опять поступить. Батюшка сейчас же велел позвать его, несколько минут говорил с ним и благословил ему идти в Глинскую пустынь».

7-е число – понедельник больной провел по видимому обыкновенно. К вечеру он почувствовал сильную жажду и часто просил пить. В этот день настоятельница обители испытывала ужасное искушение. Душа ее находилась в таком безотрадном положении, что нигде и ничто не могло подать ей малейшее утешение. Это, как она выражалась, было как бы предоущением адских мучений. Вошедши в келью болящего старца, она объяснила ему свое страшно тяжелое положение. Оказалось, что и сам старец в этот раз находился под таким же невыразимо томительным искушением. Вероятно, ему промыслительно попущено было испытать на некое время как бы оставление его Богом, дабы дать ему вполне уразуметь бедность и немощь естества человеческого. Это было подобием того, как Господь среди крестных страданий взывал к Богу Отцу: *Боже мой, Боже мой, для чего Ты Меня оставил (Мф.27:46)*. Потому, получив от настоятельницы объяснение, старец ответил ей так: «Я чувствую то, чего во всю жизнь мою не испытывал».

Заметим при сём, что, видя крайнее изнеможение старца, в один из предсмертных его дней духовник его отец Феодор сказал ему: «Батюшка! Вот вы умираете, на кого обитель свою

оставляете?» Крестоносный и крестолубивый старец ответил ему так: «Обитель оставляю Царице Небесной; а я свой крест позолотил».

Во всё время своего болезненного состояния старец пользовался сочувствием высокого посетителя Оптиной пустыни, Его Высочества великого князя Константина Константиновича. На уведомление его оптинским настоятелем отцом архимандритом Исаакием о чрезмерном ухудшении старцева здоровья Его Высочество изволил почтить настоятеля следующими двумя телеграммами. В одной было сказано:

«Нежно тронут доброй молитвенной памятью. Встревожен болезнью старца. Помогите Господь. Константин». В другой: «Дорогая мне память близкой сердцу моему Оптиной пустыни глубоко меня умиляет. Скорблю о болезненном старце Амвросии. Молю Бога ниспослать святой обители душевный светлый мир и радость о Господе. Константин».

Но продолжим дневник течения предсмертной болезни батюшки отца Амвросия. 8-го числа – вторник: в шесть часов утра старец сказал, что его очень знобит, и в лице он очень изменился. Спустя несколько минут с больным сделался жар, и он забылся. Через час попросил ухи, но вдруг так ослабел, что с трудом мог назвать – чего хотел. Жар усилился, и начался бред. Сейчас же послали в скит за скитона начальником иеромонахом отцом Анатолием и за отцом Иосифом (теперешним старцем). Последний вскоре приехал и по приезде тотчас же, как замечает г-жа Н. в своих записках, «торопливо прошел к старцу, а через несколько времени вышел и сказал нам всем: «Напрасно вы здесь толпитесь: ведь старец не говорит и нет надежды на его выздоровление». До той же поры нам всё подавали ее». Вскоре затем приехал и отец Анатолий. Весь этот день больной всё более и более слабел, так что уже и говорить не мог. Жар у него усиливался, доходя до 40°. Вероятно, старец испытывал в это время мучительные боли в теле, не дававшие ему спокойно лежать в постели, потому что он то и дело подавал знак бывшему при нём отцу Иосифу с келейником отцом Александром, чтобы его подняли; но лишь только поднимут, он опять давал знак, чтобы его положили в постель. Вместе с тем

он трясся как в лихорадке. К вечеру возвратился московский доктор от своей родственницы, но уже нашел старца безнадежным. Ему вдруг сделалось так плохо, что думали – он уже кончается, и потому отец Иосиф прочитал для него отходную. Решено было наконец старца особоровать. Пока шли приготовления к соборованию, было уже 11 часов вечера. И вот скитоначальник отец Анатолий с отцом Иосифом и духовником старца отцом Феодором начали чин елеосвящения, во время которого батюшка лежал уже без сознания. Тяжелое хриплое дыхание его, вероятно от скопившейся мокроты, которую старец не имел сил отхаркнуть, слышно было за две комнаты. Сёстры стояли в приемной и молились. Когда кончилось соборование, стоявшие тут молитвенницы входили к старцу по три, чтобы взглянуть на свое угасавшее светило и навеки проститься с дорогим любвеобильным отцом, к которому они привыкли прибегать во всякой скорби, и который всегда так утешал их и ободрял. Едва сдерживая рыдания, боясь нарушить тишину, сёстры молча кланялись старцу в ноги и целовали без движения лежавшую его руку, которая горела огнем, заглядывали притом в лицо, желая яснее запечатлеть в себе дорогие черты, затем тотчас же выходили в противоположную дверь. У некоторых таилась еще слабая надежда, что, быть может, это еще не конец, быть может, снова откроются эти глаза и будут ласково смотреть на них, быть может, рука эта еще не раз осенит их крестным знаменем или с отеческою любовью похлопает по голове виновную. Но нет, – то была напрасная надежда.

«Когда мы взошли к старцу, – дополняет в своих записках г-жа N., – я слышала, батюшка тяжело вздохнул, и даже вырвался стон из его груди. Я решила не уходить из хибарки, а потому, отделившись от толпы, незаметно для всех спряталась за дверь под какое-то висевшее там батюшкино платье, которое ему теперь уже более не требовалось, и села на пол, решившись тут ждать конца батюшкиной жизни, думая, что конец будет в эту ночь».

После 12 часов ночи на 9-е число у старца показалась испарина, и жар начал спадать. Это несколько ободрило всех. Потом он пришел в сознание, чего все очень желали и ожидали,

чтобы сообщить его Святым Христовым Таин. Между тем, продолжает г-жа Н.: «Батюшкин духовник отец Феодор принес и Святые Дары, но батюшка в это время заснул, и отец Феодор остался дожидаться его пробуждения в том коридорчике, где я сидела. Прождав напрасно немалое время, утомленный отец Феодор, уже во втором часу ночи, поставил у батюшки в келье Святые Дары и пошел отдохнуть. Спустя несколько минут после его ухода старец очнулся, но ничего не говорил, а только пожатием руки показал ходившим за ним келейным, что он их узнал. Сейчас позван был отдыхавший близ старца батюшка отец Иосиф, который и приобщил больного Святым Христовым Таин в последний раз. Видно, на это была особенная воля Божия, чтобы самый близкий и любимый старцев ученик и преемник в последний раз приобщил его, как и прежде приносил ему Святые Дары в бытность его в Оптиной. Тут уже я, забыв весь страх, вышла из своей засады и видела, как старца приобщали. Сначала при поднесении батюшке Святых Даров для сообщения он не раз отстранял их своей рукой. Долго не могли понять, почему так старец делает, и спрашивали его, но он отвечать уже не в силах был. Потом догадались, что он желал, чтобы батюшка отец Иосиф перекрестил его собственной его рукой, так как сам он в ту минуту не мог ее поднять. Затем показали ему дароносицу, а он показал вид, что может глотать. Дали ему сначала иорданской воды, и он проглотил, после чего и сообщили ему Святым Христовым Таин. Успокоившись наконец, что старец приобщился, я ушла домой».

После принятия Святым Христовым Таин старец весь этот день не терял сознания: выпил несколько глотков кофе; вставал с постели, когда нужно было отодвинуть от стены его кровать для того, чтобы удобно было вокруг нее ходить прислуживавшим; сделал даже несколько шагов к своему столику. Но это было самое короткое время. Когда подошла к нему настоятельница, он уже опять лежал и, ласково посмотрев на нее, тихо промолвил: «Плохо, мать!» Несколько раз после того показывал он рукой, что чувствует сильную боль в голове. Сам снял шапочку и показал, чтобы ему покрыли голову платком.

Весь этот день, как и почти все предшествовавшие ему, были безотлучно при старце для послужания заведовавший шамординскими постройками скитский монах отец Иоиль с другим старцевым келейником, отцом Исаией. Прочим, желавшим войти к нему в келью, чтобы послужить ему, старец знаком руки не позволял входить. Заметим при сём, как глубоко благодарен был отходивший старец упоминаемому здесь отцу Иоилею за его деятельную помощь по устройению обители. Бывши еще несколько в силах, он однажды с любовью обнял его и долго что-то говорил, но уже так немо, что тот ничего не мог понять.

Узнавши о чрезмерной необычной слабости старца, оптинский настоятель архимандрит Исаакий с иеромонахом Макарием (Струковым) в этот же день приехали проститься с ним. При виде крайне изнемогшего больного оба они плакали. Батюшка их узнал и, устремив на них глубокий, пристальный взгляд, поднял руку и снял с себя шапочку. Это было со стороны старца последним прощальным знаком с ними. По выходе из старцевой кельи отец архимандрит, объятый сильной скорбью, сказал, что он никак этого не ожидал, а отец Макарий изъявил желание по примеру других отслужить молебен перед Казанской иконой Божией Матери. Все бывшие при старце, кому можно было отлучиться, пошли в церковь; служили и молили Бога и Пречистую Божию Матерь о его выздоровлении. Присутствовавшим тут предложено было положить за него по десяти поклонов. Все же вообще сестры, поняв, что они навсегда лишаются своего покровителя, еще и прежде, и после того, не переставали изливать свою скорбь в слезных молитвах перед чудотворным ликом Богоматери. В церкви безостановочно служились молебны с коленопреклонением, и все почитатели старца, как один человек, с воплями просили выздоровления своему дорогому батюшке. Однако Господь не внял их горячим молитвам, а только ниспослал им Свою всеильную помощь – с покорностью Его святой воле перенести промыслительно назначенное для них тяжелое испытание. «С двух часов дня, – замечает г-жа Н., – старцу сделалось очень

трудно. Он лежал без движения на правом боку и тяжело дышал».

В этот же весьма скорбный для шамординских сестер день неожиданно получена была от калужского губернатора телеграмма о том, что в следующее, 10-е число октября калужский преосвященный Виталий выезжает из Калуги в Шамординскую обитель. Цель его давно уже была известна. А потому это неожиданное известие, и притом в такое тяжкое время, смутило всех.

Между тем старцу становилось всё труднее. К вечеру у него опять появился сильный жар, а с шести часов он уже не поднимал головы и лежал в одном положении. Всю ночь дыхание его было тяжелое. Глаза были устремлены кверху, а уста быстро шевелились. По замечанию монаха И. Ф. Ч-ва, дежурившего в эту ночь около старца, больной вплоть до утра шептал молитву.

«Ночью, – продолжает в своих записках г-жа N., – опять стали пускать нас к батюшке, но только по одной, чтобы, тихо подходя к нему, кланяться ему в землю и тотчас же отходить. Я грешная попала в третьем часу пополуночи. Когда я вошла и поклонилась старцу, я почувствовала на себе его взгляд, тот особенный взгляд батюшки, которым он иногда смотрел. Батюшка проводил меня глазками до самой двери. Я сама себе в этом не поверила. Мне сказано было, как и всем, что старец уже более никого не узнаёт. В этом заблуждении так бы я и осталась, если бы не уверил меня в противном другой подобный пример. Одна из наших монахинь, М. О. Ч-ва, вспомнила, что у нее есть дорогая святыня, маленький кружевной покров с личика святителя Тихона Задонского, и ей пожелалось положить его на головку умирающего старца. За этим она и пошла с моей родной дочерью (теперь покойной) в хибарку, чтобы с мужской стороны передать покров келейнику. Им посчастливилось. Келейник в ту минуту дежурил подле старца один. Это был отец Исаия. Он впустил их, чтобы они сами положили покров на голову старца. Возложив на него пелену, они молча поклонились ему в ножки и поцеловали ручку. Батюшка их, как и меня грешную, обдал полным любви

взглядом и, когда они уходили, проводил их глазками до двери».

Так закончилась последняя в жизни великого старца Амвросия ночь!

XIII. Кончина старца Амвросия, чин погребения и поминальная трапеза в Шамордине

Неоднократно батюшка отец Амвросий говаривал близким своим: «Вот целый век свой я всё на народе, – так и умру», смиренно прибавляя к сему: «Всё вожусь с другими, а о себе-то Бог весть когда придется подумать». Действительно, так и пришлось старцу умереть на народе, который неотступно теснился около двери его кельи, несмотря на то что он уже не мог ни слышать, ни говорить; а в самый час кончины старец уже положительно окружен был народом. Но продолжим рассказ о последних часах его жизни.

10-е октября, четверг. К утру этого дня силы старца совсем оставили его. Он лежал без движения. Глаза опустились вниз и остановились на какой-то точке, и уста перестали шевелиться. Пульс становился всё слабее и слабее. Дыхание было редкое, но, по замечанию очевидца иеромонаха Иосифа, спокойное.

Видя, что старец совсем приблизился к исходу, отец Иосиф поспешил отправиться в скит, чтобы взять оттуда хранившиеся в келье старца для его погребения вещи – мухояровую старую мантию, в которую он некогда был облачён при пострижении, и власяницу, да еще холщовую рубашку старца Макария, к которому батюшка отец Амвросий, как выше сказано, во всю свою жизнь питал глубокую преданность и уважение. На этой рубашке была собственноручная надпись старца Амвросия: «По смерти моей надеть на меня неотменно».

«В келью к батюшке, – добавляет в своих записках г-жа Н., – я попала за 20 минут до его кончины. Знать, это случилось по воле Божией. Меня пропустила одна раба Божия. Старец всё так же лежал, как и ночью. Дыхание становилось реже. Когда я вошла, на коленях подле него стоял отец Исаия. Отец Феодор (по прочтении в последний раз в 11 часов дня канона Божией Матери на исход души) осенял старца крестом. Остальные присутствовавшие тут монахини стояли кругом. Я поместилась в ногах». Как только кончили отходную, и старец начал кончаться. Лицо стало покрываться мертвенной бледностью.

Дыхание становилось всё короче и короче. Наконец он сильно потянул в себя воздух. Минуты через две это повторилось. Затем, по замечанию г-жи N.: «Батюшка поднял правую ручку, сложив ее для крестного знамения, донес ее до лба, потом на грудь, на правое плечо и, донеся до левого, сильно стукнул об левое плечко, видно, потому, что это ему стоило страшного усилия; и дыхание прекратилось. Потом он еще вздохнул в третий и последний раз»... Было ровно половина 12-го часа дня.

Долго еще стояли окружавшие одр мирно почившего старца, боясь нарушить торжественную минуту разлучения праведной души с телом. Все находились как бы в оцепенении, не веря себе и не понимая, что это – сон или правда. Но святая душа его уже отлетела в иной мир, дабы предстать Престолу Всевышнего в сиянии той любви, которою он полон был на земле. Светел и покоен был его старческий лик. Неземная улыбка озаряла его. «Мы тихо подошли, – замечает г-жа N., – и поцеловали открытые еще теплые ножки старца. Затем нас вывели».

Едва только все опомнились, как поднялся страшный вопль и рыдание. Услышав это смятение, находившиеся в соседних комнатах догадались, в чём дело; поняли, что то, о чём они боялись даже подумать, совершилось и что уже всё кончено. Весть о кончине старца с быстротой молнии облетела весь монастырь, и раздирающие душу крики шамординских насельниц слились в один какой-то общий ужасающий стон беспомощности и безнадёжности. Теперь уже не у одной г-жи N., как предрекал ей упокоившийся старец, лились слезы рекой. Недели за три до кончины старца, человек Божий Гаврюша сделался уныл и стал напевать: «со святыми упокой». А когда старец скончался, он неутешно оплакивал его кончину, повторяя: «Умру, умру!»¹⁷⁹ Скоро, впрочем, первый взрыв страшного горя немного поутих и перешел в более сосредоточенную скорбь.

Между тем нужно было подумать о том, чтобы приготовить тело батюшки к погребению. Как раз к этому времени возвратился из скита иеромонах Иосиф с нужными для опрятания старцева тела вещами и с монахом Гавриилом,

обязанным за послушание опрятывать тела покойников. Сначала, по завещанию старца, надели на него вышеупомянутую холщовую рубашку старца Макария, потом сверх этой рубашки власяницу, а затем уже, по обычаю, прочие монашеские одежды и схиму. Наложённый на лицо его большой параман был наглухо пришит к схиме. Пока монахи опрятывали тело, тут же рядом читали Псалтирь. Опрятанное тело на тюфяке руками старцевых учеников вынесено было в зал настоятельницы. При виде безжизненного холодного тела дорогого отца сёстры снова разразились громкими рыданиями. В зале тело положено было на приготовленный стол, и сейчас же совершена была первая панихида о упокоении новопреставленного старца иеросхимонаха Амвросия.

Тотчас же, по случаю кончины старца, разослано было множество телеграмм в разные концы России ко всем, особенно близким к нему, почитателям и духовным его детям. И в первых уведомлен был о сём Его Императорское Высочество, великий князь Константин Константинович, который не так давно был посетителем старца и имел беседу с ним. В ответ на это уведомление оптинским скитоначальником, иеромонахом Анатолием, сей последний имел счастье получить от Его Высочества из Ильинского следующую, дышащую теплым чувством ответную телеграмму:

«Всею душою разделяю скорбь вашей святой обители об утрате незабвенного старца и радуюсь с вами об избавлении праведной его души. Сотвори ему, Господь, вечную память. Благодарю отца скитоначальника за извещение. Константин».

Отправлена была телеграмма и в Калугу к местному епископу преосвященному Виталию, но она уже не застала его в Калуге. В самую минуту кончины старца Амвросия Владыка выезжал из Калуги, направляясь для свидания с ним в Шамординскую общину. Как болезненный человек, отъехав от Калуги только 28 верст, он остановился для отдыха и ночлега в находящемся на пути Перемышльском Троицком Лютиковом монастыре. Наступал вечер. Преосвященный сидел в зале с настоятелем монастыря, отцом игуменом Феодосием, и вел разговор о разных предметах. Между прочим коснулся он и

старца Амвросия, изъявив на него некоторое недовольство за то, что старец, по его выражению, не имеет послушания высшей власти. Как раз в это время настоятельский келейник подал своему отцу игумену привезенную на его имя из г. Перемышля телеграмму. Ничего особенного не подозревая, отец игумен тут же, в присутствии, владыки, раскрыл телеграмму. «Но лишь только, – сказывал сам отец игумен Феодосий, – прочитал я, что старец иеросхимонах Амвросий скончался, руки у меня задрожали, и слезы полились из глаз. Глядя на меня, преосвященный спросил: «Что там такое?» Я только ответил: «Грустное известие, Ваше преосвященство». Не удовольствовавшись таким моим ответом, он опять спросил: «Да что такое?» Я опять повторил тот же ответ. «Да что там такое?» – уже тревожно спросил владыка в третий раз. Вместо ответа я подал ему телеграмму. Взглянув в нее, преосвященный сказал: «Это что же такое? Старец скончался?» «Как видите, – ответил я. Поражен был владыка этим неожиданным известием. Он обратился к святым иконам, всплеснул руками и воскликнул: «Боже мой! Что же это такое? Неисповедимы судьбы Господни!...» Тут же он решил наутро вместо Шамординской общины ехать сначала в Оптину пустынь. Весьма удивлен был еще преосвященный, когда узнал, что старец Амвросий скончался в половине 12-го часа дня, именно в то самое время, когда он садился в экипаж, с тем чтобы выехать из Калуги. «Теперь я вижу, – сказал он при сём, – что это старец пригласил меня на отпевание. Простых иеромонахов епископы не отпевают, но этот старец так велик, что его непременно должен отпеть епископ. Меня доктора отпустили с условием, чтобы я нигде не служил, но теперь я считаю обязанностью отпеть старца».

Наступала ночь. Суeta и движение в Шамординской обители утихли. Народ разошелся на отдых, но не разошлись окружавшие тело новопреставленного старца сёстры. Они всю ночь не отходили от дорогих останков батюшки. Им было слишком тяжело. Единственное для себя утешение они теперь находили только в том, чтобы неотлучно быть около почившего своего дорогого отца, который еще так недавно был с ними, так

приветливо говорил, так ласково смотрел на них. Ровно в половине 12-го часа ночи пришли иеромонахи и после панихиды положили много потрудившееся тело старца в простой, обитый простой черной материей гроб, накрывши его до половины также простым, общим для всех монастырских покойников ветхим покровом. Так этот великий раб и угодник Божий, всю свою жизнь прошедший во смирении и самоуничтожении, и по кончине своей восхотел себя сравнять с последними монастырскими послушниками! Больно было сёстрам видеть, как батюшка уже и телом переселился в свое новое жилище; больно было думать, что через несколько дней гробовая крышка и совсем сокроет его от взоров их. Сёстры попеременно читали Псалтирь, и всякий раз, когда произносилось имя «новопреставленного отца нашего иеросхимонаха Амвросия», все находившиеся в зале клали земные поклоны. Невыразимо тяжело и болезненно отзывались эти слова в истерзанных скорбью сердцах.

«По усиленной просьбе духовных детей старца, – передает г-жа Н., – иеромонахом В. расшит был наглазник (большой параман), и нам показали лицо старца. Оно было чудное, светлое и с выражением приветия, такое, какое бывало у батюшки, когда он встречал после долгой разлуки дорогих своих духовных детей. От жара ли свечей или тесноты даже капельки пота были заметны на светлом личике старца, как у живого. Но тут случилось со мною нечто из ряда вон выходящее. Я стояла с правой стороны гроба подле самого подсвечника, так близко, что мои руки касались края гроба; смотрела пристально на родного батюшку, стараясь запечатлеть в своей памяти навсегда черты его лица. Сзади меня неподалеку находилась дверь кельи М. Т., батюшкиной внучки, в которой последнее время часто батюшка находился и занимался с народом. Слышно, кто-то оттуда сзади подошел ко мне и с правого моего плеча нагнулся над самым моим ухом; и вот я услышала недовольный, даже гневный, громкий голос самого батюшки отца Амвросия. Смысл слов его выражал то, зачем смотрят его лицо. Это была одна минута. Со страшным испугом я отлетела в противоположную сторону и очутилась у дверей

настоятельских келий. Не скоро я оправилась от испуга. Больше я лица батюшкина уже не видала, хотя его открывали много раз до того времени, как совершен был над ним чин погребения. Я каждый раз отходила. Сказала я тогда об этом только одному батюшке отцу Иосифу. Чтобы разъяснить это обстоятельство, я должна несколько отклониться в прошлое. Почти за четыре года до кончины старца умерла матушка София, первая настоятельница Шамординской общины. Бывши еще мирской, я приезжала на похороны ее. После похорон поехала в Оптину к старцу, чтобы побывать у него лично для себя, а кстати и выразить ему сожаление о кончине его любимой ученицы монахини Софии. Попала я к батюшке поздно вечером и была принята им на общем благословении. Тут много было приехавших сестер из Шамордина. На выраженное мною сожаление о покойной батюшка сказал: «Да! Мало пожила, а заставила многих полюбить себя». На мои же слова: «Как она мертвая была хороша! Спаси Господи сестер, – они мне ее открывали и показывали, хотя я и не просила их об этом», – батюшка грустно сказал: «Прибежали ко мне все в слезах в первую минуту (матушка София скончалась в Оптиной, и тело ее перенесено было в Шамордино): позволь да позволь расшить схиму и открыть, чтобы им смотреть; а схимников по уставу открывать не следует. Я, на их горе, поддался; а теперь кто видел ее лицо и клади поклоны целый год с молитвой: «Господи Иисусе Христе, помилуй меня грешную и прости мою неслыханную дерзость смотреть лицо схимника», – и при этом три поклона утром и вечером». Я так и клала поклоны с молитвой целый год. Вот старец и за себя был недоволен, что дерзко смотрели его лицо, а больше всех я, грешная».

В следующее, 11-е число, пятницу, как в Шамординской Казанской женской общине и Оптиной пустыни, так и во многих других местах совершались уже заупокойные литургии по старцу Амвросию. Во втором часу дня отслужили последнюю над ним в келье панихиду, и затем гроб с телом почившего был вынесен из настоятельского корпуса в церковь, где продолжалось чтение Псалтири и неумолчно пелись панихиды,

при неутешном плаче наполнявших храм духовных чад и почитателей старца.

Вследствие же разосланных всюду телеграмм со всех сторон начинали теперь прибывать в общину посетители. Во всех поездах, ехавших в этот и следующие дни по Курской, Рязанской и другим дорогам, то и дело слышались разговоры о кончине старца Амвросия. Многие ехали именно на похороны. Почтовая станция в Калуге осаждалась просьбами о лошадях. Ко дню погребения, вместе с преосвященным Виталием, одновременно прибыли: благочинный всех Калужских монастырей, настоятель Тихоновой пустыни архимандрит Моисей и другие настоятели и настоятельницы ближайших к Оптиной пустыни монастырей, из своей и из чужих епархий, и много других духовных и светских лиц, так что в обители не доставало и помещения. Вместе с тем по всем дорогам шли пешеходы, так что к этому времени скопилось в Шамордине до восьми тысяч народу.

Между тем, из любви и уважения к почившему старцу, между оптинским братством и Шамординской общиной возникло недоразумение, где погребсти тело дорогого для обеих сторон покойника – в Оптиной или Шамордине. Для разрешения этого вопроса сочли нужным даже отнестись в Святой Синод, откуда вскорости и получена была телеграмма за подписью первенствующего члена Синода, Санкт-Петербургского митрополита Исидора, повелевавшего погребсти тело старца Амвросия в Оптиной пустыни.

Всю следующую на 12-е число ночь панихиды по старцу служить продолжали. Служили их по просьбе сестер и посетителей, то по собственному желанию и усердию прибывшие иеромонахи и священники. Народ во всё время, пока открыто было тело почившего, приносил платки, куски холста и другие вещи, прося приложить их к телу старца, и принимал их обратно с верой и благоговением, как святыню. Некоторые матери прикладывали к нему своих маленьких детей.

12 октября, в субботу, настоятелем Лихвинского Покровского Доброго монастыря, игуменом Агапитом,

прибывшим к погребению старца, прежде жившим при нём немалое время в Оптином скиту, отслужены были соборно: молебен с акафистом перед чудотворной Казанской иконой Божией Матери, литургия и панихида над гробом старца. Затем опять продолжались весь день и ночь частные панихиды.

В воскресенье день был ясный и теплый, какие редко бывают в октябре. Яркие лучи утреннего солнца обливали блеском тихую Шамординскую обитель и, проникая через окна в церковь, весело играли на золотых украшениях иконостаса и на больших подсвечниках, стоявших около гроба. В этот день назначено было преосвященным Виталием отпевание в Бозе почившего старца. И потому с самого раннего утра народ длинной вереницей двигался к церкви. Вся площадь перед ней была усыпана пестрой нарядной толпой. Всё имело вид не присутствия в храме покойника, а какого-то необыкновенного светлого духовного торжества. Наконец в 8 с половиной часов звон колоколов возвестил приближение архипастыря, имевшего ночлег в Оптиной пустыни. Подъехав к корпусу, где ему приготовлено было помещение, он спросил: «Где находится тело почившего старца?» Узнав же, что оно находится в церкви, владыка пожелал прежде всего поклониться ему и, не входя в дом, пошел пешком в церковь. Между тем в церкви ожидали преосвященного не тотчас по его приезде в общину, а спустя полчаса времени, назначенного для отдыха болезненного владыки, как было ранее о сём объявлено, и потому пели в это время панихиду. Владыка неожиданно вошел в храм как раз в то время, когда, по окончании непорочных «Благословен еси Господи» пели «аллилуиа», как, выше мы видели, предрекал о сём покойный старец. Сёстры, увидев своего нового архипастыря, которого так давно вместе со своим батюшкой готовились встречать, не выдержали натиска воспоминаний, не соответствовавших скорбной действительности, и громко разрыдались. Не вдруг они могли прийти в себя и пропеть входную владыке, который предварительно прошел в алтарь и, приложившись к святому престолу и святым иконам, подошел потом ко гробу, низко поклонился, трижды осенил усопшего крестным знаменiem и тотчас удалился из храма.

Спустя несколько времени, преосвященный снова прибыл в церковь для служения Божественной литургии, начало которой назначено было в девять часов, и уже встречен был двумя архимандритами, двумя игуменами и четырьмя иеромонахами, готовившимися к сослужению с ним. По прочтении входных молитв владыка, по обычаю, облачился, и началась служба. На правом клиросе пел хор архиерейских певчих, а на левом сёстры общины. После причастного стиха, с благословения преосвященного, на амвон вышел воспитанник Московской духовной академии, иеромонах Григорий Борисоглебский¹⁸⁰, нарочито прибывший из Сергиева Посада на погребение старца Амвросия, и произнес прекрасное слово¹⁸¹, в котором ясно изобразил значение покойного старца как, в частности, для Оптиной пустыни и Шамординской общины, так и вообще для монашества и всей России. Как отличительные черты почившего, он выставил его широкую, не имевшую границ благотворительность, его самоотверженную любовь ко всякой душе христианской, при каких бы условиях она ни находилась, его простоту и глубокое смирение. Слова проповедника по временам заглушаемы были рыданиями благочестивых слушателей.

По окончании литургии преосвященный Виталий и с ним 28 священнослужителей, все в белых облачениях, выступили на средину храма для отпевания. Тут были: отец архимандрит Моисей, благочинный монастырей и настоятель Тихоновой пустыни, отец архимандрит Исаакий, настоятель Оптиной пустыни, отец игумен Феодосий, настоятель Перемышльского Троицкого монастыря, отец игумен Агапит, настоятель Лихвинского Покровского Доброго монастыря, отец игумен Игнатий, настоятель Белевского Спасо-Преображенского монастыря, отец игумен Гervasий, настоятель Малоярославецкого Николаевского монастыря, протоиерей г. Белева Иоанн Афанасьевич Делекторский, протоиерей г. Козельска отец Александр Елеонский, два иеромонаха – воспитанники Московской академии, отцы Григорий и Трифон, и прочие иеромонахи и иереи. Величественно и трогательно было это священное зрелище. Благоговейное служение архипастыря,

стройное пение обоих хоров, трогательные песнопения погребального монашеского чина, множество молящихся с горящими в руках свечами и, наконец, среди блестящей обстановки бедный гроб с лежащим в нём, повитым схимой, дорогим для всех присутствующих покойником – всё это производило на всех потрясающее впечатление. Многие плакали навзрыд. – Перед пением кондака «Со святыми упокой» студент Московской духовной академии, иеромонах Трифон¹⁸², так же как и иеромонах Григорий, нарочито прибывший к погребению старца, произнес краткую, но глубоко прочувствованную речь¹⁸³ на основании своих личных воспоминаний о духовном общении с почившим, как его послушник и ученик, хотя недолго поживший при нём в Оптиной. Свою речь проповедник заключил поклонением гробу старца.

Настал наконец час обычного прощания с покойным. Раздались печальные стройные звуки дивно высокой священной песни: «Приидите, последнее целование дадим, братие, умершему»... Снова вопли и рыдания огласили храм. Первым подошел к гробу преосвященный. Трогательно была минута прощания его с тем, к кому он ехал как к живому, но которого судил ему Господь застать умершим. Владыка взял лежавшую на аналое перед гробом Казанскую чудотворную икону Божией Матери и с глубоким молитвенным чувством трижды благословил ея усопшего, низко поклонился ему, облобызал его главу и руки и еще троекратно благословил его своим святительским благословением. За владыкой стали прощаться – духовенство, настоятельница, сёстры и народ. Особенно трогательно было прощание сестер. Скорбь о кончине батюшки увеличивалась для них еще скорбью о том, что дорогие останки его похоронены будут не у них, а в Оптиной пустыни. Долго длилось это искреннее слезное последнее целование. Наконец, уже около трех часов пополудни, преосвященный сделал отпуст. Провозглашена была старцу вечная память. На тело почившего о Господе возлит был владыкой крестообразно елей с вином, освященный во время соборования, и посыпана была, по чину Святой Церкви, земля. Затем тотчас же наглухо прибита была

гробовая крышка. В три часа всё окончилось. Священнослужащие, во главе с владыкой, и прочие гости отправились в покои настоятельницы, а гроб остался на прежнем месте, и опять началась непрерывные панихиды. Народ то и дело подходил к гробу своего любимого батюшки и с глубокими вздохами и поклонами, крестясь, целовал гробовую крышку. Некоторые, наклонившись, прикладывали к ней свои головы. В покоях настоятельницы собравшимся гостям предложена была поминальная трапеза, за которой было человек до 500. На ней присутствовал и преосвященный. Предметом его разговора за обедом был главным образом почивший старец. Заметить при сём должно, что владыке за его участие в похоронах старца весьма благодарны были все, знавшие и чтившие покойного.

Но в то же самое время, как гости подкреплялись предложенной трапезой, произошло одно замечательное событие, которое произвело на всех присутствовавших сильное впечатление. К покойному старцу Амвросию часто езжала благотворительница Шамординской общины, супруга известного московского торгового деятеля Сергея Васильевича Перлова со своей замужней дочерью, у которой не было детей. Эта бездетная дочь ее просила у батюшки совета и благословения взять какого-нибудь ребенка в усыновление. В 1890 году, почти в самую же половину октября, старец сказал ей в ответ на ее желания: «Погодите, через год я сам укажу вам для усыновления ребенка». За обедом приехавшие на похороны старца молодые супруги с горечью вспомнили слова его и пожалели, что кончина батюшки не дала ему исполнить своего обещания. Но еще не успел окончиться обед, как пронесся слух, что у крыльца начальнического корпуса, где гости обедали, нашли подкинутого младенца. Сначала, разумеется, слух этот многим пришелся не по сердцу. Но когда об этом услышала бездетная дочь г-жи Перловой, она кинулась к малютке и с чувством глубокого умиления воскликнула: «Это батюшка послал мне дочку». И ребенок увезен был ею в Москву.

По окончании трапезы преосвященный пожелал посетить кельи покойного старца. Вошедши в них, он помолился и

трижды осенил крестным знаменем постель, на которой старец преставился. Затем он долго еще благословлял гостей, сестер и многочисленных богомольцев, толпившихся у крыльца настоятельницы, и уже при наступивших сумерках возвратился в Оптину пустынь.

Не пройдем молчанием и следующего обстоятельства. В начале своей предсмертной болезни старец Амвросий велел одной монахине читать книгу Иова. В ней между прочим сказано, что от смрада ран сего праведника бежала даже его жена. Этим примером, как думается, старец предуказывал на то, что и с ним подобное случится после его кончины. Действительно, от тела покойного вскорости стал ощущаться тяжелый мертвенный запах. Впрочем, об этом обстоятельстве давно еще он прямо говорил своему келейнику отцу Иосифу. На вопрос же последнего, почему так, смиренный старец сказал: «Это мне за то, что в жизни я принял слишком много незаслуженной чести». Но вот дивно, что чем долее стояло в церкви тело почившего, тем менее стал ощущаться мертвенный запах. От множества народа, в продолжении нескольких суток почти не отходившего от гроба, в церкви была нестерпимая жара, которая должна бы была способствовать быстрому и сильному разложению тела, а вышло наоборот. В последний день отпевания старца, по замечанию архимандрита Григория, составителя его жизнеописания, от тела его уже стал ощущаться приятный запах, как бы от свежего меда. И вышеупомянутый игумен Агапит свидетельствует, что на третий день после кончины старца, прикладываясь к его руке, он нарочно втягивал в себя воздух и ощущал, хотя еще немного, запах приятный, именно такой, какой бывает от нетленных телес угодников Божиих.

XIV. Перенесение тела старца Амвросия в Оптину пустынь, предание его земле, поминальная трапеза в Оптиной и заключительные сведения о старце

Всю ночь с воскресенья на понедельник Шамординский храм был полон народа. Около гроба почившего старца, как и прежде, горело множество свечей, разливавших яркий праздничный свет на всю церковь. То и дело клубился фимиам, пелись панихиды, а в стороне продолжалось чтение Псалтири. Почитатели старца почти безостановочно прикладывались к гробу.

14-го, в понедельник, опять служилась соборная литургия с панихидой. Служил скитоначальник иеромонах Анатолий¹⁸⁴ — обедню с одной парой иеромонахов, а на панихиду к ним присоединилось еще несколько пар. По окончании панихиды и обычного прощания, уже в 11-м часу дня, гроб поднят был руками сестер, поставлен на обычные монастырские носилки и в преднесении святых икон и хоругвей сначала обнесен был вокруг церкви, а затем через монастырь, мимо настоятельского корпуса и заложенного старцем каменного собора, где в то время стояло большое живописное распятие Спасителя, направился в свою родную Оптину пустынь. Святые же иконы, кроме одной вышеупомянутой Казанской, и хоругви возвращены были назад. Для сестер общины настала теперь ужасно тяжелая минута. Их дорогой любвеобильный батюшка телом своим навсегда теперь покинул свое любимое детище, на которое им положено было столько сил и труда. Некоторые из них отправились сопровождать гроб. А оставшиеся со слезами или с подавляемой гнетущей скорбью следили за удаляющимся дорогим своим сокровищем. Жгучую свою скорбь они, впрочем, растворяли надеждой, что «родной батюшка» не оставит их — духом своим всегда пребудет с ними и во всём будет помогать им. И это верно. Молитвы почившего неусыпным стражем охраняют созданную им обитель, и сам он как прежде, так и теперь является для обитательниц ее Ангелом Хранителем.

Погода в этот день была ненастная. Холодный осенний ветер насквозь пронизывал путников, а непрерывный дождь, то стихая, то усиливаясь, совершенно растворил землю. Но ничто не могло попрепятствовать почитателям старца выказать ему свое усердие. Гроб всё время, до самой Оптиной пустыни, несли на руках попеременно то сёстры общины, то оптинские монахи или и некоторые мирские лица, желавшие до самого конца доказать свою любовь и преданность к своему почившему наставнику. А был один в числе почитателей старца даже из именитых людей, который всю дорогу нес его гроб бессменно, переходя только во время остановок с одной стороны на другую. Тысячи народа на протяжении более версты шли и ехали за гробом. Шествие было медленное. Часто, несмотря на дождь и холод, останавливались для совершения заупокойных литий. К концу, впрочем, шествия, по случаю проливного дождя, литии служились уже на ходу без остановок. Когда подходили к лежащим на пути селам, перенесение останков старца сопровождалось погребальным колокольным перезвоном. Священники в облачениях, с хоругвями и иконами, выходили навстречу из церквей. Выступали поселяне, молились, многие из них целовали гроб покойного и затем присоединялись к сопровождавшим его. Таким образом, по мере приближения к Оптиной пустыни толпа всё росла и росла. Гроб почившего старца бессменно, от Шамординской общины и до самой Оптиной пустыни, сопровождал в облачении один иеромонах Иларий, который во всё время шествия служил и литии¹⁸⁵. Замечательно, что горевшие свечи, с которыми несли тело покойного старца, во всё продолжение пути, несмотря на сильный дождь и ветер, не угасали.

Наступал вечер и уже несколько темнело, когда гроб старца проносили через последнюю деревню Стенино, находящуюся в версте от Оптиной. Уныло гудел большой семисотенный оптинский колокол, редкими мерными ударами потрясая воздух и далеко разнося печальную весть о приближении почившего. Тут вышли ему навстречу всё духовенство города Козельска и граждане, присоединившись к многочисленной толпе народа. Шествие еще было далеко. Как черная туча, двигалось оно к

обители. Высоко над головами сопровождавших, сквозь вечерний полумрак, виднелся черный гроб, таинственно освещаемый ярким пламенем горевших свечей. Колеблясь от шествия несших его, он точно плыл по воздуху. Поистине это трогательное печально-торжественное перенесение тела почившего старца, по замечанию многих, скорее походило на перенесение мощей и производило на всех присутствовавших умирительно-благодатное впечатление.

На неширокой речке Жиздре, протекающей под самым монастырем, через которую обыкновенно всегда переезжают на пароме, на этот раз временно устроен был мост. На берег этой реки в сретение почившего вышли в облачения два архимандрита с многочисленным духовенством из монашествующих и прибывших священников и со всеми братьями обители и мирскими посетителями, с иконами, хоругвями и зажженными свечами, и остановились у моста. А там, за мостом, отделившись от всех, не обращая внимания на грязь и дождь, в скромной одежде шел на встречу гроба, с грустным выражением лица, иеромонах Иосиф, более 30 лет неотлучно находившийся при покойном старце, теперешний его заместитель по старчеству. Не пропустим здесь без внимания замечания теперешнего старца отца Иосифа. Осень, так передает он, когда скончался батюшка отец Амвросий, была сухая и грозила на будущий год неурожаем, но со дня перенесения тела его из общины в Оптинский монастырь, как испрошенная им у Господа милость, пошли дожди.

Величественное было зрелище, когда перенесенный через мост гроб старца внесен был в ряды многочисленного сонма священнослужителей в блестящих облачениях, и несметные толпы народа с той и другой стороны соединились вместе. Похоронный перезвон колоколов, пение певчих, развевавшиеся хоругви, и это необозримое множество народа и впереди и сзади далеко-далеко за рекой, и, наконец, этот бедный гроб, к которому устремлены слезливые взоры всех присутствующих, к которому неслись со всех сторон сердечные вздохи, с горячей мольбой о упокоении души почившего в небесных обителях, с тайной скорбью сердца о потере дорогого отца и с прошением

его ходатайства у Престола Всевышнего Отца небесного, – всё это поражало сердца всех, собравшихся отдать последний долг старцу.

Было пять часов вечера. Тут же на берегу реки предварительно отправлена была заупокойная лития, и шествие направилось к северным вратам обители. Снова величаво заколыхался гроб над головами иноков и вошел в родную обитель, которая теперь встретила давно ожидаемого ею дорогого упокоившегося батюшку уже праздничным звоном. Как только гроб внесен был в ворота, их поспешили затворить вследствие сильного напора в беспорядке толпившихся посетителей. Впрочем, это было на короткое время. Когда толпа несколько поуспокоилась, ворота были опять отворены.

Внесенный в обитель гроб с телом почившего старца поставлен был в холодном Введенском соборе, который блистал праздничным освещением – зажжены были люстры и множество свечей. Настоятель обители, отец архимандрит Исаакий, с несколькими парами иеромонахов, отслужил над почившим панихиду. Тем и закончилась встреча новопреставленного старца. Времени было уже часов шесть. Когда преосвященному Виталию донесено было подробно о том, как совершалось перенесение тела старца Амвросия, он возблагодарил Господа за то, что Его помощью всё устроилось хорошо, а иеромонаха Илария, всё время сопровождавшего тело покойного, на следующий же день, во время своего архиерейского служения, наградил набедренником. Спустя немного времени началось торжественное всенощное бдение в теплом Казанском храме, между тем как гроб с телом старца оставался в Введенском соборе, где безостановочно всю ночь совершались панихиды, и храм был полон молившегося народа.

«Помню, – пишет о себе г-жа Н., – раз мы отлучились (из храма, где был покойный), чтобы занять себе где-нибудь номер в гостинице, немного согреться и сколько-нибудь обсушиться, – перемениться было нечем. Все пошли, как были в церкви, мокрые, полузамерзшие; и – о чудо! – никто из нас не только не

заболел, но даже не получил и насморка, хотя были с мокрыми ногами и стояли в холодном соборе».

В следующий день, 15 октября – вторник, гроб перенесен был в Казанский собор. В десятом часу началась литургия, которую, несмотря на свое слабое здоровье, совершал опять сам преосвященный Виталий, в сослужении двух архимандритов Моисея и Исаакия, трех игуменов и пяти иеромонахов. На правом клиросе пел хор архиерейских певчих, а на левом монастырских. Церковь была переполнена молящимися. К литургии прибыли светские представители г. Козельска – исправник, городской голова и несколько гласных. В конце Божественной литургии владыка, обратясь к народу, произнес прекрасную трогательную речь¹⁸⁶. В ней он указал на то, что старчество, процветшее в Оптиной пустыни, процветало особенно в лице почившего старца Амвросия. Выразил свое сердечное сожаление о том, что не пришлось ему лично беседовать с этим достоуважаемым старцем, войти с ним в духовное общение. Затем описал ту величайшую скорбь, которую испытывают оптинские братья, потеряв своего старца, Шамординская обитель – своего отца и покровителя, и, наконец, вся Россия – руководителя и опору в слабое верой время. Предложил в утешение всем скорбящим, что старец покинул их лишь телом, но духом пребывает с ними, видит все их дела и мысли и молится за всех. Закончил владыка свою речь приглашением всех присутствовавших помолиться о упокоении души почившего, а вместе и просить за себя его молитвенного ходатайства перед Престолом Божиим, присовокупив, что молитва наша будет ему приятна, если будем подражать ему в любви Христовой. Выразительность произношения и пастырски властный тон святителя-проповедника производили сильное впечатление на слушателей, вызывая у некоторых слезы умиления.

По окончании литургии преосвященным отслужена была панихида, в которой участвовали сорок священнослужителей, все в белых парчовых ризах. В конце панихиды, после 9-й песни канона, помянутый выше академик, отец иеромонах Григорий, с благословения преосвященного, обратился к почившему старцу

с кратким прощальным словом¹⁸⁷, в котором высказал последнее ему приветствие от лица всей Московской духовной академии, коснувшись его подвигов в пустыни, бесчисленных добродетелей ближним, заслуженного почившим прославления на земле и удивления ему от всех, его знавших. Свое слово юный проповедник заключил земным поклонением усопшему старцу.

После панихиды гроб почившего поднят был на руки священнослужителями, и в преднесении святых икон и хоругвей погребальное шествие направилось к приготовленной могиле. За гробом следовал преосвященный в полном архиерейском облачении с прочими священнослужителями. Печальный похоронный перезвон, сливаясь с пением погребальных песнопений, сопровождал тело свято почившего старца к месту его упокоения.

При жизни покойный старец Амвросий, благоговевая перед своим духовным наставником старцем Макарием, нередко имел обыкновение говорить: «Великий человек был батюшка отец Макарий! Вот привел бы мне Господь хоть у ножек его лечь». Посещавшие Оптину пустынь, без сомнения, помнят близ юго-восточной стены летнего Введенского собора, слева от дорожки, белую часовню над могилой старца отца Макария. Рядом с этой часовней и приготовлена была могила для новопреставленного старца Амвросия. После заупокойной литии, совершенной владыкой, и по возглашении почившему вечной памяти гроб опущен был в приготовленный в могиле осмоленный ящик, который и закрыт был особой крышкой. Владыка первый бросил горсть земли в могилу, а затем около нее была такая теснота и давка от множества народа, что многим из священнослужителей не пришлось и земли бросить на гроб. После над ним сделаны были своды. И вот появилась наконец новая свежая могила, в которой сокрыто драгоценное сокровище, сосуд Божией благодати, храм великой и святой души – многотрудное тело старца иеросхимонаха, батюшки отца Амвросия! Припомним при сём, что, как выше упомянуто, старец Амвросий, пламенно при жизни молившийся, побуждавший и присных своих молиться усердной Заступнице рода христианского, перед Ее

святой иконой, названной им «Спорительницей хлебов», заповедал им праздновать Ей 15 октября. В этот же день и тело его предано было земле. Замечательное совпадение.

«Когда батюшку схоронили, – замечает один наблюдатель из светских лиц, – кто-то из ближайших к нему монахов стоял у могилы, сложив руки на груди крестообразно и опустив в нее глаза. Все отправились в трапезу. Прошло часа два времени. Тот же монах всё еще стоял в том же самом положении у могилы батюшки».

«Удивительно, – говорит еще тот же наблюдатель, – что в обоих монастырях (Оптинском и Шамординском), где старец жил, его потеря переносится легче. Там скорбят искренно, глубоко, но без отчаяния. С самым близким к батюшке лицом можно говорить о нём. Все спокойны, сдержанны и делают свое дело. Только иногда как-то с болью передернется лицо монаха, или застанешь его в тяжелой задумчивости. А иногда среди разговоров о старце вдруг кто-нибудь тихо промолвит со вздохом: «Эх, батя, батя!» – и все утихнет; и столько покорной скорби послышится в этих коротких словах. С кем ни заговоришь о нём, все его любят, все им благодетельствованы. «Да кого он-то не любит?» – вот общий голос».

В два часа пополудни предложена была собравшимся на погребение старца гостям поминальная трапеза, в которой, как и прежде, принял участие преосвященный Виталий. Она была устроена в старой больничной церкви во имя Владимирской иконы Божией Матери. Как прежде в Шамординской общине, когда отслужено было над телом почившего погребение, так и здесь теперь в несколько перемен пообедало около 500 человек. В конце трапезы, когда провозглашена была новопреставленному старцу Амвросию вечная память, владыка обратился к присутствовавшим гостям с словом. Пригласив всех к молитве об усопшем, святитель и от себя, и от Оптиной обители выразил благодарность тем лицам, которые почтили память старца своим нарочитым прибытием на его погребение. Особенно же он благодарил благотворительницу Шамординской общины А.Я. Перлову, представителей г. Козельска с духовенством, исправником и головой городским во главе и

посланцев от Московской духовной академии – двух вышеупомянутых иеромонахов академиков, посылая ей свое соутешение ее верою и святительское благодарственное благословение за великую радость, доставленную участием прибывших обеим обителям и всем многочисленным участникам печальных торжеств. Между тем как над свежей могилой приснопамятного старца Амвросия до самой поздней ночи слышалось пение панихид в присутствии со слезами молившихся почитателей его.

Так закончилось печальное, но в тоже время и отрадное торжество отшествия праведной души в страну невечернего света, где шум чисте празднующих и неизглаголанное веселие!

Перед самым своим отъездом в Калугу 16 октября преосвященный Виталий обратился к собравшимся в Казанском храме братьям с прощальной речью, в которой снова помянул великие заслуги почившего старца, кратко, но ярко описал его духовный образ, дышавший высокой христианской любовью, и призвал еще раз братию к сохранению сего образа в своих сердцах и уподоблению ему. Помянув о старчестве, как особенности Оптиной пустыни, владыка пригласил всех присутствовавших к молитве о том, чтобы Господь не оставил обители Своим покровительством и воздвиг бы ей нового светильника, преемника в Бозе почившего старца Амвросия. Преподав затем братьям архипастырское благословение, владыка отправился с миром в путь.

А мы, горя любовью к почившему милостивому батюшке, отцу Амвросию, опять переведем к нему свои мысли и чувства.

Долго-долго после блаженной его кончины оптинцы и шамординские сёстры не могли успокоиться. Всё казалось им, что будто что-то дорогое – невозвратимое – ими потеряно; кругом какая-то пустота, которую ничем наполнить не было возможности. Однажды шамординские приютянки вздумали пропеть те стихи, которые в свое время пелись ими для батюшки: «Отец родной, отец святой»... Но лишь только началось пение, как вдруг у всех полились слезы, и вместо пения произошло горькое рыдание.

В Оптиной над могилой старца вскоре поставлена была трехстенная часовня, четвертой своей стороной примкнутая к часовне старца Макария, подобная сей последней, с приличной надписью; а внутри – мраморная гробничка тоже с надписью: *«Для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти хотя бы некоторых»* (1Кор.9:22). Сбоку этой гробнички оставлено отверстие, откуда почитатели покойного старца берут песок в помощь и благословение.

Проходя мимо этой часовни, один посетитель обители увидел, что ее красит старый маляр. «Вы знали старца?» – спросил он. «Как мне было его не знать, моего благодетеля? – ответил тот. – Раз говорю я ему: «Батюшка! Мне ведь жить недолго остается; видите, здоровье мое какое». А он мне отвечает: «Только ты сперва меня помажешь». Не понял я тогда, что бы это значило, а вот и пришлось над ним часовню красить». И маляр продолжал молча свою работу.

Впрочем, время и обстоятельства сглаживают сердечную горесть, какова бы она ни была. Безутешна была скорбь почитателей батюшки отца Амвросия тотчас после его кончины, но скоро они стали утешать себя мыслью, что старец умер только телом, а дух его живет вечно, по слову премудрого: *праведники живут во веки* (Прем.5:15). Эти слова подтверждаются и самым делом.

Во-первых, что ни говорил старец о будущем, всё или уже исполнилось, или приходит в исполнение. Например, лежа на смертном одре, он обещал, как мы видели выше, г-же Н. во всём помогать, и вот что она пишет: «Не прошло и трех или четырех дней после кончины батюшки, когда тело его еще находилось в Шамордине, я была в страшном горе, доводившем меня почти до отчаяния. По временам у меня вырывался ропот: Боже мой, говорила я себе, что же это сделал батюшка? Только принял нас, сейчас же одел в монашеское платье и сам бросил. Всё это смутно, помню я, переходило в мыслях моей больной головы. Забывшись где-то, в церкви или дома, легким сном (мы в церкви ночевали, а домой только на короткое время прибегали), я увидела батюшку подходящим ко

мне. Он был в черном своем халатике и шапочке. Сидела я будто на какой-то длинной лавке или диване. Поспешно подошедши, батюшка сел поодаль от меня на другом конце. Подняв ручку, он с упреком и недовольством в голосе громко сказал мне: «Я вас никогда не брошу». Я так и вскочила. Сон был так явствен, что, когда я проснулась, даже голос старца звучал у меня в ушах. И на душе у меня стало спокойнее». Много и еще рассказано этой г-жою замечательных видений старца во сне и даже наяву. Батюшка, как живой, утешал, вразумлял и укреплял ее в различных искушениях, после чего мир водворялся в душе ее.

Или: предсказывал старец процветание созданной им Шамординской обители. Немного прошло времени со дня его кончины, а слова его уже оправдываются на деле. Громадный каменный собор, которому батюшка положил только основание, теперь уже почти готов. Поставлены огромные каменные корпуса – трапезный, богадельный и другие. В общине заведены разные художественные рукоделия: живопись, фотография, чеканная работа – золочение и серебрение, тканье великолепных ковров, шитье золотом и шелками. Есть там и переплетчицы книг, и краснописцы и прочее. Так что уже и теперь, по замечанию некоторых, Шамординская обитель, по предсказанию старца Амвросия, во многом опередила Оптину пустынь¹⁸⁸; но обстоятельства, конечно устрояемые по его молитвам, Промыслом Божиим, подадут в будущем надежду еще на большее и большее процветание.

Во-вторых, живет старец Амвросий вечной жизнью, как получивший велие дерзновение ко Господу, ибо вот теперь, по кончине его, уже бывают от него исцеления.

В октябрьской книжке «Душеполезного Чтения» за 1897 год помещено письмо некоего Николая Яковлевича Широкова, Вятской губернии Глазовского уезда, к теперешнему Оптинскому старцу отцу Иосифу. В нём между прочим читаем следующее: «Я весьма был болен – страдал болью ног и головы. 26 ноября прошлого 1896 года приносит отец мой от сельского нашего священника книгу «Душеполезное Чтение», в которой я и нашел статью про отца Амвросия. Прочитав ее и

размыслив немного, начал я душевно молиться к отцу Амвросию об исцелении моих недугов и, помолившись, тонким сном уснул. Только что успел заснуть, как вдруг заблистал передо мною необычайный свет, который вскоре исчез, – только остался один след от него в виде облака; и вдруг слышу шаги идущего человека. В скором времени вижу перед собою мужа, украшенного сединами, в мантии, с крестом на груди. При сём я постараюсь описать его приметы: росту он невысокого, лицо истощенное постом, и потому оно весьма светлое; нос с горбинкой; волосы седые не весьма густые; брада его седая, тоже не густая; а голос его весьма звучный. Кроме того, на левой его руке были четки, а в правой руке посох. Вот он подошел к моему ложу и говорит: «Чадо Николае! Восстань, поспеши в церковь, отслужи молебен святому Амвросию Медиоланскому – и получишь облегчение скорое». Он взял меня за руку, благословил и дотронулся своим посохом до моих ног, которые и почувствовали скорое облегчение. Дал мне что-то вроде просфоры поесть, и вдруг в голове у меня зашумело. Я тогда весьма ужаснулся и думал, что уж головы у меня нету на плечах. Но вот сей старец покрыл ее мантией, и вскоре я почувствовал облегчение. Старец еще раз благословил меня, и я сподобился облобызать его светлую руку и при сём осмелился спросить его: «Как вас звать по имени?» Он мне ответил: «Кому я велел тебе отслужить молебен, того и я ношу имя, – я иеросхимонах Амвросий из Оптиной пустыни». Сказав это, он сделался невидим. Пробудившись, я весьма обрадовался, что выздоровел; и родные сему тоже очень обрадовались. Все-таки об этом явлении я не открыл им вскоре, а записал оное только в свою памятную книжку. Но вот ныне опять явление это повторилось. Отец Амвросий явился мне во гробе лежащим, повитый в схиму, и говорит: «Что же ты, раб Божий Николай, умалчиваешь о делах милости Божией, т.е. не сообщаем Опитной пустыни о исцелении?» Только поэтому-то я и осмелился сообщить о вышесказанном вашему высокопреподобию и при сём просить вас, отец Иосиф, не оставить без внимания мой рассказ и для пользы других

поместить его хоть на одной страничке жизнеописания отца Амвросия».

Еще подобный отрывок из ненапечатанного письма к Людмиле Осиповне Раевской, живущей в Шамординской общине, от 23 февраля 1898 года:

«Вчера приезжал В. и рассказывал, что одна дама, родственница Л-го, ему писала из Москвы, что у нее муж был очень болен. Доктора отказались лечить, и он совсем умирал. В одну ночь видит он около себя у постели старца, который над ним молился и говорит: «Отслужи молебен святому Амвросию Медиоланскому», – и скрылся. Больной сказал это жене, и они отслужили молебен. Он приобщился и с тех пор начал поправляться; даже встал с постели, но никому не говорил об этом явлении старца. Когда же он стал чувствовать себя совсем хорошо, ему опять явился этот же старец (бывший больной его узнал) и говорит: «Ты теперь совсем здоров; зачем же ты скрываешь и не говоришь об своем исцелении? Надо говорить; а старец пред тобой – Оптинский Амвросий». И скрылся. Когда В. рассказывал, я позавидовала; а на душе какая-то радость стала, – я не могу высказать. Родной наш и нас, может быть, не оставляет».

Присовокупим к сему, что приведенные здесь два случая исцелений от почившего старца не единственные.

В заключение всего сказанного предложим вниманию читателей два знаменательных сновидения одной шамординской сестры, рисующие, как мы веруем, загробную участь описанного здесь великого Оптинского старца, батюшки отца Амвросия. Вот ее рассказ:

«За несколько времени до кончины батюшки видела я, будто стою в прекрасном саду. На высоких деревьях трепещут листки, и всякий листок всё повторяет молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». В саду будто стоит светлый храм. Вошла я в него и вижу: купол у него недостроен. И подумала я, как это храм не окончен? Тогда слышался мне голос: «Это жилище приготовлено для старца Амвросия и скоро будет окончено».

А как батюшка уже умер, видела я, что стоит его гроб. И вот спустились четыре Ангела в белых ризах, – такие блестящие на них ризы, – а в руках у них свечи и кадило. И спросила я, почему это они, такие светлые, спустились ко гробу батюшки. Они мне ответили: «Это за то, что он был такой чистый». Потом спускались еще четыре Ангела в красных ризах, и ризы их были еще красивее прежних. И я опять спросила, а они ответили: «Это за то, что он был такой милостивый, так много любил». И еще спустились четыре Ангела в голубых ризах невыразимой красоты. И я спросила, почему они спустились ко гробу. И мне ответили: «Это за то, что он так много пострадал в жизни и так терпеливо нес свои кресты»¹⁸⁹.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ,
И ГОСПОДУ БОГУ СЛАВА!

Примечания

¹ - Сам старец Амвросий достоверно не знал дня своего рождения, а потому при разговоре о сём в недоумении повторял: «Какой-то тут был праздник». И так как самым близким ко дню его рождения был празднуемый всей Святой Церковью великий праздник Введения во храм Божией Матери, то старец думал, что именно в этот праздник он и родился. Но по справке оказалось следующее: по «Клировым ведомостям» села Большой Липовицы Тамбовского уезда, «у пономаря Михаила Федорова в 1812 году ноября 23-го дня под № 17 значится рожденным сын Александр. Восприемники: священник Иоанн Семенов и солдатская жена Анна Матвеева» (в архиве Тамбовской духовной консистории).

² - Самый день тезоименитства императора Александра I был 30 августа.

³ - О сём старец Амвросий передавал настоятельнице Шамординской общины монахине Евфросинии.

⁴ - Должно различать старца по летам от старца по опытности в жизни духовной. О последнем сказано: честная старость.. не числом лет измеряется: мудрость есть седина для людей, и беспорочная жизнь – возраст старости (Прем.4:8–9).

⁵ - Дети рождались в таком порядке: Мария, Евдокия, Параскева, Николай, Иван, Александр, Петр и Пелагия. Старший сын Михаила Феодоровича, Николай Михайлович, был директором одной из киевских гимназий, второй Иван Михайлович на месте отца – пономарем в Большой Липовице, третий Александр Михайлович – описываемый Оптинский старец, и четвертый – Петр Михайлович служил столоначальником в Тамбовской казенной палате. Из дочерей две – Мария и Параскева доживали последние дни своей жизни около своего брата старца иеросхимонаха Амвросия, при Оптиной пустыни, где и скончались. Заметим при сём, что штат при Липовицкой церкви, около времени рождения Александра Михайловича, состоял из следующих лиц: 3 священников, 2 диаконов, 3 дьячков и 3 пономарей. Церковь была, как и теперь,

во имя Святой Живоначальной Троицы, с приделом во имя Трех Святителей (заимствовано из «Клировых ведомостей» с. Большой Липовицы за 1814 год, хранящихся в архиве Тамбовской духовной консистории).

⁶ - Бедность не порок. Потому бедная и грязная старинная духовная школа не препятствовала выходить из нее таким светильникам, как митрополиты Филарет Московский и Филарет Киевский, епископ Феофан Вышенский, Затворник и еще многое множество иерархов Российской Церкви и других низших служителей алтаря Господня и даже некоторых светских лиц вроде графа Сперанского.

⁷ - Василий Феодорович Светозаров, о котором дальше придется говорить.

⁸ - См. в приложении. С. 407, аттестат Александра Михайловича Гренкова.

⁹ - Пословица, которую иногда повторял старец: «Правда груба, да Богу любя».

¹⁰ - Лествица, в русском переводе, издание Оптиной пустыни. Слово 3, отд. 4. «Ощутивши пламень (ревности к богоугождению), беги (из мира), ибо не знаешь, когда он угаснет и оставит тебя во тьме». И, по словам епископа Феофана Затворника, бывает так: «Господь зовет, зовет, да и замолчит, и от этого не только желание в монастырь погаснет, но и самое желание душу спасти испарится». (См.: Письма епископа Феофана // «Душеполезное Чтение», 1896. Март – апрель. С. 665).

¹¹ - До 1852 года деление классов в духовных училищах было такое: первый, второй, низший и высший.

¹² - Послужной список Александра Михайловича Гренкова, при деле об определении его в число братства Оптиной пустыни в 1840 году, в архиве Калужской духовной консистории.

¹³ - В настоящее время духовное училище в г. Липецке на другом месте.

¹⁴ - Передавал о сём иеромонах Оптиной пустыни отец Платон, в мире Павел Степанович Покровский, товарищ Александра Михайловича. Скончался 11-го сентября 1889 года.

¹⁵ - В том же 1839 году 14 декабря затворник сей скончался.

¹⁶ - Впоследствии Павел Степанович и Дарья Дмитриевна были самыми искренними друзьями. При последующих посещениях Павла Степановича, уже из Оптиной пустыни, когда он в 1849 году поступил в монахи, старица, бывало, в шутку вспоминала: «А помнишь, как я тебя палкой-то?» Скончалась старица Дария в глубокой старости 85 или 86 лет 28 июля 1858 года.

¹⁷ - Покойный старец отец Амвросий, по глубокому смирению своему, не мог открыть сих слов. На вопрос любопытных: «Что вам, батюшка, говорил отец Иларион, когда благословлял идти в монастырь?» – он отвечал уклончиво: «Уж не помню, ведь времени прошло много, а кажется, потому советовал поступить в Оптину, что тут были опытные в духовной жизни старцы». Но в то время слов отца Илариона скрыть было нельзя, так как их слышал бывший вместе с Александром Михайловичем у затворника товарищ его П.С. Покровский. Да в то время словам этим, без сомнения, и не придавалось особенного значения. Передал же эти слова младший брат Павла Степановича, Александр Степанович Громов, живший в Липецке мальчиком в одной квартире с ним. Громов и теперь еще жив.

¹⁸ - Мир, т.е. мирские греховные привычки и то, что питает и укрепляет эти привычки.

¹⁹ - Письма епископа Феофана о христианской жизни. 1860. Выпуск 3. С. 148.

²⁰ - Впоследствии, будучи уже старцем, случайно узнав о кончине Сорокина, отец Амвросий перекрестился и молитвенно вздохнул ко Господу о упокоении его души.

²¹ - Все означенные выше неизвестные доселе сведения об Александре Михайловиче передавал вышеупомянутый иеромонах Платон.

²² - Желая иметь понятие о старчестве может прочитать о сём в жизнеописании Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва) в начале 2-й главы. Там приведены места из отцов подвижников, хорошо объясняющие этот предмет. Делом

этим занимался скитский иеромонах Климент Зедергольм под руководством старца иеросхимонаха Амвросия.

²³ - См.: Жизнеописание Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Издание Козельской Введенской Оптиной пустыни.

²⁴ - 3 декабря 1839 года, по представлению Калужского преосвященного Николая, определен был настоятелем Малоярославецкого Николаевского монастыря, как сказано в его жизнеописании, изданном Оптиной пустыней.

²⁵ - Обо всех перечисленных старцах некоторые сведения помещены в «Исторических описаниях монастыря и скита Оптиной пустыни». Об некоторых же из них есть и особые жизнеописания, как то: о настоятеле архимандрите Моисее, игуменье Антонии, о старцах иеросхимонахах Льве и Макарии. Все издания Оптиной пустыни. Некоторые, впрочем, сведения о перечисленных старцах предлагаются здесь с рассказов оптинских старожилых монахов.

²⁶ - Хорошо разъясняет эту добродетель преподобный Иоанн Лествичник в Слове 4, отд. 21.

²⁷ - Беседа святого Иоанна Златоуста 33 на Евангелие от Иоанна.

²⁸ - Из записок настоятельницы Шамординской общины монахини Евфросинии. В записках этих, впрочем, есть некоторые неточности.

²⁹ - Недавно второй этаж снят по распоряжению бывшего настоятеля отца архимандрита Досифея.

³⁰ - Рукопись в лист, довольно объемистая, хранится в скитской библиотеке. Первая половина ее писана Александром Михайловичем, а остальная часть другой рукой.

³¹ - Архив Козельской Введенской Оптиной пустыни.

³² - Из записок игумена Марка, бывшего настоятелем Мещовского Георгиевского монастыря, теперь живущего на покое в Оптиной пустыни.

³³ - Передавал о сём иеромонах Платон.

³⁴ - Архив Калужской духовной консистории.

³⁵ - Так значит в записках настоятельницы Шамординской общины, монахини Евфросинии. Там прибавлено еще в скобках: т.е. оделся в монастырское платье. Скобки наводят на ту мысль, что это собственное мнение матушки настоятельницы, с каковым согласиться нельзя. Потому что из нижеследующего рассказа об Александре Михайловиче видно, что отец игумен Моисей в марте месяце 1840 года только допрашивал его, намерен ли он совсем остаться в Оптиной, а одетых в монашеское платье, как уже совсем принятых в монастырь, настоятели не допрашивают. Принять еще во внимание должно, что бывший в то время калужским епископом преосвященный Николай относился к Оптиной пустыни во всех касавшихся ее делах очень строго. Потому до окончания дела об Александре Михайловиче сему последнему и думать нельзя было о монашеской одежде. Да и сам он еще несколько колебался в мыслях о сём, всё хотел себя испытывать в жизни монашеской, как сейчас увидим.

³⁶ - Архив Козельской Введенской Оптиной пустыни.

³⁷ - Так передано о сём в свое время самим старцем Амвросием бывшему скитскому иеромонаху Агапиту.

³⁸ - В некоторых отпечатанных статьях о старце иеросхимонахе Амвросии говорится, что он был письмоводителем старца Льва. Но в жизнеописании Оптинского старца иеросхимонаха Макария сказано: «Отец Макарий и по переводе старца Льва из скита в монастырь посещал его ежедневно: то приходил за советами по должности духовника, то приносил к подписи старца приготовленные, по его приказанию, письма, на коих он подписывался совместно с ним». Из этого видно, что письмоводителем у старца Льва был отец Макарий. Разве, может быть, потому называли Александра Михайловича письмоводителем старца Льва, что по его благословию, как выше было сказано, Александр Михайлович переписывал рукопись «Грешных спасение».

³⁹ - Подобным образом старец Лев и другого своего любимого ученика и келейника Иакова называл Яшей, как видно из жизнеописания старца.

⁴⁰ - Случалось, некоторые любопытствовали, что значит слово «скит». В удовлетворение их приводим объяснение сего слова. Скит по-коптски – Schiet – собственно значит: пространная равнина. Этим именем в древности называлась в Египте дикая песчаная пустыня, где изредка попадались ключи, и то с водой едва сносной для питья. В скит и дороги не было: путь направляли по течению звезд. Основателем пустынножительства в скиту был преподобный Макарий Египетский. Пустынники скита были строжайшие подвижники, (см.: «Душеполезное Чтение». 1896. Май. С. 74, подстрочие). По подобию сего и у нас в России более уединенные места, при больших монастырях, так сказать, отделения сих монастырей, обычно называются скитами.

⁴¹ - Должно различать послушание как добродетель от какого-либо поручаемого дела, которое в монастырях тоже обычно называется послушанием, так как исполняется не по своей воле, а из послушания распорядителям.

⁴² - Рассказ этот передавал описываемый старец иеросхимонах Амвросий

⁴³ - Святые отцы сравнивают послушание с мученичеством. Например, у преподобного Феодора Студита в 8-м поучении. Издание Оптиной пустыни.

⁴⁴ - Впоследствии схимник Геннадий, проживший в скиту более 60 лет и мирно почивший о Господе 2 сентября 1899 года в три часа пополудни.

⁴⁵ - В жизнеописании старца Амвросия, составленном архимандритом Григорием, слова эти отнесены к старцу Льву, но это неверно.

⁴⁶ - Лествица. Слово 4, отд. 27.

⁴⁷ - Однажды спросил кто-то старца отца Льва, что он разумел под словом «химера». Старец отвечал: «Видал ли ты, как цветут огурцы? Есть цвет настоящий, и есть цвет без завязи, на котором не бывает огурца, т.е. пустоцвет. Это-то и есть химера». Кстати сказать, что старец Лев и других молодых послушников при случаях именовал разными смиренными названиями. Покойный оптинский духовник иеромонах Пимен из

малороссов сказывал о себе: «Придешь, бывало, к батюшке отцу Льву; а он, завидев меня, проговорит: «А, малоросс! Приполоз»».

⁴⁸ - Светозаров поместился в скиту вместе с Александром Михайловичем; через несколько времени пострижен был в мантию и назван Варсонофием, а впоследствии переведен был в Малоярославецкий монастырь, где уже был иеромонахом и духовником. Пред смертью принял схимнический постриг с именем Варнавы.

⁴⁹ - Обязанность чтеца при старце Льве отец архимандрит Григорий в жизнеописании старца Амвросия протолковал так, что отец Александр Гренков читал для старца Льва письма и духовные книги, но это ошибочно понято.

⁵⁰ - См.: славянское Добротолюбие, главы иноков Каллиста и Игнатия о безмолвии и молитве, гл. 30.

⁵¹ - Лествица. Сл. 28, отд. 1. Издание Оптиной пустыни.

⁵² - В монашеской жизни всё это известно под общим названием «откровения помыслов».

⁵³ - По фамилии Бельский, одноклассник Александра Михайловича Гренкова и даже друг его.

⁵⁴ - См. в Требнике «Последование великого ангельского образа». В оглашении говорится: «О нового звания! О дара тайны! Второе крещение приемлеши днесь, брате».

⁵⁵ - Таинством можно назвать уже потому, что в состав пострига входят два святых Таинства – покаяние и причащение.

⁵⁶ - С намерением объяснено здесь значение пострига в мантию, потому что многие любопытствуют: что такое пострижение в мантию? Для чего это постригают?

⁵⁷ - Впоследствии – скитоначальник и наконец настоятель Малоярославецкого Николаевского монастыря и архимандрит; родом из дворян.

⁵⁸ - В Оптиной пустыни это был не единственный случай.

⁵⁹ - Бывший настоятель Перемышльского Лютикова Троицкого монастыря, в настоящее время живущий на покое в Оптинском скиту.

⁶⁰ - Некоторые из близких в старцу Амвросию лиц передавали, что рассказ этот относится к тому времени, когда старец Амвросий был еще рясофорным монахом. Но в скитской летописи отмечено, что преосвященный Николай посещал Оптину пустынь в сентябре 1839 года, когда отец Амвросий еще не поступал в монастырь, и затем еще уже почти через четыре года, 13 июня 1843 года, когда он был уже иеродиаконом.

⁶¹ - Впоследствии – иеросхимонах, устроитель Казанского Белокопытского женского монастыря, где скончался и погребен. Из окончивших курс Калужской духовной семинарии.

⁶² - В Оптиной в прежние времена большая часть иеромонахов и иеродиаконов накануне служения литургии отказывали себе в ужине.

⁶³ - Пять келий: на пасеке, в келье отца Игнатия, в башне, в келейной у старца Макария и в корпусе на северной стороне от церкви. Келья, которую занимал монах Игнатий (впоследствии переведенный в монастырь, посвященный в иеромонаха и скончавшийся в 1897 году 2 ноября на 95-м году от роду), находится в северо-западной части корпуса между сажелкой и кедровой рощей. Она очень мала – аршин 5 длины и аршина 4 ширины. А келья в башне на юго-восточном углу скита, тоже маленькая и самая уединенная, – без соседа и удаленная от прочих братских келий. Теперь в ней, по неудобству, никто не живет.

⁶⁴ - Вышеупомянутый Василий Федорович Светозаров.

⁶⁵ - Архив Козельской Введенской Оптиной пустыни.

⁶⁶ - В этом году поступил в монастырь иеромонах Геронтий, которому старец Макарий уже благословил относиться к иеромонаху Амвросию как к старцу. А это, конечно, не могло быть до его выздоровления.

⁶⁷ - Вышеупомянутый валаамский игумен. Вид лица, тон речи и вообще обращение с людьми имел по виду суровые; скончался в декабре 1849 года.

⁶⁸ - Узкий взгляд большей части мирян на жизнь иноков. Думают, что вся святость монаха должна ограничиваться

одними внешними подвигами, чтоб по несколько дней ничего не есть, не пить и прочее.

⁶⁹ - Из записок шамординской настоятельницы монахини Евфросинии.

⁷⁰ - Впоследствии, когда отец Амвросий был уже самостоятельным старцем, приехавший к нему какой-то доктор, в разговоре с монахом Климентом Зедергольмом, спросил сего последнего: «Что вы едите?» Отец Климент начал отвечать: суп картофельный... Доктор в удивлении: «Картофельный?! Так вы бы уже еще солому, что ль, ели».

⁷¹ - Монах Ювеналий – ныне архиепископ Виленский, рясофорный монах Лев Кавелин, впоследствии архимандрит Леонид, наместник Троицкой Сергиевой лавры, и рясофорный монах Павел Покровский, впоследствии иеромонах Платон.

⁷² - Передавал о сём покойный скитский иеромонах Климент Зедергольм.

⁷³ - Без жизненного опыта в творениях отцов подвижников весьма много непонятного. «Что такое значит, – спросил один высокопоставленный человек оптинского отца архимандрита Моисея, – сколько раз читал я Лествицу, и всё что-то в голове ничего не остается?» «Да, уж это требует дела», – ответил мудрый старец.

⁷⁴ - См. в жизнеописании Оптинского старца иеросхимонаха Макария главу «О издании переводов святоотеческих книг».

⁷⁵ - Лествица, Слово 28, отд. 1. Издание Оптиной пустыни.

⁷⁶ - Слова из молитвы, положенной после 19-й кафизмы в Псалтири.

⁷⁷ - Скончался 7 сентября 1899 года.

⁷⁸ - Скончался 18 сентября 1873 года.

⁷⁹ - Впоследствии старец Амвросий не умел хорошо и объяснить этого выражения: «Очертя голову». По его мнению, сравнивалось с этим, вероятно, какое-то сказочное, суеверное, таинственное очертание, в котором якобы человек может быть сохранен от грозящих ему опасностей.

⁸⁰ - Достопамятные сказания о подвижничестве святых отцов. Стр. 115.

⁸¹ - Письмо митрополита Филарета к наместнику Сергиевой лавры архимандриту Антонию. М. 1884 г. Ч. 4. С. 251.

⁸² - Так называется особая келья, куда все скитяне ежедневно собираются для исполнения общих молитвенных правил, кроме субботы и воскресного дня, когда по скитскому уставу положено отправление службы в церкви.

⁸³ - Неизвестно, когда старец Амвросий принял постриг в схиму. Вероятнее всего, можно думать, в конце сороковых годов, когда он отчаянно был болен, потому что в Оптиной пустыни издавна установился обычай – послушников в предсмертной болезни тайно в келье постригать в мантию, а мантийных монахов – в схиму. Достоверно, по крайней мере, известно то, что старец Амвросий пострижен был в схиму до 1865 года. В марте сего года пострижен был келейно в схиму приблизившийся к кончине отец игумен Антоний, родной брат бывшего оптинского настоятеля отца архимандрита Моисея. И вот когда старшие братия приходили к нему поздравить его с принятием великого ангельского образа и некоторые между прочим высказывались пред ним так: «А мы думали, батюшка, что вы, постригшись тайно, никому не скажете о сём», старец отвечал: «Да уж зачем же скрывать-то? Сказано: всё, делающееся явным, свет есть» (Еф.5:13). Когда передано было о сём старцу Амвросию, он, сидя, по обыкновению, на своей койке, сказал: «А я вот свет-то свой и скрыл». С тех пор обнаружилось пострижение в схиму старца Амвросия.

⁸⁴ - Говорят, что иеромонах Пимен у себя в келье по ночам никогда не ложился спать на койку, а только короткое время проводил в дремоте, сидя на стуле. Доказательством сему служит то, что койка у него всегда была завалена разными вещами – книгами, одеждой и подобным, и видно было, что вещи эти никогда не снимались.

⁸⁵ - Известно, что по кончине старца Амвросия доходы монастырские сократились так, что обитель должна была входить в долги. К концу жизни отца архимандрита Исаакия долгов на обители было уже тысяч десять, если не более. И только благодаря опытности и хозяйственной распорядительности вступившего по смерти отца архимандрита

Исаакия в управление Оптиной пустыней архимандрита Досифея, скончавшегося 31 марта 1900 года, обитель освободилась от долгов.

⁸⁶ - Письмоводителей своих старец Амвросий называл не иначе как писарями. Обычное смиренное старческое название.

⁸⁷ - В жизнеописании отца Климента Зедергольма год поступления его в обитель означен так: 1862 – 1863.

⁸⁸ - Скончался 21 декабря 1897 года; незадолго до смерти постриженный келейно в схиму.

⁸⁹ - Так называлась дача по имени монаха Аристарха, который первый, по определению монастырского начальства, там хозяйствовал. Была еще издавна собственно скитская дача, но там неудобно было старцу жить, потому что туда часто наезжали отец игумен Исаакий с скитоначальником отцом Иларионом.

⁹⁰ - Впоследствии настоятель Можайского Лужецкого Ферапонтова монастыря, архимандрит Макарий. Скончался 10 апреля 1900 года.

⁹¹ - Во имя преподобного Макария Египетского в скиту есть придел; а имя святого князя Александра Невского старец Амвросий, как упомянуто выше, имел от крещения.

⁹² - В бытность старца на новой монастырской даче тоже прибыли к нему какие-то оптинские монахи. Наутро главный дачник стал было будить их на правило. Но батюшка как бы с обидой на него: «Дурак! Разве к тебе сюда молиться идут? Они и в монастыре намолятся; а им нужно отдохнуть». Такова была любовь незабвенного отца.

⁹³ - Рассказ о подвижнике Елисее с начала есть устное предание, а конец заимствован из скитской летописи.

⁹⁴ - Икона эта в настоящее время находится в скитском Предтечевом храме, в хорошем, красного дерева киоте, на левой стороне.

⁹⁵ - В конце шестидесятих годов был епископом Уфимским, а затем Томским; последние же годы своей жизни настоятельствова в московском Новоспасском

ставропигиальном монастыре, где и скончался 27 мая 1889 года (Церковные ведомости, 1889. № 23). Со старцем Амвросием святитель этот коротко был знаком, потому что, бывши еще воспитанником Московской духовной академии, в свободное от учебных занятий время приезжал погостить в Оптиной пустыни и запросто ходил вместе с братьями на покос с граблями.

⁹⁶ - Воскресный ирмос 6-го гласа.

⁹⁷ - Рассказывал о сём сновидении старца Амвросия покойный скитоначальник иеросхимонах Анатолий.

⁹⁸ - Память святого князя Вячеслава Чешского Православная Церковь празднует дважды в году, 28 сентября и 4 марта, а святого Бориса – 24 июля.

⁹⁹ - Из письма к настоятельнице Н-ской общины. Сборник. М. 1895 г. С. 26.

¹⁰⁰ - «Душеполезное Чтение», 1895. Январь. С. 79.

¹⁰¹ - Из письма к одной настоятельнице 8 марта 1884 г. // «Душеполезное Чтение», 1895. Апрель. С. 671.

¹⁰² - «Душеполезное Чтение». 1895. Март. С. 445. Говорил это вышеупомянутый отец игумен Антоний, брат оптинского настоятеля архимандрита Моисея.

¹⁰³ - «Душеполезное Чтение». 1895. Апрель. С. 666.

¹⁰⁴ - «Душеполезное Чтение». 1895. Март. С. 449.

¹⁰⁵ - Большею частью заставлял крепкую на ухо помещицу Елизавету Николаевну Теличеву, еще и теперь живущую на гостинном дворе.

¹⁰⁶ - «Душеполезное Чтение», 1895. Январь. С. 81.

¹⁰⁷ - Вышеупомянутый монах Гавриил, который вместе с иеродиаконем Амвросием ездил в свое время в Калугу для посвящения.

¹⁰⁸ - Но он не был, как некоторые ошибочно думают, искусным певцом. Временем он даже не мог хорошо различать тоны, как сам рассказывал о себе. Пришлось ему, еще во время иеродиаконства, участвовать в архиерейском служении и после ектении сугубой говорить прочие ектении. Регенту архиерейского хора пожелалось было задать молодому иеродиакону свой тон,

но как ни ухитрялся он сего достигнуть через довольно громкое с клироса гудение, иеродиакон Амвросий и хорошо слышал долетавший до него звук регента, но никак не мог попасть в его тон и все ектении до Херувимской песни проговорил по-своему. Впрочем, это не великое дело.

¹⁰⁹ - Кузнец. – Примеч. ред.

¹¹⁰ - Эти общие поздравления изданы от Оптиной пустыни особой брошюрой под заглавием «Поучения иеромонаха Амвросия в общих праздничных приветствиях 1870 – 1891 гг.», Москва, 1892 г.

¹¹¹ - Впоследствии архимандрит, настоятель Переяславского Троицкого Данилова монастыря. Скончался на покое в Оптиной пустыни 22 марта 1889 года, приняв постриг в схиму с именем Авраамия.

¹¹² - Ныне епископ Воронежский, бывший в Калуге после епископа Владимира (ныне Нижегородского), заместителя Калужской кафедры, по кончине архиепископа Григория.

¹¹³ - Из брошюры «Тяжелая утрата». С. 88–89.

¹¹⁴ - Достоевский был в Оптиной однажды на короткое время как посторонний наблюдатель. Старец Амвросий никогда не имел с ним общения и переписки. Об отзыве старца Амвросия о Достоевском и В.С.С. см.: «Душеполезное Чтение», 1892. Январь. С. 46.

¹¹⁵ - Граф Л.Н. Толстой был у старца Амвросия только однажды, как свидетельствует старец Иосиф и прочие оптинские братья, и в Шамордине. Впрочем, некоторые говорят, что Толстой был в Оптиной дважды.

¹¹⁶ - С 1899 года дозволение пускать в скит женский пол отменено.

¹¹⁷ - См.: в приложении на С. 408 подлинное письмо этой г-жи, где видение описано подробно.

¹¹⁸ - Подобное наставление у приснопамятного старца иеромонаха Серафима Саровского: «Всё делай потихоньку, полегоньку и не вдруг: добродетель не груша, – ее вдруг не съешь» (Чичагов Л.М., свящ. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. 1896. С. 344).

¹¹⁹ - Екатерина Сенейская из города Сенны, о которой упоминает святитель Димитрий Ростовский в первой части своих творений, в статье: «Врачевство духовное на смущение помыслов, от различных книг отеческих вкратце собранное».

¹²⁰ - Утренняя молитва.

¹²¹ - Письма старца Амвросия к настоятельнице N-ской общины.

¹²² - Святой Иоанн Лествичник говорит: «Бей супостатов именем Иисусовым, ибо нет сильнеею оружия ни на небе, ни на земле». (Слово 21, отд. 7).

¹²³ - Этим рассказом старец указывал на то, что Промыслом Божиим так устроятся обстоятельства в жизни человека, что поневоле и горячо помолится и поищет и спросит опытного наставника, что ему делать в том или другом случае. Нужда научит.

¹²⁴ - О сей госпоже будет говорить и далее. Все рассказы о ней заимствованы из «Душеполезного Чтения» за май 1893 года.

¹²⁵ - По деревне и самую обитель называли и называют просто «Шамордино».

¹²⁶ - «Монах» значит – «уединенный», «один».

¹²⁷ - Давно слепой. И как еще при жизни старца жил в общине, для отправления служб церковных и для напутствования сестер, так и теперь там же доживает последние дни свои, духовничествует и еще иногда по памяти служит панихиды.

¹²⁸ - Церковь в Оптиной пустыни, во имя праведной Анны и преподобной Марии Египетской, незадолго перед сим, усердием и попечением старца Амвросия, была вся перестроена, и поставлено было в ней два новых иконостаса – по правую сторону во имя вышеозначенных святых, а по левую – во имя святителя Амвросия Медиоланского и святого благоверного князя Александра Невского, двух Ангелов, или духовных покровителей, старца Амвросия.

¹²⁹ - Духовно-подвижнические слова святого Исаака Сирина. Слово 9.

- ¹³⁰ - Сборник писем Оптинского старца иеросхионаха отца Амвросия. Выпуск 2-й. Москва, 1897 г. С. 36.
- ¹³¹ - Письма к N.N.
- ¹³² - Подобные примеры покаяния видим в «Лестнице» святого Иоанна. Слово 5, отд. 17 и далее.
- ¹³³ - Брошюра «Тяжелая Утрата». С. 21, 22.
- ¹³⁴ - Скончался 26 апреля 1899 года.
- ¹³⁵ - Рассказы эти, почти все, заимствованы из статьи Е. Поселянина под заглавием «Отец Амвросий», помещенной в «Душеполезном Чтении» за 1892 год.
- ¹³⁶ - «Душеполезное Чтение». 1898 г. Март. С. 552.
- ¹³⁷ - Для примера в приложении на С.409–417 помещаются четыре письма старца иеромонаха Амвросия к разным лицам.
- ¹³⁸ - У отца архимандрита Григория перечисляются и издания других книг, но над ними иеромонах Амвросий трудился, в числе других, еще при жизни старца иеромонаха Макария и под его руководством.
- ¹³⁹ - Сборник писем и статей Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Москва, 1894. С. 28.
- ¹⁴⁰ - Статья о старце Амвросии писана г-жою Шишковой в 1893 году («Душеполезное Чтение». Май.
- ¹⁴¹ - «Душеполезное Чтение». 1893. Август.
- ¹⁴² - Из вышеупомянутой статьи Е. Поселянина.
- ¹⁴³ - Племянница бывшего скитоначальника Оптиной пустыни иеромонаха Илариона.
- ¹⁴⁴ - Следующие засим примеры, кроме одного, взяты из статьи Е. Поселянина «Отец Амвросий».
- ¹⁴⁵ - Рассказ этот взят из журнала «Русский паломник» за 1896 год, № 34–36.
- ¹⁴⁶ - Вероятно, в этот день по какому-нибудь случаю была Преждеосвященная литургия, как это в Оптиной пустыни и бывает, например по случаю поминовения.
- ¹⁴⁷ - Из статьи Е. Поселянина «Отец Амвросий».
- ¹⁴⁸ - Пятисотница – келейное правило монаха, состоящее из 500 кратких молитв: 300 Иисусовых, 100 Божией Матери, 50

Ангелу Хранителю и 50 всем святым.

¹⁴⁹ - Рассказ четвертый г-жи Н. в рукописи.

¹⁵⁰ - Святой Иоанн Лествичник говорит: «Просвещённейшие и рассудительнейшие из отцов приметили еще иной помысел, который утончённее всех вышепоказанных. Его называют набегом мысли; и он проходит в душе столь быстро, что без времени, без слова и образа мгновенно представляет подвижающемуся страсть». И далее. (Лествица. Слово 15, отд. 74).

¹⁵¹ - День памяти старца иеросхимонаха Макария, когда в скит дозволялось входить женщинам.

¹⁵² - Записки эти писаны лет через шесть после кончины старца Амвросия.

¹⁵³ - И посторонние примеры, без сомнения, не оставались без влияния на относившуюся к старцу рассказчику.

¹⁵⁴ - Под мудрым старец Амвросий разумел человека благоразумного, который на всех и на всё смотрит с хорошей стороны, не осуждая ближних за немощи, свойственные людям, считая при том себя одного худшим всех. Под дураком же разумеется здесь человек, который хотя и не лишен умственных способностей, но, по своему нерадению, дал им превратное направление; потому во всех и во всём, по влечению своего развращенного сердца, видит одно худое и всё объясняет с худой стороны, считая при том себя достойнее многих, если не всех.

¹⁵⁵ - Мысли святого Димитрия, митрополита Ростовского в его поучении в субботу великого поста 5-й недели на Похвалу Пресвятой Богородицы.

¹⁵⁶ - Страх суда Божия и огня геенского и бессильных делает сильными.

¹⁵⁷ - В противоположность одному рогу праведного – смирению, под двумя рогами грешника старец, может быть, разумел две сродные страсти – гордость и тщеславие, которые святой Иоанн Лествичник уподобляет коню и всаднику. (Лествица. Слово 23, отд. 38).

¹⁵⁸ - Вероятно, имеется в виду департамент, министерство.
Примеч. ред.

¹⁵⁹ - Замечательно, что все три помянутые лица, ожидавшие старца с мужской стороны, полагали начало иноческой жизни в Оптиной пустыни, но из Оптиной переселились в разные места.

¹⁶⁰ - С преосвященным Вениамином старец Амвросий давно имел духовное общение и всегда был с ним в переписке. По желанию сего владыки посылал ему иногда отеческие книги оптинского издания.

¹⁶¹ - Церковь в скиту первоначально устроена была по благословению и указанию калужского преосвященного Филарета (впоследствии митрополита Киевского) в виде домово́й. В западной ее части была для него и особая келья, так как владыка этот имел обыкновение ежегодно приезжать в основанный по его благословению скит в конце Недели сырной и проводить здесь в уединении всю первую неделю Великого поста; почему и келья в скитской церкви, которую занимал он, называлась архиерейской. Тут же была келья, в которой помещался и пономарь, монах Флавиан, впоследствии иеромонах и казначей Оптиной пустыни.

¹⁶² - Игумен Антоний, брат оптинского начальника отца архимандрита Моисея, живший в Оптиной пустыни на покое.

¹⁶³ - Подобным образом поступал и старец Амвросий: хлеб скушает малейшую часть, а весь ломоть раскрошит.

¹⁶⁴ - Настоятельница монахини Софии.

¹⁶⁵ - Так называется отдельная келья – может быть, в версте от монастыря.

¹⁶⁶ - В октябрьской книжке за 1899 год.

¹⁶⁷ - Перед самой своей кончиной батюшка пристроил к этой деревянной церкви целый ряд больших высоких келий, непосредственно сообщающихся с ней окнами и дверями, для помещения лишенных движения калек, дабы им из этих келий можно было слышать церковную службу.

¹⁶⁸ - Руднево от Шамордина в семи верстах по проезжей дороге, а по ближайшей пешеходной в трех верстах.

¹⁶⁹ - Сведения эти заимствованы из брошюры «Тяжелая Утрата». 2-е издание в пользу Шамординской женской общины. С. 53–54.

¹⁷⁰ - Оптинский скит – во имя честного пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

¹⁷¹ - День памяти Оптинского старца Макария. В скиту, как и вообще во всей Оптинской обители, торжество. О сём было упомянуто выше.

¹⁷² - Припев, составленный старцем: «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою! Подаждь и нам недостойным росу благодати Твоя и яви милосердие Твое».

¹⁷³ - Сказывают еще, что весной 1897 года или около сего священник с. Озерского Перемышльского уезда приехал в Руднево как приходский пастырь. И там, по случаю бездождия, служил на полях молебн Божией Матери, перед Ее святою иконою «Спорительницею хлебов», с акафистом, икосы которого заканчивались вышеупомянутым припевом. Во время служения молебна давно не бывший дождь стал накрапывать. Когда же после молебна отслужена была еще панихида по старцу Амвросию, дождь пролил.

¹⁷⁴ - Оптина пустынь Козельского уезда, а Шамординская община – Перемышльского.

¹⁷⁵ - Эта икона принесена была, как мы видели выше, г-жою Н., собственный рассказ которой помещается здесь.

¹⁷⁶ - Впоследствии валаамский настоятель, прошедший остаток дней своих и скончавшийся в Саровской пустыни Тамбовской губернии.

¹⁷⁷ - В келье, где скончался старец Амвросий, в Шамординской обители, постелька его с подушечками и другие вещицы хранятся в том же виде, как были при его жизни, на память о нём.

¹⁷⁸ - Заключительное нравоучение басни такое: Как много ручейков текут так смирно, гладко; И так журчат для сердца сладко Лишь только от того, что мало в них воды!

¹⁷⁹ - Скоро этот убогий придумал себе дело. Он подходил к каждому встречному с кружкой и просил «на монастырь», где он

живет, т.е. на Шамординскую обитель. Некоторые от него слышали: «Буду собор строить».

¹⁸⁰ - Впоследствии инспектор Московской духовной академии и, наконец, настоятель посольской церкви в Константинополе, архимандрит, скончавшийся 18 ноября 1893 года.

¹⁸¹ - См. в приложении на С. 420 слово иеромонаха Григория Борисоглебского.

¹⁸² - В настоящее время архимандрит, ректор Московской духовной семинарии.

¹⁸³ - См. в приложении С. 431 речь иеромонаха Трифона.

¹⁸⁴ - Этот скитоначальник должен бы быть, после кончины старца Амвросия, главным старцем в обители, но Господь не судил ему долго пожить. Через два года с небольшим после старца Амвросия и он преставился ко Господу.

¹⁸⁵ - Напечатано было в некоторых статьях, что в лежащих на пути деревнях почти перед каждым домом служили литии и гроб старца сопровождали мирские священники, но всё это неправда.

¹⁸⁶ - См. в приложении С. 434 речь преосвященного Виталия.

¹⁸⁷ - См. в приложении С. 436 речь иеромонаха Григория.

¹⁸⁸ - Сказано это не в унижение Оптиной пустыни. Да не будет сего. Обратить должно внимание на то, что Шамординская обитель, со всеми своими заведениями и со всем внешним и внутренним порядком, есть дело рук оптинских. Оптинский старец ее основал и при помощи оптинских же монахов поддерживал. Да и теперь те же оптинцы поддерживают ее главным образом в нравственном отношении. О внешнем же благоустройстве заботится московский почетный потомственный гражданин Сергей Васильевич Перлов, устроая все капитальные здания обители на свой счет.

¹⁸⁹ - Из мартовской книжки «Душеполезного Чтения» за 1894 год.